

К.И.ХОДОВА

ПРОСТОЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЕ
В СТАРОСЛАВЯНСКОМ
ЯЗЫКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

К.И.ХОДОВА

ПРОСТОЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЕ
В СТАРОСЛАВЯНСКОМ
ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1980

Простое предложение старославянского языка исследовано в нескольких аспектах. Изучены сочетаемость лексем подлежащего и сказуемого, грамматические противопоставления структурной основы предложения, его приглагольная часть, соотносительность простых глагольных предложений «исходного» типа с «производными» структурами. Установлена зависимость между лексическим значением подлежащего, грамматикой предложения, его структурой.

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
В. Н. ТОПОРОВ

X $\frac{70101-122}{042(02)-80}$ 517-80. 4602000000

© Издательство «Наука», 1980 г.

ОТ АВТОРА

После работ, посвященных преимущественно изучению периферийных участков старославянского предложения — его дополнений и обстоятельств (см. уже опубликованные «Система падежей старославянского языка». М., 1963 и «Падежи с предлогами в старославянском языке». М., 1971), автор переходит к рассмотрению структурно-грамматической основы предложения, образуемой подлежащим и сказуемым. Первоначальный замысел работы заключался в том, чтобы исследовать грамматическую категорию лица в рамках подлежащего и сказуемого. При рассмотрении материала старославянского языка в этом направлении была отмечена (сначала — как частная деталь) несомненная связь грамматической категории лица с определенным лексическим значением подлежащего, а именно — с подлежащим, выраженным или личным местоимением, или именем существительным, обозначающим человека. Принимая во внимание, что с подлежащим согласуется сказуемое и грамматические особенности подлежащего ввиду этого распространяются на все структурное ядро предложения, мы затем увидели в этом всегда подразумеваемом соотношении категории лица с обозначением человека классический пример зависимости грамматической стороны предложения от лексико-семантических характеристик его главных членов, в данном случае — от подлежащего.

В работе В. Н. Ярцевой «Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка» (см. «Исследование по общей теории грамматики». М., 1968) сообщается как очевидный факт, что многие грамматические категории специализированы в своем применении к определенным разрядам лексики и служат им как выделительные признаки. Подчеркнутая В. Н. Ярцевой взаимосвязь грамматической

категории числа и лексических значений имен существительных послужила стимулом для изучения соответствующих соотношений в старославянском языке. Затем было предпринято лексико-грамматическое исследование категории рода.

Хотя наши наблюдения начались с грамматических категорий, грамматический раздел книги не стал ее центральной частью. Исходя из тезиса о взаимной связи лексики и грамматики, мы сочли необходимым ввести лексическую часть, которая и вошла в книгу в виде описания сочетаемости лексем имени-подлежащего и глагола-сказуемого. Все остальные разделы книги, посвященные разным аспектам исследования предложения, соотносящимся с разными уровнями лингвистического исследования, в том числе и грамматический раздел, сосредоточились вокруг лексического описания, которое и стало внутренним центром этой книги.

Найдена и показана связь между лексическим значением подлежащего (и, шире, спецификой изображаемого в предложении события) и особенностями сочетаемости имен и глаголов, грамматическими категориями структурной основы предложения, составом и характером цепей приглагольных дополнений, способностями предложений к преобразованиям. Главное размежевание проходит по линии различия между личными и неличными предложениями, т. е. предложениями, субъектом которых является человек, и предложениями с субъектом — не лицом.

Поскольку работа в конце концов приобрела характер взаимосвязанного описания разных аспектов старославянского языка, мы включили в нее также фрагмент морфологии имени существительного.

Автор выражает благодарность всем товарищам за советы и замечания, сделанные при обсуждении рукописи.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Старославянский (древнеболгарский по происхождению) язык, создание которого относится ко второй половине IX в., представляет собой древнейшую письменную фиксацию славянской речи. Факты старославянского языка представляют собой незаменимый материал при проведении сравнительно-исторических исследований в области славянских языков. Старославянский широко распространился в славянской среде и в течение длительного времени был общим литературным языком славян, оказав огромное воздействие на формирование славянских литературных языков. Факты старославянского языка помогают понять и объяснить многие особенности современных славянских языков. Таким образом, изучение старославянского языка имеет первостепенное значение для развития славянской филологии.

В прошлом старославянский язык изучался преимущественно со стороны звукового состава и морфологии. Лишь в последние десятилетия началась систематическая и широкая разработка его «высших» уровней: лексики и синтаксиса, особенно важных при подходе к старославянскому как литературному языку, средству межславянского общения. Появившиеся многочисленные труды в этой области являются ценным вкладом в палеославистику, опорой для будущих новых изысканий по старославянскому языку.

В настоящее время возникла необходимость в проведении комплексных, многосторонних исследований старославянского языка, основанных на идее взаимных связей его разных уровней. Уже выполненные и опубликованные в нашей стране и за рубежом работы частного характера по лексике и синтаксису старославянского языка (которые максимально учитываются в нашей книге) в значительной

степени способствуют проведению такого рода исследований.

§ 2. Лексикология, грамматика, синтаксис — это приемы исследования языка, обращенные к разным уровням его функционирования. Исследование обозначений понятий есть область лексикологии, исследование грамматических противопоставлений и их формального выражения — область грамматики, строение предложений — область синтаксической науки (синтаксис сам по себе имеет несколько разных аспектов, например, изучение компонентов в рамках предложения, изучение отношений между предложениями разных структур). На почве самого действующего языка разграничения уровней, конечно, не ощущаются, а разные стороны языка функционируют в единстве и взаимодействии: грамматические форманты, значения которых исследует грамматика, прикреплены к лексическим морфемам, а предложение — объект синтаксического изучения — составлено из словоформ, изучаемых в лексикологии и грамматике.

В современных работах по языкознанию снова отмечается интерес к межуровневым отношениям, который был ослаблен в 40—50-х годах идеей герметичности структурных уровней, особенно популярной в дескриптивном языкознании¹. Однако грандиозная задача описания взаимосвязи различных ярусов или уровней языка сразу не разрешима: вначале требуется множество подготовительных исследований. Зато кажется выполнимым делом выявить в первую очередь наиболее очевидно взаимосвязанные участки языка и выяснить механизм этой связи, ее конкретные детали, ее первооснову.

Предлагаемая читателю книга представляет собой исследование старославянских простых глагольных предложений в нескольких планах. Здесь разработана методика такого исследования и одновременно в соответствии с предложенной методикой выполнено описание старославянского языка, базирующееся на идее связи его разных уровней, планов или аспектов. Включая в описание те или иные факты языка и даже устанавливая последовательность их рассмотрения, мы руководствуемся принципом мотивированности явлений одного плана явлениями других планов, которые нам представляются образующими

¹ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976 с. 81.

известную перспективу (лексический состав языка — сочетаемость лексем — особенности синтаксических конструкций; лексический состав — грамматика — морфология). Принцип взаимосвязи оказывается действительным не в отношении отдельных фактов, но в отношении целых совокупностей явлений, причастность которых друг к другу представляется первоначально неощутимой или несущественной и становится очевидной только благодаря исследованию.

§ 3. Решающим фактором многих различий в простых глагольных предложениях являются, как мы стремимся показать это на обширном материале, особенности лексической семантики имени-подлежащего. Лексическая семантика важнейшего компонента предикативной основы и служит в нашей работе связующим моментом при исследовании предложения в разных структурных планах или аспектах.

Уже высказывались убедительные соображения о существенной разнице по отношению к обозначаемой языком действительности имен существительных, прилагательных, глаголов. А. А. Потебня считал имена существительные категорией слов, наиболее тесно связанной с реальными сущностями: «. . .Существительное, т. е. (первонач.) название признака вместе с субстанцией, которой приписываются и другие признаки, ближе к чувственному образу (который может быть указан и отчасти изображен) и потому первообразнее, чем прилагательное, имя признака без определенной субстанции, не указуемого и никак не изображимого. Точно так же не указуемо и не изображимо действие само по себе. . .»². В работах последних лет подчеркивается различие в отношении к обозначаемому в предложении событию двух главных компонентов его структурной основы: субъекта и предиката. Н. Д. Арутюнова формулирует это различие следующим образом: «Субъект и другие термы конкретного значения замещают в речи предмет действительности, который они призваны идентифицировать для адресата сообщения, т. е. выступают в своей денотирующей функции, в то время как предикат, служащий целям сообщения, реализует только свое сигнификативное (абстрактное, понятийное) содержание или

² Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. III. М., 1968, с. 60.

смысл. Значение субъекта прозрачно и сквозь него отчетливо просвечивает денотат»³. «Субъект принадлежит миру, а предикат — мышлению о мире. «Чудо» предложения как раз в том и состоит, что в нем достигнут некоторый синтез категорий мышления и элементов объективной реальности, установлена связь между миром и человеком»⁴. Итак, функция имени-подлежащего — это функция названия (именования) предмета, о котором делается сообщение, а предикатом предложения обозначается относимый к предмету признак. Таким образом, лексико-семантические различия в сфере подлежащего — это в то же время и различия в характере обозначаемой ситуации. Различия в грамматических и синтаксических свойствах слов, объединяемых в пределах одной и той же части речи, обусловлены различиями их реальных значений. Грамматические и синтаксические свойства имен существительных, функционирующих в качестве подлежащего (а также соотносящихся с подлежащим форм выражения косвенного субъекта в безличных конструкциях и логического субъекта в страдательных конструкциях) оказывают, в свою очередь, решающее воздействие на самые существенные стороны всего глагольного предложения.

§ 4. Утверждаемая здесь концепция зависимости грамматики и синтаксиса предложения от лексической семантики имени-подлежащего диктует необходимость начать исследование с рассмотрения собственно семантической (лексико-семантической) стороны предложения, прежде всего — с выявления и описания лексико-семантических разрядов имен старославянского языка. Мы здесь миновали этот этап работы из стремления избежать повторений. Лексико-семантические разряды имен явно присутствуют в начале работы, в первой части книги, где представлена фактическим материалом старославянского языка и проанализирована сочетаемость лексем имени-подлежащего и глагола-сказуемого. Таким образом, именная лексика входит в исследование не в виде списков слов, разделенных на разряды, а в ее реальных связях с глагольным компонентом, в действии. Поскольку, однако, настоящая работа имеет в качестве одной из своих задач и методологические рекомендации, специально подчеркнем, что исследования,

³ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл, с. 10—11.

⁴ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл, с. 378.

базирующиеся на идее связи между лексикой языка и его грамматикой, синтаксисом, целесообразно и полезно начинать с описания семантических разрядов лексики данного языка ⁵.

В работе установлена зависимость между типом лексического значения подлежащего и такими характеристиками простого глагольного предложения как объем и семантическая специфика глаголов, сочетающихся в качестве сказуемого с именем-подлежащим, состав грамматических категорий структурной основы предложения, особенности рядов приглагольных дополнений. Анализ материала по этим направлениям показал, что разнообразие предложений всегда оказывается максимальным в тех случаях, когда в качестве подлежащего выступает имя существительное (или местоимение-существительное), обозначающее человека, называющее его, отсылающее к нему.

Тенденция к антропоцентричности является общей для языков, но частные проявления этой тенденции различны в разных языках. При наблюдениях над старославянским простым глагольным предложением обнаруживаются конкретные особенности из области сочетаемости лексем, грамматики структурной основы предложения, глагольного управления. Выявляемые факты и соотношения весьма важны для углубленного и детального знания языка с ограниченным корпусом, каким является старославянский язык.

§ 5. Особой областью изучения языка является рассмотрение регулярных отношений между двумя или несколькими предложениями. Имеются в виду отношения, связанные с модификациями структурной схемы предложения. Простые предложения, подлежащее которых выражено именительным падежом существительного, а сказуемое — личной формой глагола действительного залога, определяются в работе как «исходные» синтаксические

⁵ Попытку описания семантических разрядов имен существительных старославянского языка (в рамках словообразовательных типов) см. в кн.: *Беседина—Невазорова В. П.* Старославянский язык. Харьков, 1962, с. 110—172. Семантические разряды имен существительных одного памятника — Зографского кодекса — см. в кн.: *Moszyński L.* Język kodeksu Zoграфskiego. Cz. I. Imię nazywające (rzeczownik). Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975, s. 27—68.

конструкции⁶. Их структурные схемы объединяются формулой N_1-Vf , которая, впрочем, вовсе не означает ограниченности структурной основы этих предложений только двумя конститутивными членами, но предполагает присутствие этих конститутивных членов в структурной основе данного типа предложений. Исходный тип предложений характеризуется, таким образом, наличием в его основе двух главных структурных членов и в то же время предельной немаркированностью категориальных характеристик компонентов структурной основы (именительный падеж имени-подлежащего, действительный залог глагола, немаркированная модальность). В вопросе о том, каков состав компонентов структурной схемы в предложениях исходного типа и каковы частные разновидности предложений этого типа, можно согласиться с лингвистами, которые включают в данный тип как распространенные варианты (в том числе, например, вариант типа *прилежный ученик читает книгу внимательно*), так и сокращенный вариант, равный основе или ядру предложения (*ученик читает*)⁷.

В иерархии конструкций предложения построениям исходного типа принадлежит главенствующее положение. В предлагаемом здесь описании они являются главным объектом рассмотрения. На их материале разрешаются вопросы о сочетаемости лексем подлежащего и сказуемого, о грамматических противопоставлениях в структурной основе предложения, о составе цепей приглагольных дополнений. «Исходность» двусоставных глагольных предложений с именительным падежом подлежащего, их базис-

⁶ Термин «исходный тип предложения» для структур такого рода принят, например, в работе: *Москальская О. И.* Проблемы структурного описания синтаксиса. М., 1974, с. 115—134. В. С. Юрченко предлагает называть простое глагольное предложение с именительным падежом подлежащего основным типом предложения (ОТП), указывая, так же как и О. И. Москальская, на исходный, базисный характер данного типа по отношению к остальным, «вторичным» и зависимым от него. Согласно В. С. Юрченко, ОТП содержит не два, а три конститутивных члена: подлежащее, глагольное сказуемое и приглагольный зависимый член, под которым подразумеваются все разновидности приглагольного обстоятельства и дополнения. (*Юрченко В. С.* Структура предложения и система синтаксиса. — ВЯ, 1979, № 4, с. 78).

⁷ См., например, *Юрченко В. С.* Структура предложения и система синтаксиса, с. 84—85.

ный характер по отношению к прочим типам определили и структуру настоящей работы, которая начинается с исследования этого типа конструкций.

После рассмотрения построений исходного типа мы обращаемся к «производным» конструкциям: безличным, близким к безличным, неопределенно-личным, страдательным, которые характеризуются иным составом главных членов, иными схемами построения. Проблема производных типов предложения включает не только аспект синтаксического конструирования, но и лексико-семантический аспект. Характеристика безличных предложений, например, тесно связывается с лексической стороной их. Отмечалось, что сама классификация безличных предложений строится на основе реальных значений формирующих предложения глаголов (глаголы, обозначающие явления природы, стихийные явления, физические состояния человека или животного, психические переживания)⁸. По поводу этого наблюдения можно было бы заметить, что для типологии безличных конструкций не меньшее значение имеет лексическая семантика их субъекта, выраженного или предполагаемого, которая определяет и выбор безличного глагола, и конструкцию предложения.

Известно, что далеко не каждое предложение исходного типа может быть преобразовано в безличное или страдательное. Имеется ряд предложений, прежде всего безличных, которые порвали связь с исходными структурами, специализировались и приспособились для выполнения особых коммуникативных задач. Поэтому явление соотносительности и производности распространяется не на все безличные конструкции, а только лишь на часть их (по-видимому, все-таки, на большую часть), а понятие производности можно считать в некоторой степени условным.

В результате изучения такого рода конструкций была установлена как будто бы еще не отмечавшаяся закономерность, заключающаяся в том, что в изучаемом языке преобладают также и производные структуры, в которых в качестве производителя действия выступает человек (т. е. такие производные структуры, которые соотносятся с исходными личными).

⁸ Бабкин А. М. К вопросу о лексико-грамматических отношениях. — В кн.: Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.—Л., 1960, с. 242.

§ 6. Результаты рассмотрения простого предложения по разным направлениям, в разных планах или аспектах, объединяются не только тем, что предложения с подлежащим-лицом имеют наиболее высокие показатели и по линии лексической сочетаемости имени с глаголом, и по линии парадигматических возможностей структурной основы, и по степени сложности рядов приглагольных дополнений, и по способности к преобразованиям в производные структуры. Взаимосвязаны и многие частные факты, обнаруженные при изучении предложения с разных точек зрения. Так, объектные, в частности переходные, глаголы чаще всего встречаются в простых предложениях исходного типа с подлежащим-лицом. Поэтому одна из разновидностей производных структур, а именно — страдательные конструкции, базирующиеся в старославянском преимущественно на исходных предложениях с переходным глаголом, являются, согласно нашим данным, в большинстве случаев также личными, т. е. содержат форму логического субъекта, образованную от существительного, обозначающего человека. Но неодушевленные существительные определенных лексических разрядов, связываемые в исходных структурах с переходными глаголами активного действия (это названия явлений природы, небесных светил, некоторых средств передвижения), также и в страдательных конструкциях способны выступать в качестве косвенного (логического) субъекта, в присущих для него в старославянском языке формах.

Так называемые безличные предложения в действительности в большинстве случаев двусоставны, а синтаксическая связь, существующая между именным компонентом безличного предложения и его сказуемым, является предикативной связью, так как эти компоненты способны создавать минимальное предложение⁹. Добавим к этому, что именной компонент (который мы по традиции называем косвенным субъектом) в безличных предложениях наиболее продуктивных типов образован от существительных, обозначающих человека. Соответственно этому без-

⁹ Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л., 1968, с. 134; Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 59—61; Guiraud-Weber M. Классификация простого предложения и ее последствия для типологии языков. — *Revue des études slaves*, LI/1—2, p. 132.

личные предложения в их наиболее продуктивных разновидностях содержат в качестве главного члена глаголы, относящиеся к «человеческой сфере» (это глаголы мысли, чувства, ощущения, оценки и т. д.). Таким образом, синтаксические особенности страдательных и безличных конструкций тесно связаны с конкретными деталями лексико-семантического плана соотносительных с ними простых глагольных предложений исходного типа, т. е. предложений, содержащих подлежащее в именительном падеже и личную форму глагола.

§ 7. Как можно судить уже по этим вводным замечаниям, настоящая работа не является синтаксической в традиционном смысле слова или, точнее, она является не только синтаксической. Заглавие книги «Простое предложение в старославянском языке» лишь очерчивает рамки, впрочем, весьма широкие, внутри которых проводятся наблюдения над языком, над его взаимозависимыми аспектами.

На примерах взаимодействия исходных структур с производными (в частности, страдательными и безличными) хорошо видно, что лексико-семантические особенности простого предложения исходного типа (прежде всего — лексическая семантика их подлежащего и сказуемого) отражаются не только на лексическом составе, но и на структуре соотносительных производных конструкций. Лексикология тесно смыкается здесь с синтаксисом, изолированное рассмотрение этих аспектов предложения кажется не только бесперспективным, но и попросту невозможным.

В круг главных проблем этой книги входит также исследование грамматических противопоставлений структурной основы предложения. Точнее было бы сказать, что исследуются грамматические категории имени-подлежащего, а глагол-сказуемое привлекается в данном случае лишь в той мере, в которой он связан (согласован) и с именем-подлежащим. Грамматику противопоставлений (т. е. грамматику в собственном смысле этого слова) было бы столь же искусственно изучать в отвлечении от словаря, как и синтаксические конструкции, о которых речь шла выше. Действительно, носителями грамматических категорий являются слова, а грамматические значения слов по-разному комбинируются в зависимости от того, с какой лексической морфемой соединены форманты,

несущие грамматическую нагрузку. Парадигматические возможности разных существительных, выступающих в функции подлежащего, не одинаковы: одни из них способны к изменениям в лице, числе и роде, другие — только в числе и роде, третьи — только в числе; есть существительные, не изменяющиеся по числам. Благодаря согласованию глагола-сказуемого с именем-подлежащим грамматические свойства имен, зависящие от их лексической семантики, становятся свойствами всего предложения, а проблема противопоставлений в рамках подлежащего перерастает в проблему парадигмы предложения. В данном случае лексика переходит в учение о парадигматике предложения через посредство грамматики.

Согласование глаголов с существительными в числе приобретает ряд специфических особенностей в тех случаях, когда в качестве подлежащего выступает существительное собирательное: при единственном числе существительного-подлежащего может появляться множественное число глагола-сказуемого. Замечается, что появление множественного числа глагола часто сопутствует собирательным существительным, образованным от существительных личных, тогда как при собирательных неличных — глагол сохраняет форму единственного числа.

В связи с тем, что личное предложение (т. е. предложение, которое содержит имя-подлежащее, обозначающее человека) способно выражать категорию грамматического лица, исследуется вопрос о скреплении этой категории с двумя компонентами, именным и глагольным, или одним компонентом, только именным либо только глагольным.

Итак, для всестороннего обследования простых глагольных предложений оказалось необходимым привлечь лексические данные (см. часть I), данные грамматических противопоставлений (часть II, главы 1 и 2), синтаксис производных конструкций (часть IV).

§ 8. Кроме названных ведущих направлений в работе представлены сопутствующие им аспекты исследования. Так, рассматривается синтаксис глагольных дополнений: горизонтальные ряды или цепи управляемых падежей, состоящие из нескольких линейно расположенных различных падежных форм, передающих функциональные различия (см. часть III). В этом разделе рассматриваются также случаи взаимозамен управляемых падежей, т. е. фор-

мального варьирования функциональных единиц, выражаемых падежными формами в одной и той же позиции, без какого-либо различия в семантике форм. Кроме того, мы обращаем внимание на парадигматические или вертикальные противопоставления, имеющие место в области дополнений. Как известно, в определенных условиях одна из падежных форм, возможных в одной и той же позиции, может стать предметом сознательного выбора, продиктованного коммуникативными намерениями говорящих. Синтаксис падежей соприкасается в данном случае с грамматикой противопоставлений. Состав управляемых падежей в цепочках приглагольных дополнений, а также взаимозамены и противопоставления падежей в определенных участках падежных цепей предопределяются лексико-семантическими особенностями глагола, выбор которого, в свою очередь, зависит от лексической семантики подлежащего. Мы стремились установить через средство управляющего глагола зависимость между лексико-семантическим типом подлежащего и характером управления.

Если вопрос о падежном управлении в известной мере связан с проблемой лексической сочетаемости имени-подлежащего и глагола-сказуемого, то раздел о морфологии имени в функции подлежащего (см. с. 152) непосредственно относится к другому аспекту исследования — грамматическому. Морфология обслуживает значимые грамматические противопоставления языка и таким образом связана с грамматикой, образуя ее внешний план: именно через морфологию противопоставления обнаруживаются. Полное описание морфологии грамматических противопоставлений старославянского языка — задача специальной работы. В книге речь идет о принципах описания, а предложенная разработка морфологии грамматического числа имен существительных в именительном падеже (в функции подлежащего) представляет собой пример или образец.

С предложением, в том числе простым глагольным, связано великое множество лингвистических проблем. Действительно, предложение — главное средство формирования, выражения и сообщения мысли. Построение предложения — один из самых существенных элементов грамматического строя языка. «Язык как орудие общения и обмена мыслями пользуется предложением как основ-

ной формой общения», — писал В. В. Виноградов¹⁰. Все проблемы простого предложения в одной книге разрешить, конечно, невозможно. Здесь исследуются предложения со сказуемым-глаголом, а предложения с именным сказуемым рассматриваются частично и попутно¹¹. Главное внимание уделено основным компонентам предложения, формирующим его структурную основу. Собственно, главным героем этой книги является подлежащее.

§ 9. Итак, настоящая работа представляет собой первый опыт описания старославянского языка, основанного на идее взаимной связи нескольких языковых уровней. Круг проблем обширен; в отдельных случаях намечается только путь исследования, предлагаются способы решения вопросов, даются пробные разработки. См., например, вопрос о приглагольных дополнениях, фактической стороне которого посвящено множество указываемых нами специальных работ; в настоящей книге предложен один из возможных путей исследования и описания приглагольных частей предложения.

В то же время в главных своих частях книга содержит много нового материала. Например, мы стремились исчерпывающим образом представить в первой части некоторые разряды сочетаний лексем подлежащего и сказуемого. Большой материал содержится в четвертой части, посвященной «производным» конструкциям: безличным, неопределенно-личным, страдательным. Как известно, неполнота и фрагментарность подвергнутого до сих пор исследованию историко-синтаксического материала славянских языков и диалектов является наиболее уязвимой стороной сравнительного изучения славянского синтаксиса. Я. Бауэр поставил перед лингвистами задачу изучения возможно более полного синтаксического материала древних письменных памятников, в которых засвидетельствовано древнейшее состояние славянских языков¹². Среди конструкций предложения, наблюдаемых в изученных памятниках и сообщенных в нашей работе,

¹⁰ Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975, с. 254.

¹¹ О предложениях с именным сказуемым в старославянском языке см.: Zlatanova R. Die Struktur des zusammengesetzten Nominalprädikats im Altbulgarischen. München, 1976.

¹² Бауэр Я. Основные проблемы сравнительно-исторического изучения синтаксиса славянских языков. — ВЯ, 1963, 4, с. 6.

есть немало любопытных, не укладывающихся в рамки современных представлений о структуре предложения и дающих повод для различных, иногда прямо противоположных толкований (см., например, неопределенно-личные предложения с глаголом 3-го лица ед. числа, конструкции с именительным подлежащего и предикативным наречием). Нет сомнения в том, что в этих конструкциях отразилось древнейшее состояние синтаксиса славянского предложения, некий исходный этап, который особенно интересен и привлекателен для сравнительно-исторических исследований. Специфика этих конструкций проясняется при обращении к славянским языкам в их древнем и современном состоянии, а также к славянским диалектам, где можно найти убедительные параллели к старославянским синтаксическим построениям. Привлекаемые в работе диалектные данные служат решающим подтверждением свойственности для живого языка в прошлом синтаксических явлений, встречающихся в памятниках.

§ 10. В связи с вопросом о фактическом материале заметим, что данные, извлекаемые из памятников письменности, исключают, в отличие от данных живого языка, возможность экспериментов, поэтому объектом анализа служат только сочетания слов, формы слов, синтаксические конструкции, отраженные в текстах.

Основными источниками послужили славянские памятники X—XI вв., отражающие язык с чертами древнеболгарских диалектов: Зографское, Мариинское и Ассеманиево евангелия, Синайская псалтырь, Синайский требник, Клоцов сборник, Рыльские листки, Саввина книга, Супрасльская рукопись, листки Ундольского, Зографские кириллические листки, Хиландарские листки, Енинский апостол. Кроме того, необходимые материалы извлечены из Киевского миссала — памятника X в. с чертами чешско-моравских говоров — и Остромирова евангелия — памятника XI в. с древнерусскими (восточнославянскими) чертами языка. Материалы проверены и дополнены по словарю старославянского языка Чехословацкой АН; этот словарь оказал нам неоценимую помощь.

Список славянских источников см. в конце книги. Там же сообщаются сведения об использованных словарях старославянского языка.

Часть I

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СОЧЕТАЕМОСТИ ЛЕКСЕМ ИМЕНИ-ПОДЛЕЖАЩЕГО И ГЛАГОЛА-СКАЗУЕМОГО

§ 1. Взаимосвязь лексической семантики подлежащего и сказуемого образует в предложении семантическую обстановку, влияние которой выходит далеко за пределы компонентов предикативной основы.

Состав грамматических категорий и синтагматика простого предложения, а также его соотносимость или несоотносимость с теми или иными структурами производных типов (например, безличными или страдательными конструкциями) непосредственно зависят от семантики слов, выступающих в качестве главных компонентов структурно-грамматической основы предложения. Поэтому началом описания предложения должен стать, по нашему мнению, анализ лексической сочетаемости его членов: подлежащего и сказуемого.

Обращаясь к сочетаемости этих двух главных компонентов структурной основы предложения, отметим вначале, что в настоящее время нет единого мнения о направлении зависимостей семантической сферы между именной и глагольной лексемами предикативной основы предложения. У. Л. Чейф, разделяя понятийный мир человека на две главные сферы — сферу глагола и сферу имени существительного, ставит существительное в семантическую зависимость от глагола: «Я принимаю, что центральным из них является глагол, а периферийным — существительное. . . природа глагола определяет, что собой будет представлять остальная часть предложения: в частности, какие существительные будут глагол сопровождать, какое отношение к нему будут иметь эти существительные и как эти существительные будут определяться в семантическом отношении. Предположим, например, что глагол определяется как действие, что будет справедливо сказать о глаголе в предложении *The men laughed* «мужчины

смеялись». Такой глагол требует, чтобы его сопровождало существительное, чтобы существительное относилось к нему как агенс и чтобы существительное определялось как одушевленное, а может быть и как личное. Таким образом, я стою на той точке зрения, что именно глагол диктует присутствие и характер существительного, а не наоборот. . . Можно привести многочисленные примеры такого рода, и они все ясно указывают на то, что доминирующим является семантическое влияние глагола, которое распространяется на подчиненные сопровождающие существительные»¹.

В этом же плане отношения между лексическими значениями глагола-предиката и его субъекта рассматривали и другие лингвисты².

Согласно представлениям других ученых, центральным элементом грамматической основы предложения является имя-подлежащее. Развивая свое учение о градации подчиненности слов, О. Есперсен приходит к тому, что в связанной речи одно из слов имеет первостепенное значение, а другие слова его уточняют, модифицируют, присоединяются к нему как подчиненные. О. Есперсен устанавливает «ранги» слов в соответствии с тем, являются ли слова по отношению друг к другу определяющими или определяемыми. В этой иерархии зависимостей именительный падеж существительного занимает, согласно О. Есперсену, глав-

¹ Чейф У. Л. Значение и структура языка. Пер. с англ. М., 1975, с. 114—115.

² Б. А. Абрамов продемонстрировал зависимость между лексическим значением глагола и лексико-семантическими разрядами имен-подлежащих на примере немецкого языка: «. . . Многие глаголы в соответствии со своей семантикой допускают лишь определенные группы слов в позиции подлежащего, причем здесь существуют многочисленные варианты и переходы. . .». Автор приводит некоторые наиболее показательные примеры семантической зависимости подлежащего от сказуемого в немецком языке (см. Абрамов Б. А. Синтаксические потенции глагола (в сопоставлении с потенциями других частей речи) — НДВШ. Филологические науки, 1966, № 3, с. 37).

По отношению между значением предиката и значением его субъекта Н. Д. Арутюнова различает глаголы личностно-ориентированные (*заключатъ, устанавливатъ*) и событийно-ориентированные (*противоречитъ, значить, означать*), а также промежуточную группу глаголов с колеблющейся семантикой (*подтверждать, доказывать*) (см. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976, с. 151—152).

ное место³. Другие авторы недвусмысленно указывают как раз на лексико-семантический план доминирования существительного: от существительного, считают они, зависит выбор глагола-сказуемого. Излагая современную концепцию связующих семантических компонентов, общих нескольким семантемам (классем, как называют эти связующие компоненты французские авторы Б. Потье, А. Греймас и др.), В. Г. Гак отмечает: связующая роль такого компонента проявляется и в том, что он обнаруживается в синтаксических группах субъект — глагол, глагол — объект, определяемое — определение. «При этом, — продолжает В. Г. Гак, — слова-акцидентии (глаголы, прилагательные) подбираются к словам-субстанциям (существительные), даже если это противоречит формальным грамматическим отношениям зависимости (например, в группе «глагол + дополнение»)»⁴.

В действительности дело обстоит таким образом, что и глагол-предикат той или иной семантики сочетается только с определенным рядом имен существительных-подлежащих, и имя-подлежащее определенной семантики сочетается с ограниченным разрядом глаголов. Так как сочетаемость — явление двустороннее, то для выяснения основных ее закономерностей за исходный пункт можно принять как имя, так и глагол: конечный результат будет один и тот же. Выбор того или иного пути диктуется только целями описания. В опыте описания, предложенного здесь, в качестве исходных данных берутся лексические значения имен существительных, которые разбиты

³ См. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958, с. 108. — Правда, остается неизвестным, идет ли речь в концепции О. Есперсена о лексико-семантическом или о грамматическом доминировании существительного. С одной стороны, указывается, что существительное является первичным словом независимо от функции в предложении, в частности, и тогда, когда оно выступает в качестве дополнения к глаголу (см. с. 108). Такой подход исключает рассмотрение доминирования и подчиненности в грамматическом (синтаксическом) аспекте. Но в другом месте своего труда О. Есперсен заявляет, что косвенные падежи служат средством превращения существительного, которое в именительном падеже представляет собой первичное слово, во вторичное слово (см. с. 121); отсюда вытекает, что О. Есперсен ставит вопрос о грамматическом доминировании существительного.

⁴ *Гак В. Г.* К проблеме семантической синтагматики. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972, с. 376.

на традиционно выделяемые лексико-семантические группы.

Учитываются синтагматические отношения в семантике. Согласно концепции синтагматических отношений в семантике, два слова, составляющие правильное сочетание, должны иметь, кроме специфических, различающих их сем, общую сему или связующий семантический компонент. Повторное выражение того семантического компонента, который ясен из ситуации, порождает семантическую избыточность. В связи с этим различают ситуации амбивалентные (альтернативные) (*Дети подползли к краю обрыва*) и ситуации моновалентные (неальтернативные) (*Змея подползла к норе*)⁵. «Субъект первого высказывания (*дети*) может передвигаться разными способами («амбивалентная ситуация»), так что уточнение способа движения оказывается необходимым. Для субъекта второго действия (*змея*) указанный способ передвижения является типичным («моновалентная ситуация»), в связи с чем указание на способ передвижения, по сути дела, является излишним»⁶.

Можно заметить, что имеется взаимосвязь между характером ситуации (альтернативная или неальтернативная) и шириной круга глаголов того или иного семантического разряда, связываемых с именем-подлежащим. Использование узкого круга глаголов, сочетающихся с тем или иным именем, создает неальтернативные ситуации и приводит к избыточности. Разнообразие глаголов совпадает с альтернативными ситуациями.

При изучении сочетаемости лексем в старославянском языке исследователь встречается с трудностями, обусловленными ограниченностью, замкнутостью изучаемого материала. Не говоря уже о том, что в текстах представлены лишь некоторые существительные той или иной лексико-семантической группы, именительный падеж от них зафиксирован далеко не всегда. Для восполнения (хотя бы частичного) этой недостаточности исходных для нашего исследования данных привлечены анафорические местоимения в форме именительного падежа, которые отсылают к именам существительным, относимым далее к тому или иному разряду. В ряде случаев также струк-

⁵ Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики, с. 386—387.

⁶ Там же, с. 387.

турное ядро предложения извлекается из сочетаний с причастиями, а иногда из сравнительных оборотов.

Сочетаемость имен с глаголами рассматривается в следующих аспектах. Выясняется состав глаголов, сочетающихся с каждой привлекаемой к рассмотрению лексико-семантической группой имен: приблизительно определяется их объем, круг семантических значений, некоторые грамматические свойства (например, безобъектность или объектность). Информация этого рода может послужить основой для выяснения того, в каких типах синтаксических конструкций участвуют имена того или иного разряда, какие типы моделей они организуют. В некоторых случаях мы отмечаем, имеет ли место использование глагола, обозначающего действие только данного существительного (неальтернативная сочетаемость), или глагола с более широким значением, сочетающегося с большим кругом имен.

Описание удобно начинать с группы имен, сочетающихся с узким кругом глаголов, и постепенно переходить к именам, имеющим более широкую и разнообразную сочетаемость. В предлагаемом ниже описании и соблюдается такая последовательность.

Работа содержит обозрение и разбор только некоторых участков сочетаемости имен-подлежащих с глаголами-сказуемыми. Полное описание и анализ языка с этой стороны мог бы быть предметом специального исследования.

§ 2. Существительные отвлеченного значения весьма редко отмечаются в качестве подлежащих. Имеющиеся примеры свидетельствуют о том, что, выступая в этой функции, они чаще всего сочетаются с глаголами быти, быкати, прѣкыкати, жиги 'иметь место, присутствовать, быть'. Семантико-грамматическая специфика имен существительных отвлеченного значения заключается в том, что одни из них служат косвенным средством обозначения действия (это отглагольные существительные), другие же — качества (отадъективные существительные). Прямые средства передачи этих семантических категорий — глаголы и прилагательные. Существительные со значением действия «сочетают с именными грамматическими свойствами глагольные . . . в силу общности вещественного значения, причастности к категории дей-

ствия»⁷. Отвлеченные существительные со значением качества совмещают в себе категориальные значения предметности и качества⁸.

Существительные со значением действия, сочетаясь с формами глагола *б҃҃҃҃҃҃҃*, возвращают себе свою глагольность⁹. Существительные со значением качества при помощи форм глагола *б҃҃҃҃҃҃҃* связываются с носителем качества, обозначенным формами косвенных падежей без предлогов и с предлогами.

Примеры: *велика бѣ печала кѣ манѣ ѿстѣ* Супр. 225, 1; *болѣзнь моѣ прѣдѣ мнѣж естѣ выиѣж ѣ ἀλγηδών μου ἐνώπιόν μου διά παντός* Син. пс. XXXVII, 18; *си болѣзна нѣстѣ кѣ смрзѣти* Аѳтѣ ѣ ἀσθένεια οὐκ ἔστιν πρὸς θάνατον Ио. XI, 4 Мар., Зо҃р., Ассем., Савв., Остр.; *стѣ кѣдѣ семоу естѣ прѣмѣдростѣ* и *ина Пѣден тоѣтѣ ѣ σοφία αὐτѣ και αἱ δυνάμεις* Мат. XIII, 54 Мар. (в Зо҃р. стѣ кѣдѣ); *страхѣ бѣ ѿстѣ* ѣже вѣ нѣ не *б҃҃҃҃҃҃҃* Супр. 381, 19; *полоу ношѣти же кѣпѣз выѣ. се женихѣ градетѣ крауѣ гѣγονен* Мат. XXV, 6 Зо҃р., Мар., Ассем., Савв., Остр.; *обашѣтѣ веселиѣ* и *радостѣ ѣ намѣ работѣ выѣстѣ* Супр. 489, 3; *и выѣстѣ на кѣстѣхѣ страхѣ* ἔγένετο ἐπὶ πάντας φόβος Лука I, 65 Мар., Зо҃р., Ассем., Остр.; *выѣстѣ оужѣсѣ на кѣстѣхѣ* ἔγένετο θάμβος ἐπὶ πάντας Лука IV, 36 Мар., Зо҃р., Ассем., Остр.; *и благодѣтѣ бѣжитѣ вѣ на немѣ και χάρις θεοῦ ἦν ἐπ' αὐτό* Лука II, 40 Мар.; Остр. (благодѣтѣ Зо҃р., Ассем., Савв.); *кѣштѣние іоаново. стѣ кѣдоу вѣ* ἐξ οὐρανοῦ ἦν ἢ ἐξ ἀνθρώπων Марк XI, 30 Зо҃р., Мар.; Лука XX, 4 Зо҃р., Мар.; *ѣмѣнѣтѣ дѣбилиѣ вѣашѣ кѣ манѣстѣри* Супр. 557, 24—25; *любѣ... вѣ ниѣхѣ вѣдетѣ ѣ ἀγάπη...* ἐν αὐτοῖς ἦ Ио. XVII, 26 Зо҃р., Мар., Ассем., Савв., Остр.; и *вѣдетѣ ти кѣздѣдѣние και γένεται ἀνταπόδομά σου* Лука XIV, 12 Мар., Зо҃р.; *тоу вѣдетѣ плаѣ и кѣрѣжѣтѣ зѣ-*

⁷ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка, с. 35.

⁸ Золотова Г. А. О синтаксических свойствах имен качества. — В кн.: Синтаксис и стилистика. М., 1976, с. 131.

⁹ «Имена действия, в особенности суффиксальные, при образовании предложений обычно возвращаются в свое глагольное состояние», — замечает Н. Д. Арутюнова (см. Арутюнова Н. Д. О номинативном аспекте предложения. — ВЯ, 1971, № 6, с. 68).

βομz ёσται ό κλαυθμός και ό βρυγμός τών οδόντων Ματ. VIII, 12
 Зоґр., Мар., Ассем; Савв., Остр.; Ματ. XIII, 42 Зоґр.,
 Мар., Ассем., Остр., Супр. 378, 4; πλιштгз и кззисканине
 о немз вждетз θόρυβος Супр. 131, 2; выстз же отз того
 πλιштгз. и згтекоша εα мнози συνδρομή Супр. 193, 4; ρα-
 достз вждетз на несе χαρά εν τῷ ούρανῳ ёσται Лука XV, 7
 Мар., Зоґр.; вждетз теѳт ραдоств и веселине ёсται χαρά σοι
 και αγαλλίασις Лука I, 14 Мар.; Зоґр., Остр. (в Ассем.
 ραдоств теѳт велѳт); мжка си мант вжди Супр. 182, 30;
 ραдоств выкадгз... о єдиномз грѳшзницѳ кажштгнимз εα
 γίνεται χαρά Лука XV, 10 Мар., Зоґр. (так же Супр. 490, 4);
 ισποκѳданине ι κελλѳποτα δѳλз ego. ι правзда ego прѳвыкаетз
 вз кѳкз кѳкоу ёξομολόγησις και μεγαλοπρέπεια τὸ ёργον αὐτοῦ,
 και ἡ δικαιοσύνη αὐτοῦ μένει Син. пс. CX, 3; стґрахз... прѳ-
 выкаетз вз кѳкоу ό φόβος ... διαμένων Син. пс. XVIII, 10;
 прѳвыкаетз стґрахз стґадо конона вз влсеи τον стґранѳ
 Супр. 40, 5; ιжде во закисгд. тоу живжтз кражды ѳ скари
 ѳ прѳлдеги. ѳ пѳра и дѳлаголанѳ ελοβεεа. ѳ хоулы ѳ ουκο-
 рениа Супр. 400, 19—20. Глагол со значением бытия, пре-
 бывания может и отсутствовать: дѳнесε ραдоствд влзде по
 κλσεленѳти ѳ веселине дѳховано Супр. 490, 17.

Существительные отвлеченного значения сочетаются
 также с глаголами движения: взпла μοι кз теѳт да при-
 детз ѳ κραυγή μου πρὸς σε ελθάτω Син. пс. CI, 2; βοκзнз ι
 трепетз приде на мж φόβος και τρόμος ἦλθεν ἐπ' ἐμέ Син.
 пс. LIV, 6; придетз на ма стґат ego влгодѳт ελθθι ἐπ' ἐμή
 ѳ ἀγία αὐτοῦ χάρις Рил. глаг. л. II¹ 30; привлѳжи εα за-
 поуεѳтѳне емоу ἠγγικεν ѳ ἐρήμωσις αὐτῆς Лука XXI, 20
 Зоґр., Мар.; стґвѳжа волѳзнд ѳ печалѳ. ѳ взздыхание
 Супр. 430, 11—12; да стґзстґпитгз отз вазз все ослуша-
 ниε. протикано слоко. грздоств. закисгд. Син. евх. 91 Б 14;
 изиде же стґзречение на обою Супр. 482, 17; сина из него
 нехождаше δύναμις παρ' αὐτοῦ ἐξήρχετο Лука VI, 19 Мар.,
 Зоґр., Ассем., Савв., Остр.; ι нехождаше шѳмз о немз
 вз взѳтко мѳсто и стґраны ёξεπορεύετο ἦχος Лука IV, 37
 Мар. (мѳсто стґраны — Зоґр.); измѳт εα влгодѳтз оуѳгз-
 нахз τκοίχз ёξεχούθη χάρις εν χείλεσιν σου Син. пс. XLIV 3;
 сина плѳтѳскѳа истекла Супр. 317, 19; прѳслуѳтите во мж-

чении его оуже по вьсеи асин ... обьтекло вѣаше Супр. 117, 7.

Сочетаемость с глаголами состояния и перемены состояния: лоньскаа красота напрасно омраче Супр. 475, 14; злоба нашѣ не кзрѣни съ къ насъ 'не укоренится' Киев. л. 5 б 8; да и прѣстанетъ оуже коумиролужение Супр. 17, 3; да ми прѣстанетъ одрѣжашгига ма волѣзнѣ Супр. 516, 20—21; бумалитъ ти съ радостѣ доуховѣнаа Супр. 491, 26; растѣше страхъ на нечлѣстивыхъ доустѣхъ Супр. 40, 20; волѣзна моѣ обнови съ τὸ ἄλγμᾶ μου ἀνεκαινίσθη Син. пс. XXXVIII, 3; Вечеръ къдоритъ съ плачь. и з-оутра радостѣ τὸ ἐσπέρας ἀλλισθήσεται κλαυθμὸς καὶ εἰς τὸ πρωὶ ἀγαλλίαςις Син. пс. XXIX, 6.

Сочетаемость существительных абстрактного значения с объектными глаголами активного действия наблюдается в целом значительно реже. Существительные абстрактного значения со сказуемыми — переходными глаголами: кз-кзсзшааго сила то сзткори Супр. 443, 7; остаки ма сила моѣ ἐγκατέλιπέν με ἡ ἰσχύς μου Син. пс. XXXVII, 11; При-ятъ же страхъ кзса ѣлабен де φόβος πάντας Лука VII, 16 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; печала приятъ ма ἀθυρία κατέσχευεν με Син. пс. CXVIII, 53; ѡбьаа ма волѣзни сзмрзганаа περίεσχον με ὡδίνες θανάτου Син. пс. CXIV, 3; оужасъ во одрѣжааше і θάμβος γάρ περίεσχεν αὐτὸν Лука V, 9 Зогр., Мар., Ассем., Остр.; стра(х)ъ [...] келен одрѣж(ит)ъ Рил. глаг. л., V³ 15; і имѣаше же ѣа трепетъ и оужасъ εἶχεν γὰρ αὐτὰς τρόμος καὶ ἔκστασις Марк XVI, 8 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; вьазна и страхъ. овѣметъ земнааго Супр. 471, 20; не крѣди его никакоже такоаа мжа Супр. 269, 2; закиса срлдце имѣжшгааго ѣ... бькаждаетъ Супр. 399, 27; покры ма тзма ѣкалуфѣн ме σκότος Син. пс. LIV, 6; стоудз лица моего кры ма ἡ αἰσχὺνὴ τοῦ προσώπου μου ѣкалуфѣн ме Син. пс. XLIII, 16; сила кышзнтѣаго оскнитъ та δύναμις ὑψίστου ἐπισκιάσει σοι Лука I, 35 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр. (овѣскнитъ — Супр. 10, 25); Бѣды адокы оврѣтѣ ма χίνδυνοι ἄδον εὐροσάν με Син. пс. CXIV, 3.

При объектном глаголе, сочетающемся с подлежащим — существительным отвлеченного значения, может находиться объект в форме винительного падежа с предлогом на: обра-

тигъ ѿ бѣжанъ его на глѣжъ емоу ἐπιστρέψει ὁ πόνος αὐτοῦ εἰς κεφαλὴν αὐτοῦ Син. пс. VII, 14; покrietъ нечъстѣ на та Клоц. 2 b 17. Страхъ нападае на человека: cтpaxъ нападе на на φόβος ἐπέπεσεν ἐπ' αὐτόν Лука I 12 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; cтpaxъ cъмpътaннѣ нападе на мѣ δειλία θαλάτου ἐπέπεσεν ἐπ' ἐμέ Син. пс. LIV, 5; нападе cтpaxъ ιχъ. на на ἐπέπεσεν ὁ φόβος αὐσῶν ἐπ' αὐτούς Син. пс. CIV, 38; cтpaxъ пpиcтpaxънъ. нападаетъ. на непѣдимаго владыкы врата Супр. 464, 27.

Зафиксирована цепь объектов, состоящая из винительного без предлога и формы кз + вин.: много во бѣсованиѣ... кзкзже та кз чоулъ Супр. 1, 5.

При глаголе, сочетающемся с подлежащим — существительным абстрактного значения, может находиться инфинитив и дательный падеж дополнения: oтъчaдннѣ лежашъ тоубоумоу не даетъ вѣсгаги Супр. 409, 29—30.

См. также о + лок. со значением непосредственного источника эмоции при наличии винительного падежа прямого дополнения: бужастъ бвздръжитъ ма о члѣкъастѣ глѣт ѿелене Супр. 224, 26—27.

3. Имена существительные вещественного значения очень редко встречаются в качестве подлежащего простых глагольных предложений. Преобладает их употребление с безобъектными глаголами.

С глаголом быти 'находиться': злато твѣне ѿ cъpебpо твѣне да вѣдетъ cъ товоѣжъ Супр. 222, 22—23.

С глаголами движения, в том числе и в неальтернативных сочетаниях с глаголами, обозначающими перемещение жидких и сыпучих тел: изиде абне крѣкѣ і вода ἐξῆλθεν εὐθὺς αἶμα καὶ ὕδωρ Ио. XIX, 34 Зогр., Мар., Ассем., Савв., Остр.; члѣвѣ во бжии естъ cъходанн ѿнесе ὁ γὰρ ἄρτος τοῦ θεοῦ ἐστὶν ὁ καταβαίνων ἐκ τοῦ οὐρανοῦ Ио. VI, 33 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; тко чpи́зъма на глѣтѣ. cъходъштѣи на бpадъ apонѣжъ ѡс мѣронъ ἐπὶ κεφαλῆς τὸ καταβαίνων ἐπὶ πώγωνα Син. пс. CXXXII, 2; изидѣ cъ кънъ конѣвѣ ѿ вѣсѣ пѣцѣлѣ Супр. 268, 26; медъ во каплетъ отъ оустѣноу жены вѣждѣны Супр. 351, 1; пѣтѣ ѿмоу акы коккъ... pасте-четъ cъ Супр. 153, 2; кънъ ѿсплетъ cъ (о соли) ἔξω βάλλουσιν αὐτό Лука XIV, 35 Зогр. (исплетъ ѿж Мар.).

С глаголами, обозначающими действия, свойственные только данным веществам и предметам: **дымъ** не **ουγαλατα** **κουριτѣ** **εα** Син. евх. 52 b 9; **Горы** **ѣко** **κοκκѣ** **ρασταδισα** **εα** τὰ ὄρη ἐτάχτησαν ὡσεὶ κηρός¹ Син. пс. ХСVI, 5; **Бытѣ** **ερα** **дѣце** **моѣ** **ѣко** **κοκκѣ** **τῆμα** (воск здесь предмет сравнения) ἐγενήθη ἡ καρδία μου ὡσεὶ κηρός τηρόμενος Син. пс. XXI, 15; **ѣко** **вода** **излихъ** **εα** ὡσεὶ ὕδωρ ἐξεχύθην Син. пс. XXI, 15; **клены** **же** **κλιβδαχѣ** **εα** **кз** **λαδιѣ** τὰ κόματα ἐπέβαλλεν εἰς τὸ πλοῖον Марк IV, 37 Мар., - Зогр.; **ѣгда** **εα** **ελεаде** **маѣко** **и** **δελιѣтѣ** Супр. 312, 6.

С прочими разными безобъектными глаголами: **пшеница** **тоу** **δσταѣтѣ** Супр. 127, 27; **землѣ** **потрасе** **εα** **и** **ка** **мение** **распаде** **εα** **и** **γῆ** **ἐσεισθη**, **καὶ** **αἱ** **πέτραι** **ἐσχίσθησαν** Mat. XXVII, 51 Зогр., Мар., Ассем., Остр.; **одѣжди** **жюпалѣ**. **и** **οἶγμα** **εα** **небесе** **ἐβρεξεν** **πῦρ** **καὶ** **θεῖον** Лука XVII, 29 Зогр. (жюпелз — Мар.).

Существительные, обозначающие вещества, могут сочетаться с глаголами, обозначающими утрату полезных свойств. Соль может лишиться вкуса: **аце** **же** **εοла** **οβουѣтѣ**. **чимъ** **οσολитѣ** **εα** **ἐὰν** **δὲ**... **μωρανθῆ** Mat. V, 13 Зогр., Деч.; Лука XIV, 34 Зогр., Мар. См. также Супр. 259, 30. Существительное вещественного значения **дрождыа**, принадлежащее к разряду *pluralia tantum*, сочетается с глаголом **скрыдаѣти** **εα** 'истощаться, опустошаться': **ѣбаче** **дрождыа** **его** **не** **скрыдашѣ** **εα** **πλὴν** **ὁ** **τριγίας** **αὐτοῦ** **οὐκ** **ἐξεκενώθη** Син. пс. LXXIV, 9.

С объектными глаголами существительные вещественного значения встречаются редко. Среди имеющих при-
меров много однородных: **кино** **κз** **кесемитѣ** **ερα** **дѣце** **ѣкоу**. **οἶνος** **εὐφραίνει** **καρδίαν** **ἀνθρώπου** Син. пс. СIII, 15 (ср. в Супр. 19, 14: **κз** **кз** **кесемитѣ** **вино**); **хлѣвѣ** **εра** **дѣце** **ѣку** **ουκѣпитѣ** **αἶρτος** **καρδίαν** **ἀνθρώπου** **στηρίζει** Син. пс. СIII, 15 (ср. в Супр.; 19, 16: **κз** **кз** **кѣпитѣ** **пиштѣ**. **мене** **же** **χῆ**); **κз** **кз** **питѣтѣ** **хлѣвѣ**. **и** **мене** **ελοко** **εжние** Супр. 19, 13; **вино** **благое** **нокааго** **кино** **града**. **кесеман** **и** **εκѣгѣло** **творан** **лица** Супр. 143, 24; **аште** **во** **крдѣвѣ** **ѣнѣча** **и** **козлама**. **и** **попелз** **ѣница** **крупимѣ**. **δскврѣ** **ѣненихъ** **εтитѣ** Супр. 483, 21—22.

§ 4. Имена существительные, обозначающие явления природы, стихии, космические объекты, включают много

лексики отвлеченного и вещественного значения. Выступая в качестве подлежащего, они сочетаются, в общем и целом, преимущественно с безобъектными глаголами. Многие существительные этой семантики представляют природное явление как процесс, длящийся во времени. Уже отмечалось, что существительные, обозначающие явления, которые мыслятся во временной протяженности (дождь, ветер и т. п.), наиболее естественно переходят в предложения экзистенциального типа¹⁰. Ср. соответствующие примеры из старославянского языка: *быѣтъ воу рѣ кѣтрѣна великѣ* καὶ γίνεται λαίλαψ μεγάλη ἀνέμου Марк IV, 37 Мар., Зогр.; *громъ быѣтъ ѣлеγει βροντὴν γεγονέναι* Ио. XII, 29 Зогр., Мар., Ассем., Савв., Остр.; *вѣдше стоуденѣ велика* Супр. 76, 12; *і егда югъ доушетъ. глетѣ варъ вѣдетъ ѡтан νότον πνέοντα, λέγετε ὅτι Καύσων ἔσται* Лука XII, 55 Зогр., Мар.; *тѣма абие быѣтъ схотіа ἤδη ἐγεγόνει* Ио. VI, 17 Мар., Зогр., Ассем. (в Остр. и тѣма быѣтъ) (ср. Лука XXIII, 44); *стоуденѣ велика ѣсѣтъ вѣ ѡни* Супр. 89, 4; *быѣтъ тишина великѣ ἐγένετο γαλήνη μεγάλη* Марк IV, 39 Мар., Зогр.; *вѣ во протикенѣ кѣтрѣ ἦν γὰρ ἐναντίος ὁ ἄνεμος* Мат. XIV, 24 Мар., Зогр., Ассем.; *вѣ во протикенѣ кѣтрѣ имъ ἦν γὰρ ὁ ἄνεμος ἐναντίος αὐτοῖς* Марк VI, 48 Мар. (кѣтрѣ протикенѣ Зогр.). В составе оборота дательного самостоятельного с причастием от глагола *быти* в качестве субъекта выступает *наводнѣ* 'паводок, наводнение': *наводнѣ же быкъшю. припаде рѣка πλημμύρες δὲ γενομένης* Лука VI, 48 Зогр., Мар.

Существительные, обозначающие явления природы, с глаголами движения: *приде потопъ ἦλθεν ὁ κατακλυσμὸς* Мат. XXIV, 39 Ассем., Остр. (вода — Зогр., Мар., Савв.); *приде сѣ небесе роса* Супр. 158, 2; *взвѣде дымъ ἀνέβη καπνὸς* Син. пс. XVII, 19; *сзнидѣ дождъ κατέβη ἡ βροχὴ* Мат. VII, 27 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; *сзнидѣ дождъ κατέβη ἡ βροχὴ* Мат. VII, 25 Мар., Ассем., Савв., Остр. (сзнидѣ дѣжди — Зогр.); *сзнидѣ огнѣ сѣ небесе* Супр. 22, 12; *роса ерзмоунѣ сѣходѣшгѣ на горы сионѣ δρόσος . . . ἡ καταβαίνουσα* Син. пс. CXXXII, 3; *тѣма же ѡ мракъ на ἀνευπατѣ ѡ на поганѣа просыпа сѣ* Супр. 110, 18; *ѡсхода ѡтъ ѡего ѡгнѣ* Супр. 129, 7; *Паде огнѣ на нѣхъ ἐπέπεσε πῦρ* Син.

¹⁰ Арутюнова Н. Д. О номинативном аспекте предложения, с. 68.

пс. LVII, 9; огна во и кз вѣжгаиѣшгоуѣумоу прѣтгапанѣтга Супр. 95, 3; ѿгна прѣдѣ нѣмѣ прѣдѣдетга пѣр ѣвантѣон аѣтоѣ пропореѣсетга Син. пс. XCVI, 3; звѣзды испадѣтга с нѣвсе оѣ астрѣрес песоѣвѣтга аѣпѣ тоѣ оѣраноѣв Мат. XXIV, 29 Зогр., Мар., Савв., Ассем., Остр.; мѣзни исходитга отга кзѣтгокѣ ѣ астрѣпѣ ѣѣрѣчетга аѣпѣ аѣнѣтолѣѣн Мат. XXIV, 27 Зогр., Мар., Ассем., Савв. (мѣзнига — Остр.).

С безобъектными глаголами, обозначающими состояние или изменение состояния. Каждое существительное рассматриваемой семантической группы сочетается с собственным узким кругом глаголов или одним глаголом (неальтернативная сочетаемость): прѣтга кѣтргѣ ѣкѣпасѣн ѣ аѣнемос Мат. XIV, 32 Мар., Зогр., Ассем., Савв.; оулеже кѣтргѣ ѣкѣпасѣн ѣ аѣнемос Марк IV, 39 Мар., Зогр.; Марк VI, 51; вѣзвѣаша к[р]ѣтргѣи ѣпнеусѣн оѣ аѣнемои Мат. VII, 25 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; Мат. УП, 27 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; кѣтргѣ лѣтга сѣкѣргѣ кѣѣше не прѣтгадѣ Супр. 90, 2; вѣзмѣтѣетга кѣтргѣ отга лѣца землѣѣ ѣкриптѣѣ ѣ аѣнемос Син. пс. I, 4; просѣдѣтѣ сѣ сѣтѣтга вѣлнкѣ кз темници Супр. 182, 2; рѣ(жеж)ѣтга сѣѣ огна Супр. 51, 9; разгорѣша сѣѣ тѣко огна ѣѣкаѣѣтргѣн ѣсеѣ пѣр Син. пс. CXVII, 12; огна вѣзгорѣ сѣѣ пѣр аѣнѣѣѣтга Син. пс. LXXVII, 21; огна вѣзпанѣтга сѣѣ пѣр кѣтефлѣѣсѣн Син. пс. XVII, 9; Огнѣ прѣдѣз нѣмѣ вѣзгоритга сѣѣ пѣр ѣвантѣон аѣтоѣ кѣвѣѣсетга Син. пс. XLIX, 1 (ср. Супр. 191, 12); огна не оугѣсѣдѣтга тѣ пѣр оѣ сѣѣвѣнѣтга Марк IX, 44 Мар., Зогр.; снѣжѣтга ѣко и звѣзды Супр. 81, 13; потоци наводѣнѣша сѣѣ ѣѣѣмѣрѣѣи кѣтѣклѣѣѣтргѣн Син. пс. LXXVII, 20.

Существительные, обозначающие явления природы, в общей массе редко сочетаются с объектными глаголами. Ср.: Тѣма него не омрачитга Супр. 509, 9. В этом отношении особняком стоят наименования предметов, которые как бы наделены самостоятельной силой. У. Чейф обратил внимание на то, что есть существительные, которые, не будучи обозначениями одушевленных предметов, тем не менее встречаются в качестве агенса. К числу их У. Чейф относит, между прочим, тепло, ветер, т. е. обозначения некоторых природных явлений¹¹. Интересно, что в старославянском ветер наделен не только собственной силой, но

¹¹ Чейф У. Значение и структура языка, с. 128—129.

и сознанием: кѣго еѣ еѣтѣ ꙗко кѣтри и море послѣушмѣтѣ его *ὅτι καὶ οἱ ἄνεμοι καὶ ἡ θάλασσα αὐτῷ ὑπακούουσιν* Мат. VIII, 27 Мар., Зогр., также Марк IV, 41 Мар., Зогр. Из старославянского мы добавляем к списку У. Л. Чейфа также существительные огня, пламы, дждѣ, лзныце, лоуна. Такие существительные способны сочетаться с глаголами, имеющими дополнение в форме винительного беспредложного или в форме падежа с предлогом. Так, огня и пламы *палит, жжет, пожирает, губит что-либо*: огня великѣ нача жешти и Супр. 221, 27; огня . . . пожже храма Супр. 22, 12; и нагѣ бы дгна тѣ пожжегѣ Супр. 23, 1; ꙗко огня і попалѣтѣ джебровы. ꙗко пламена пожѣгаѣ горы ѡсеі пѣр, ѡ διαφλέξει δρυμόν, ѡс еі φλόξ κατακαύσαι ѡρη Син. пс. LXXXII, 15; Ѡгна . . . попалитѣ скрѣ крагы его пѣр . . . φλογισί κύκλω τῶς ἐχθροῦς αὐτοῦ Син. пс. XCVI, 3; огня попалѣ крагы екоѣ Супр. 28, 28; Пламена попалі грѣшнікы флѣхѣ катѣфлѣξεν ἀμαρτωλοῦς Син. пс. CV, 18; ср. Син. пс. XCVI, 3; Юношиа іхѣ поѣтѣ огня τῶς νεανίσκους αὐτῶν κατέφαρεν пѣр Син. пс. CXXVII, 3; поѣтѣ ꙗ ѡгѣ катафѣгεται αὐτοῦς пѣр Син. пс. XX, 10; огня гзнидетѣ еѣ неведе. і поѣтѣ ꙗ пѣр . . . ἀναλώσαι αὐτοῦς Лука IX, 54 Мар. (в Зогр. гзшида еѣ неведе); да погоубитѣ ѡ огня Супр. 164, 4; иегоже жрѣнокы гзмлѣша. и рѣцѣ оумѣнѣта. ѡ дгна гзврши Супр. 395, 30. *Облака проливают дождь на кого-либо, что-либо*: ѡблаци дждеблнни. еѣ неведе на ꙗкы дждѣ прѣведны одждемѣтѣ Син. евх. 1 в 20; они осеняют, прикрывают что-либо: бытѣ же облакѣ осѣнѣѣ ꙗ ἐγένετο νεφέλη ἐπισκιάζουσα αὐτοῖς Марк IX, 7 Зогр., Мар. *Молнии освещают что-либо*: ѡсѣтѣшиа млнниа его вгзеленѣж ѣфанен аі ἀστραπαὶ αὐτοῦ ἢ οἰκουμένη Син. пс. XCVI, 4. *Молния может повредить человеку глаз*: мол над емоуже дѣне блнѣкѣ измѣтѣ зракѣ Син. евх. 34 а 5.

Ветер и дождь сотрясают здания: гзниде дждѣ и придж рѣкы. и влзкѣша в(р)ѣтри. і нападѣ на храмнѣ тѣж καὶ προσέπεσαν τῇ οἰκίᾳ ἐκείνῃ Мат. VII, 25 Мар., Ассем. (в Зогр. гзнидѣ дждѣ, в Савв. потѣкѣ еѣ храмнѣ тоі, в Остр. нападѣша на храмнѣ тѣж) — и опдрѣша храмнѣ тѣж προσέκοψαν τῇ οἰκίᾳ ἐκείνῃ Мат. VII, 27 Мар., (в Зогр., Ассем. опдрѣша еѣ храмнѣ тѣж, в Савв. потѣкѣ еѣ хра-

минѣ твој, в Остр. спѣрша ѣа храмѣнѣ твои). *Ветер способен вселить в человека чувство страха*: етеръ во кѣтръ страха ка нѣ какѣакъ Супр. 472, 16. *Наводнение, затопляя землю, все уничтожает*: потопъ... кѣзатъ кѣа ѡ ката-κλυσμός... ἦρεν ἅπαντας Мат. XXIV, 39 Ассем., Остр. (кода — Зогр., Мар., Савв.).

Сочетаемость наименований некоторых сил природы с объектными глаголами активного действия безразлична для синтаксиса. Она получает своеобразное отражение в сфере страдательных конструкций. Огонь, кѣтръ, кѣама способны выступать в качестве субъекта трехчленных страдательных конструкций, как например: акы огнемъ пакы гонимы Супр. 39, 21; і чі (корабли. — К. Х.) зѣло кѣтръ і кѣамі мачімі Супр. 151, 13; акы дѣбоу отъ кѣтра зыбыжшгоу ѣа Супр. 228, 12.

Имена существительные, обозначающие солнце и луну, известны и в неальтернативных сочетаниях с безобъектными глаголами, обозначающими специфические состояния небесных тел (*сиять, светить, меркнуть, заходить*), и с глаголами движения (перемещения), и с объектными глаголами активного действия. Например: Вѣсіѣ слѣнѣце ἀνέτειλεν ὁ ἥλιος Син. по. СШ, 22; слѣнѣце... кѣсѣа тепло како кѣ жѣтѣж Супр. 77, 30; кѣсѣѣ слѣнѣце пракедное Енин. ап. 27 Ъ 17; слѣнѣце сѣгаѣтъ Супр. 508, 26; слѣнѣце кѣ отамѣенѣнѣхъ ердѣнѣхъ прокѣти Супр. 348, 23; слѣнѣце мрѣкнетъ ὁ ἥλιος σκοτισθήσεται Мат. XXIV, 29 Зогр., Мар., Ассем., Савв., Остр.; слѣнѣце помрачитъ ѣа ὁ ἥλιος σκοτισθήσεται Марк XIII, 24 Мар., Зогр. помрѣче слѣнѣце ἐσκοτίσθη ὁ ἥλιος (вариант: τοῦ ἡλίου ἐκλιπόντος) Лука XXIII, 45 Мар. (слѣнѣцу мрѣкѣшю Зогр., Ассем., омѣрѣкѣшю Остр.); зашѣло кѣ дѣз пракедное слѣнѣце Клоц. 14 Ъ 44 (так же в Супр., 453, 21); егда захождаше слѣнѣце ѡте ѣдо ἥλιος Марк I, 32 Мар., Зогр.; да не заидѣтъ слѣнѣце ка гнѣкѣ кашемъ Супр. 357, 7; не тѣкѣа же слѣнѣце бѣжа. нѣ ѣ земля тѣрѣѣше ѣа Супр. 485, 3; приде пракѣное слѣнѣце Супр. 474, 18.

О персонификации небесных светил свидетельствует, например, такое высказывание: *Слѣнѣце свѣтѣтѣ ѣакѣкѣ ѣа и дѣлѣче ѣа кѣ гѣмѣж Супр. 475, 13. Небесные светила действуют как разумные существа*: Слѣнѣце позна западѣ

εκοι ὁ ἥλιος ἔγνω τὴν δύσιν αὐτοῦ Син. пс. СШ, 19. Их названия выступают в сочетаниях с объектными глаголами. С винительным прямого объекта и дательным адресата: ελναιце. . . τζαμζ прѣмрачлнж ѿдеωμαз сѣтвори Супр. 448, 26. С винительным прямого объекта (при отрицании — с родительным): ελнαιце . . . сѣтгомаз кѣл мирз озари (Син. евх. 1 Б 25; лουна сѣтѣзлами лουѣами. кѣл мирз оεѣѣаεтз Син. евх. 2 а 1; ελнαιце не ожежетз тебе. Ни лουна поштнж ὁ ἥλιος οὐ συχαῖσει σε οὐδε ἡ σελήνη τὴν νόχτα Син. пс. СХХ, 6; ελнαιце κλселенжж ѿспланѣаεтз Супр. 450, 9; лουна не даεтз сѣтга εкоεго ἡ σελήνη οὐ δώσει τὸ φέγγος αὐτῆς Марк XIII, 24 Мар., Зогр.; так же Мат. XXIV, 29 Мар., Ассем., Остр. (мѣл — Зогр.). С объектом в форме на + вин.: ελнαιце εкоε сѣтга на злы и блгы ὅτι τὸν ἥλιον αὐτοῦ ἀνατέλλει ἐπὶ πονηροῦς καὶ ἀγαθοῦς Мат. V, 45 Мар. (злы Зогр., злына — Ассем., Остр., на злого и добраго — Савв.).

§ 5. Имена существительные, обозначающие предметы растительного мира, преимущественно входят в сочетания с безобъектными глаголами. С глаголом быти 'иметься': вѣ же трѣка мзнога на мѣсѣтѣ ἦν δὲ χόρτος πολὺς ἐν τῷ τόπῳ Ио. VI, 10 Мар., Зогр., Ассем. (трака — Остр.); ѿкоже вѣ градѣ ни εмокы вѣдетз. ни джвѣ никакжже Супр. 301, 12.

С глаголами быти и быкати в значении 'становиться': дшге ли кзго мѣнитз джение маладо монастыра. ѿеже при пжти ѿεтз. то да вѣεтз. ѿкоже то молиткѣми быεтз влженадо сака Супр. 301, 14; вѣздрасεтз. I вѣдетз боле κλεѣχз земли (о горчичном зерне) γίνεται μείζον πάντων τῶν λαχάνων Марк IV, 32 Мар., Зогр.

С глаголом оεгати: плѣкамз лѣгкамз сжшгамз. οὔδοβα вѣтромз дтгноεтз εа. δ пшеница тоу дεгаεтз Супр. 127, 27.

С глаголами оεждѣти, избилковати, оумножити εа: оεждѣεтз пшеница. не можетз во избилковати Супр. 266, 11; ѣко кедрι λβανεкака оумзножѣтз εа ὡσεὶ κέδρος ἢ ἐν τῷ Λιβάνῳ πληθυνθήσεται Син. пс. ХСI, 13.

Движение предметов растительного мира передается ограниченным кругом глаголов.

Семена, листья падают в землю или на землю: *ока ουβο падж при пжти* (о семенах К. Х.) *α μεν επεσεν παρὰ τὴν ὁδόν* Мат. XIII, 4 Мар. (падсша — Зогр.); *ока падж на пжти* Марк IV, 4 Мар.; *око паде при пжти* Лука VIII, 5 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; *дрюгга же падж на каменеиχз* *ἄλλα δε επεσεν ἐπὶ τὰ πετρῶδη* Мат. XIII, 5 Мар. (падсша Зогр.); *а дрюггое паде на каменеиχема* Марк. IV, 5 Мар.; *а дрюггое паде на камене* Лука VIII, 6 Мар., Ассем., Остр.; *а дрюгга падж кз трзнии* *ἄλλα δε επεσεν ἐπὶ τὰς ἀκάνθας* Мат. XIII, 7 Мар. (падсша Зогр.); *і дрю(γ)гое паде кз трзнии* Марк IV, 7 Мар.; *а дрюггое паде по ерѣдѣ трзникѣ* *επεσεν ἐν μέσῳ τῶν ἀκάνθων* Лука VIII, 7 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; *а дрюгга падж на земни доврѣ* *ἄλλα δε επεσεν ἐπὶ τὴν γῆν τὴν καλὴν* Мат. XIII, 8 Мар. (падсша Зогр.); Марк IV, 8 Мар., Лука VIII, 8 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.

Высохнув или созрев, они опадают: *листз его не оупадетз* Супр. 352, 27; *листз его не оупадетз* *τό φύλλον αὐτοῦ οὐκ ἀπορρηΐεται* Син. пс. 1, 3; *ѣко трака изро* *ισχισθη* и *ѣко земне злака скоро огпаджтз* *ὡσεὶ χόρτος ταχύ ἀποξηρανθήσονται καὶ ὡσεὶ λάχανα χλόης ταχύ ἀποπεσῶνται* Син. пс. XXVI, 2.

Из других глаголов движения, известных при существительных этого разряда, отметим донги 'достигнуть чего-либо в высоту': *лѣторасла* по малюу на *высотж* *κзсχοдашги* доиде до *ετροпа* Супр. 300, 22.

Язык несет в себе сведения о жизненном цикле растения: *оно прорастает, растет, цветет, приносит плоды, увядает*. Последовательность этих состояний отражена в следующем рассуждении: *о себѣ* во *землѣ* *плодигз* *εα*. *прѣжде* *трѣкж*. по *тома* *κλαεз*. по *тома* же и *пшеницж* *кз* *κλαεк* *αὐτομάτη* *ἢ γῆ καρποφορεῖ*, *πρῶτον χόρτον*, *εἶτεν στάχυν*, *εἶτεν πλήρη σίτον ἐν τῷ στάχυϊ* Марк IV, 28 Мар. (в Зогр. *кз* *себѣ* во *землѣ* *плодигз* *εα*).

Растение всходит, распускается, растет: *кзиде* *трзние* *ἀνέβησαν αἱ ἄκανθαι* Мат. XIII, 7 Мар., Зогр.; Марк IV, 7 Мар.; *кзздрасгге* *трзние* *συμφυεῖσαι αἱ ἄκανθαι* Лука VIII, 7 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; *кзздрасггегз* *і* *бждегз* *боле* *κзсѣхз* *земни* и *ткоригз* *кѣткн* *кемнз* (о горчичном зерне)

ἀναβαίνει καὶ γίνεται μείζον πάντων τῶν λάχανων καὶ ποιεῖ κλάδους μεγάλους Μαρκ IV, 32 Μαρ., Ζογρ.; ἀρτκεα κβздрас-тоша Супр. 539, 11; δὸ παπακεми κ(λ-)расгжтгз. плодзи ткора по κλα δ'ни (ο растениях) αὐξανῆ καὶ καρποφορῆ Рил. глаг. л. II 6—9. Глагол прозавати сочетается только с подлежащими — названиями растений (неальтернативная сочетаемость): ἀρουγα же... ἀβλε прозавж (ο семенах.— К. Х.) ἄλλα δὲ... εὐθέως ἐξανέτειλεν Μат. XIII, 5 Μαρ. (прозавсша Ζογρ.); I ἀβλε прозаве (ο семени К. Х.) εὐθύς ἐξανέτειλεν Μαρк IV, 5 Μαρ.; I ετμα прозавадгз I расгетгз ὁ σπόρος βλαστᾷ καὶ μηκύνηται Μαρк IV, 27 Μαρ., Ζογρ.; прозаве тркка и плодз сгткори ἐβλάστησεν ὁ χόρτος καὶ καρπὸν ἐποίησεν Μат. XIII, 25 Μαρ., Ζογρ., Ассем., Л. Унд., Остр.; εгда κтκ ея бждетгз младд и лисгкие прозавнегз ὅταν ἦδῃ ὁ κλάδος αὐτῆς γένηται ἀπαλός καὶ τὰ φύλλα ἐκφύη Μат. XXIV, 32 Ζογρ., Μαρ., Ассем., Савв., Остр.; εгда юже κтквас ея бждетгз младд I прозавнегз лисгквас ὅταν ἦδῃ ὁ κλάδος αὐτῆς ἀπαλός γένηται καὶ ἐκφύη τὰ φύλλα Μαρк XIII, 28 Μαρ. (κтквас — Ζογρ.); видите смоковницж и κасκ дрткка. εгда прошибаджтгз са юже κидашгге ο σεκκ κтсгге тко юже близз жатгка еггз Ἴδετε τὴν συκῆν καὶ πάντα τὰ δένδρα, ὅταν προβάλλωσιν ἦδῃ Лука XXI, 30 Μαρ., Ζογρ. (здесь прсшибати са передает глагол проβάλλω 'распускать почки'); сзмогритге кринз селзныгз. како расгжтгз катаμάθετε τὰ κρίνα τοῦ ἀγροῦ πῶς αὐξάνουσιν Μат. VI, 28 Μαρ. (цктгз — Ζογρ., кринз селзныгз — Остр., разоумтима цкты селзныгз — Савв.); лишь однажды прорастание травы обозначено глаголом, имеющим более широкую сферу сочетаемости: тзгд ави са и плткелз τότε ἐράνη καὶ τὰ ζιζάνια Μат. XIII, 25 Μαρ., Ζογρ., Остр. (тсгд и тки са плткелз Л. Унд., тсгд ткиша са и плткел I — Ассем.).

Растение цветет (сочетаемость неальтернативная): кодож полика јемо корениѧ. δὸ βεγзмрλгтзныими плодз κтρου-κшггнймз присно цктетгз (ο крестном древе, переносно) Супр. 354, 4; чккз тко трава дна-ε-го тко цктгз тако от-цктетгз οὕτως ἐξανθήσει Син. пс. СII, 15; процктетгз... тко тркка земанаκ ἐξανθήσουσιν... ὡσει χόρτος τῆς γῆς Син. пс. LXXI, 16; тко трава мимсиджтгз. Югρο процквтж и

прѣидетъ τὸ πρῶτὸ ἀνθῆσαι καὶ παρέλθοι Син. пс. LXXXIX, 6; Пракедникъ тако пи́никъ еъ прскатетъ (вм. прсцклететъ) δίκαιος ὡς φοῖνῖξ ἀνθῆσει Син. пс. XCI, 13; насаждені еъ демоу ᾠπὶ. еъ дкорѣхъ б̄а нашего процкѣтѣтъ πεφυτευμένοι... ἔξανθήσουσιν Син. пс. XCI, 14.

Выросшее растение рождает, дает или творит плод; в использовании того или иного из этих глаголов заметно влияние греческого оригинала: κττορασελ. . . три смокви роди Супр. 300, 25; даѣхъ плодъ. око еъто. око шестъ десѣтъ. око три десѣти ἐδίδου καρπὸν Мат. XIII, 8 Мар. (в Зогр. даахъ плоды) (о семени); и дроугсе. . . даѣше плодъ еъехода и расѣты ἐδίδου καρπὸν Марк IV, 8 Мар.; дрѣко. . . плодъ екон даѣтъ еъ вѣтма екою. и лиѣтъ иего не оупадетъ Супр. 352, 25; творитъ дрѣко доброе агодж емоу добрж. или творитъ дрѣко прахнѣно и агонж (вм. агодж) емоу изгнилж *Н ποιήσατε τὸ δένδρον καλὸν καὶ τὸν καρπὸν αὐτοῦ καλόν. ἢ ποιήσατε τὸ δένδρον σαπρὸν καὶ τὸν καρπὸν αὐτοῦ σαπρὸν Мат. XII, 33 Савв. (в Мар., Зогр., Ассем. — плодъ); еѣко дрѣко добро. плоды добры творитъ. а збло дрѣко плоды злы творитъ καρπούς. . . ποιεῖ Мат. VII, 17 Зогр., Мар., Ассем., Остр.; ср. Мат. VII, 18; дрѣко иеже не творитъ плода добраго поѣкаемо выкаѣтъ πᾶν οὐκ δένδρον μὴ ποιῶν καρπὸν καλόν Мат. III, 10 Мар., Ассем.; а дроугсе прозавъ еътвори плодъ еътократицеж ἐποίησεν καρπὸν Лука VIII, 8 Мар. (еътворицеж Зогр., Ассем.); подбвѣхѣтъ еа. I не до врѣха плода творѣтъ (о семенах) καὶ οὐ τελεσοφοροῦσιν Лука VIII, 14 Мар., Зогр., Ассем. (в Савв. не до конча); смокви плода не еътвори Супр. 350, 12.

Ср. также употребление глагола плодити еа: еѣнни на добрѣ зѣми. . . плодѣтъ еа καρποφοροῦσιν Марк IV, 20 Мар., Зогр.

Глагол разбоѣхѣтъ, которому в оригинале соответствует *πιανθήσονται*, употребляемый применительно к созревающим хлебам в смысле 'наливаться', отнесен в Син. пс. к существительному поугѣннѣ: Разбоѣхѣтъ красна поугѣтннѣ. I радосѣгнж хлѣзми прѣпоѣхѣтъ еъ *πιανθήσονται τὰ ὠραῖα τῆς ἐρήμου* LXIV, 13.

Цветение предшествует созреванию плода: цвѣтъца прѣдѣкараетъ прѣдъ окштемъ Супр. 284, 22.

Плоды созревают: егда же созрѣатъ плоды. абие послѣтъ срѣнъ ѿтан δε παραδοῖ ὁ καρπός Марк IV, 29 Мар., Зогр.

Растение сохнет и вянет от жары, недостатка влаги и других неблагоприятных условий: і зане не имѣхъ кореник исхъж (о семенах) ἐξηράνθη Mat. XIII, 6 Мар. (исхъж — Зогр.); і абие исхъше смоковница ἐξηράνθη παραχρημα ἢ σικῆ Mat. XXI, 19 Мар.; і зане не имѣше кореник оусъше (о семени) ἐξηράνθη Марк IV, 6 Мар.; а другое паде на камене и прозавъ оусъше ἐξηράνθη Лука VIII, 6 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; смоковница еже проклатъ оусъше ἐξήρανται Марк XI, 21 Мар., Зогр.; и гоу абие смокы сѣхнѣше Супр. 345, 10; оусъхнъ смокы Супр. 352, 1; ꙗко трава Ἰάδρο исхъжнъ ταχὺ ἀποξηραίνθησονται Син. пс. XXXVI, 2; сѣнъцоу же косиѣхъшю прискадъ ἐκαυματίσθη Mat. XIII, 6 Мар., Зогр, прискаде Марк IV, 6 Мар.

Семя, брошенное в землю, может погибнуть: зръно пыленно не оумаретъ падъ къ земли μὴ ὁ κόκκος τοῦ σίτου... ἀποθάνη Ио. XII, 24 Зогр., Мар., Ассем., Остр.

Растение или дерево качается под ветром (здесь — в сравнительных оборотах): сынъ колѣбаше сѣ акы окштемъ зывѣмо отъ многа вѣтра Супр. 570, 10; такоже црѣзъквншгоу зывати сѣ. акы дѣбоу отъ вѣтра зывѣжшгоу сѣ Супр. 228, 12.

Деревья красуются листьями; они возвышаются: смокы листвнемъ красуютше Супр. 352, 6; видѣхъ нечастиваего, прѣккзносѣца сѣ и кысѣца сѣ ꙗко кедръ либанѣкнѣж (сравнительный оборот) ὑπερψομένον καὶ ἐπαυρόμενον Син. пс. XXXVI, 35.

С пменами, обозначающими растения, сочетаются также переходные глаголы, обозначающие действия, направленные на внешние объекты, но совершаемые стихийно, произвольно: покры горы сѣнъ его. і лозе его кедръ вжнѣ ἐχάλυψεν... αἱ ἀναδενδράδες... τὰς κέδρους του θεοῦ Син. пс. LXXIX, 11; кздрасче грзние и подави е (т. е. семя. К. Х.) ἀπέπιξαν αὐτό Лука VIII, 7 Мар., Зогр., Ассем.,

Савв., Остр.; казиде трѣниѣ и подани ꙗ ѣпнѣан аѡтѣ Мат. XIII, 7 Мар., Зогр.; ср. Марк IV, 7 Мар.

Деревьям могут быть приписаны человеческие эмоции и даже поступки: Тогда възрадоуѣтъ ѣа каѣѣ дрѣва дѣвробанаѣ ἀγαλλιάσονται Син. пс. XCV, 12; насытъѣтъ ѣа дрѣва полѣскаа χορτασθήσεται Син. пс. CIII, 16; что ли ѣгнѣши ѣмѣкы Супр. 345, 25.

§ 6. Имена существительные, обозначающие диких и домашних животных, пресмыкающихся, птиц, насекомых, сочетаются, в целом, с более широким кругом глаголов, чем слова из любого вышерассмотренного разряда. Впервые в нашем описании сочетаемости лексем появляются глаголы, обозначающие ощущения и жизненные функции живых существ: *чувства голода и жажды, насыщение, умирание. Живые существа могут видеть и слышать, различать людей по голосам; они способны, каждое по-своему, издавать звуки.* Им свойственны некоторые виды активных действий, направленных на внешние объекты. Глаголы уже встречавшихся выше разрядов выступают, в сочетаниях с названиями живых существ, в более разнообразном и богатом наборе (см., например, круг глаголов движения).

С глаголом *быти* 'находиться': *тоу гаѣи имѣже нѣѣтъ ѡѣла. жикѡгѣнаа малаа ѣз велѣкыми ѣхѣи ѣрпѣтѣ... ζῷα μικρά μετὰ μεγάλων Син. пс. CIII, 25; быѣхъ ꙗко поѣзныи кранъ на нырици ѣгнѣθη ѡсеи вохтиѡраѣ ѣν οἰκοπέδῳ Син. пс. CI, 7; Завадѣхъ ꙗ быѣхъ ꙗко патѣца ѡбѣщаниѣ ѣа на звадѣ ѡсеи στρουθῖον μονάζον ἐπὶ δώματα Син. пс. CI, 8.*

С глаголами, обозначающими *обитание*, и, обычно с обстоятельствами, указывающими на место *обитания*: *вѣахъ же кѣ црѣккишги томъ змиѣкѣ живѣшге Супр. 227, 29; приги птицама нѣѣкымъ. и кигати на вѣт-вѣхъ его катаσκηνοῦν ἐν τοῖς κλάδοις αὐτοῦ Мат. XIII, 32 Мар., Зогр.; ꙗко мошти подъ ѣѣниѣ его птицама нѣѣкымъ кигати δύνασθαι ὑπὸ τὴν σκίαν αὐτοῦ τὰ πετεινὰ τοῦ οὐρανοῦ катаσκηνοῦν Марк IV, 32 Мар., Зогр.; ѣкоуменъ ѡвѣгаѣа ко ѣзкрѡкишгиѣхъ σκόμος οἰκῶν ἐν ἀποκρύφοις Син. пс. XVI, 12; прѣвѣгаѣ по горама ꙗко птица крѣвѣи Μεταναστεύου ἐπὶ τὰ ὄρη ὡς στρουθῖον Син. пс. X, I; на тѣи (на источниках. — К. X.) патѣца нѣѣнѣма прѣвѣгаѣжѣтъ ѣп' аѡтѣ τὰ πετεινὰ...*

κατασκηνώσει Спш. пс. СШ, 12; мшш ꙗзвнши нмжгъ. I пгнца нбскыя гнѣзда Αι ἀλώπεκες φωλεοὺς ἔχουσιν καὶ τὰ πετεινὰ... κατασκηνώσεις Mat. VIII, 20 Мар., Зогр., Ассем., Савв. (лишца лoжa нмжгъ Остр.). Ср. Лука IX, 58.

Живые существа поселяются в том или ином месте: Тоу пгнца оугнѣздагъ ея ѓкѣ стrouдiа ἐννοσεύουσιν Спш. пс. СШ, 17; змиа вгнѣждаа' еа вл немл Супр. 567, 14; влгътз вл дрѣво келие. и пгнца нбскыя влселнша еа вл вѣткн егo τὰ πετεινὰ ... κατασκήνωσεν ἐν τοῖς κλάδοις αὐτοῦ Лука XIII, 19 Мар., Зогр., Савв., Остр.

Живые существа стоят, сидят, лежат, встают, опираются на что-либо: звѣрѣ прѣквеликѣ егoнѣ прѣдѣ дварьми Супр. 558, 25; егoнѣ на крестѣ агнѣца и дѣва влѣка Супр. 437, 15; звѣрнѣ и пгн. и пгнца нбселнша ... еѣдѣахж окржг тѣлеоу ѓѣ Супр. 14, 28; влѣкѣ ншгнж прсѣдѣаше оу тѣла на евлнденѣ ѓѣ Супр. 537, 27; влѣвѣдоу же ... лежашгоу на мѣстѣ Супр. 218, 11—16; екоумѣнѣ ... вл ложнхъ евоухъ мжжгъ скѣмнoи ... ἐν ταῖς μάνδραις αὐτῶν κοιτασθήσονται Спш. пс. СШ, 22; влѣта ѓкоже екумѣнѣ Супр. 478, 25; звѣрѣ ... ногамѣ прѣд нимѣ опѣрѣ еа ѣ егълѣ Супр. 558, 27.

Имена существительные, обозначающие животных, птиц, насекомых, сочетаются с глаголами движения, например: издоша коупно влн звѣрнѣ Супр. 184, 23; излѣзоша же звѣрнѣ влнѣ црѣкѣ Супр. 229, 15; прѣдѣгътз влѣи звѣрѣтѣ лжжнн днелѣсoнѣта пѣнѣта τὰ θηρία τοῦ δρυμῶ Спш. пс. СШ, 20; пѣлѣцѣмѣ же еа келѣвѣдомѣ ... ѓднѣ ѣтѣ ннхъ ... влѣзе вл ннж Супр. 217/218; прѣдѣ прози. i гжѣннѣцѣ лмѣже не вѣ чнѣла ѣлѣвен ἄχρις καὶ βροῦχος Спш. пс. CIV, 31; отѣкѣдоу прѣдоша енѣ днѣнѣ козы и ѓелѣннѣ Супр. 224,2; прѣхѣждаахж же звѣрнѣ и пгн. ѣ пгнѣца нбселнша Супр. 14, 28; и прѣдѣ пѣлѣцѣ моухѣ и мѣшнѣца вл влѣта прѣдѣлѣи лхъ ѣлѣвен хонѣмнѣа καὶ скѣпѣс Спш. пс. СШ, 21; проннѣша и прѣдѣ крестѣлн ѣлѣвен ѣртѣгомѣтѣра Спш. пс. CIV, 40; ѣ овлѣца влнѣ егърадѣ влжжѣдааше Супр. 498, 29; порѣжж пѣтѣрѣтѣ. и овлѣца рѣзѣтѣгътз еа τὰ πρόβατα διασκορπισθήσονται Марк XIV, 27 Мар. (в Зогр. рѣзѣтѣнѣтз еа); порѣжж пѣтѣгоухѣ и рѣзно пѣдѣгътз ѣвлѣца Супр. 478,

11; ꙗко прити птицама небѣдимъ ѡсте ἐλθεῖν τὰ πετεινὰ Μат. XIII, 32 Мар., Зоґр.; какъ лѣво скотъ. . . жико не излѣзетъ Супр. 193, 18; стґпи и баниде ѣмоу нога въ доупинж (о верблюде) Супр. 218, 21.

Движение, устремленное к цели: акы лѣви крѣкоѣдѣнии. оустґрѣмиша ѣа на на Супр. 216, 22.

Движение, следующее за движущимся предметом, человеком: вѣслѣдѣтковаѣта же вѣслѣдъ него дѣва ѣлени и шестъ дивнихъ коза Супр. 223, 8; окѣца по немъ идѣтъ τὰ πρόβατα αὐτῷ ἀκολουθεῖ Ио. X, 4 Мар., Зоґр.; ср. Ио. X, 5 Мар., Зоґр.

Движение от человека: по тоуждемъ же не идѣтъ. на вѣжатъ стґга него ἀλλὰ φεύγονται ἀπ' αὐτοῦ Ио. X, 5 Мар., Зоґр., Ассем., Остр.

Движение, окружающее человека: обѣдѣ ма пѣци мнози ἐκυκλώσαν με κύνας πολλοί Син. пс. XXI, 17; ѡбидѣ ма ꙗко вѣчелы стґга ἐκυκλώσαν με ѡсеи μέλισσαι κηρίον Син. пс. CXVII, 12; ѡбидѣ ма телзѣци мнози περιεκύκλωσαν με μόσχοι πολλοί Син. пс. XXI, 13.

Неальтернативная сочетаемость названия животного с глаголом *движения*: лѣвъ скочи на праведника Супр. 116, 23.

Название живого существа сочетается с глаголами *взпасти*, *взпасти ѣа*, *завлѣднѣти*, обозначающими движение *непроизвольное*: въ неже мѣстѣ аште взпадетъ какъ лѣво скотъ. то къ томсѣ жико не излѣзетъ Супр. 193, 18; которадо кал. ослъз ли колъ. въ стоуденецъ взпадетъ οἶδς ἢ βοῦς (ὄνος ἢ βούς) εἰς φρέαρ πεσεται Лука XIV, 5 Мар., Ассем., Савв., Остр. (в клѣдѣзъ взпадетъ ѣа Зоґр.); I аще взпадетъ ѣа къ ꙗмъ в собогъ. не изметъ ли его (о ягненке) καὶ ἐὰν ἐμπέσῃ τοῦτο τοῖς σάββασις εἰς βόθυνον Мат. XII, 11 Мар., Зоґр.; изгонима же взпаде ѣа въ ꙗѣровъ Супр. 217/218 (о верблюде); Завлѣднѣхъ ꙗко овѣча погыбѣшее ἐπλανήθη ὡς πρόβατον ἀπολωλός Син. пс. CXVIII, 176.

Движущееся живое существо останавливается: и стґша зѣѣрне непостґпани Супр. 229, 6.

Живые существа скапливаются, собираются в каком-либо месте: иждеже бо аште вѣдетъ троупъ. тоу съберѣтъ ѣа орли ὅπου ἐὰν ἦ τὸ πτωμα, ἐκεῖ συναχθήσονται οἱ ἀετοί Мат. XXIV, 28 Зоґр., Мар., Ассем., Савв., Остр. Как видно из этих материалов, многие сочетающиеся с назва-

ниями живых существ глаголы обозначают разнообразные виды движения, а сами живые существа (животные, птицы, насекомые) воспринимаются преимущественно как двигающиеся.

Живые существа спят: спавъ тако лавъ Супр. 478, 25; *погибают (умирают):* чрѣка ихъ не оумираатъ ѿ σκόληξ... οὐ τελευτᾷ Марк IX, 44 Мар., Зогр.; так же Марк IX, 46 Мар., Зогр. и Марк IX, 48 Мар., Зогр.; чрѣка же не оумираатъ Супр. 479, 18; силсѣ вожинѣж звѣрине измѣрѣша Супр. 231, 15. *Они получают увечья:* господина... повѣда кназоу о никѣ. и како оклосниша емоу келавѣда (т. е. охромел) Супр. 218, 10; *испытывают голод и жажду:* жаждаетъ еленъ на источники водниа ἐπιποθεῖ ἡ ἔλαφος ἐπὶ τὰς πηγὰς τῶν ὑδάτων Син. пс. XLI, 2; жаждѣтъ лонагри кѣ жѣждѣж свсѣж προσδέξονται ὄναγροι εἰς δίψαν αὐτῶν Син. пс. CIII, 11; *Взвратѣтъ сѣ на кѣчеръ.* и кѣзлѣжѣтъ ꙗко перѣ λιμῶξουσιν ὡς κύων Син. пс. LVIII, 7 (в сравнительном обороте).

Хищные звери сидят в засаде: летѣ к тѣинѣжъ ꙗко лѣкѣ кѣ сградѣ свсеи летѣ кѣчѣ(и)тѣи ништѣго ἐνεδρεύει ἐν ἀποκρύφῳ ὡς λέων ἐν τῇ μάνδρα Син. пс. IX, 30; *они хватают, расхищают, умерщвляют, пожирают свои жертвы* (глаголы переходные): ѿвѣсия ма ꙗко лѣкѣ готѣкѣ на лѣкѣ. и ꙗко коуменъ свѣтаѣ ко свкрѣишѣжъ ὑπέλαβον με ὡσεὶ λέων ἔτοιμος εἰς θήραν καὶ ὡσεὶ σκύμνος Син. пс. XVI, 12; *И остаткѣатъ окѣца и вѣгѣатъ.* *И кѣкѣ расхѣитѣ ѣ.* *И расхѣитѣ окѣца ѿ λύκος ἀρπάζει αὐτὰ καὶ σκορπίζει* Ио. X, 12 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; *также агна звѣрине.* тако хѣ воубинѣи ѣмѣше. прикѣдѣша Супр. 471, 27; *кѣкѣ мѣе кѣспитѣние свѣдѣетъ* Супр. 247, 19; *ѣздоша коупѣо кѣи звѣрине.* ѣ ѣзмориша кѣса члѣкѣкѣ Супр. 184, 23; *Коуменѣ рѣкаѣще кѣчѣитѣе сѣмѣи ѿруѣмѣи арѣаѣи* Син. пс. CIII, 21.

Живые существа пьют, едят (объект может быть назван или не назван): *дѣтѣ намѣ стоудѣнецѣ св.* *И тѣ из него пѣтѣ и свѣе егѣ и скѣи егѣ аѣтѣс ѣѣ аѣтѣс ѣпѣн... καὶ τα θρέμματα αὐτοῦ* Ио. IV, 12 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; *и не тѣша ни пѣша звѣрине тѣи* Супр. 15, 3; *прѣдѣ прози.* *И гѣсѣниѣа...* *И покѣиѣ кѣсѣж тѣакѣ земѣи ѣхъ кѣтѣфарѣн πάντα τὸν χόρτον* Син. пс. CIV, 34—35; *и пѣи вѣдѣтѣ*

отъ крупницъ падажитиныхъ съ трапезы господен своихъ τὰ κινάρια ἐσθίει Мат. XV, 27 Мар., Зогр., Савв., Остр.; ср. Марк VII, 28 Мар., Зогр.; желаше насытити чръко свое отъ ржецъ ѣже ѣдахъ свиния ὡν ἦσθιον οἱ χοῖροι Лука XV, 16 Мар., Зогр., Ассем., Савв.; аще кѣо съхранитъ вращен'це тсли мѣша его кзкоуцитъ Сип. евх. 104 b 25. Глаголы пожарати, лизати, облизати, озокати имеют узкую сферу сочетаемости: ни да пожаретъ мене змии глзвинзныи Супр. 528, 22; лыз... лизаше потъ пракаданика Супр. 166, 23; при... облизашъ гнси его οἱ κύνες... ἐπέλειχον τὰ ἔλκη αὐτοῦ Лука XVI, 21 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; ωзога і кѣрпа отъ лжга. Інокъ дикелі поѣлз ертъ ἐλυμήνατο αὐτὴν οὗς ἐκ δρυμῶν, καὶ μονιὸς ἄγριος κατενεμήνατο αὐτὴν (о винограде) Син. пс. LXXIX, 14. Есть глаголы, обозначающие действия этого круга, свойственные только данным живым существам (неальтернативная сочетаемость): идеже татъ не приближатъ ед. ни талѣ талитъ ὅπου κλέπτῃς οὐκ ἐγγίζει οὐδέ σῆς διαφθείρει Лука XII, 33 Мар., Ассем., Остр.; в Зогр. ни талѣ талитъ. ни чръкд; в Савв. ни чръкд гризетъ. ни талѣ талитъ; птица небскыя позсаша е (о семени. К. X.) τὰ πετεινά... κατέφαγεν αὐτό Лука VIII, 5 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; Мат. XIII, 4 Мар., Зогр.; Марк IV, 4 Мар. Добавим сюда пример с жалящей змеей, извлеченный из более поздних, чем привлекаемые в настоящей работе, источников: Апостола по Христинопольскому списку (XII в., русская редакция) и по Шишатовачкому списку (XIV в., сербская редакция): еχидна... οὐρτκноу и кз роукоу А. 28.3.

С названиями живых существ употребляются в качестве сказуемых глаголы, обозначающие *ржанье, лай, рычанье, рев, свист, пение*. Каждый из этих глаголов неальтернативно сочетается со своим подлежащим (только лев и рычит, и ревет): вѣлахъ во тако кѣни рзжжшге δ дсвротѣ ѣж (в сравнительном обороте) Супр. 2, 30; пакы на пасгеуѣла лажитъ при Супр. 424, 25; ѡтѣрѣкѣа на мѣ оуѣга евоѣ. ѣко лекъ кзехшигга і рикаѣ ѡс лѣѡν ὁ ἀρπάζων καὶ ὠρούμενος Син. пс. XXI, 14; свѣходитъ во тако лѣкъ ревы ѡс лѣѡν ὠρούμενος Хил. л. II В а 15—16; кзздроу акы лекъ Супр. 71, 26 (в сравнительных оборотах); зкѣрине... свиста-

нига ѿ магежа творѡдѡжъ кѡ црѡкѡкшѡти Супр. 228, 9; ко-
котѡ вѡспѣтѡ ἀλέκτωρ ἐφώνησεν Марк XIV, 68 Мар. (в Зогр.
коурѡ вѡспѣтѡ, в Остр. коурѡ вѡзгласи); вѡторицеѡжъ кокотѡ
вѡспѣтѡ ἀλέκτωρ ἐφώνησεν Марк XIV, 72 Мар. (в Зогр.
коурѡ вѡспѣтѡ, в Остр. коурѡ вѡзгласи). Впрочем, крик
петуха чаще передается глаголом вѡзгласиѡти, имеющим
более широкую сферу сочетаемости. Ср.: ѡбне коурѡ вѡзгласи
ἀλέκτωρ ἐφώνησεν Ио. XVIII, 27 Мар., Зогр., Ассем., Остр.
(в Савв. ѡбне коурѡ вѡспѣтѡ); вѡзгласи кокотѡ ἐφώνησεν ἀλέκτωρ
Лука XXII, 60 Мар. (вѡзгласи коурѡ — Зогр., Остр.); ѡбне
кокотѡ вѡзгласи ἀλέκτωρ ἐφώνησεν Мат. XXVI, 74 Мар. (коурѡ
вѡзгласи Зогр., Ассем., Остр.; коурѡ вѡспѣтѡ Савв.); не
вѡзгласитѡ кокотѡ οὐ μὴ ἀλέκτωρ φωνῆσῃ Ио. XIII, 38 Мар.
(не вѡзгласитѡ коурѡ Зогр., Ассем., Савв., Остр.); не вѡзгласи-
тѡ кокотѡ днѡсѡ οὐ φωνῆσει... ἀλέκτωρ Лука XXII, 34
Мар. (не вѡзгласитѡ коурѡ Зогр.); прѡжде даже кокотѡ не
вѡзгласитѡ πρὶν ἀλέκτορα φωνῆσαι Мат. XXVI, 34 Мар. (коурѡ
не вѡзгласитѡ Зогр., Ассем., Савв., Остр.); Мат. XXVI,
75 Мар. (коурѡ не вѡзгласитѡ Зогр., Остр.; коурѡ не вѡспѡ-
ѡжѡ Савв.); Лука XXII, 61 Мар. (не вѡзгласитѡ коурѡ
Зогр., Остр.); Марк XIV, 72 Мар. (коурѡ не вѡзгласитѡ
Зогр., Остр.). Выраженные глаголами крики разного рода
выступают в нашем материале как обычные признаки жи-
вотных и птиц.

Животные смотрят и видят, слушают и слышат;
слушаются (повинуются): кѡлѡбѡдѡжъ же видѡтѡ ѡ... тече ѡ
ѡрѡтѡ ѡ Супр. 218, 21; млѡденѡци ѡко и птишѡти. кѡзирѡ-
ѡжѡ к тѡвѡ зѡжшѡте Супр. 513, 2; ѡкѡца мѡѡ глѡсѡ мѡѡѡ
ѡлоушѡжѡтѡ тῆς φωνῆς μου ἀκούουσιν Ио. X, 27 Мар., Остр.;
ѡкѡца глѡсѡ еѡ глѡшѡтѡ τὰ πρόβατα тῆς φωνῆς αὐτοῦ ἀκούει
Ио. X, 3 Мар. (ѡлоушѡжѡтѡ — Ассем.); не поѡлоушѡшѡ иѡѡ
ѡкѡца οὐκ ἤκουσαν αὐτῶν Ио. X, 8 Мар.

Овцы способны различать по голосу «своих» и «чужих»:
по тѡуждемѡ же не иѡжѡтѡ. иѡ вѡжѡтѡ ѡтѡ неѡ. ѡко не
знѡжѡтѡ тѡуждѡниѡѡ глѡсѡ οὐκ οἶδασιν τῶν ἄλλοτρίων τῆν φωνῆν
Ио. X, 5 Мар., Остр. (тѡуждѡдѡѡ глѡсѡ Ассем., штѡуждѡѡ
глѡсѡ Зогр.).

Вообще же разумные поступки считаются для живот-
ных не свойственными: Не вѡжѡтѡ ѡко конѡ и мѡѡѡ ѡмѡже

ηκετα ραζοума μη γινεσθε ως ιππος και ημιονος, οϊς ουκ εστιν ονομα
vesis Син. пс. XXXI, 9.

Активные действия, совершаемые животными и птицами, не выходят за пределы их возможностей. Ср., например: птица изваки εα отъ εφти Супр. 80, 4. Эти действия совершаются по отношению к их собственным частям тела, иногда же они относятся к детенышам: кельбждз же ...истрзже ногж ексж Супр. 218, 21; кельбждоу же... разломеныа ноги не можшгоу оутврдити Супр. 218, 14; лбз скочи на праведника. и подз пазоухама него положи нозѣ скон Супр. 166, 23; εβвралтз коксшз птенца εкоа подз крилк ѳрвс επισυάγει τὰ νοσσία αὐτῆς ὑπὸ τὰς πτέρυγας Мат. XXIII, 37 Мар., Зогр., Остр. (в Ассем. лажлѣ «наседка»); птица сврѣте сѣкѣ храмнж I грзлица гнѣздо сѣкѣ. Iждеже положи птенца εкоа оѳ дѣзет τὰ νοσσία αὐτῆς Син. пс. LXXXIII, 4. Действия живых существ — не людей не допускают использования орудий, если не считать таких возможных ситуаций, когда в качестве орудий выступают части тела животных и птиц: *лапа, крыло, клюв.*

В ситуациях антропоморфического мира животные испытывают чувства и совершают поступки, свойственные только людям: зѣрне лютни оужасж εа шбраза крстнаго Енин. ап. 36 а 10; начаша же змиекѣ глаголати чокѣчаскы гласы Супр. 229, 24; кз женѣ глагола змиа Супр. 244, 2; югоже хвалитз влса твдрз. змиекѣ н влса бездениа Супр. 77, 5; юдннз отъ дивннхз жикотз глагола Супр. 225, 12; змиі еугж прѣлзстнлз Супр. 482, 16.

§ 7. Прежде чем переходить к описанию выражаемых глаголами действий, свойственных человеческому существу, остановимся на лексико-семантическом разряде имен существительных, обозначающих части тела человека (например, нога, ржка), его внутренние органы (например, грздце), органы чувств (око, оухо) и другие понятия, имеющие отношение к телу человека (костъ, плзть, ребрз, класи).

Эти существительные замечательны своей двойственностью в отношении сочетаемости с глаголами. Они естественно сочетаются с глаголами, обозначающими состояния и процессы, свойственные им как частям живого организма, т. е. как несамостоятельным предметам: они занимают определенное положение в пространстве, изменяют

это положение, испытывают различные физические состояния, в том числе — и особенно часто — болезненные, гибнут, исцеляются. Но вместе с тем те же самые существительные способны широко сочетаться с глаголами, обозначающими активную деятельность человека как разумной личности, т. е., в отношении сочетаемости с глаголами, они вводятся в ранг самостоятельных деятелей. Рассмотрим эти два типа сочетаемости.

С глаголами *положения в пространстве, изменения положения* и с глаголами *движения*: κινῶ δακὰ ἀνήλα...
 Ἰδεже бѣ лежало тѣло ѿко ὅπου ἔκειτο τὸ σῶμα τοῦ Ἰησοῦ Ио. XX, 12 Мар., Ассем., Остр.; Ἰδεже εἰσῆλθε ποσὶ εἰς οὗ ἔστησαν οἱ πόδες αὐτοῦ Син. пс. CXXXI, 7; иχъже ноги стоаѣтѣ бѣлажъ ноги наша кѣ дкорѣхъ тѣоихъ ἐπὼτες ἦσαν οἱ πόδες ἡμῶν ἐν ταῖς ἀλαῖς σοῦ Син. пс. CXXXI, 2; нога моѣ ста на правѣдѣ ὁ γὰρ πούς μου ἔσται ἐν εὐθύτητι Син. пс. XXV, 12; многа тѣлаεа почиѣшигнихъ стѣихъ кѣсташа πολλὰ σῶματα τῶν κεκοιμημένων ἀγίων ἠγέρθησαν Мат. XXVII, 52 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр. (οὐραπισιῆхъ Супр. 485, 28); а не кѣε тѣло тѣоε идеѣтѣ кѣ ἕσονж мῆ ὄλον τὸ σῶμά σου εἰς γέενναν ἀπέλθῃ Мат. V, 30 Мар. (в Зогр. кѣвръжкено бѣдетѣ кѣ ἕсонж); кѣниде ѿмоу нога кѣ доупинж пешгеръжнжж Супр. 218, 16; нсшаахъ εа кѣкозѣ рѣкж доврѣиѣмъ мѣченикомъ тѣлаεа при брѣзѣтѣ пришедѣше сташа Супр. 67, 7; тѣлаεа стѣиихъ нсшаахъ εа кѣкозѣ кодѣж Супр. 66/67; а еихъ доврѣиихъ мѣченикѣ тѣлаεа. аки корабли врѣхоу плакаахъ Супр. 66, 23; тѣло окаанааго тоу дѣиѣ погразе Супр. 66, 22; Кѣ стѣтѣ εεи ежже кѣкрыша оуказе нога ихъ ἐν παγίδι ταύτη... συνελήμφθη ὁ πούς αὐτῶν Син. пс. IX, 16; маεа ѿмоу падсша кѣεа на земли Супр. 149, 21; чрѣка наѣнжгѣ хѣтѣтѣтѣ изкалѣтѣ εа на зѣмыѣ Супр. 114, 1; да кѣзнесетѣ εа рѣка тѣоѣ ὕψωθήτω ἡ χεῖρ σου Син. пс. IX, 33; да не подкѣжѣтѣ εа стопы моѣ ἵνα μὴ σαλευθῶσιν τὰ διβήματά μου Син. пс. XVI, 5; подкѣжѣте εа нозѣ мон σαλευθῆναι πόδας μου Син. пс. XXXVII, 17; подкѣжѣεа нога моѣ Σεσάλευται ὁ πούς μου Син. пс. XCIII, 18; оуεѣтанѣ ѿго подкѣжѣεа εа Супр. 116, 25; заѣεа εа оуεѣта глагомиѣниѣмъ неправѣдѣ ἐνεφράγη στόμα Син. пс. LXII, 12; прѣлѣпе земли жѣтрѣѣа наша ἐκολλήθη εἰς

γῆν ἢ γαστήρ ἡμῶν Син. πε. XLIII, 26; ѣзыкѣ моѣ прѣлапе
грѣтанѣ моѣмѣ ἢ γλῶσσα μου κεκόλληται τῷ λάρυγγί μου Син.
πε. XXI, 16; CXXXVI, 6; прѣлапе коста моѣ пазтѣ моѣ
έκολληθή τὸ ὄστοῦν μου τῇ σαρκὶ μου Син. πε. CI, 6; পেগেদ
ক্ৰাণ দৃঢ়পাড়াইত. তঁকলা সুপ্র. 89, 23.

С глаголами, обозначающими различные состояния,
в том числе болезненные: Ἐδρѣσια ρρῆце μοε ка мнѣ ἐδερ-
μάνθη ἢ καρδία μου ἐντός μου Син. πε. XXXVIII, 4; БЫЦТѢ
ρρῆдѣце моε ꙗко коєкѣ чѣмѣ поєррѣдѣ ррѣкѣ моєго ἐγενήθη ἢ
καρδία μου ὡσεὶ κηρός Син. πε. XXI, 15; жѣтѣрѣѣа дѣмѣше єа
Супр. 239, 27; очѣ же єи дѣрѣжадѣшеге ої дѣ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν
έκρατῶντο Лука XXIV, 16 Мар., Зопр. (Δρѣжаѣте Ассем.,
Остр.); Ἐдѣмѣте єа ога ꙗросѣтѣ око моє. Дѣла моѣ и жѣтѣрѣѣа
(так!) моѣ єтарάχθη ἐν θυμῷ ὁ ὀφθαλμός μου. ἢ ψυχή μου кол
ἢ γαστήρ μου Син. πε. XXX, 10; Ἐдѣце моє єдѣмѣте єа
осѣтаки мѣ єїла моѣ ἢ καρδία μου єтарάχθη, ἐγκατέλιπέν με ἢ
ισχύς μου Син. πε. XXXVII, 11; ρдѣце моє єдѣмѣте єа к мнѣ
ἢ καρδία μου єтарάχθη ἐν єμοι Син. πε. LIV, 5; Да не єдѣмѣш-
тѣдѣтѣ єа каше ρдѣце Мѣ тараєєєдѣѣ ѥμῶν ἢ καρδία Ио. XIV,
1 Мар., Зопр., Ассем., Савв., Остр.; Ио. XIV, 27 Мар.,
Зопр., Ассем., Савв., Остр.; ρдѣце моє кѣдѣмѣте єа ко мнѣ
ἢ καρδία μου тєтѣраχтѣ ἐντός μου Син. πε. CVIII, 22; єдѣмѣ-
шѣ єа коєтѣ моѣ єтарάχθη τὰ ὄστᾶ μου Син. πε. VI, 3;
коєтѣ моѣ єдѣмѣшѣ єа τὰ ὄστᾶ μου єтарάχθησαν Син. πε.
XXX, 11; учѣ мої изнеможете ога нѣшѣгеѣтѣ ої ὀφθαλμοὶ μου
ἡσθѣνησαν Син. πε. LXXXVII, 10; колѣнѣ мои изнеможете
ога поєтѣ τὰ γόνατά μου ἡσθѣνησαν Син. πε. CVIII, 24; из-
неможете плєєнѣ мої ἡσθѣνησαν τὰ ἴχην μου Син. πε. XVII,
37; изнемоєж ка нѣчѣ ѣзѣцѣ нѣчѣ єѣησθѣνησαν ἐп' αὐτους αї
γλῶσσαι αὐτῶν Син. πε. LXIII, 9; рѣкѣ мѣч'аштѣнѣчѣ єлоугѣ
рѣєлѣѣѣшѣ Супр. 110, 16; рѣєлѣѣѣ ѣмоу дѣѣє тѣєло Супр.
563, 23; коєтѣ моѣ ꙗко єоушиєло єоєчѣє єа τὰ ὄστᾶ μου
ὡσεὶ фрῶγιон сѣнефрῶγησαν Син. πε. CI, 5; коєтѣ не єкѣроу-
шѣгѣ єа єго 'Оєтῶν οὐ сѣнѣрѣзѣѣтѣ Ио. XIX, 36 (ога нєго
Зопр., Ассем., Остр.); Ἐдѣ єкѣроушѣдѣчѣ єа коєтѣ моѣ
ἐν τῷ каѣадѣєаи τὰ ὄστᾶ μου Син. πε. XLI, 11; мѣшѣѣѣѣ
грѣшѣнѣєкѣ єкѣроушѣѣѣгѣ єа бѣрѣчѣєєєє аѣмѣрѣѣѣѣєє сѣнѣрѣзѣѣтѣ
Син. πε. XXXVI, 17; и єє мѣєє нєго єєрѣєєє измѣнѣѣшѣєє

Супр. 121, 25; измѣниша сѧ лица вѣсѣмъ Супр. 270, 2; личеса отѧца плачѣмъ прѣмѣниша сѧ вѣдѧхъ Супр. 379, 18; измѣни сѧ лице ѡмоу. и вѣсѣтъ акы пламы Супр. 159, 16; да трѣпѣниши ми ради измѣноуѣтъ сѧ лице тѣсѣе Супр. 159, 30; пѧтъгѧ моѣ измѣни сѧ олѣа ради ѣ сарѣ μου ἡλλοιωθή Син. пс. CVIII, 24; ржѣтъ же ѡудрашоуоумоу ѡго. и ребра ѡбатриша сѧ (т. е. воспалились) Супр. 139, 10; отѧгѧтъ на мѧ ржѧ тѣоѣ ѡбарѡнѡθη ἑπ' ἑμὲ ἡ χεῖρ σου Син. пс. XXXI, 4; отѧжѧжѧтъ срѧца кашѧ ѡбѣданимѧ и пѧтѣсѣтѣомѧ. i печѧлѧми житѣисѧкѧми βαρηθῶσιν ὤμων αἱ καρδίαι Лука XXI, 34 Мар. (отѧгѧжѧжѧтъ Зогр., Савв., отѧгѧжѧжѧтъ Ассем., отѧгѧтѣжѧтъ Остр.); отѧзѣтѣ бо срѧце мѡди сиχъ ѡпахѡнѡθη γὰρ ἡ καρδία τοῦ λαοῦ τούτου Ματ. XIII, 15 Мар. (отѧзѣтѣ Зогр.); ѡудебѣтѣ бо срѧдѧце мѡди сиχъ Супр. 334, 22; ѡбѣтѧшѧши вѣсѧ косѣти моѧ ѡпѧлаиѡθη τὰ ὀστέ μου Син. пс. XXXI, 3; разѧжѣсѧ косѣти мѣсѧ дѡсѡрѡпѡсѡθη пѧнѧ τὰ ὀστέ μου Син. пс. XXI, 15; разѧшошѧ сѧ вѣсѧ косѣти ѡго Супр. 77, 2; сѧломишѧ сѧ косѣти ѡго вѣсѧ Супр. 269, 5; пѧтѣтѣтѣо вѣсѧ сѧкѣрѧтъ ѣ сокомѧ сѧ сѧтѣорѧтъ Супр. 233, 23; пѧтѣтѣ ѡмоу акы коскѧ... рѧсѣчѣтъ сѧ Супр. 153, 2; лѡнѣ же прикосновѣний тѣплотѣ. пѧтѣтѣтѣо рѧсѧдѧвѧши Супр. 93, 14—15; Оусѣри сѧ тѣко мѧтѣко срѣце ѡхъ ѡтѡрѡнѡθη ὡς γάλα Син. пс. CXVIII, 70; ѡудѡке ржѧнѣнѣхъ рѣсѣтъ изѡрѣкѣше ѡтѧпѧдошѧ Супр. 516, 27; мѧтерѣмѧ срѧдѧца болѣзѣнѣж сѧвѣкѧдѧхъ сѧ Супр. 397, 20; разѡрѣтѣ сѧ срѧдѧце моѡ ѡѡкѧѡнѡθη ἡ καρδία μου Син. пс. CXXXII, 21; надѧмѡѧ сѧ срѧдѧце. i ѡбѧтѣрѣжѧшѧти сѧ дѧшѧ οἰδαινοῦσαν καρδίαν καὶ φλεγμαίνουσαν ψυχὴν Клоц. 9, 14; помрѧчѣтѣ сѧ очѣ-хъ да не вѣдѧтъ i хрѣбѣтъ ѡхъ отѧнѧдѣ сѧмѧцѣтѣ скѡтѡнѡтѣшѧн оἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν... καὶ τῶν νῶτον αὐτῶν... συγχάμψον Син. пс. LXVIII, 24 (т. е. согнулся). В Супр. в повѣствовѧнии ѡ сорокѧ мучѣникѧхъ сообщѧются мѧночѣслѣнные подрѡбности телѣсных стрѧдѧний при пыѧкѧхъ и кѧзни замѡрѧживѧнием: тѣло бо вѣ стоудѣнѣтѣ вѣпѧдѣ. зѧпрѣкѧ ѡубо вѣсѣ осѣнѧѣтѣ. сѧсѣдѧжѧшѧти сѧ крѣвѣ. потѡмѧ вѣзмѧшѧтѧѣтѣ сѧ. ѣ вѣскѣпѣтѣ. зѧжѡмѧ зѧбѧжѧшѧтѣмѧ сѧ. жѧлѧмѧ сѧгрѧжѧдѧжѧшѧтѣмѧ сѧ. ѣ вѣсѣмоу тѣлоу некѡлѣѣж сѧлѧцѧѣшѧтѣоу сѧ 89, 13—19. Ср. тѧкѣже: сѧкѣшѧтѧдѧхъ сѧ отѧстѡдѣни сѧтѣнѣ. и тѣло нѧмѧ рѧспѧдѧше сѧ Супр. 76, 21.

В этом типе употреблений существительных данного разряда наблюдается конкуренция между номинативным и инструментальным способами обозначения заболевшего органа или части тела. Ср. с приведенными примерами конструкции творительного падежа: ѣноша нѣкъи... обѣма ногама раслабѣ Супр. 518, 19; *εγτρλιѣ* *ποστραдати* *πλѣτѣж* Супр. 480, 14; *закнѣтиж* *εγτρѣчеми* *ερδдици* *волѣдѣж* Супр. 398, 22; *несыгомъ* *ερδдицема* *тразд* много Супр. 41, 28 и др.¹² Преобладает, однако, такой тип конструкций, в которых органы и части тела выступают в качестве подлежащего, а их отношение к человеку — отношение части к целому — передается при помощи родительного или дательного падежей.

С глаголами, обозначающими *гибель, исчезновение*: и *κλας* *глакы* *кашенъ* *не* *погыблетъ* *και* *θριξ* *εκ* *τῆς* *κεφαλῆς* *ὀμῶν* *οὐ* *μη* *ἀπόληται* Лука XXI, 18 Мар. (отъ глакы Ассем., Остр.); *οὐντε* *βο* *τι* *εστъ* *да* *погыблетъ* *единъ* *οὐδъ* *тконъ* *ἵνα* *ἀπόληται* *ἐν* *τῶν* *μελῶν* *σου* Мат. V, 29 Мар., Зогр.; *Иштезе* *ερδдице* *моє*. *і* *плотъ* *моѣ* *εξέλιπεν* *ἡ* *καρδία* *μου* *και* *ἡ* *σάρξ* *μου* Син. пс. LXXII, 26; *Иштезете* *очи* *мои* *εξέλιπον* *οἱ* *ὀφθαλμοὶ* *μου* Син. пс. LXVIII, 4; *Иконачагте* *εѣ* *очи* *мои* *εξέλιπον* *οἱ* *ὀφθαλμοὶ* *μου* Син. пс. CXVIII, 82; Син. пс. CXVIII, 123; *Грдце* *моє* *остави* *мѣ* *ἡ* *καρδία* *μου* *εγκατέλιπέν* *με* Син. пс. XXIX, 13.

С глаголами, обозначающими *выздоровление, исцеление, укрепление*: *οὐтврѣди* *εѣ* *рѣка* *ѣго* *цѣла* *ѣко* *и* *дрогѣѣ* *ἀπεκατεστάθη* *ἡ* *χειρ* *αὐτοῦ* Марк III, 5 Мар., Зогр., Савв. (*εздрака* — Ассем., Остр.); *οὐтврѣди* *εѣ* *рѣка* *его* *ἀπεκατεστάθη* *ἡ* *χειρ* *αὐτοῦ* Лука VI, 10 Мар., Зогр. (*рѣка* *ѣмоу* Остр., *рѣка* *емоу* *εздрака* Ассем.); и *дѣнѣ* *οὐтврѣди* *εѣ* *нога* Супр. 218, 19; *οὐтврѣди* *εѣ* *рдце* *его* *επτήрихται* *ἡ* *καρδία* *αὐτοῦ* Син. пс. CXI, 8; *да* *крѣпитъ* *εѣ* *εрδдице* *твое* *και* *κραταιούσθω* *ἡ* *καρδία* *σου* Син. пс. XXVI, 14; *εрδдице* *каше* Син. пс. XXX, 25; *не* *би* *οὐбо* *επѣлѣѣ* *κλεѣка* *пѣтѣ* *οὐκ* *ἂν* *εσώθη*

¹² *Ходова К. И.* Значения творительного беспредложного в старославянском языке. — Учен. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, т. XIX, М., 1960, с. 122; *Бауэрова М.* Беспредложный творительный падеж в старославянском языке. — В кн.: Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963, с. 298—299.

πάσα σάρξ Mat. XXIV, 22 Mar. (не оубо εαπέλα εα Зогр., не би оубо επελα εα Остр.); προικατε πλογα μοκ ανέθαλεν ή σάρξ μου Син. пс. XXXVII, 7; δτακρεκα же εα оугта его лбне и газыка его ανέφχθη δε τό στόμα αύτοῦ ... και ή γλώσσα αύτοῦ Лука I, 64 Mar., Ассем. (οιτρκρзосηа же εа Зогр., Остр.); како чи εа οиτρκρετε οчи πῶс ηνεφχθησαν σου οι ὀφθαλμοί Ио. IX, 10 Mar., Зогр., Ассем. (οιτρκρзосга Остр.); онема же οиτρκρεге εа очи διηνοιχθησαν οι ὀφθαλμοί Лука XXIV, 31 Mar. (οιτρκρзосге εа Ассем.); i лбне прозареете нма очи εὐθέως ανέβλεψαν Mat. XX, 34 Mar. (лбне прозареете Ассем., лбне οиτρκρзосга εа очи δεѣма Савв., οиτρκρзосга εа нма очи Остр.). При глаголах исцеления также возможен творительный: да и τ'κλomma иц'ка'кет'г. и дшеиж επε'г'г εа Син. евх. 26, 8.

Выше было замечено, что действия человека, совершаемые при помощи рук, ног, глаз, уст, языка, часто бывают представлены как действия самих этих частей тела и органов, которые как бы приравниваются к человеку. Имена существительные со значением 'рука' сочетаются с глаголами, обозначающими разнообразные активные действия: i оушж ржцк его создасте και τήν ξηράν αι χεῖρες αύτοῦ ἔπλασαν Син. пс. XCIV, 5; ржцк ткои εα'ткористе ма i создасте ма Ai χεῖρές σου ἐποίησαν με και ἔπλασαν με Син. пс. CXVIII, 73; Деcница гн'к εα'ткорн емаж. Деcница гн'к казнесе ма Δεξιὰ κυρίου ἐποίησεν δύναμιν ... ὕψωσέν με Син. пс. CXVII, 16; да не чует'г шюица тко'к. ч'гто ткорит'г деc'ница тко'к μὴ γνώτω ή ἀριστερά σου τί ποιῶи ή δεξιὰ σου Mat. VI, 3 Mar., Зогр., Ассем., Остр.; Гпе i деcница его. i мышца ε'т'к его ε'зосен а'т'ф ή δεξιὰ αύτοῦ και ὁ βραχίων ... αύτοῦ Син. пс. XCVII, 1; I мышца ι'χ'з не επе ι'χ'з ὁ βραχίων αύτῶν οὐκ ε'зосен αύτούс Син. пс. XLIII, 4; Б'жди р'жка тко'к да επе'г'г ма γενέσθω ή χεῖρ σου τοῦ σῶσαι με Син. пс. CXVIII, 173; деcниц'к тко'к п'риж'г'г ма ή δεξιὰ σου ἀντελάβετό μου Син. пс. XVII, 36; ср. Син. пс. LXII, 9; или не может'г рече р'жка мога δ'тати каc'г Супр. 135, 17; р'жка... прикоен'ж εа др'к'к'к' Супр. 396, 18; деcница 'тко'к обр'ашт'г'г каc'г иенакн'д'ш'т'г'г тебе ή δεξιὰ σου ε'бροι ... тоῦс μισουντάс σε Син. пс. XX, 9; εακр'шши

ѡκε παρὰ δι δεξιῆ σου ἡ ἐξέτασεν ἡ δεξιὰ σου Спн. пс.
 LXXIX, 16; вѣноградѡ ѡке παρὰ δι δεξιῆ σου βλѣнѣа . . . ѡκнѣ
 того ѡемѣлѣтъ вѣнѣ Супр. 134, 27—28; χλѣβѣ . . . ρκѣκ δὲ μνκ-
 εϋστα η δὲ ἡ εἰερѣши Супр. 395, 30; ρκѣκ εγο κѣ κшѣ по-
 ρѣсѣсѣте αἱ χεῖρες αὐτοῦ ἐν τῷ κοφίνῳ ἐδουλευσαν Спн. пс.
 LXXX, 7; Ржкѣ во моѣ πομοжеѣтъ εμοу. ἰ μнѣнѣ моѣ
 оуκρѣнѣтъ ἰ ἡ γαρ χεῖρ μου συναντλήμψεται αὐτῷ, καὶ ὁ βρα-
 χίων μου κατισχύσει αὐτόν Спн. пс. LXXXVIII, 22; Ржкѣ
 τѣοѣ ѡзѣкѣ ποгрѣнѣ ἡ χεῖρ σου ἔθνη ἐξωλέθρευсен Спн. пс.
 XLIII, 3; неправадѣ ρкѣкѣ вѣнѣ ερѣнѣτѣεѣтъ ἀδικίαν αἱ χεῖ-
 ρες ὁμῶν συμπλέκουσιν Спн. пс. LVII, 3. *Пальцы свидетель-
 ствуют*: прѣлѣнѣ τѣοи οποελοушѣѣтъ лн ѣн Супр. 512, 3.
Ноги как бы самостоятельно передвигаются: Да не прѣ-
 деѣтъ мѣнѣ нога грѣдѣнѣ мѣ ἐλθέτω μοι ποὺς ὑπερφηανίας Спн.
 пс. XXXV, 12. *Стопы запинаятся*: И не запнѣѣтъ εѣ
 εгопѣ εго οὐχ ὑποσχελѣсѣѣсѣτѣ τὰ διαβήματα Спн. пс. XXVI,
 31; ἰ εтопы τѣοѣ не запнѣѣтъ εѣ τὰ ἔχη σου οὐ γνωσѣѣ-
 сονται Спн. пс. LXXVI, 20. Некоторые действия выполня-
 ются только одним естественным орудием или органом,
 предназначенным природой для определенной цели. Обыч-
 ным приемом является обозначение предметов этого рода
 именительным падежом. Так, *глаза смотрят, видят, ис-
 пытуют*: вѣκѣмѣ вѣ εрѣнѣнѣнѣ очн вѣκѣχж зрѣшѣти на на
 оἱ ὀφθαλμοὶ . . . ἦσαν ἀτενίζοντες Лука IV, 20 Мар. (вѣκѣшѣте
 зрѣшѣнѣ Ассем.; вѣκѣста зрѣнѣнѣ Савв.; вѣ εворнѣнѣ . . . вѣκѣста
 зрѣнѣнѣ Остр.); И на врагы моѣ вѣзрѣк око моѣ ἐν τοῖς ἔχ-
 θροῖς μου ἐπειδὴν ὁ ὀφθαλμὸς Спн. пс. LIII, 9; так же XCI, 12;
 ѡчн εго на оувогаго вѣзѣрѣте оἱ ὀφθαλμοὶ αὐτοῦ εἰς τὸν
 πένητα ἀποβλέπουσιν Спн. пс. IX, 29; очн εго на ѡзѣкѣнѣнѣ
 при- зѣрѣте оἱ ὀφθαλμοὶ . . . ἐπὶ τὰ ἔθνη ἐπιβλέπουσιν Спн. пс.
 LXV, 7; вѣκѣсѣте очн мои εрѣнѣсѣнѣнѣ τѣοε εἶδον оἱ ὀφθαλμοὶ
 μου τὸ σωτήριόν Лука II, 30 Мар., Зогр., Ассем., Савв.,
 Остр.; вѣло же вѣκѣсѣте очн наші еἶδαν оἱ ὀφθαλμοὶ Спн.
 пс. XXXIV, 21; ѡчн moi [того]дѣ кѣлѣсѣε праκнѣнѣ оἱ ὀφθαλ-
 μοὶ μου ἰδέσѣσαν εὐθῦτης Спн. пс. XVI, 2; ѣгоже око не
 вѣкѣ нн оухо εлѣшѣ Супр. 154, 10; так же Супр. 165, 6
 и 470, 28; вѣкѣнѣнѣ εго εрѣнѣтѣεте εнѣ члѣнѣ τὰ βλέφαρα αὐτοῦ
 ἐξετѣзѣε τοὺς υἰοὺς . . . Спн. пс. X, 4. *Глаза пленяются кра-
 сотоу природы*: Око бѣко вѣдѣ ἡнѣ дѣвѣ цѣкѣгѣдѣнѣнѣ. ннѣ ἡс-

Гочинкѣ зинно чекжштѣ. Гамл̄ вилѣниѣмз Гамло ѣа влечѣгз
 Супр. 343, 3; Уши слышают и слышат: Еждѣте оуши
 Гкоі взиемажште гласз монтгкѣ моеѣ γενηθήτω τὰ ὠτά σου
 προσέχοντα εἰς τὴν φωνὴν τῆς δεήσεώς μου Син. пс. СХХІХ, 2;
 Ουγοτοκωνѣ ερздицѣ... взиѣгз оухо Гкое προσέχεν τὸ οὖς
 σου Син. пс. ІХ, 38; ДЖкавзноуиштѣѣ оуслѣ[ш]гз оуχ
 мое ἀκούσεται τὸ οὖς μου Син. пс. ХСІ, 12; Гакѣже ѣ оухо
 слѣшѣа слѣкѣсѣа дѣаниѣа и повѣстѣи. кз Гѣмз мѣсл̄ ѣи про-
 еггѣрѣгз Супр. 343, 8; ѣхзже ѡко не видѣ. ни оуши слѣ-
 шѣстѣа Супр. 165, 6 (так же Супр. 470, 28 и 154, 10).

Уста, губы, язык, гортань говорят или молчат: огз
 избѣгкѣ во ердѣоу оуѣгѣ глѣгз ѣк гѣр тоу περισσεύματος τῆς
 καρδίας τὸ στόμα λαλεῖ Мат. ХІІ, 34 Мар., Зогр., Ассем.,
 Остр. (в Савв. дгз избѣгѣкѣ во дѣгѣ ердѣоу глѣгз);
 ср. Лука VI, 45 Мар., Зогр.; I глѣшѣа оуѣгѣ моѣ кз пе-
 чѣлѣ моѣ ἐλάλησεν τὸ στόμα μου ἐν τῇ θλίψει μου Син. пс.
 LХV, 14; оуѣгѣ Іхз глѣшѣа ерздицѣ τὸ στόμα αὐτῶν ἐλάλησεν
 ὑπερηφανίαν Син. пс. ХVІ, 10; Оуѣгѣ моѣ кззгѣгз прѣ-
 мждрѣстѣ τὸ στόμα μου λαλήσει σοφίαν Син. пс. XLVІІІ, 4;
 Гкоѣ оуѣгѣ теѣе оулаголашѣа (т. е. обвинили) Супр. 237, 28;
 кзсѣкѣмѣгз Гѣа оуѣгѣ моѣ аίνѣсѣи τὸ στόμα μου Син. пс.
 LХІІ, 6; оуѣгѣ моѣ кззѣѣстѣгз хѣлѣж Гкѣж τὸ στόμα μου
 ἀναγγελεῖ τὴν αἴνεσιν Син. пс. L, 17; оуѣгѣ моѣ кззѣѣстѣгз
 прѣкѣж Гкѣж τὸ στόμα μου ἐξαγγελεῖ τὴν δικαιοσύνην σου Син.
 пс. LXX, 15; издрѣстѣ оуѣгѣнѣ мо[и] διέστειλεν τὰ χεῖλη
 Син. пс. LХV, 14; Оуѣгѣнѣ мо[и] похѣлѣте Гѣа τὰ χεῖλη
 μου ἐπαινεῖουσίν σε Син. пс. LХІІ, 4; Изыци влзѣнжштѣ.
 (т. е. заикающиеся) наоучѣгз ѣа глѣти мѣрз глѣссѣа аі φελ-
 λίξουσιν μάθωσιν λαλεῖν εἰρήνην Клоц. 1, 15; Изыкѣ егѣ
 влзѣгѣгз ѣжѣз ѣ глѣссѣа аѣтоу лагѣсѣи хрѣсѣи Син. пс.
 XXXVI, 30; Прѣкѣгѣгз Илѣкз моі слѣкѣсѣа Гкоѣ φθѣгѣ-
 аѣто ѣ глѣссѣа моу τὸ λόγιόν σου Син. пс. СХVІІІ, 172; Из-
 мѣзѣ ерзгѣнѣ моі ѣбрахѣиѣсѣн ѡ лѣругѣ моу Син. пс. LХVІІІ, 4.

Сердце наделено свойствами человеческой психики: оно
 радуется, веселится, боится, страшится, смущается,
 смиряется, унывает, надеется: и кзздрѣдоуѣгз ѣа ердѣе
 вѣше харѣсѣѣѣ ѡмѣн ѣ кардѣа Ио. ХVІ, 22 Мар. (кзздрѣ-

δουεγз εα Зогр., Савв., Остр.); κыздрлдоуегз εια ερздаце
 мое о ѿπi τκοεμα ἀγαλλιάζεται ἡ καρδία μου ἐπi τῷ σωτηρίῳ σου
 Син. пс. XII, 6; Өрздаце мое i плотз моѳ κыздрлдокасте
 εια о вѣк жикѳ ἡ καρδία μου καὶ ἡ σάρξ μου ἠγαλλιάσαντο Син.
 пс. LXXXIII, 3; κызкеселитз εια εрздаце мое тѳφрѳнѳη
 ἡ καρδία μου Син. пс. XV, 9; XXXII, 21; LXXXV, 11;
 Да κызкеселитз εια εрдаце искжцимз гѳ εѳφрѳнѳѳτω καρδία
 Син. пс. CIV, 3; не оубоитз εια εрздаце мое оѳ φοβηθηѳεται
 ἡ καρδία μου Син. пс. XXVI, 3; да не εзмжцггаегз εа
 εрздаце каше ни оустрашлетз мѳ тарассѳѳѳω ѳмѳн ἡ καρδία
 мѳдѳ δειλιάτω Ио. XIV, 27 Зогр., Ассем., Савв., Остр.;
 Ио. XIV, 1 Ассем.; σгз εлсβεεз τκοιχз не оустраши εια
 εрце мое εδειλιάσεν ἡ καρδία μου Син. пс. CXVIII, 161;
 Өзмѳри εια κз тρούдѳхз εрдаце ιχз εταπεινώθη ἐν κόποις
 ἡ καρδία αὐτῶν Син. пс. CVI, 12; оуни εрдаце мое ἀκηδιάσει ἡ
 καρδία μου Син. пс. LX, 3; на того оупзка εрздаце мое
 ἤλπισεν ἡ καρδία μου Син. пс. XXVII, 7.

С глаголами чувства сочетаются также существительные,
 обозначающие *лицо, уста, язык*; сочетаемость такого рода
 необычна для современного языкового мышления. Ср., на-
 пример: лица каша не постыдѳитз εια τѳ πρόσωπα ѳмѳн оѳ мѳ
 καταισχυοθη Син. пс. XXXIII, 6; так же Син. евх. 106, 7;
 Өздрлдоуеге εια оустанѳ моi егда κзпѳж тевѳ ἀγαλλι-
 сονται τѳ χειλη μου Син. пс. LXX, 23; κыздрлдока εια ιαзыкк
 моi ἠγαλλιάσατο ἡ γλῶσσά μου Син. пс. XV, 9; Син. пс. L, 16.
 Этот материал показывает, что названия органов и частей
 тела человека способны принимать на себя некоторую часть
 обширной собственно «человеческой» сочетаемости с гла-
 голами. Перенос действий, состояний и чувств человека
 на его руки, ноги, глаза, уши, язык, уста, сердце харак-
 терен в особенности для Псалтыри; этот прием является
 здесь излюбленным стилистическим средством.

Несомненно более нейтральными в стилистическом от-
 ношении и более обычными являются сочетания глаголов
 «человеческой деятельности» с существительными, обозна-
 чающими человека; если в таких сочетаниях упоминаются
руки, ноги, глаза, уши, язык или *сердце*, эти существи-
 тельные выступают в форме творительного. Например:
 Βασι Ιηζυφι κзсплѳцѳте ржкамѳ κротѳсате χεираς Син. пс.

XLVI, 1; зѣбы ꙗкоими поскрѣжашѣ гѣга τὸς ὀδόντας αὐτοῦ βρόζει Син. пс. CXI, 10. и другие¹³.

§ 8. Язык может представлять как самостоятельно действующие предметы не только части живого организма, но и орудия — неживые предметы. В том, что названия неодушевленных орудий могут сочетаться с глаголами «человеческой деятельности», убеждают факты современных славянских языков: в русском языке *перо пишет, трактор пашет, топор рубит, молоток стучит* и т. п. В старославянском после долгих поисков мы также нашли некоторые существительные, выступающие в качестве «самостоятельных деятелей». Это существительные, обозначающие *жернова, копье, кирку, кол, оружие, жезл, палицу, стрелы и веревки, узы*: χλѣвъ... ѿгоже жрѣнови сѣмѣшѣ. и рѣцѣ ѿумѣниста ѿ дѣна сѣбрѣши Супр. 395, 29; ꙗко не спѣга мнѣ ѿ ρομφαία μου ὃ σώζει με Син. пс. XLIII, 7; Жезлаз твоѣ ꙗко палица твоѣ ча ма оутѣшиште ѿ ѿβѣδος σου ча ѿ βακτηρία σου, αὐταί με παρεκάλεσαν Син. пс. XXII, 4; стрѣлы твоѣ оуназж мнѣ τὰ βέλη σου ἐνεπάγησαν μοι Син. пс. XXXVII, 3; жѣга грѣшаника обѣзашѣ ѣа ма нѣ схоиѣ ἀμαρτωλῶν περιεπλάκτησάν μοι Син. пс. CXVIII, 61. В трех случаях номинативно-глагольное ядро предложений с орудием-субъектом мы извлекли из сочетаний с причастиями: прѣмы копѣе водѣрѣе кѣ пазоухѣ твоѣ Син. евх. 29 а 2; ꙗко оскрѣдѣ сѣкы камень Син. евх. 55 в 12; чѣгда они акы дѣтѣны водомѣ зѣбы екрѣжатадѣхѣ Супр. 403, 4.

В целом для старославянского языка обычной связывать самостоятельную деятельность, выраженную глагольным словом, с субъектом-человеком, а подсобные средства обозначать творительным падежом, как например: ꙗко кѣ добрѣкѣ дрѣканиѣ секирамѣ рѣтѣши двѣри его. кѣкоупѣ сѣчѣкомѣ ꙗко оскрѣдомѣ раздрѣушиши ꙗко ὡς ἐν δρυμῶ ξύλων ἀείναις ἐξέκοψαν τὰς θύρας αὐτῆς... ἐν πελέκει καὶ λαξευτήρῳ κατέρραξαν αὐτήν Син. пс. LXXIII, 6; жемѣзнами берѣгами сѣказати нѣхѣ покелѣ Супр. 58, 27 и т. п.¹⁴

¹³ *Ходова К. И.* Значения творительного беспредложного... с. 117; *Бауэрова М.* Указ. соч., с. 291—292.

¹⁴ Многочисленные примеры этого рода см. в работах: *Ходова К. И.* Значения творительного беспредложного... с. 127—128; *Бауэрова М.* Беспредложный творительный в старославянском языке, с. 291—292.

Прочие сочетания названий предметов-орудий с глаголами таковы. С глаголом быти 'иметься' и 'находиться': кзде народі і кови. і чині. і оржжак і дрзколи Клоц. 12 в 13 (и оржжина и жрзди Супр. 448, 11); кзде вѣштѣ і мечі Клоц. 12 Б 15; Супр. 448, 12; а снѣ жзы чѣсо ради ештѣ на тѣвѣ Супр. 130, 11; да есгѣ при немѣ ладница πλοῖάριον προσκαρτερῆ αὐτῶ Марк III, 9 Мар., Зогр.; і шкѣ же ладна вѣлахж еѣ нимѣ καὶ ἄλλα πλοῖα ἦν μετ' αὐτοῦ Марк IV, 36 Мар. (еѣ нимѣ Зогр.); корабл же вѣ по ерѣдѣ морѣ τὸ δὲ πλοῖον ἤδη σταδίου πολλοὺς ἀπὸ τῆς γῆς ἀπεῖχεν (вариант μέσον τῆς θαλάσσης ἦν) Мат. XIV, 24 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; Марк VI, 47 Мар., Зогр.; лбне высгѣ корабл на земі ἐγένετο τὸ πλοῖον ἐπὶ τῆς γῆς Ио. VI, 21 Мар., Зогр. (на земли Ассем., Остр.).

С глаголами, обозначающими *положение предметов в пространстве и изменение положения*: оуже во секира при корени дрѣва лежитѣ ἢ ἀξίνη πρὸς τὴν ρίζαν τῶν δένδρων κείται Мат. III, 10 Мар., Ассем., Остр.; Лука III, 9 Мар., Ассем., Остр. (в Савв. юже во секира при корене. ѣ дрѣво лежитѣ); взнесетѣ еѣ рога праведнаго ὑψωθήσεται τὰ κέρατα τοῦ δικαίου Син. пс. LXXIV, 11 (ср. подобные сочетания в Син. пс. LXXXVIII, 25 и CXI, 10); погразнетѣ трѣстие въ плати юго Супр. 270, 8.

С глаголами *движения* (и, в частности, с глаголом *плыть*) неальтернативно сочетаются *названия судов*: и ини придѣ кораблѣ отѣ тикерѣды ἄλλα ἦλθεν πλοῖα ἐκ Τιβεριάδος Ио. VI, 23 Мар., Зогр. (ини же придѣ кораблѣ ὁ тикерѣ Ассем., придѣша Остр.); да не прѣиде юмоу кораблѣ Супр. 150, 28; Тоу кораблѣ прѣплакѣштѣ екеі πλοῖα διαπορεύονται Син. пс. CIII, 26; кораблѣ оустрѣлми еѣ на днѣ естранѣ Супр. 152, 18; кораблѣ не могу приближити еѣ къ коюединоу кораблѣю Супр. 151, 16. В сравнительном обороте: гѣлѣлѣ. акы кораблѣ крзхоу плакѣлахж Супр. 66, 24. *Движение прекращается — корабль останавливается*: еѣлѣ еѣ кораблѣ поерѣдоу рѣкы Супр. 151, 2.

Для других существительных, которые обозначают предметы, выступающие в качестве подсобных средств при выполнении разнообразных действий, сочетания с глаго-

лами движения возможны, но не имеют характера строгой взаимообусловленности: *Ορμηκε Ιχη κνιδετз ка ѡца Ιχη* ή *ρομφαία αὐτῶν εἰσελθοι εἰς τὴν καρδίαν αὐτῶν* Син. пс. XXXVI, 15; ср. Супр. 74, 19; *γκозни во κνιδεσша до κοσги ιεγο* Супр. 17, 22; *Да πριδετз εμοу ετга εγже не εβετзετз ελθετω αὐτοῖς παγίς* Син. пс. XXXIV, 8; ср. Лука XXI, 35 Мар.; *τεκτ же εαμον дшж проидетз оржжне тήν φυχήν διελεύσεται ρομφαία* Лука II, 35 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; *ετρκлы тгоа прѣходатз та βέλη σου διαπορεύονται* Син. пс. LXXVI, 19; *εκκοупѣ заткори дггападоша* Супр. 466, 4; *δβине дггападоша кериги отз тѣлесе εβ* Супр. 182, 8.

Сочетания с глаголами, обозначающими *разрушение* (здесь возвратные глаголы): *εκκοупѣ жектз'нага жжа й керѣта εκкроушиша εα* Супр. 466, 4; так же Супр. 464, 21; *ετга εκкроуши εα* ή *παγίς συνετριβη* Син. пс. CXXIII, 8, так же Супр. 80, 5; *жзы грѣховκλνннхз рεετρδзδλхж εα* Супр. 387, 18; *протрззаше же εα мрѣжа ихз диеррѣсето δε та диктца αὐτῶν* Лука V, 6 Мар. (в Зогр., Ассем., Остр. — *протрззашж εα мрѣжа*).

Светильники или *святят* (*святятся*), или *гаснут*: *εκѣтиλνникз ελнцаниεμα προσετшгаатз та ο λύχνος τῆ ἀστραπῆ φωτίζη σε* Лука XI, 36 Мар. (в Зогр, εα вместо та); *онз бѣ εκѣтиλνникз гора и εкаτга εкеῖνος τῆν ο λύχνος ο καιόμενος καὶ φαίνων* Ио. V, 35 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; *нз ελзнацю пршсѣдашю. да не εѣтетз εκѣтиλνникз тоῦ ἡλίου ελθόντος, μηκέτι λύχνος φαίνεται* Клоц. 7 а 14; *проеватѣша εα κοσги ετγнйхз ка кодѣ. ѡкы и εκѣтиλνници* Супр. 81, 8; *вѣаше же εлаженнн ιαко εκѣтило ка тамнѣ мѣετѣ εкаτга εα* Супр. 207, 6 (в сравнительных оборотах); *εκѣтиλνници наши ουγαεαжтз αἱ λαμπάδες ἡμῶν σβέννυνται* Мат. XXV, 8 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; *ουγαεαжтз во...εκѣтила наша* Супр. 373, 7.

§ 9. В вопросе о названиях орудий, выступающих в предложении в качестве подлежащего и связывающихся с глаголами активного действия, следует отметить как наиболее существенную особенность таких сочетаний их неальтернативность. Круг глаголов, сочетающихся с каждым существительным такого рода, весьма узок и специа-

лен. Глаза, созданные природой для зрения, только к этому виду деятельности и способны; уши слушают; органы речи выполняют функцию общения между людьми; ноги передвигаются; только сердцу приписываются несколько более разнообразные действия, но фактически во всех сочетаниях с данным существительным речь идет не о сердце как таковом, но о свойствах человеческого духа, издавна приписываемых этому органу. Каждое из орудий или видов оружия, созданных человеком, предназначено им для какой-либо узко специальной деятельности: размалывания зерна, разрезания, разрубания, прокалывания, сшивания, связывания и т. п.

Активные действия человека разнообразны. Конкретные действия, выполнение которых может связываться им со специальными орудиями, образуют лишь один из участков обширной сферы его возможностей.

§ 10. Рассматривая сочетаемость имен существительных разных семантических групп, мы намеренно привлекли имеющиеся в языке сочетания обозначений предметов и живых существ — не людей с различными глаголами активного действия, в том числе и с глаголами «человеческой деятельности». Оказалось, что сочетаемость этого рода широко распространена, она закономерна для целых лексических разрядов существительных. Существительные, входящие в такие сочетания, У. Л. Чейф называет потенционными или потентами и приписывает им собственную внутреннюю энергию¹⁵. Можно, однако, ему возразить, что эта «потенционность» в большинстве случаев является кажущейся. Действительно, едва ли кто-либо всерьез считает руки, ноги, язык, а тем более молоток или лопату, самостоятельными деятелями. В терминах лингвистики это явление следует характеризовать именно как особую сочетаемость лексем, а изучение причин появления данного типа сочетаемости — вопрос особый.

Сочетания названий неодушевленных предметов с глаголами активной деятельности и сочетания обозначения людей с глаголами активной деятельности подобны друг другу только внешне. Названия предметов в отличие от названий лиц обладают узкой сферой сочетаемости в пределах предикативной основы предложения: определенные неодушевленные существительные связываются обыкно-

¹⁵ Чейф У. Л. Значение и структура языка, с. 129.

венно с небольшим кругом глаголов активной деятельности.

Ниже будет показано, что сочетания названий неодушевленных предметов с глаголами активной деятельности по сравнению с сочетаниями, центром которых является человек, недостаточны и со стороны грамматических категорий, и со стороны синтагматических отношений. Для них не свойственно изменение по лицу; многие не изменяются также и по числам. В предложениях, субъектом которых является предмет — не человек, цепи или ряды прилагательных дополнений выглядят сокращенными, неполными.

Тем не менее сам факт наличия «неодушевленных деятелей» заслуживает внимания. С ним перекликаются некоторые черты структуры страдательных конструкций, о которых речь пойдет ниже, в четвертой части книги.

§ 11. Факты лексической сочетаемости имени-подлежащего и глагола-сказуемого в старославянском показывают, что человек способен быть, находиться, жить или обитать в определенном месте; он поселяется где-либо. Он движется, но его движения значительно разнообразнее, чем движения животных, птиц, насекомых, пресмыкающихся. Так же как растение или животное, человек появляется на свет, растет, живет, погибает; так же как прочие живые существа, он испытывает голод и жажду, ест, пьет, спит; он сидит, стоит, лежит, садится, встает, ложится. Человек смотрит и видит, слушает и слышит. Однако все действия, общие не людям и людям, выражаются, если они относятся к человеку, глаголами всех трех лиц и в большинстве случаев всех трех чисел. Наоборот, названия предметов и живых существ — не людей сочетаются с глаголами третьего лица: глаголы в этом случае являются «одноличными» и имеют ущербную парадигму (см. об этом ниже, часть II).

Кроме действий и состояний, характеризующих человека как часть природы, человеку доступно и множество других, специфичных для него и характеризующих его как личность. Если начать с глаголов, относящихся к эмоционально-волевой сфере, то человек желает чего-либо, любит, жалеет, ненавидит, верует, надеется, избегает чего-либо, негодует, сердится, приходит в отчаяние, скорбит, печалится, унывает, страдает, ждет, терпит, боится, ужасается, гневается, соблазняется чем-либо, веселится и радуется, ликует, стыдится, гнушается

чего-либо, подозревает кого-либо, в чем-либо, завидует кому-либо; он смеется, улыбается, плачет (см. сочетания с глаголами хотѣти, желѣти и желати, любити и възлюбити, съжаланѣти си, ненавидѣти, пешти сѧ, вѣрити, вѣрѣвати, вѣрѣити сѧ, надѣити сѧ, пѣвати и оупѣвати, избѣгати, негодовати, възвѣрити сѧ 'рассердиться', отъчагати сѧ, скрѣвити, възмѣжити сѧ 'опечалиться', печалити сѧ, печаловати сѧ, оунати, оунѣвати, тѣжити, възтѣжити, стѣрадати, прѣстѣрадати, постѣрадати, жѣдати, трапѣти, вѣдати сѧ, трѣпѣгати, оужасати, оужасѣити сѧ, гнѣвати сѧ, прогнѣвати сѧ, разгнѣвати сѧ, съблазнити сѧ, бесѣмити сѧ, порадовати сѧ, радовати сѧ, ликovati, ликѣствовати, сѣдити сѧ, оустѣдити сѧ, гнѣшати сѧ и гноушати сѧ, зазираѣти 'подозревать', завидѣти, рѣвновати 'завидовать', рѣвносѣитиж задѣхнѣти сѧ 'завидовать от зависти'; прѣвъзвѣрѣтиж тѣрѣитиж, смѣити сѧ, склѣбити сѧ, плакати и плакати сѧ).

Человек мыслит, знает, понимает, помнит, вспоминает, изобретает, сомневается; не понимает; он удовлетворяется либо не удовлетворяется чем-либо; он оценивает свои поступки и поступки других с точки зрения существующих норм (см. сочетания с глаголами мыслити, вѣдати, вѣдѣти, оувѣдѣти, знати, познаити, разоумѣти, мѣнити, помѣити, поминати, възпоминати, възпоманѣти, избѣрѣти и избѣрѣгати, сѣманѣти сѧ, недокѣдѣти; с неизменяемыми по лицам глаголами докѣлетѣ, подобетѣ, достѣитѣ); он может лишиться разума (изоумѣти сѧ); пишет, читает, считает; см. сочетания с глаголами писати, възписати, написати, съписати; чисити, иштити, иштити, стѣчисити, причисити, причитати.

Человек наделен даром речи, при помощи которой он общается с другими людьми. См. сочетания с глаголами рѣшити, зарѣшити, изрѣшити, нарѣшити и нарицати, стѣрѣшити и стѣрицати, прѣрѣшити, прѣрицати, предѣрѣшити, прѣрѣшити, прѣрѣкати, прѣрицати, сѣрицати, оурѣшити, оурицати; бесѣдовати, глаголати, възглаголати, изглаголати, проглаголати, сѣглаголати; съказати, кричати, възкричати; клицати, възкликнѣти, възпити, възпити, звѣгати, позвѣгати, позывати, призвѣгати, сѣзвѣгати, въззвѣгати и възывати, гласити, възгласити, възгласѣити, гласѣити, гласовати, огласити, огласѣити, проглас-

ити; мазкити, гокорити 'шуметь' (в Супр.); благокѣстити, благокѣштати, взвѣстити, извѣстити, запокѣдати, испокѣдати, покѣдати и покѣдѣти, пропокѣдати и пропокѣдѣти, заклапати, цѣлопати 'произносить слова приветствия при встрече с другими людьми', рзпгати, прѣтити.

Человек спрашивает, просит, отвечает, обсуждает что-либо, спорит (см. сочетание с глаголами проити, молити, взспросити, взпрашати, отзвѣштати, съгзати сА, парѣти сА); Он клянется и обещает (клати сА, обѣштати, обѣштатагати); Льстит, прельщает, лжет, клеветет, лже-свидетельствует (лстити, облстити, лзгати, клеветати, оклеветати, лжескѣдѣгелстковати, лжепослушстковати); отказывается признать себя чьим-либо идейным последователем (отѣкрѣшги сА); благословляет, проклинает, богохульствует (благословествити, благословестити, благословити, благословѣти, проклинати, бласвимисати, бласфимѣти); учит и наставляет других (см. сочетания с глаголами казати, оучити, наоучити, наставити); утешает, успокаивает (см. оутѣшити и оутѣшати, поксити, прѣпокоити); выносит свое суждение о людях: перевозит, хвалит, оправдывает, порицает, хулит, обвиняет, судит и осуждает их (см. вадити, оглаголати 'обвинять', сждити, осждити, оправадити, хвалити, славити, величати, взвеличати, хоулити, порицати, корити, покорити, оукорити, поржгати сА, обличати, изобличити, злословити, поносити); он признает себя виновным (клати сА, покагати сА); отдает приказания, повелевает: велѣти, повелѣти, повелѣвати.

Разнообразны и другие действия человека, выражаемые при помощи глаголов других семантических разрядов. Человек мстит, враждует, совершает беззакония (мстити, мшгати, отзмстити, враждовати, беззаконовати); покоряется, повинуется (покарѣти сА, повиновати сА); оказывает помощь, проявляет милосердие, творит милостьню (помогати, помсшги, милосвати, милосрздовати, милость творити, милостыня дати); празднует, приносит жертвы, молится богу, совершает обряд крещения (праздновати, празднатьсествовати, жарѣти, пожарѣти, молити сА, помолити сА, молигьж сътворити, крышгати, крестити, крестити сА); обручается, вступает в брак и совершает обряд брако-

сочетания (обръжчѣти, поръжчѣти, жєнѣти, жєнѣти сѧ, послѧгати, послѧгнѣти 'выходить замуж', бракъ чѣборѣти); *погрѣбает умерших* (погрѣти, погрѣвати, погрѣвати); *лечит и исцеляет* (брачекати, избрачекати, цѣлѣти, исцѣлѣти, исцѣлѣти); *поет, танцует* (пѣти, кѣспѣвати, пласати).

Человек передает нечто другому и берет, получает что-либо от другого человека (ор. сочетания с глаголами дати и ѣти, вѣрати без приставок и с приставками, с глаголами полоучити, кѣзвратити, кѣзвратити); *направляет движение или перемещает в пространстве те или иные объекты* (см. сочетания с глаголами нести, кєсти, гонѣти, крѣтити, мѣтити без приставок и с приставками); *он режет, сечет, перепиливает, раздирает, скребет что-либо*; действия, выражаемые этими глаголами, выполняются при помощи орудий, которые в текстах часто упоминаются (расѣтити секирами, отгѣсѣкнѣти брадѣвиж, прѣтирати пилож, дзрати желѣзны ногѣты, цѣсѣтити ножемѧ, свѣрысати лопатѣж).

Человек моет, мажет, поливает и посыпает внешние объекты; действия выполняются при помощи веществ, которые могут быть названы (мыти, оумыкати, смыкати водѣж, измыти сѧззѧми, мазати масломѧ, олѣсѧ, поликати оцѣгомѧ с солиж, посыпати прѣстиж, помазати крѣвиж); *связывает и развязывает* (вѣзати жжи и пѣты, свѣззати желѣзномѧ жжемѧ, обѣзати оуброуѣсѣмѧ, оубѣзати, раскѣвѣрѣти 'развязывать, разрывать', отгѣрѣшити, раздѣрѣшити, расгѣрѣзати); *одевается* (облѣкати сѧ, повѣти сѧ, одѣти сѧ, обѣти ризѧми, одѣти хламидѣж, повѣти пелѣнами); *обувается* (обоуѣкєны вѣ сандалѣна); *занимается торговлей и обменом* (коупити, коуповати, коуплѣж дѣяти, вѣтити, продати, продаѣти, измѣнѣж дати) *и в силу этого измеряет и оценивает предметы купли и продажи* (мѣрити, измѣрити, измѣрѣти, цѣнити, сѣцѣнити); *владеет людьми, странами* (влѣсти, обладати, цѣсарѣствѣкати, чѣтѣрѣствѣкати); *занимается рыболовством и охотой* (ловити, оуловити).

В языке отражается осознание людьми подобных себе как разумных существ, активно и целенаправленно преобразующих окружающее. *Человек обрабатывает землю, сеет хлеб, жнет, собирает урожай, насаждает полезные*

растения, удаляет сорную траву, огораживает сады, па-сет скот (орати, дѣлати нивы, дѣлати земьж, възкопати нивы, копати, скопати, сѣяти сѣма, жаги, сзбирати плоды, наса-диги виноградъ, сзбирати (васцтрагати) плѣкелы, оградиги оплостома, пасти окаяца). Он творит, созидает: воздвигает дома, храмы, монастыри и города, производит гончарные изделия, создает произведения искусства (дѣлати дома и... пригкору, сзтворити хызынж, задати храмъ, градъ, градиги 'огораживать, городить, строить', галинънымъ бра-нинемъ творити, изкапати, чрътаги и писати шаромъ); кует, ткет и отбеливает ткани (покопати, истъкаги, бѣлиги), шьет и вышивает одежду (эти глаголы мы «извлекли» из стра-дательных причастий: бѣ же хитомъ не шавенъ. съ възхоу истъ-канъ вьсь Ио. XIX, 23; златомъ шавеныйхъ ризъ. Супр. 447, 9). Он изготовляет орудия труда (сзтвори вичъ отъ възвии).

Человек воюет, сражается, побеждает, берет, в плен; он мучит, гонит, поражает, убивает других людей, наносит им раны и побои; некоторые из этих дей-ствий выполняются при помощи специального оружия (боюкати, повѣждаги, поплѣнити, поразити, мжчиги, измо-риги, оубиги, оудариги ножемъ, огъсѣшти мечемъ, вости ажшгеж, пробости копиемъ, бити каменнимъ, копатьемъ прона-зати). Он оттачивает оружие: иже изостришия ѣко оржже ѣ зыкы сьсѣ (в сравнительном обороте) Син. пс. LXIII, 4; защищает, охраняет; спасает, избавляет кого-либо от опасности (заштитиги, избавити, сьспасти, гонозиги, гона-жаги, гонезмжги 'избавить, спасти').

Глаголы, обозначающие действия людей, создают кар-тину напряженной духовной жизни человека и его разно-сторонней разумной деятельности. Сочетаясь с подлежа-щим-именем человека, они рисуют коллективный портрет человеческого общества в целом на том этапе его истории, который отражен в текстах языка. С названиями людей оказывается соотносящимся подавляющее большинство глаголов языка: человек, носитель и творец языка, выра-жает в языке себя, а именно свои свойства и способности он осознает в полной мере.

§ 12. Из описания сочетаемости имен-подлежащих с глаголами, выступающими в качестве сказуемого, можно увидеть, что каждая лексико-семантическая группа имен

входит в сочетания с определенным кругом глаголов. Некоторые лексико-семантические разряды глаголов могут быть соотнесены с несколькими разными лексическими разрядами имен, но есть глаголы, связываемые только с определенным узким кругом имен. Различно общее количество лексико-семантических групп глаголов, скрепляемых с определенными именами, различны объем и структура каждой отдельной группы глаголов, сочетающихся с существительными определенного разряда (ср. обилие и разнообразие глаголов движения при именах-подлежащих, обозначающих животных, птиц, насекомых). В составе глаголов, относящихся к существительным разных групп, выделяемых по их семантике, отражаются представления человека о свойствах, возможностях, наиболее распространенных действиях предметов окружающего мира, о способностях и возможностях самого себя¹⁶.

Если названий предметов внешнего мира в языке больше, чем названий людей, то количество глаголов, сочетающихся с названиями людей, больше, чем количество глаголов, сочетающихся с названиями предметов внешнего мира. В целом альтернативная сочетаемость с глаголами более свойственна для обозначений человека, а неальтернативная — для обозначений прочих предметов и живых существ.

В описание сочетаемости имен с глаголами мы включили также сравнительные обороты (оказавшиеся весьма многочисленными), в которых с действиями и состояниями разных предметов сравниваются действия и состояния человека. Контраст между альтернативной сочетаемостью с глаголами субъектов-людей и неальтернативной сочетаемостью субъектов-предметов и служит, по нашему мнению, основой существования таких сравнительных оборотов. Например, способность расцветать и увядать является одним из немногочисленных специальных свойств растения, а названия растений входят в неальтернативные сочетания с глаголами, обозначающими эти состояния. Поэтому человек, вообще способный к множеству разных

¹⁶ Ср. замечание В. В. Виноградова о соответствии круга связей номинативного значения слова связям и отношениям самих предметов, процессов и явлений реального мира. См. *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова. — ВЯ, 1953, № 5, с. 12.

действий и состояний, использует применительно к себе некоторые специфические глагольные связи имен, обозначающих растения, с целью создания определенного стилистического эффекта. В известных отношениях *он упо добляет себя растению*: *процвѣтѣтъ... ꙗко трѣба земнѣтъ* Син. пс. LXXI, 16; *ꙗко трѣба ѿдрѣ ꙗзычѣтъ* и *ꙗко земне зѣлка скоро отъпадѣтъ* Син. пс. XXXVI, 2 и другие примеры. При особых обстоятельствах *он ревет как лев*: *вздрѣоу акы лѣкъ* Супр. 71, 26; *ржет как конь*: *бѣахъ бо ѿко кони рѣжѣше* Супр. 2, 30. Прием связывания с названиями человека действий неодушевленных предметов, в том числе животных и растений, есть не что иное как использование дополнительной, «заемной» сочетаемости. Сравнительные обороты такого рода еще более раздвигают границы субстантивно-глагольных сочетаний, включающих обозначение человека¹⁷.

Состав и характер сочетающихся лексем подлежащего и сказуемого сказывается и на грамматическом строе предложения. Действия, выполняемые людьми, носят общественный характер и предполагают постоянное общение с окружающими; они целенаправленно изменяют внешний мир и поэтому относятся к определенным объектам, допускают использование орудий. Поэтому глаголы, обозначающие действия людей, часто бывают объективными, и в ряде случаев имеют при себе не один, а несколько объектов. Характер лексем, заключенных в подлежащем и сказуемом, оказывает влияние на синтагматические отношения в предложении, на количество и состав приглагольных дополнений. Глаголы, сочетающиеся в качестве сказуемого с подлежащим-лицом, имеют полную личную парадигму и в преобладающем большинстве случаев также парадигму числа; таким образом, особенности

¹⁷ О сравнительных оборотах старославянского языка см.: *Широкова Н. А.* Синтаксические конструкции, выражающие сравнение, в памятниках старославянского языка. — Вопросы синтаксиса русского языка. Уч. зап. Казанского Гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 125, кн. 4. Казань, 1965; *Пенкова П.* Синтаксични функции на старобългарското ꙗко. — Известия на Института за български език, кн. X. София, 1964; *Дограмаджиева Е.* Съюзните сравнителни конструкции в старобългарски. — Известия на Института за български език, кн. XXII. София, 1973.

сочетаемости отражаются, в конце концов, и на составе грамматических категорий предложения. Особенности лексической сочетаемости имен-подлежащих и глаголов-сказуемых отражаются и на другом участке грамматики: в области «производных» конструкций, а именно, страдательных и безличных. Страдательные формы глаголов образуются, за немногими исключениями, от глаголов, обозначающих действия людей. Преобладающее большинство типов безличных конструкций на поверку оказываются личными, так как они обозначают состояния людей, разного рода оценки человеческой деятельности. Как увидим ниже, «безличность» оказывается мнимой и в плане грамматических категорий.

Описание сочетаемости лексем должно стать необходимым компонентом полного лингвистического описания простых предложений: ведь эти субстантивно-глагольные сочетания и есть простые предложения наиболее распространенного типа, они и являются материалом лингвистического анализа.

Описание сочетаемости лексем само по себе, в отличие от схематичных и односторонних грамматических описаний, показывает язык как таковой, в его полнокровном реальном функционировании, со всеми отразившимися в нем представлениями создателей и носителей языка, с их способами мышления о мире. А. Мартине высказал мысль, что каждому языку соответствует своя особая организация данных опыта: «Изучить чужой язык не значит привезти новые ярлычки к знакомым объектам. Владеть языком — значит научиться по-новому анализировать то, что составляет предмет языковой коммуникации»¹⁸. Кажется, что сочетаемость лексем может послужить благодарным материалом для изысканий в этом направлении. Заметим, что в старославянском языке, зафиксированном определенным кругом переведенных с греческого произведений, характер сочетаемости лексем в общем и целом не отличается в чем-либо существенном от греческого оригинала. Трудно судить, когда имеет место исконное совпадение славянской и греческой сочетаемости (так, например, вероятно, совпадают в славянском и греческом образы нападающего на человека страха,

¹⁸ Мартине А. Основы общей лингвистики. — В кн.: Новое в лингвистике М., 1963, вып. III, с. 375.

охватывающей его радости) или явное влияние греческого оригинала. Как бы то ни было, заметные отклонения «в славянскую сторону» в нашем материале незначительны.

При всестороннем и полном описании языка анализ сочетаемости лексем не должно, конечно, ограничивать только глагольно-именной сферой. Заслуживает внимания исследование соотношений лексических значений имени-подлежащего и именного члена составного сказуемого, сочетаемости определяемого имени существительного и определяющего прилагательного. Имеется возможность проследить во всех деталях связь между лексической семантикой управляющего глагола и составом приглагольных дополнений, соотношение лексического значения глагола и лексических значений обстоятельств. Правда, значительная часть соотношений такого рода может стать очевидной уже при грамматическом описании соответствующих словосочетаний, а если такое описание достаточно подробно, то и лексика сочетающихся компонентов войдет в него целиком.

Полное описание сочетаемости лексем старославянского языка — задача специальной работы. Здесь мы наметили некоторые направления такого описания и предложили разработку отдельных участков сочетаемости лексем. Наиболее подробно исследована сочетаемость с глаголами существительных, обозначающих абстрактные понятия, вещества, явления природы, растения, живые существа, части тела человека, орудия.

Часть II

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Глава 1

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СУБЪЕКТА И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

§ 1. Грамматические категории лица, числа и рода в простых глагольных предложениях наиболее продуктивного типа (иногда именуемого поминативным) выражаются обоими компонентами структурно-грамматической основы предложения, т. е. субъектом (в данном случае подлежащим) и предикатом¹, что позволяет видеть в этих категориях наиболее существенные показатели и самой основы предложения, и всего предложения в целом. Редко, однако, обращают внимание на то, что далеко не во всех предложениях, содержащих именительный подлежащего и сказуемое-финитный глагол (тип с общей элементарной формулой N_1-Vf) и предполагающих согласование этих компонентов в лице, числе и роде, представлены и категория лица, и категория числа, и категория рода: в некоторых предложениях этого типа выражается только одна, в некоторых — только другая категория; есть предложения типа N_1-Vf , не выражающие ни одной из этих грамматических категорий.

В настоящей работе рассматриваются простые глагольные предложения типа N_1-Vf на предмет выраженности — невыраженности в их основе грамматических категорий лица, числа и рода и устанавливаются различия в пред-

¹ В старославянском согласуются с подлежащим в роде только причастия, входящие в состав сложных форм глагола в перфекте, плюсквамперфекте, будущем предварительном, условном наклонении.

ложениях этой основной структуры в зависимости от данного признака.

§ 2. Один из вопросов, на которых здесь будет сосредоточено внимание, заключается в следующем: который из двух главных компонентов предложения, глагольный предикат или именной субъект, служит носителем категорий лица, рода, числа? Соображения, высказывавшиеся на этот счет, не отличаются единодушием, и вопрос до сих пор остается дискуссионным. Многие ученые считают, что функция выражения лица и числа принадлежит в предложении субъектному компоненту. «Различия в грамматическом лице. . . это, собственно, функция подлежащего, а не глагольного сказуемого», — писал В. Матезиус², а грамматическое число он считал, как будто бы, даже основной грамматической категорией имени: «У существительных аспектная модификация состоит, главным образом, в различиях числа»³. В глаголе число и род появляются, согласно В. Матезиусу, в порядке согласования с именем: «Число и грамматический род, выражаемые личной формой глагола, . . . являются признаками грамматического согласования»⁴.

А. М. Пешковский относил лицо и число к именным категориям: «В сочетании *он стучит* категория лица в форме *стучит* зависит от слова *он* (нельзя сказать «он стучу» или «он стучишь»), также и категория числа (нельзя сказать «он стучат»)»⁵. Поэтому А. М. Пешковский говорит о согласовании сказуемого с подлежащим, и сам, как будто бы, находит это положение дел парадоксальным, потому что восклицает по этому поводу: «Слово самое главное для выражения процесса мысли оказывается подчиненным другому слову, потому что обозначает п р и з н а к, а не предмет! Здесь заключена известная а н т и н о м и я, известное столкновение основ языка. . .»⁶.

Существенные затруднения, связанные с отнесением категории лица к именному компоненту основы предло-

² Матезиус В. О системном грамматическом анализе. — Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 232.

³ Там же, с. 231.

⁴ Там же, с. 232.

⁵ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 60.

⁶ Там же, с. 187—188.

жения, возникают в тех случаях, когда глагол-сказуемое употребляется отдельно и самостоятельно, вне связи со специальной отдельной словоформой имени-подлежащего. Учитывая наличие и возможность таких случаев, некоторые авторы отделяют личные показатели, содержащиеся в составе глагольной словоформы, от предикативного компонента, и рассматривают их как формы выражения субъекта. Так, например, личное окончание глагола квалифицируется как подлежащее (для латыни) Ш. Балли. Излагая концепцию обязательного грамматического плеоназма, Ш. Балли, между прочим, пишет, что в латыни *t* является подлинным субъектом в *currit* 'он бежит', но лишено смысла в *equos currit* 'лошадь бежит' ⁷. По мнению Дж. Лайонза, и в латыни, где местоимение встречается только в специальных условиях, и в английском, где оно, наоборот, реализуется, должно постулировать абстрактный местоименный элемент, определенный относительно категорий лица и числа, который является субъектом глагола и контролирует правила, управляющие фонологической реализацией глагола в поверхностной структуре ⁸.

. Согласно синтаксическим воззрениям других ученых, лицо и число являются категориями глагола-сказуемого. В. В. Виноградов придерживался мнения о существовании органической связи категории числа с категорией лица и полагал, что способы обозначения числа в глаголе не являются «чистыми» формами согласования; по крайней мере, по отношению к 1-му и 2-му лицу в формах настоящего-будущего времени, а также повелительного наклонения «указание на число непосредственно заключено в глагольном окончании» ⁹. Личные местоимения при глаголах В. В. Виноградов определял как местоименные префиксы глагола ¹⁰. Французский лингвист Ж. Перро, посвятивший специальную работу соотношению субъекта и предиката, также высказывал убеждение в том, что субъект-местоимение должно рассматривать как интегральную часть глагольной формы, потому что

⁷ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 170.

⁸ Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge, 1968, p. 281.

⁹ Виноградов В. В. Русский язык, с. 472.

¹⁰ Там же.

местоимение, как полагает Ж. Перро, не имеет собственного лексического значения¹¹.

В Академической грамматике 1970 г. грамматическое число рассматривается как категория имени существительного¹², но лицо считается глагольной категорией: «Лицо — это словоизменяющаяся грамматическая категория, обозначающая отнесенность названного глаголом действия к его производителю»¹³.

Спорный вопрос об отнесении категорий лица, числа и рода к имени-субъекту или к глаголу-предикату мы решаем в пользу субъектного компонента. Для доказательства в ряде случаев придется обращаться к общеизвестным истинам, которые, однако, обыкновенно не привлекаются при решении данного вопроса.

Начнем с того, что лицо и число суть грамматические категории имени существительного (и местоимения-существительного) как части речи. Действительно, выражение — невыражение всех этих категорий или одной из них совпадает с разбиением имен (совместно с личными местоимениями) на семантические разряды; исходя из этого, рассматриваемые категории оказываются тесно связанными с особенностями лексических значений имен и вообще с именем как частью речи.

§ 3. Какой же разряд имен существительных способен выражать категорию лица? Можно встретить мнение, высказываемое прямо или косвенно, что указание на лицо (именно, конечно, на третье лицо) содержится не только в словоформе существительного, обозначающего человека, но и в словоформе существительного, обозначающего предмет¹⁴. Это мнение находится в противоречии с самой семантикой категории лица. Главное противопоставление, формирующее категорию лица, состоит в характеристике

¹¹ *Perrot J. Remarques sur la notion de sujet. — Mélanges Marcel Cohen. The Hague—Paris, p. 108.*

¹² Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 322, раздел «Грамматические категории имен».

¹³ Там же, стр. 362, раздел «Грамматические категории глагола».

¹⁴ «Основными значениями личных форм являются. . . для формы 3-го лица ед. числа — отнесенность действия или к лицу (не говорящему и не собеседнику), или к предмету. . . для формы 3-го лица мн. ч. — отнесенность действия к группе лиц или предметов, не включающей лиц первого и второго». См. Грамматика современного русского литературного языка, с. 362.

людей, с точки зрения одного определенного человека, по их участию—неучастию в речевом акте. Поэтому, что касается имен существительных, в противопоставлении по лицу может участвовать только существительное-антропоним, представляющее при этом третье лицо — субъект предиктируемого признака и в то же время не участник, в данный момент, акта речевого общения. Обозначенный существительным предмет или живое существо-неантропоним в противопоставлении по лицу не участвует в силу его полной непричастности к акту речи и неоднородности с прочими членами оппозиции грамматического лица, способными общаться при помощи речи. Мы хотели бы подчеркнуть, что речь может идти не о способности говорить, свойственной, например, не только людям, но и некоторым механизмам, но о способности беседовать (выслушивать второе лицо, отвечать ему, задавать вопросы), которая свойственна только людям. Таким образом, имя существительное, обозначающее человека, включает в себе один из противочленов (или граммем) личной парадигмы, в качестве других противочленов которой выступают не имена, а личные местоимения. Ниже будут высказаны соображения в пользу этой точки зрения.

Грамматическая категория лица наиболее ясно выражается личными окончаниями глаголов. Во всех языках, имеющих спряжение, формы глагола различаются по отношению к лицу, так что в перечислении личных форм глагола и состоит сущность спряжения. В старославянском глаголе различаются три лица в единственном, множественном и двойственном числах. Грамматические форманты, образующие парадигму лица, т. е. выражающие первое, второе и третье лицо, присоединяются к одному и тому же глагольному лексическому элементу, и, следовательно, категория лица имеет в глаголе определенную единую лексическую базу. Формами всех трех лиц располагают далеко не все глаголы, но лишь глаголы, обозначающие состояния или действия людей; этот факт сам по себе несет ясное указание на то, что категория лица связана со сферой проявления человеческой деятельности.

Наша задача заключается в том, чтобы проследить, как выражается категория лица в именном компоненте и какая существует связь между выражением лица средствами глагольных окончаний и выражением лица средствами именного компонента.

Грамматические термины «первое лицо», «второе лицо», «третье лицо» не дают никаких сведений о содержании категории лица, об отношениях, связывающих различные лица. Поэтому надлежит выяснить, на каком принципе основано противопоставление по лицу и по каким признакам одно из грамматических лиц противопоставляется другим.

Содержание понятия «первое лицо» можно определить следующим образом: это обозначение говорящим человеком самого себя в момент речи. Э. Бенвенист так пишет о значении первого лица: «Я может быть определено только в терминах «производства речи» («locution»), а не в терминах объектов, как определяется именной знак. Я значит «человек, который производит данный речевой акт, содержащий я. . . Форма я с языковой точки зрения существует только в том акте речи, в котором она высказывается. . . я — это индивид, который производит данный речевой акт, содержащий акт производства языковой формы я»¹⁵.

В других работах, посвященных категории лица, также подчеркивается субъективный характер первого лица, центральная роль обозначенного им человека в кратковременной ситуации речевого общения: «Я» — это обозначение лица говорящего, но также и того, что номинация производится самим этим лицом, т. е. говорящим в этот момент человеком. Слово «я» обладает двумя номинативными значениями: оно обозначает лицо по участию в речевом акте и обозначает при этом субъекта речи, информатора. Наименование «я» человек получает только из своих собственных уст. Значение «говорящий» присуще слову «я» дважды. В этом заключается сущность лингвистического понятия «лица говорящего» или «первого лица»¹⁶.

Местоимение первого лица, в отличие от местоимений третьего лица, не служит «заместителем» какого-либо другого имени и ничем не может быть замещено: оно представляет собой специальный знак первого лица. Действительно, обозначение человека, информирующего о том, что он является центральным участником данного речевого акта,

¹⁵ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 286—287.

¹⁶ Турасова А. В. О синтаксической категории лица в современном русском языке. — Вопросы синтаксиса и стилистики русского языка, вып. 1. Ульяновск, 1975, с. 33.

может быть произведено только местоимением первого лица; эту функцию не в состоянии выполнить никакое другое слово с субстантивным значением.

Понятие «второе лицо» связано с понятием «первое лицо». Обозначение говорящим в данный момент человеком (осознающим себя как субъект речи) другого лица как адресата его речи и образует понятие второго лица, или лица, слушающего первое лицо. Э. Бенвенист определяет второе лицо следующим образом: «индивид, к которому обращаются в данном речевом акте, содержащем акт производства языковой формы *ты*»¹⁷. Ср. также следующее соображение о значении второго лица: «Значение слова «ты» содержит . . . частицу значения слова «я». . . наименование «ты» человек может получить только при условии обозначения при этом («автоматически») субъекта речи»¹⁸. Местоимение второго лица также не замещает и не может замещать никакого другого понятия и не может быть замещено никаким другим словом с субстантивным значением, но служит специальным знаком второго лица¹⁹.

Возвращаясь снова к понятию третьего лица, заметим, что и его семантика соотносительна с понятием первого лица. Действительно, третье лицо — это обозначение человека, находящегося в данный момент вне противопоставления «говорящий, осознающий себя как субъект речи — его адресат», т. е. не участвующего в данный момент в акте речи, связывающем первое и второе лицо. Вообще же человек, обозначенный третьим лицом, может и говорить, но только не с первым лицом. Третье лицо — это не только понятие о человеке, не участвующем в диалоге первого и второго лица: в него входит особым, косвенным образом и представление о первом лице, опреде-

¹⁷ Бенвенист Э. Общая лингвистика, с. 287.

¹⁸ Турасова А. В. О синтаксической категории лица. . . , с. 34.

¹⁹ Особую позицию в этом вопросе занимает Ж. Дюбуа, согласно которому личные местоимения первого и второго лица также способны взаимозамещаться с именами существительными (см. Dubois J. Grammaire structurale du français: nom et pronom. Paris, 1965; ch. «Les substituts», p. 91—110). Критику концепции Ж. Дюбуа см. в работе: Perrot J. Remarques sur la notion de sujet. Характеризуя местоимения первого и второго лица, Ж. Перро заметил, что они никогда не являются заместителями: «они не коммутируют ни с какими именами и их присутствие является константным» (с. 110).

ляющим со своей точки зрения место других людей в ситуации общения.

Соотношение между людьми, обозначенными грамматически первым, вторым и третьим лицом непостоянно, текуче, изменчиво; оно действительно только для одного определенного момента речи, в продолжение которого диалог связывает двух определенных людей, которые при этом могут говорить о некоем постороннем по отношению к ним двоим человеке. Ситуация может измениться, «третье лицо» или «второе лицо» станет первым, а бывшее «первое» — «вторым» или «третьим». Таким образом, все три лица суть потенциальные участники диалога, что подчеркивал А. М. Пешковский: «. . . Нет. . . абсолютного лица речи, потому что одно и то же фактическое лицо может быть и 1-м лицом речи, и 2-м, и 3-м по отношению к говорящему. Каждый из нас может быть и *я*, и *ты*, и *он*,. . . не в фактическом распределении предметов по трем лицам речи заключается значение слов *я*, *ты* и *он*, а в том распределении, которое производит само лицо говорящее»²⁰. Э. Бенвенист выражает эту мысль следующим образом: «Каждое *я* имеет свою собственную референцию и соответствует каждый раз единственному индивиду, взятому именно в его единственности. . . Идентифицируя себя как единственное лицо, произносящее *я*, каждый из говорящих поочередно становится субъектом»²¹; и далее: «. . . Определяющим признаком «*я*» и «*ты*» является их взаимообратимость: тот, кого *я* определяю как «*ты*», сам мыслит себя в терминах «*я*» и, обращаясь в «*я*», превращает мое «*я*» в «*ты*»»²². Поскольку значения личных местоимений заключаются не в фактическом распределении предметов по трем лицам, а в том распределении, которое производит один из участников диалога, категорию лица определяют как субъективно-объективную²³.

Во многих лингвистических исследованиях подчеркивается мысль о резком функциональном и формальном различии между способами выражения первого и второго

²⁰ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении, с. 109.

²¹ Бенвенист Э. Общая лингвистика, с. 286, 288.

²² Там же, с. 264.

²³ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении, с. 109; Маслов Ю. С. Введение в языковедение. М., 1975, с. 161.

лица, с одной стороны, и третьего лица, — с другой. Как полагает Э. Бенвенист, среди местоимений следует различать классы с совершенно различной природой. Он находит, что «в формальном классе местоимений так называемые местоимения «третьего лица» по своей природе и функции совершенно отличны от *я* и *ты*»²⁴. Л. Теньер определяет как личные существительные (*substantifs personnels*) только местоимения 1-го и 2-го лица²⁵. Л. Блумфилд считает личными только местоимения первого и второго лица, в то время как местоимения третьего лица получают у него наименование определительного субститута²⁶. Действительно, формы выражения первого и второго лица местоимениями названы неудачно: как уже было сказано выше, функцией замещения они не обладают и сами неспособны замещаться именами. В этом отношении местоимение, в котором содержится значение 3-го лица, существенно отличается от местоимений 1-го и 2-го лица. Местоимение, содержащее значение 3-го лица, способно замещать собой имя существительное и быть замещенным именем существительным. На этом основании третье лицо исключается некоторыми исследователями из личной парадигмы и квалифицируется как «не лицо»²⁷. Личная парадигма сводится в таком случае к первому и второму лицу.

Существует, действительно, множество оснований для отделения местоимений, в которых содержится значение 3-го лица, от местоимений 1-го и 2-го лица. Именно, как первое, так и второе лицо местоимений имеют, для каждого числа, свою собственную единственную форму выражения, в то время как третье лицо располагает для своего выражения иногда довольно значительным числом местоименных или указательных вариантов. Местоимения первого и второго лица имеют ряд формальных отличий от местоимения, заключающего значение третьего лица. Если местоимения со значением 3-го лица содержат в себе показатели родовых различий, т. е. различаются по родам

²⁴ Бенвенист Э. Общая лингвистика, с. 290.

²⁵ Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1969, p. 115.

²⁶ Блумфилд Л. Язык. М., 1968, с. 275.

²⁷ Бенвенист Э. Общая лингвистика, с. 290. Глагольную форму 3-го лица Э. Бенвенист также считает неличной: «...Лицо свойственно только позициям «я» и «ты». Третье лицо является уже в силу своей структуры неличной формой глагольной флексии» (с. 264).

самостоятельно, то местоимения первого и второго лица не содержат в себе таких показателей, а родовые различия могут получать только отраженно, через согласуемые формы сказуемого (*я читала*). У местоимения, заключающего в себе значение третьего лица, неединственное число сохраняет корни соответствующих местоимений единственного числа, формы же множественного и двойственного числа местоимений первого и второго лица образуются не от корня соответствующих местоимений ед. числа, а супплетивно.

Существует мнение, что местоимения первого и второго лица оформились в языке раньше, чем местоимения со значением третьего лица²⁸.

Местоимения со значениями 1-го и 2-го лица и местоимения со значением 3-го лица различаются в семантике неединственного числа. Значение неединственного числа у местоимений третьего лица не отличается от значений неединственного числа у имен существительных, между тем как местоимения первого и второго лица имеют неединственное число совершенно особой семантики. Переход от единственного числа к неединственному в личных местоимениях не является простой плюрализацией. Мы — это не я + я + я. . ., а группа людей, включающих первое лицо, я и кто-либо другой, другие; я с кем-нибудь. Таким образом, мы включает я и другое лицо либо других лиц, не информируя, однако, при этом, собеседниками или не собеседниками являются эти другие лица. Точно так же, вы — это не ты + ты + ты. . ., а группа людей, включающая второе лицо: ты и кто-то другой, другие, ты с кем-нибудь²⁹.

²⁸ Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969, с. 196.

²⁹ Об отличительных особенностях семантики неединственного числа личных местоимений говорилось не раз. См., например: *Есперсен О.* Философия грамматики, с. 220—223, гл. «Приблизительное множественное число»; *Скаличка В.* О грамматике венгерского языка. — В кн.: Пражский лингвистический кружок, с. 139; *Lyons J.* Op. cit., p. 270; *Tesnière L.* *Éléments de syntaxe structurale*, p. 122—125; *Perrot J.* *Remarques sur la notion de sujet*, p. 110; *Майтинская К. Е.* Местоимения в языках разных систем, с. 182; *Мурыгина З. М.* О значениях основ личных местоимений и возвратного местоимения *себя* в структуре предикативного словосочетания. — В кн.: Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М., 1973, с. 152—166.

Однако наиболее существенное отличие форм выражения третьего лица от форм выражения первого и второго лица заключается в характере семантической структуры. Если местоимения первого и второго лица относятся только к людям, то форма третьего лица относится как к людям, так и к предметам. Форма третьего лица, таким образом, двулика, омонимична. Мы считаем ее истинным средством выражения лица лишь в тех случаях, когда она относится к человеку. В других случаях эта форма нелична и не связана с парадигмой форм выражения лица. Предмет неодушевленный или живое существо — не человек могут быть, как и человек, предметом речи, но они неспособны стать на какое-то время ни первым, ни вторым лицом.

Имеют ли формы личных местоимений собственные лексические значения или они являются чисто грамматическими показателями? Этот вопрос, один из труднейших в грамматике, разными авторами освещался по-разному. Некоторые исследователи, например Д. Н. Овсянико-Куликовский, были склонны относить местоимения к формальным словам³⁰. А. М. Пешковский занимает в этом вопросе двойственную позицию. С одной стороны, он отрицает «вещественное» значение местоимений, полагая, что «у них основное значение — формальное и добавочное —

Особенности семантики неединственного числа личных местоимений А. Мейе ставил в связь с их морфологическими особенностями: «Различие между единственным, множественным и двойственным числом в личном местоимении имеет другое значение, чем в остальных категориях, так как оно имеет различные корни в зависимости от числа» (см. Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, с. 363).

Причину особого значения неединственного числа у личных местоимений Э. Бенвенист видел в их уникальности и субъективности: «Так как невозможно иметь несколько «я», осознаваемых как «я» говорящим, то «мы» является не множеством идентичных объектов, но некоторым сочетанием, состоящим из «я» и «не-я», каковым бы ни было при этом содержание этого «не-я» . . . в «мы» всегда преобладает «я», так как не может быть «мы» иначе, как на основе «я» . . . «мы» не представляет собой здесь квантованного или умноженного «я». Это размытое «я», раздвинутое за пределы лица в точном смысле термина и одновременно потерявшее четкие контуры» (Бенвенист Э. Общая лингвистика, с. 267—268).

³⁰ Овсянико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912, с. 179.

формальное»³¹. Но в другом месте своего труда о синтаксисе А. М. Пешковский упоминает о наличии в местоимении неграмматических частей слова (корней), которые имеют субъективно-объективное значение, т. е. обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит³². Таким образом, А. М. Пешковский невольно допускает наличие в местоимениях корней, хотя и с предельно отвлеченным значением. В. В. Виноградов, признавая наличие у местоимений лексического значения, отмечает как категориальную черту этого класса слов «смысловую всеобщность», «необычайную емкость». Подчеркивается, что местоимения «характеризуются неопределенностью вещественного значения корня-основы. . . они обладают такой субъективной растяжимостью своего содержания, которая делает их лексическое значение условным, всеобщим, как бы беспредметным»³³. О наличии у местоимений собственного лексического значения писали Л. А. Киселева³⁴, А. В. Турасова³⁵. С. Д. Кацнельсон противопоставляет местоимения назывным словам как слова с мгновенным актуальным значением словам с инвариантным, константным семантическим ядром, или как слова ситуативные надситуативным³⁶, т. е. признает наличие у местоимений собственного семантического ядра, хотя и с совершенно особым типом значения.

Вопрос о лексическом или грамматическом типе значения, выражаемого личными местоимениями, имеет два аспекта: формальный и семантический.

В общей массе случаев грамматическое значение передает отношение, выраженное как неосновное, дополнительное и лишь сопровождающее основное, т. е. лексическое значение. В случаях такого рода грамматическое значение может иметь место только при условии, если оно выражено не различиями самих слов, не разными отдельными сло-

³¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении, с. 164.

³² Там же, с. 163.

³³ Виноградов В. В. Русский язык, с. 324.

³⁴ Киселева Л. А. О лексическом значении местоимений и его типах. — Вопросы развития грамматики и лексики русского языка. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 373, 1968, с. 267.

³⁵ Турасова А. В. О синтаксической категории лица. . . , с. 31.

³⁶ Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965, с. 5—7.

вами, но изменением слов. Личные местоимения — разные слова, не имеющие в своем составе никакой общей части. Значение, выраженное отдельными словами, обыкновенно принадлежит к числу лексических; на этом основании мы должны были бы признать личные местоимения разными лексемами, не имеющими никаких грамматических значений.

Другая сторона вопроса — семантическая. Семантические различия, выражаемые личными местоимениями, совпадают с семантическими различиями, выражаемыми личными окончаниями глаголов и принадлежащими к типу грамматических различий. Более того, именно наличие закономерных морфологических парадигм лица в глаголе позволяет объединить этимологически разрозненные слова — личные местоимения — в составе одной и той же парадигмы. Вне взаимоотношений с личной парадигмой глагола супплетивный ряд местоимений растворился бы в общей массе этимологически гетерогенных слов. Если смотреть на личные местоимения с этой точки зрения, их следует признать грамматическими формантами, выраженными разными отдельными словами.

В функции субъекта различия, передаваемые личными местоимениями, соседствуют с закономерными, одновременно и содержательными и формальными, изменениями по лицам личного глагола-предиката, связанного с местоимением принадлежностью к той же самой структурной основе предложения, поддерживаются этими изменениями. В двух членах структурной основы предложения, если эти члены встречаются совместно, наблюдается «удвоение» одного и того же значения: одинаковые элементы значения передаются дважды разными способами; категория лица выражается, таким образом, плеонастично, избыточно: личными формами глагола и супплетивными формами личных местоимений. Как известно, это дублирование смысла часто устраняется, без утраты какой-либо части семантической информации и без нарушения синтаксической правильности предложения, за счет опущения личного местоимения. В случаях отсутствия личной формы глагола личное местоимение обычно сохраняется и берет на себя всю полноту информации о грамматическом лице.

Итак, семантические особенности личных местоимений первого и второго лица позволяют признать их чистыми граммами, хотя такое признание, при всей его логич-

ности, кажется весьма парадоксальным. Действительно, личные местоимения, будучи граммемами, образуют в то же время именной компонент основы предложения, его субъект. Они способны, как и имена существительные, изменяться по падежам (хотя их падежные формы супплетивны). Они способны иметь при себе определение (правда, в виде аппозиции). Разные лингвисты находили разные выходы из затруднительного положения. Одни из них наделяли личные местоимения собственными лексическими значениями, т. е. акцентировали черты сходства местоимений с существительными, другие же, полностью лишая местоимения лексического значения, отказывали им даже в статусе отдельного слова, соединяли их с глаголом, рассматривая как глагольный формант, как часть глагольной формы, полностью дублирующую грамматическое значение лица в личном окончании глагола³⁷. Следует, видимо, признать, что личные местоимения — это отдельные слова, хотя их значения относятся к грамматическому типу.

Все сказанное действительно, однако, только для местоимений первого и второго лица. Только их значения без какого-либо остатка совпадают с личными значениями первого и второго лица глаголов и являются полностью грамматическими. Третье лицо со стороны особенностей его выражения существенно отличается от первого и второго.

Если сопоставить с личным значением глагола третьего лица любое местоимение (например ст.-слав. *тъ, оъз, инъ*), а также имя существительное, обозначающее человека (которое способно замещаться этими местоимениями и в свою очередь замещать их), то по сравнению со значением глагола в значении местоимений и имен существительных обнаружится ясно ощутимый остаток, который с полным основанием можно считать лексическим значением именного компонента. В местоимениях лексическое значение представлено разными оттенками указательности; здесь мы можем обнаружить противопоставление по степени удаленности предмета, на который указывают, от субъекта. В именах существительных, обозначающих людей, лексические значения весьма разнообразны и имеют только один общий момент в семантике — обозначение человека.

³⁷ *Pérot J. Remarques sur la notion de sujet, p. 108.*

Грамматическое значение третьего лица и в местоимениях, и в именах существительных только лишь присоединяется к основному, лексическому значению. В славянских языках нет определенной специальной формы для выражения значения третьего лица. Грамматическое значение третьего лица присутствует в целом ряде различных местоимений и в именах существительных, обозначающих людей.

Подчеркнем еще раз, что значение третьего лица содержится только в тех местоимениях, которые имеют отношение к человеку и способны взаимозаменяться с его субстантивным обозначением. Самое сильное доказательство причастности к личной парадигме только тех местоимений, которые относятся к людям, заключается в сочетаемости их с теми же самыми глаголами, с которыми сочетаются местоимения первого и второго лица, а именно, с глаголами, обозначающими состояния и действия людей. Неличный омоним местоимения третьего лица, относящегося к людям, сочетается с другим кругом глаголов; некоторые из этих глаголов вообще неспособны изменяться по лицу, но имеют форму только одного «лица» (ср. невозможность или малую вероятность первого и второго лица от глаголов со значением 'блестеть', 'зеленеть', 'туманиться' и под.).

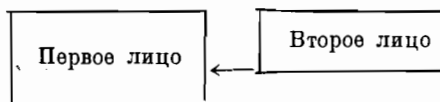
Поскольку местоимения, включающие грамму третьего лица, способны к взаимозамене с именами существительными, обозначающими людей, мы относим к способам выражения третьего лица также все имена существительные, обозначающие людей. В их формах содержится граммема третьего лица. Они способны сочетаться с теми же глаголами, с которыми сочетаются личные местоимения первого и второго лица. Названия неживых предметов и живых существ-не людей мы считаем не выражающими категории лица, не совместимыми с этой категорией.

Подводя итоги вопроса о грамматической категории лица, следует отметить яркую специфичность в способах выражения этой категории. Категория лица выражается либо обоими компонентами структурной основы предложения (именным и глагольным), либо одним из них (глаголом). Именной компонент — личное местоимение — в первом и втором лице представляет собой с точки зрения семантики чистую грамму лица; для значения третьего

лица нет специальной формы выражения, и его граммема присоединяется к лексическим элементам указательных местоимений, относящихся к людям, и к именам существительным, обозначающим людей.

Содержание категории лица есть определение места или роли людей в данном акте коммуникации с точки зрения одного из говорящих, который говорит о себе как о первом лице. Э. Бенвенист высказал мнение, что неотмеченным членом оппозиции лица является третье лицо³⁸; действительно, формы, несущие значение третьего лица, встречаются в языке в целом чаще, чем формы других лиц, но они связаны лишь с одним определенным повествовательным типом передачи информации, и в этих условиях данные формы мы не в праве количественно сопоставлять с формами первого и второго лица. Сам же Э. Бенвенист заметил, что количественное соотношение форм выражения лица варьируется в зависимости от типа языка: «Можно представить себе языковой текст очень большой длины, например, научный трактат, где *я* и *ты* не встретятся ни разу, и, напротив, трудно вообразить даже короткий разговорный текст, где эти местоимения не были бы употреблены»³⁹. В диалогах, т. е. при условии участия в речи первого и второго лица, в качестве неотмеченного выступает первое лицо: обозначение человека, определяющего роли прочих лиц со своей собственной позиции.

По вопросу о структуре категории лица нам кажется убедительной точка зрения тех исследователей, которые разделяют эту категорию на две оппозиции. Одна из оппозиций объединяет — и противопоставляет друг другу — первое и второе лицо как обозначения участников диалога:

Вторая оппозиция противопоставляет первое и второе лицо, взятые вместе, третьему лицу как обозначению человека, не принимающему участия в диалоге. Как пишет Э. Бенвенист, «оба эти «лица» вместе противопоставляются

³⁸ Бенвенист Э. Общая лингвистика, с. 289.

³⁹ Бенвенист Э. Общая лингвистика, с. 286.

форме «не лица» (= «он»)»⁴⁰. Таким образом, в целом категорию лица можно представить в виде следующей схемы:

В качестве лексемы, к которой присоединяется грамматическое значение третьего лица, т. е. значение лица, не участвующего в акте речи, но способного стать одним из его участников, может быть любое наименование человека: *по имени*: *исаакъ*; *по роду, племени, гражданству, месту жительства*: *египтянинъ, римлянинъ, херсонянинъ*; *по роду занятий*: *раба, рыбака, пастыря, гравача и сквабаника, ключа, вина, врата и вратника, дворянина, гостинника, шарописателя и шарачина, врача, балла, цыганка, жидина, кжпаца, крмачина и крманика, корабачина и корабаника, сокачина, кзничина, ловаца, жателя, свшганика, жарца, скирца, счача*; *по общественному положению*: *царя, господина, наместника, владельца, пакиника, раба*; *по положению среди чинов церковной иерархии*: *архиерея, вклизца, чрноризца, чрнеца*; *по вероисповеданию*: *инокриника, бзычаника, кристиана*; *по возрасту и полу*: *чадо, юноша, отрок, отроцига, старца, дѣво и дѣвица, жена*; *по семейному положению и родственным связям*: *жжика, ближика, братра, дшги, сын, тшга*; *по внешности и состоянию организма*: *хромаца, слпаца, каженика, неджжаника*; *по образу жизни*: *пугыаника, млчаланика, жзника, стапаника*; *по склонностям характера и особенностям личности*: *правданика, гршаника, боголюбца, ма-*

⁴⁰ Там же, с. 266. Иное соотношение первого, второго и третьего лица предложено В. Скаличкой, согласно которому три лица выражают два типа отношений: присутствие и отсутствие говорящего, а также присутствие и отсутствие лица, к которому обращаются (см. *Скаличка В. О грамматике венгерского языка.* — В кн.: Пражский лингвистический кружок, с. 139).

лсвѣръзъ, клеветарь, злодѣи, нектѣлазъ, томителъ, мжчителъ, чародѣи, ѣдѣца, пивѣца, соухогадѣца, блждѣникъ, бестоудѣца и бестѣдѣникъ, крамслѣникъ, хоудѣникъ, заблѣгѣникъ, пакосѣникъ, а также слово члвѣкъ, объединяющее все эти наименования.

В качестве носителя значения третьего лица может выступать и указание на человека, выраженное местоимениями, которые способны «замещать» имена, обозначающие людей, и замещаться, в свою очередь, именами существительными, обозначающими людей.

При рассмотрении предложений на предмет выраженности или невыраженности в них категории лица удобно пользоваться терминами «личное предложение» и «неличное предложение». «Личность» или «неличность» предложений в предлагаемом понимании этих терминов зависит от того, характеризуется ли предикативная основа предложения категорией лица, или эта категория в ней не выражена.

В пределах типа, объединяемого формулой $N_1 - VI$, личными можно считать предложения с глаголом-сказуемым, изменяемым по лицам, включающие (или не включающие в связи с особыми контекстными или стилистическими условиями) подлежащее в именительном падеже (ѣже азъ вѣдѣ ты не вѣси Супр. 130, 9; ты же поскѣпюе ты сътвори Супр. 253, 21; также хошгѣши тако вѣроуи Супр. 393, 18; вы кеселите са смѣхомъ. азъ же и пѣти ѣмъ Супр. 19, 20; гла къ нему ѣрѣ мжжа ѳ βασιλικός Ио. IV, 49 Зогр., Мар., Ассем. (ѣцаревъ мжжа — Остр.); сѣроковица нѣстѣ оумрѣла нъ спитѣ Марк V, 39 Зогр., Мар.; рыбаи же... плакаахъ мрѣжа Лука V, 2 Зогр., Мар., Ассем., Остр.; жалгѣне же оки клицаахъ. оки течаахъ къ слѣдѣ вѣка Супр. 43, 24; мори... дастѣ камъ законъ Ио. VII, 19 Мар., Зогр., Ассем., Остр.). Субъектом таких предложений могут быть только обозначения людей (местоимения либо существительные), т. е. антропонимы⁴¹.

⁴¹ Обоснование целесообразности употребления терминов «антропоним» и «неантропоним» см. в работе: *Абрамов Б. А. О понятии семантической избирательности слов.* — В кн.: *Инвариантные синтаксические значения и структура предложения.* М., 1969, с. 5—15.

Неличными же считаются предложения, в предикативной основе которых не выражено противопоставление по лицу. Предикативный центр таких предложений содержит глагол только в одной личной форме — в третьем лице. Субъектом таких предложений может быть существительное, обозначающее либо предмет, либо живое существо, не принадлежащее к числу лиц, т. е. неантропоним, или же местоимение, указывающее на неантропоним. Например: *погоці накоднѣша съ хѣімаѣроі* Син. пс. 77, 20; *зкѣзды начннжтѣ падати съ нѣсе* Марк XIII, 25 Мар., Зогр., *ржка деснага ддамока ржка прикоинж са дрѣкѣ* Супр. 396, 18; *соушж ржцѣ его создасте* Син. пс. 94, 5; *пѣтїца обрѣте себѣ храмїнж. і рзлица гнѣздо себѣ. ікдеже положї пѣтенѣца своѣа* Син. пс. LXXXIII, 4; *откждоу прїдсша сїа дїкна козы* Супр. 224, 2.

§ 4. Обозначение количества предметов, и прежде всего количества расчлененного, прерывного (дискретного) осуществляется в языке и средствами лексического характера, и грамматическими средствами. Число в славянских языках тесно связано с самой сущностью предметности; «предметность проявляется в первую очередь через противопоставление по грамматическому числу», — считал И. И. Ревзин⁴².

Манифестация категории числа заключается в старославянском в различии между единственным, множественным и двойственным числом. Множественное число в отличие от единственного числа несет значение разделительной, или дистрибутивной, множественности; как и в других языках, «существительное в этой форме указывает на то, что соответствующий предмет представлен в количестве большем, чем один экземпляр, причем члены этого множества мыслятся как однородные, а само множество как незавершенное, незаконченное»⁴³. Форма единственного числа не может быть употреблена, когда речь идет

⁴² Ревзин И. И. Об иерархии грамматических категорий славянских языков (на примере категорий имени существительного). — Советское славяноведение, 1969, № 3, с. 75.

⁴³ Панфилов В. З. Типология грамматической категории числа и некоторые вопросы ее исторического развития. — ВЯ, 1976, № 4, с. 27.

о дискретном множестве предметов; она «или соотносится с реальной единичностью, или используется в тех случаях, когда существительное употреблено в родовом значении, т. е. безотносительно к объему соответствующего класса предметов»⁴⁴.

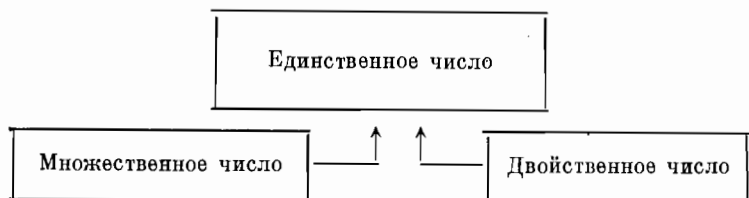
Наряду с единственным и множественным числом в старославянском было также двойственное, унаследованное от индоевропейской древности; таким образом, в старославянском категория числа могла фиксировать не только различие между единичным объектом и множеством однородных объектов, но и определенное количество объектов, а именно — два (в отличие от одного объекта или некоего множества, охватывающего более чем два объекта).

Двойственное число, так же как и множественное, предполагает расчлененность, дискретность обозначенных им предметов; поэтому формы двойственного, так же как и формы множественного, не образуются от имен существительных вещественного или абстрактного значения или от других существительных, обозначающих «несчитаемые» предметы. Двойственное, таким образом, возможно при наличии в языке представления о расчлененности, т. е. при условии существования множественного числа, противопоставленного единственному⁴⁵.

Единственное число чаще встречается в языке, нежели множественное и двойственное, а в противопоставлении более распространенных знаков менее распространенным последние должны считаться маркированными членами. Данные соображения дают основание констатировать, что в старославянском языке категория числа представлена двумя оппозициями, имеющими один и тот же неотмеченный член — единственное число: оппозицией единственное: множественное и оппозицией единственное: двойственное, что можно представить в виде следующей схемы:

⁴⁴ Там же, с. 25.

⁴⁵ Ср. сформулированную Дж. Гринбергом закономерность, относящуюся к употреблению двойственного числа: «Нет языка, который, имея двойственное число, не имел бы множественного» (*Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. — В кн.: Новое в лингвистике, V. М., 1970, с. 139.*)

В предикативной основе личных предложений (личных — в нашем понимании этого термина) категория числа чаще всего четко выражена. Антропонимы считаются (ср. мжжж — мжи — мжжж); формы местоимений, указывающих на лиц, хотя и обладают в двойственном и во множественном числе специфической семантикой, отличающейся от семантики двойственного и множественного числа имен существительных, все же четко различают как единичность, так и расчлененную множественность⁴⁶. В этом отношении особое положение занимают собирательные и обобщенно-собирательные имена существительные, обозначающие коллективы и группы людей. Это, например, существительные *люднѣ*, *языкъ*, *народъ*, *родъ*, *племя*, *колѣно*, *члвпа*, *спира*, *дружина*, *обыштина*, *стража*, *коустодия* 'стража', *снмъ*, *снмѣство* 'войско', *коинѣство*, *ликъ* 'хор', *чадъ*, *чемадъ*, *тржтъ* 'отряд, стража', *плькъ* (ср. примеры из Супр.: *тржтъ бймъскыи*, *плькъ непръворемыи*. 82, 30; *шлѣ ликъ стъ*, *шлѣ снмъ скаштенъ*, *шлѣ тржтъ непвѣдимъ* 96, 28). Некоторые слова могут развить собирательное значение в результате метонимии, напр. *цѣсарѣство* 'жители царства', *домъ* 'домочадцы' (ср. *егоже поставитъ гъ надъ челѣднѣ сксеж* Лука XII, 42 Мар. — в Зогр. *надъ домома сксимъ*); *градъ* 'жители города'. Некоторые личные существительные собирательного значения не изменяются по числу (напр., *стража*, *чадъ*, *чемадъ*). У других собирательных существительных, имеющих формы единственного и множественного, эти внешне различающиеся формы

⁴⁶ Различение единственного и множественного числа считается наиболее очевидным как раз в сфере обозначения лиц, животных и конкретных предметов, поскольку эти объекты могут быть перечислены. См. Lyons J. Op. cit., p. 281.

в части своих употреблений совпадают по значению, т. е. являются синонимами. Так, отмечаемая в памятниках форма мн. числа *народи* в ряде случаев синонимична форме ед. числа *народъ*, о чем говорят чередования этих форм в параллельных местах: *сего ради и протикъ емоу изиде народъ ѓ ѓхлос* Ио. XII, 18 Мар., Зогр., Савв. (изидж *народи* — Ассем.). В других же случаях образование множественного числа от собирательных антропонимов сопряжено с особыми сдвигами в их лексическом значении; так, мн. число *народи* значит 'племена', 'народности' (ср.: не *обраті насъ къ плѣнъ народомъ поганскымъ* Кнев. л. 4 б 12). Формы мн. числа от имен существительных *сгражака*, *ликъ*, *пакъ*, *коинастко*, *тратъ* употребляются при обозначении множеств конкретных единиц, каждая из которых имеет собирательное значение. Факты такого рода О. Есперсен называет «множественным числом, возведенным во вторую степень»⁴⁷.

Есть собирательные антропонимы, противопоставленные по признаку грамматического числа соответствующим «исчисляемым» антропонимам, имеющим форму единственного. Собирательные в таких случаях воспринимаются как формы множественного. Так, от существительного *братръ* (*братъ*) в именительном падеже вместо множественного употребляется собирательная форма *братрина* (*братина*). В подлинном множественном существительное *братръ* (*братъ*) выступает только в некоторых косвенных падежах, но и в этих случаях наряду с формой мн. числа (и чаще, чем эта форма) наблюдается косвенный падеж от собирательной формы, так что данный косвенный падеж выражается параллельными формами. По данным древнейших памятников, парадигма мн. ч. и с л а от существительного *братръ* (*братъ*) имеет следующий вид:

И.	—	<i>братрина</i> (<i>братина</i>)
Р.	<i>братръ</i> , <i>братъ</i>	<i>братрина</i>
Д.	—	<i>братрини</i> (<i>братини</i>)
В.	<i>братры</i> (Син. евх.)	<i>братринъ</i> (<i>братинъ</i>)
Т.	—	<i>братринъ</i> (<i>братинъ</i>)

⁴⁷ Есперсен О. Философия грамматики, с. 227.

М. братръхъ (Син. евх.) братин
 Зв. — братръкъ (Клоц.), братъкъ (Клоц.)

Колебания в употреблении форм, отмеченные в памятниках, указывают на то, что и подлинное множественное, и собирательная форма были близки семантически. Ср.: единому отъ сихъ. малыхъ братръ моихъ Мат. XXV, 40 Мар. (братъ моихъ — Зогр., Ассем., Савв., Остр.) — единому отъ братриа съя моа Супр. 123, 25⁴⁸. Так происходит поглощение множественного числа собирательной формой, которая приобретает значение множественного, при ед. ч. братръ (братъ) и двойственном братра (братъ).

Грамматическому переосмыслению собирательных антропонимов способствовало существование специальных сингулятивов на -ин, обозначающих людей; на их фоне множественность значения собирательных проявляется еще ярче. Ср. граждане — гражданинъ, господине — господинъ (и господа), людие 'народ' — людинъ (ср. простъ людинъ в Син. евх.), жидоске — жидоскинъ, комарѣ — дв. число комарина. К существительному собирательному кон 'войска, армия' — сингулятив кониъ⁴⁹.

Среди «неличных» существительных имеются «исчисляемые» или «считаемые», т. е. способные к изменению по числу. К ним относятся названия живых существ: конъ, коза, орля, елена; названия частей тела человека и животных: ржка, око, оухо, крило и др., названия разного рода неживых предметов: дрѣкко, злакъ, класъ, зръно, камы, гора, домъ, крокъ, пещтъ, риза, платъ, скѣшгъ, чаша, одръ, коталъ, сѣтъ и многие другие. Но далеко не все существительные-неантропонимы были способны выражать морфологическими различиями единичность и расчлененную множественность: за пределами грамматической категории числа остаются целые разряды существительных-неантропонимов, и этим они весьма заметно отличаются от имен существительных, обозначающих людей.

⁴⁸ Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, с. 114.

⁴⁹ Вайан А. Указ. соч., с. 197—198.

Неизменяемые по числу имена известны как *singularia tantum* и *pluralia tantum*; в старославянском, может быть, были так же некоторые имена, употреблявшиеся только в форме двойственного.

От существительных *singularia tantum* обычно (кроме особых случаев) не образуются грамматические формы множественного и двойственного. Существительные *pluralia tantum* имеют морфологические признаки множественного числа при отсутствии у них соотносительных форм единственного и двойственного. Вообще же разграничение единичности и неединичности им не чуждо, но оно достигается неморфологическими средствами: Ср. рус. *одни сани* и *многие сани*. Таким образом, у *pluralia tantum* «в каждом падеже словоформы разных чисел омонимичны»⁵⁰.

В старославянском наиболее мощный пласт неизменяемых по числам имен образован словами с абстрактным значением состояния, действия, процесса, свойства. Обилие в старославянском отвлеченной лексики неудивительно, если учесть, что изученные памятники содержат религиозные тексты, входящие в состав Евангелия, Псалтыри, житий святых или заключающие описание ритуальных обрядов. Существительные отвлеченного значения относятся к области религии, церковной деятельности, философии, науки, передают поэтические представления; многие из них несут на себе отчетливую печать греческого влияния, поскольку они представляют собой книжные новообразования из славянского материала, возникшие по образцу слов греческого оригинала. Среди них много сложных слов, которые нередко созданы способом калькирования с греческого.

От существительных абстрактного значения не образуются формы множественного (об отклонениях от этого принципа см. ниже) и двойственного.

Здесь приводятся только некоторые примеры имен существительных абстрактного значения, выбранные из безграничного океана старославянской лексики этого рода: *дзканине*, *дзкѣба*, *безаконие*, *безбожанье*, *безмалъвѣсткѣне*, *благодѣлѣние*, *благодарѣние*, *благодѣла* и *благодѣла*, *благославѣшение*, *вѣстрастѣне* 'жизнь без страданий', *вратолѣн-*

⁵⁰ *Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967, с. 59.*

БАСЪТВИНІЕ, БЫТИІЕ, БѢСОВАНІЕ, ВЕЛИКОМѢПОТІЕ, ВЕЛИКОГА, ВЕЛ-
 ЛѢПОГА, ВИДѢНІЕ 'образ, вид', ВЪЗШАВА, ВРАЖДА, ВЪЗНИКА-
 НІЕ, КЪЗДМАНІЕ, КЪПЛА, КЪСКРАСЕНІЕ, КЪСПОМИНАНІЕ, КЫСОГА,
 ГЛАГОЛАНІЕ, ГЛЖВИНА, ГНѢКЪ, ГОВОРЪ, ГОКѢНІЕ 'набожность,
 богобоязненность', ГРЪДОСТА, ДЛЪГОГА 'длина', ДЛЪГОГРЪ-
 ПѢНІЕ, ДОБРОГА И ДОБРОСТА, ДОБРОСЪТВОРЕНІЕ, ДОБРОЧАСТІЕ
 И ДОБРОЧАСТА, ДРЪЗНОКѢНІЕ, ДОСТОИНАСТЪО, ДОУХЪ, ЖЕЛЕТКА
 'печаль, горе', ЖЕСТОСРЪДІЕ *σκληροκαρδία*, ЖИКОГЪ 'жизнь',
 ЗАВЪЗВЕНІЕ, ЗАКИСТА, ЗАКОНОПРѢСТЪПНЕНІЕ, ЗЛОВА, ЗЕМЕЛЪ-
 ГАНИЕ 'лежание на земле', ИСКОУШЕНІЕ, ИСПОКѢДАНІЕ, КЛЕ-
 КЕТА, КОКОТОГЛАШЕНІЕ И КОУРОГЛАШЕНІЕ *ἄλεκτροφωνία* 'пение
 петухов', КОЛЕНІЕ 'убийство, избивение', КРАСОГА, КРАМОЛА,
 КРОТОСТА, КРАШТЕНІЕ, КОУМИРОСЛОУЖЕНІЕ *εἰδωλολατρεία* 'идо-
 лопоклонство', ЛИХОИМАСТВИЕ 'корыстолюбие', ЛѢПОГА, ЛЮБА,
 ЛЮГОСТА, ЛЖКАВЪСТЪО, МЛЪЧАНІЕ, МЪЗДА 'отплата', МАКЪКО-
 ЛѢГАНІЕ 'лежание на мягкой постели', МЖДРОСТА, МЖЧЕНІЕ,
 НАДЕЖДА, НЕБЫТИЕ, НЕПРАВДОСЪТВОРЕНІЕ, НЕЧАСТІЕ, ОБИЛІЕ,
 ОБѢШТАНІЕ, ОТЪЛЖЧЕНІЕ, ОТЪРЧЕНІЕ, ОТЪЧАНАНІЕ, ОЖЖЕ-
 ДЕНІЕ, ПАГОУВА, ПАКЫВЫТІЕ *παλιγγενεσία* 'возрождение', пе-
 чаль, плачь, ПОХВАЛА, ПОЧИТАНІЕ, ПОРЖГАНІЕ, ПРАКАДА, ПРОВА-
 РІЕ И ПРОВАРЪСТЪО 'зло, коварство, вероломство', РАДОСТА,
 РЪЗВЕНІЕ, СЛАДОСТА, СРАМЪ, СТОУДОЛѢНІЕ, СКРЪНАНОСТАДЕНІЕ,
 СОУСТА, СТЫДЕНІЕ, СЪМѢРЕНІЕ, СЪПАСЕНІЕ, ТѢПЛОСТА И ТПО-
 ЛОГА, ТЪШТЕТА, ТЪГОГА, ОУПЪЗВАНІЕ, ХОУЛЕНІЕ, ХЫТРОСТА,
 ХЖДОЖАСТЪО И ХЖДОЖАСТВИЕ, ЦѢЛВА, ЦѢЛОМЖДРОСТА И ЦѢ-
 ЛОМЖДРЪСТВИЕ, ШИРОГА, ШЪГЕДОСТА, ІАРОСТА.

Ср. нанизывание существительных абстрактного зна-
 чения в тексте Син. еврх.: тѣсныхъ же тѣхъ кратъ. І скръ-
 взнааго пжти. се сжтъ дѣла. алжкание. жадание. земелѣ-
 гание. кланѣние. малосъпаніе 69 b 23; рзкение. ѣроста.
 кличъ. хоуление. клекета. прѣзорастоко. дрззнокеніе 91 b 16.

Формы мн. числа от существительных абстрактного
 значения появляются под влиянием греческого оригинала.
 В грамматике Бласса-Дебруннера формы множественного
 числа от существительных абстрактного значения приво-
 дятся как специфическое явление греческого языка Но-
 вого Завета (ср., например, *φόνοι, μοιχεῖαι, πορνείαι, κλοπαί*

и т. д. в ев. от Мат., XV, 19)⁵¹. Можно заметить, что как раз эти формы мн. числа в старославянском передаются также множественным: *сѣгѣца бо исхѣдѣтъ*. *помышлениѣ зѣла*. *субинистѣка*. *прѣкѣмѣбѣдѣаниѣ*. *мѣбѣдѣаниѣ*. *чѣтѣбѣы*. *лѣжесѣзѣкѣдѣниѣ*. *власѣфимниѣ* (Мар.). Ср. также место из ев. от Марка VII, 21—22: *помышлѣниѣ исхѣдѣтъ*. . . *субинистѣка*. *чѣтѣбѣы*. *сѣндѣзи лѣжкѣвѣстѣко*. *лѣсѣга сѣгоудѣлѣаниѣ*. *око лѣжкѣвѣно власѣфимниѣ*. *грѣдѣниѣ вѣзѣоумѣе* (в Зогр. *лѣжкѣвѣстѣка*), в греч. *μοιχείαι*, *πορνείαι*, *φόνοι*, *κλοπαί*, *πλεοναξίαι*, *πονηρίαί*, *δόλος*, *ἀσέλγεια*, *ὀφθαλμὸς πονηρὸς*, *βλασφημία*, *επερρηφανία*, *ἀφροσύνη*.

Мы нашли формы мн. числа от существительных абстрактного значения и в других памятниках: по *мѣнѣ прѣидѣж гнѣкѣ чѣкоі аі ѳргѣаі σου* Син. пс. 87, 17; *помагаѣше ѳединѣж быти сѣгѣ великѣнѣхѣз добротѣз τῶν μεγίστων ἀρετῶν* Супр. 280, 24; *вѣсѣдѣже колениѣ сѣфѣгаі* Супр. 57, 8; *мѣздѣмѣ вѣздѣтелѣ τῶν μισθῶν ἀποδότης* Супр. 427, 10. Ср. также следующие места из Супр.: *іжѣ бо закисѣтъ*. *чѣоужикѣжѣтъ вѣраждѣ и сѣдѣри*. и *прѣкѣлѣстѣи*. и *пѣра* и *сѣглаголаніѣ* *сѣлѣсѣга* и *чѣоулы* и *сѣукорениѣ* Супр. 400, 21; *кѣдѣ наніѣ сѣжѣтъ вѣлѣчершѣнанѣ мѣдѣвѣ и гѣлѣзи и гѣворѣри*. *бѣкѣмѣжѣштѣнѣи на хѣ* Супр. 448, 9 (так же в Клоц. 12b 10) — *ταραχαί και φωναί και θόρυβοι*.

Но мн. число греческого оригинала может быть передано и единственным числом с колебаниями в формах числа в параллельных местах: *із гѣлѣвинѣы возѣбѣхѣз к тѣкѣ гі ѳ βадѣѣων* Син. пс. СХХІХ, 1; так же *Пог.*, *Бол.* (в *Лоб.*, *Пар.* — *із гѣлѣвинѣы*).

Не следует, конечно, думать, что образование множественного числа от существительных отвлеченного значения совершенно не в духе славянских языков, а формы, возникшие под влиянием оригинала, полностью чужеродны и искусственны. В современном русском языке явление такого рода наблюдается при обозначении множественных конкретных проявлений разных качеств, свойств, состояний: *холода*, *глубины*, *печали*⁵².

⁵¹ Blass F. Grammatik des neutestamentlichen Griechisch. Bearbeitet von A. Debrunner. Göttingen, 1970, S. 95.

⁵² Грамматика современного русского языка, с. 324.

Далее, не изменяются по числу собирательные псеантропонимы. Различие между дистрибутивной множественностью и грамматически выраженной собирательностью «заключается в том, что первое из них в принципе множество неопределенное, незавершенное, а второе — множество определенное, законченное»⁵³. Специфичность соотношения грамматического и понятийно-логического в сфере существительных со значением собирательности состоит в том, что в данном случае множественность передается формой единственного числа⁵⁴. В старославянском материале противоречие между значением и формой собирательных существительных проявляется, в частности, в виде колебаний при выборе собирательной и «считаемой» форм выражения предметности (см. ниже). Значение собирательности семантически противопоставляется значениям единичности, а также расчлененной множественности и двойственности, так что иногда в языке наряду с собирательной формой можно найти единственное, множественное и двойственное число от того же самого существительного. Ср. *бисѣриѣ* 'жемчуг' (ср. *бисѣръ* 'жемчужина'), *красѣниѣ* 'черепки', *вылиѣ* 'травы', *крьвиѣ* (но есть и единственное *крьва*; интересное чередование «считаемого» *крьва* и собирательного *крьвиѣ* отмечено в текстах Псалтыри: на *крьѣ* по *сръдѣ* еѣ *свѣжихомъ* органи *нше* СХХХVI, 2 Лоб., Пар. — в Син., Пог., Бол., а также в Клоц. 7 а 31 и Супр. 418, 22 — на *крьвиѣ*); *кѣниѣ* (ср. *кѣта*; от собирательной формы, возможно, образовывалось в свою очередь, множественное число *кѣна*; см. ошибку в Супр. рукописи *ѣкма* на *небеса* *кѣзасжени* 352, 21, где *ѣкма* появилось на месте *ѣ* *кѣна* *оѣ* *хладѣ*); *кѣтѣниѣ* (ср. *кѣтѣка*, *кѣтѣки*) (наблюдается колебание в выборе собирательной формы и единственного числа: *негда* *уже* *кѣтѣвѣ* *ѣа* *вѣдетъ* *младо* и *прозавнетъ* *листѣниѣ* *о* *хладѣ* Марк. XIII, 28 Мар. — в Зогр. *кѣтѣка*); *грозниѣ*, *грознокиѣ*, *грезнокиѣ* 'виноградные грозди' (в параллельных чтениях Евангелия наблюдается чередование собирательной формы

⁵³ *Панфилов В. З.* Указ. соч., с. 28.

⁵⁴ *Есперсен О.* Философия грамматики, с. 225; *Реформатский А. А.* Число и грамматика. — В кн.: Вопросы грамматики. М.—Л., 1960, с. 386.

с единственным и множественным числом: еда обдеммѣта ѡга траниѣ грозды стафулаꝥ Мат. VII, 16 Ник. — грозды Зогр., Ассем., грозны — Мар., Остр.; ни ѡга коупини гроздне еммѣта стафулѣн Лука VI, 44 Ник. — грозда Зогр., Мар.); дѣбие 'деревья' (ср. дѣбѣ, а также отмеченную в Супр. 8, 5 форму родительного двойственного дѣбоу); жѣзание 'палки, прутья' (ср. жѣзѣ); зѣние 'растения' и 'овощи, зелень'; каменеие (ср. кама, камакѣ); корение (ср. коренѣ) (ср. видѣша смоккованицѣ оуѡхѣшѣ 1с корене Марк XI, 20 Зогр. — ис корениѣ Мар.); кѣпиние 'кусты' (ср. кѣпина); листвие 'листва' (ср. листѣ); лозие 'виноградные лозы' (ср. отмеченное в Псалтыри колебание между собирательной формой и формой лози: покрь горы стѣна его 1 лозе его кедрѣ вѣжѣ Син. пс. 79, 11 — в Лоб., Пар. — лози); скѣптие 'плоды, фрукты', прѣтие, рѣдие и рѣдие (ср. рѣга и рѣга); рѣпие, смѣвие (ср. смѣ); стевание, трѣпие (ср. трѣпѣ); трание (ср. траниѣ) (см. видѣ траниие зѣло мѣто и кѣпиние Супр. 193, 15); трѣпие (ср. трѣпѣ). ѡгание 'угли' (ср. жѣлѣ) — форма мн. числа.

При имени существительном зѣрѣ известна форма множественного числа зѣри и более древняя форма зѣрие: Мої сѣтѣ вѣл зѣри дѣбравани Пс. 49, 10 Син. Но: прѣдѣтѣ вѣл зѣрѣтѣ мѣжани Пс. 103, 20 Син.; излѣзѣша же зѣрие вѣна цѣкѣве Супр. 229, 15. При голѣба множественное число голѣбе (Мат. X, 16 Мар., Зогр., Ассем., Остр.).

Не способны, в принципе, к изменению по числам существительные вещественно-собирательные и вещественные, обозначающие непрерывное количество; передаваемые ими понятия подлежат не счету, а измерению. В старославянском в преобладающем большинстве случаев они представляют собой *singularia tantum*. Ср. вещественно-собирательные вѣние и вѣна 'грязь', плинкение 'слюна', тимение, тимѣние и тимѣно 'грязь, ил'; вещественные вѣшѣно 'еда, кушанье', вапа 'стоячая вода', кино 'вино' и 'виноград', вѣна 'шерсть', вѣкѣ, вѣга, вѣда, гнои 'навоз', гнаѣ 'грязь', дѣмѣ, жѣлѣзо, жито 'хлеб, плод', жѣпѣлѣ и жѣпѣлѣ 'сера', зѣма, зѣло, зѣлѣ и жѣлѣ, кѣлѣ 'грязь',

крьжа, крьжа и крьжма 'пища', ланз, мастга 'миро', масло, медз, ма'кко, мотыла 'нечистоты', мзгтз γλεῦχος 'муст', м'дд, м'ддз 'известь', маго, мжка, мурд и муро 'миро', нардз, олоко 'свинец', олти и ълти 'масло, елей', оцдгз 'уксус, кислое вино', пажчина 'паутина', пико 'напиток', питниѣ 'питье, напиток', питг'книѣ 'пища, корм', пишга, пзгта, попелз и пепелз, прахз 'пыль', прлгтз 'земля', 'прах', пцелз 'смола', пашеница, п'сзкз, ржждд 'ржавчина', слатина 'солонцеватая почва', сланог'гзкз 'горох', слнна, смрадз, сокз, солд, сырз, с'кно, сзп'дд, сзрбвр, ткрзждд, трака и тр'кка, чоукз 'жир', оудакленина, оукропз 'кипящая вода', хл'кз, хризма 'миро', шарз 'краска', гадд 'пища', гадз.

Множественное число от существительных вещественного значения появляется иногда под влиянием греческого оригинала. Ср. сскими крьжками очистите ѣд огз гр'кхз τῆ ἰδίῃ αἵματι. Супр. 108, 20; мага ъмоу падоща кѣдд на земи αἰ σάρκες. Супр. 149, 21; по малогу кѣды л. и божд-сткзными нападд питни ѡ'маци Супр. 280, 3 (от ѡ'ма 'влага'). Имя существительное пл'келз 'сорная трава', 'сорняк', соответствующее обычно греческой форме мн. числа τὰ ζιζάνια, появляется в параллельных местах Евангелия то в единственном, то во множественном числе⁵⁵. В Мат. XIII, 25—40 это слово выступает 8 раз (в Зогр. 9 раз), причем в Мар. 6 раз в единственном числе (как собирательное) и 2 раза во множественном числе (притгзж пл'келз селзныхз, стих 36, сзвиржгтз пл'келы, стих 40). Подобное соотношение форм наблюдается в Зогр., только в стихе 39 здесь есть вин. пад. ед. числа пл'келз вместо местоимения в вин. множ. ѣ Мариинского евангелия. В стихе 28 как в Мар., так и в Зогр. имеется местоимение ѣ в соответствии с греч. αὐτά, несмотря на то, что говорится здесь о плевеле в ед. числе, поэтому должно быть местоимение и; в Мар. подобное явление повторяется в стихе 39. Другое соотношение в употреблении форм единственного и множественного числа наблюдается в Ас-

⁵⁵ О чередовании форм ед. и мн. числа от существительного пл'келз см.: *Vondrák V. O cksl. překladi evangelia v jeho dvou rūznych častech a jak se nám zachoval v hlavnějších rukopisech.* — Даничићев зборник. Београд — Љубљана, 1925, с. 23.

сем. Здесь только в стихе 25 *пѣкелъ* еще в единственном числе, затем сплошь уже во множественном (стихи 26, 27, 29, 30, 36, 38 и 40). В Никольском евангелии в стихах 25 и 26 еще ед. число *пѣкелъ*, затем повсюду множественное, а в стихе 29 встречается знаменательная ошибка, свидетельствующая о более раннем единственном: *вѣстрѣгаште пѣкелы вѣстрѣгете коупно ѿ нма (!) пше-ницъ*. В Остромировом евангелии ед. число в 25 и 26 стихах, далее всюду множественное, а в стихе 29 повторяется та же форма ед. числа, что и в Ник.: *ѣдъ како вѣстрѣгаште пѣкелы вѣстрѣгете ѿ нма и пшеницъ*.

Колебание между единственным и множественным числом от *бръшано*: *положиша тропиѣ рѣвъ гкоихъ. бръшано пѣтицѣмъ небѣнымъ брѣмѣта тоѣс петивѣс* Пс. 78, 2 Син., Пог., Бол. (в Лоб., Пар. Бух. — *бръшна*) объясняется влиянием множ. числа в греческом оригинале. Ср. также множественное *вѣспросѣти бръшанъ дшѣмъ скѣмъ брѣмѣта* Пс. 77, 18, Син., где слово *бръшна*, возможно, имеет значение 'разные виды пищи'. Ср. также вин. падеж множ. числа от *ѣдъ*: *прѣдъложи юмоу ѣди многы* Супр. 558, 6⁵⁶. Значение 'разные виды плодов' имеет мн. от жито в Сип. евх., 12 b 14: *оумножи житѣ земли тѣс гѣс тоу харпѣу*, хотя мн. может быть поддержано оригиналом, где имеется вариант в форме множ. числа: *тѣ гевнѣмѣта*. Зафиксировано мн. число от *платъ*: *како плати тѣкоѣ нынѣ трѣшатъ ѿ огнемъ* Супр. 231, 21; *плати тѣкоѣ вѣдъ ѿвѣратъ и сокомъ ѿ сѣтворѣтъ* Супр. 233, 24; *покекѣ. . . ѿгъ платни юго оуды ѿгърѣзокати* Супр. 231, 18.

К числу существительных с вещественным значением, функционирующих в качестве *pluralia tantum*, относятся *аромѣгы* 'благовоние', *конѣ* 'ароматические вещества', *дрожды* 'закваска, дрожжи' (ср. *шѣкѣ дрожды его не (и)скрыдашѣ ѿ* Пс. 74, 9 Син., Бол., Пог.), *пѣкы* 'мякина', *пѣны*.

Разделение существительных на разряды «считаемых»,

⁵⁶ Существительные с вещественным значением встречаются иногда в форме множ. числа, если они обозначают виды, типы или сорта называемых веществ: *воды, соки маслѣ, крупы*. Такое употребление форм мн. числа Дж. Лайонз называется вторичной рекатегоризацией. См. *Lyons J. Op. cit.*, p. 282.

«собирабельных», «вещественных» имеет отношение к природе обозначаемых ими понятий, но не связано с ней неразрывной связью⁵⁷.

Изменяемость и неизменяемость по числам связаны с пределами тождества слова. Существительные, не изменяемые по числам, лексически обособляются от омонимичных им «считаемых» существительных. Взаимная мотивированность лексического и грамматического обуславливается тем, что «считаемость» связывается с одним значением слова, а «несчитаемость» — с другим; размежевание по линии считаемости—несчитаемости приводит к образованию разных слов. Например, земля как обозначение вещества представляет собой неизменяемое по числам существительное из разряда *singularia tantum*; между тем, земля в значении 'область, страна' может принимать формы неединственного числа и представляет собой совсем другое слово.

Хлѣбъ употребляется в значении вещества (например, хлѣбъ рѣце чѣкоу сукрѣпигъ Пс. 103, 15 Син.), и в этом значении не может принимать форму множественного; хлѣбъ в значении 'хлебное изделие' изменяется по числу, сочетается с числительными: приемъ патъ хлѣбъ и дѣкѣ рѣбѣк. . . рѣклѣми хлѣбы Марк VI, 41 Мар., Зогр.

Можно наблюдать существование омонимичных пар неизменяемых по числам существительных, одно из которых представляет собой *singularia tantum*, а другое, наоборот, чаще встречается во множ. числе. Так, различаются коды в значении вещества (*singularis tantum*) (ср. изиде абие крѣкѣ і коды айѣа ха! ѡдор Ио. XIX, 34 Зогр., Мар., Ассем., Савв., Остр.) и коды 'водный источник', 'река', 'озеро', 'море' (перздангскыа коды. кѣ ицѣлениѣ ѣвиѣа са чкомѣ ѡѣмѣта Син. евх. 2а 21).

К неизменяемым по числу относятся не только собирабельные, вещественные или абстрактные по значению су-

⁵⁷ Как показал Дж. Лайонз, лексическая категоризация в терминах «считаемое», «собирабельное», «вещественное» имя существительное заметно варьируется от языка к языку. Например, англ. *grape* 'виноград' есть «считаемое» имя, в том смысле, что оно может быть плурализовано, в то время как нем. *Taube* и русск. *виноград* суть «вещественные» имена. Фр. *fruit* и русск. *фрукт* «считаемы», в то время как англ. *fruit* — «вещественное» имя. См. Lyons J. Op. cit., p. 281—282.

ществительные, но и ряд других. Ср. существительное *пашга* 'легкие', 'внутренности', *ладкиѣ* 'почки, внутренности', *чрѣсла*, *мошги* 'мощи', *бръѣна* 'броня', *желѣза* 'пути, кандалы' (*пожелѣзъ ...желѣзы же окопати и късждоу* Супр. 104, 29), *стагни* 'площади', 'улицы', *керигы* 'цепь, оковы'.

А. Вайан относил к числу *pluralia tantum* также кола 'повозка', *краты*, *дквари* (но см. ед. число *дкваръ* в Ассем., Остр. на месте *дквари* других евангелий в Ио. X, 7 и *дкваръ* в Савв. в Ио. X, 9), *ложесна* 'утроба матери' (но ср. *ложесно* в Супр. 249, 13), *пръси*, *гжсли*, *касли*, *кзники*, *жрзноки* 'мельница, жернова', *зорѣ*⁵⁸. Прибавим сюда *кзнициѣ* 'грамота, послание' (см. Супр. 558, 29), *ножаница* 'ножны' в Ио. XVIII, 11 Мар. Зогр. Савв., Остр. (но ед. число *ножаница* в Ассем.). Сюда же относились некоторые существительные, обозначающие предметы, состоящие из двух частей, либо парные предметы: *ножи* 'ножницы', *клѣшга* 'клещи', *дкварица* 'дверцы', *ноздри*, *оуста*.

Можно заметить, что словоформы *pluralia tantum* оказываются в ряде случаев омонимичными формам мн. числа существительных, изменяемых по числам. Напр., кола 'повозка' (pl. tantum) и кола 'колеса' (мн. число). Второй противочлен противопоставления по числу распадается в данном случае на два разных слова.

Вероятно, были в старославянском существительные, употреблявшиеся только в форме двойственного числа. Для того чтобы внести в этот список то или иное слово, нужна уверенность в том, что образуя двойственное, оно не могло употребляться в формах единственного и множ. числа. Однако ввиду ограниченности имеющихся данных приходится довольствоваться только лишь показаниями словарей и брать на заметку существительные, отраженные памятниками в двойственном числе. Слова этого разряда следует искать, например, среди наименований частей тела. Ср. *гѣзнѣ* 'щиколотки' (варианты им. падежа также *гѣзѣна* и *гѣзни*, род. падеж *гѣзноу*; предполагаемые исходные формы *гѣзѣна*, *гѣзѣно*, *гѣзѣна* и *гѣзѣна*); *плеснѣ* 'стопы' (от *плесѣна* или *плесѣно*; зафиксирован род. падеж *плесѣноу*, твор. *плесѣномѣ*), *кзкзѣна* или *кзкзѣни* 'голеи' (предполагаемая исходная форма *кзкзѣна* или *кзкзѣна*, зафиксиро-

⁵⁸ Вайан А. Указ. соч., с. 198.

ван местный падеж кз кзкзю). Другие «парные» части тела отмечены не только в двойственном. Например, в им. падеже встречаются формы плещги (дв. число) и плещга (мн. число), так же и в вин., но в родит. и творит. только двойственное: плещгю, плещгема. В им. и вин. встречается форма голѣни, равным образом присущая как двойственному, так и мн. числу, но в творит. отмечена форма голѣнами — по мн. числу. Наряду с двойственным оустанѣк отмечается также мн. оустаны. Существительные со значениями 'руки' и 'ноги' (одного человека) отмечены и в двойственном, и во мн. числах, причем формы двойственного и мн. числа употребляются попеременно⁵⁹. Как полагает А. Вайан, формы двойственного рѣцѣк, нозѣк «представлены, главным образом, в традиционных выражениях, а в более свободном употреблении преобладает множ. число...»⁶⁰. Существительные очи, оуши представляют собой формы двойственного числа, но ср. также им. мн. очеса в Супр. 397, 25. Как мы уже отмечали выше, имя существительное нозари есть форма мн. числа, а двойственное не отмечено; ср. кз нозарѣхз моухз Супр. 198, 21, твор. нозарями Супр. 554, 1.

В двойственном известны не только наименования частей тела, но и существительные, обозначающие два предмета, которые «образуют единство, отличающееся от своих компонентов не только количественно, но и качественно»⁶¹. Таково, например, существительное плеснаци 'пара башмаков, сандалий' (вин. падеж плеснаци, твор. плеснацема; предполагаемая исходная форма плеснаце).

Родит. двойственного сапогоу находим в Мар. Ио. I, 27, но в этом же памятнике есть и родит. мн. сапогз Лука III, 16 (в Зогр., Ассем. здесь сапогоу, в Савв. сапога) и винит. множ. сапогы Лука XV, 22 (в Савв. сапогз). Форма сандалиа в Мар., Марк VI, 9 представляет собой винительный множественного.

Как замечено выше, ножа в Син. евх. есть форма вин. п. мн. ч. от существительного со значением «ножницы».

⁵⁹ Кульбакин С. М. Древне-церковно-славянский язык. Харьков, 1913, с. 157.

⁶⁰ Вайан А. Указ. соч., с. 199.

⁶¹ Зализняк А. А. Русское именное словозменение, с. 61.

Из противопоставления по числу закономерно исключаются названия стран, земель, городов, гор, рек, как, например, *εγίπτω* 'Египет', *γεννισαρετῆ* 'Геннисаретская земля', *κολκοφα* 'Голгофа', *ελεονῆ*, *γαζα*, *δαμασκκ*, *ιερζανκ* и др. Интересно, что некоторые из наименований этого рода существуют в языке в форме *pluralia tantum*. Таково, например, существительное, соответствующее греческому *Σόδομα* (им. падеж мн. ч. среднего рода), передаваемое через *pluralis* также и в славянском: ср. кз *содомѣхъ* ἐν Σοδόμοις *Мат. XI, 23* Зогр., Мар., *содомомъ* Σοδόμοις *Марк VI, 11* Зогр., Мар., Остр. Как полагает М. Альтбауэр, передача топонима *Σόδομα* формой мн. числа, а не ед. числом женского рода (что было бы в духе славянского языка), т. е. ориентация на смысл, а не на внешний облик слова, свидетельствует о высокой степени эрудированности переводчиков, о глубоком понимании ими смысла греческого текста. Замечается, однако, что в некоторых случаях переводчики все-таки делают небольшие уступки славянскому, отходя от греческого оригинала, а именно, вместо названия города употребляют производные от него слова: *Σοδόμοις* Лука X, 12 передается формой *содомѣнемъ* в Зогр. и Мар. (в Ассем. *содомомъ*); *ἀπὸ Σοδόμων* Лука XVII, 29 — отъ *содомѣнъ* Зогр., Мар.; *γῆ Σοδόμων* *Мат. X, 15* и XI, 24 — земли *содомѣцѣ* — Зогр., Мар.⁶². К этому наблюдению М. Альтбауэра можно добавить, что вместо топонима *Γομόρρα* (им. падеж мн. ч. ср. рода) также преимущественно употребляются образованные от него производные: отъ *радинѣ* вждетъ *содомомъ* ли *гоморѣнемъ* *Σόδομοις ἢ Γομόρροις* *Марк VI, 11* Мар., Зогр. (в Остр. сохраняется топоним в форме *pl. tantum*: *содомомъ* или *гоморомъ*); отъ *радинѣ* вждетъ земли *содомѣцѣ* ли *гоморѣцѣ* *γῆ Σοδόμων καὶ Γομόρρων* *Мат. X, 15* (земли *содомѣцѣ* и земли *гоморѣцѣ* Зогр.).

Название города Иерусалима отмечается в некоторых случаях в форме *pl. tantum*: кз *ιερουσαλεμѣхъ* ἐν Ἱεροσόλοις Лука XXIII, 7 Зогр. (но в Мар. форма ед. ч.: кз *ιερουσαλιμѣ*); кз *ιамѣхъ* *Ио. II, 23* Зогр., Мар. Название этого города в форме ед. числа поддержано особой несклоняемой формой *Ἱεροσαλήμ*, существовавшей наряду с формой *pl. neutri* *Ἱεροσόλυμα* (ср. кз *ιамѣ* Лука II, 25;

⁶² *Altbauer M.* Ses. Iokativus въ *содомѣхъ*. — *Slovo*, 1960, 9—10, с. 129—133.

II, 38; II, 43; IX, 31; XIII, 4; отъ $\overline{\text{I}}\overline{\text{M}}\overline{\text{M}}\overline{\text{A}}$ Лука V, 17; VI, 17; XXIV, 13; близъ $\overline{\text{I}}\overline{\text{M}}\overline{\text{M}}\overline{\text{A}}$ Лука XIX, 11). Но единственное число в славянском может быть употреблено и в соответствии греческому pl. neutri (см. отъ $\overline{\text{I}}\overline{\text{M}}\overline{\text{M}}\overline{\text{A}}$ Ἱεροσόλυμων Мат. IV, 25; Марк III, 8; VII, 1; Ио. I, 19)⁶³. Имена собственные лиц, например, лазаръ, гавриилъ, пилатъ, елизаветъ практически употребляются только в ед. числе. Добавим к этому обозначения разного рода уникальных объектов, например, кзеленага, елзнице, лоуна и мѣлаца, небо и его синоним небеса, десница 'правая рука' и шниця 'левая рука', еркеръ, югъ и пладание. Для существительных 'восток' и 'запад' в греческом имелись формы ед. и мн. ч.: ἀνατολή и ἀνατολαί, δόσις и δόσαι. Поэтому и в славянском, под влиянием оригинала, нередко встречаются формы pl. tantum. Например, приджтъ отъ кзетокъ и западъ ἀπὸ ἀνατολῶν καὶ δυσμῶν Лука XIII, 29 Мар., Ассем., Остр. (отъ кзетокъ и запада — Савв.); мнози отъ кзетокъ. и западъ приджтъ ἀπὸ ἀνατολῶν καὶ δυσμῶν Мат. VIII, 11 Зогр., Мар., Остр. (отъ кзетокъ и запада — Савв.); млзни изходитъ отъ кзетокъ. і авлатъ еа до западъ ἀπὸ ἀνατολῶν... ἕως δυσμῶν Мат. XXIV, 27 Зогр., Мар., Ассем., Остр. (до запада — Савв.); егда оуздритге облакъ. кзеходитъ отъ западъ ἐπὶ δυσμῶν Лука XII, 54 Зогр., Мар. В Супр. обычные формы ед. ч., например: акы кзетокъ еководи. и запада 512, 25.

Наименования стихий и явлений природы обычно имеют форму ед. числа, например, бездъждие, боуръ, каръ 'зной', кедро 'ясная погода', блънение морское (или кодаюе), кзвѣтание 'веянье', 'дуновенье', вѣгъ, вѣтание, кздоухъ, гологъ 'град, лед', градъ, громъ, доухъ (Дѣмъ боурномъ езкроушитъ корабля тарзенизекыа Пс. 47, 10 Син.); дждъ, дѣхание 'дуновенье', знои, ледъ, мразъ 'мороз, лед', мракъ, мрзчение 'затмение, темнота', наводие 'паводок', огна, пламы, погогъ, примракъ 'сумрак, мрак', проврѣгъ 'рассвет', рога, елана 'иней', вѣгъ, соухота 'сушь, засуха', стоуденъ 'холод', тишина, топлота, хладъ, шоумъ. Уже упомянутое зоръ представляет собой pluralia tantum.

⁶³ Altbauer M. Op. cit., s. 131.

Не следует, конечно, представлять себе дело таким образом, что каждая именная лексема, так или иначе причастная со своей денотативной стороны к обозначениям явлений природы, не способна изменяться по числу. Так, существительные мѡзнии (мѡзница), вѡзна, вѡсота морѡскага 'морская волна', зѡтѡзда, лѡуча, пѡтокѡ, хѡмѡба отмечены и в формах мн. числа, которое для них совершенно естественно. Мы хотели бы обратить внимание на то, что среди существительных, называющих явления природы, большое место занимают лексемы, связанные с теми разрядами имен, которые не изменяются по числу; это имена отвлеченного значения (см. отглагольные или соотносительные с глаголами вѡзнение, вѡтѡние, вѡзѡтѡние, дѡхание, вѡрѡ, громѡ, пѡтопѡ, шѡумѡ), а также связанные с разрядом существительных вещественного значения (вѡзѡуухѡ, голѡтѡ, градѡ, лѡдѡ, слѡна, снѡгѡ, рѡса).

Появляющееся в некоторых случаях мн. число от существительных такого рода объясняется потребностью выразить не множественность, а интенсивность или продолжительность действия того или иного явления природы; например: тѡжѡци вѡтѡри великѡ дѡхание силѡ на крѡтѡгѡ тѡшааухѡ Супр. 399, 11. Мн. число от вѡтѡрѡ, естественное в упомянутом особом значении и в славянском, поддерживается иногда влиянием греческого оригинала: вѡзѡтѡша в(р)ѡтѡри ѡи ѡνεμοι Мат. VII, 25 и Мат. VII, 27 Мар.; вѡтѡри и море поглѡушаѡтѡ его ѡи ѡνεμοι Мат. VIII, 27 Мар. Однако в IV главе ев. от Марка, 41, славянское мн. число от этого существительного соответствует греческому единственному: вѡтѡри и море поглѡушаѡтѡ его ѡ ѡνεμος και ѡ θѡλασσα Мар.

Имя существительное дѡждѡ во мн. числе появляется в Зогр. в соответствии греческому единственному: сѡнидѡ дѡжди i придѡ рѡкѡ ѡ брѡхѡ Мат. VII, 25 Зогр. (в Мар., Ассем., Савв., Остр., Ник. — дождѡ); но в Мат. VII, 27 в аналогичном по содержанию тексте только ед. число дѡждѡ.

Появление мн. числа зѡтѡкѡ великѡнѡхѡ в Супр. 301, 24 можно объяснить тем, что в оригинале здесь также множественное: τѡν καυμѡτων.

Рассмотрение категории числа позволяет заметить связь между участием — неучастием в противопоставлениях

по числу и лексическими значениями имен существительных. Но при этом неизменяемые и изменяемые по числу имена не образуют компактных лексических групп с четкими границами. В отношении отдельных существительных зафиксированы колебания в их принадлежности к изменяемым и неизменяемым по числу. В сфере категории числа отмечено влияние языка оригинала. «Легко видеть, что четкая классификация в этих случаях сложна и выделение отдельных групп и подгрупп, а также отнесение конкретных лексем в ту или иную группу — вещь спорная», — замечает В. Н. Ярцева в связи с категорией числа⁶⁴. И далее она заключает: «Количество классификационных рубрик здесь менее существенно, чем сама возможность их выделения на основе лексико-семантической характеристики описываемого словарного материала»⁶⁵.

Рассмотрение имен существительных со стороны их участия — неучастия в противопоставлении по числу позволяет констатировать, что вне грамматической категории числа остается субстантивный член преимущественно в неличных предложениях. Тем не менее, и среди личных, и среди неличных мы будем различать построения с выраженной и не выраженной категорией числа.

Итак, в пределах предложений с именительным падежом существительного и финитным глаголом подлежащее выражает категорию числа в следующих случаях:

а) если в качестве подлежащего выступает обозначение человека; *юже азъ кѣдѣ ты не кѣи* Супр. 130, 9; *отроковица нѣстѣ сумрѣла нѣ спитѣ* Марк V, 39 Зогр., Мар.;

б) если в качестве подлежащего выступает неживой предмет или живое существо — не человек: *потоци наводнища съ* Син. пс. 77, 20; *пѣтица обрѣте себѣ храмѣнѣ* I грѣмица гнѣздо себѣ Син. пс. 83, 4 и под.

Подлежащее не выражает категорию числа в следующих случаях:

а) если в качестве подлежащего выступают обозначения некоторых групп или коллективов людей; и *кѣа народѣ на помори стоѣше* Мат. XIII, 2 Мар., Зогр. и под.;

⁶⁴ Ярцева В. Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка. — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, с. 19.

⁶⁵ Ярцева В. Н. Указ. соч., с. 20.

б) если в качестве подлежащего выступают существительные отвлеченного, собирательного, вещественного значения, имена собственные людей, а также топонимы и некоторые другие существительные, находящиеся вне наиболее крупных лексико-семантических группировок: тоу вждетъ плача і скрѣжатъ зѣбомъ Мат. VIII, 12 Зогр., Мар., Ассем., Савв.; Остр.; вѣзде трѣнне Мат. XIII, 7 Мар., Зогр., Ник.; вѣ же грѣка многа на мѣстѣ Ио. VI, 10 Мар., Зогр., Ассем. (трака — Остр.); югоже жрѣни сѣмѣша Супр. 395, 29; авне отъпадоша веригы отъ тѣлесе ю Супр. 182, 8, слънце не ожжетъ тебе. ни лоуна пошгнѣ Пс. 120, 6 Син.; моги... дастъ вамъ законъ Ио. VII, 19 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; оулеже вѣтръ Марк IV, 39, Зогр., Мар., Ник.; да не чѣетъ шѣца тѣоѣ. чѣго чѣоритъ десница тѣоѣ Мат. VI, 3 Зогр., Мар., Ассем., Савв. и под.

§ 5. Все изложенное выше позволяет высказать убеждение в том, что посетителями категорий лица и числа является именной компонент. Действительно, лицо и число тесно связаны с типом лексической семантики именного компонента: ведь разбиение существительных (вместе с местоимениями-существительными) согласно выраженности—невывраженности ими категорий лица и числа соответствует разбиению именного, а не какого-либо другого компонента на лексико-семантические группы антропонимов и неантропонимов, считааемых, вещественных, собирательных, отвлеченных имен, как бы ни были в ряде случаев расплывчаты границы этих групп.

Очевидность связи между изменяемостью—неизменяемостью существительных по лицу и числу и определенными лексико-семантическими группами имен ставит нас перед необходимостью существенного уточнения старой истины о грамматических категориях как свойствах частей речи. В действительности дело обстоит таким образом, что определенные грамматические категории принадлежат определенным лексико-семантическим рядам частей речи. «Очевидным остается тот факт, — писала В. Н. Ярцева, — что многие грамматические категории специализированы в своем применении к определенным лексико-грамматическим разрядам и зачастую служат им как выделительные признаки»⁶⁶.

⁶⁶ Ярцева В. Н. Указ. соч., с. 35.

Кажется удивительным, что исследователи, относившие лицо к категориям глагола, не замечали того явного факта, что имена, а не глаголы делятся на лексико-семантические разряды по выражению— невыражению лица, и что в этом отношении существует несомненная аналогия между лицом и числом.

§ 6. Далее мы хотели бы обратить внимание на то, что лицо и число связаны с именем как грамматическим классом слов независимо от того, какова функция имени в предложении, в частности, и в тех случаях, когда имя выступает как дополнение либо как обстоятельство. Так как названные синтаксические функции выражаются падежами, можно считать, что противопоставления по лицу и числу разворачиваются в рамках падежей, а формы лица и числа представляют собой внутрипадежные формы имен существительных. Сказанное очевидно в отношении числа; о реализации категории лица в рамках косвенных падежей, передающих дополнения и обстоятельства, недавно вполне определенно высказалась Г. А. Золотова. Она пишет: «Вариации на тему лица возможны в объектных, атрибутивных, обстоятельственных компонентах предложения, но они принадлежат уровню словосочетания или факультативного распространения предложения. . . *Он видел меня, тебя, его. . . Он читает мою, твою, его книгу. . . Он приехал ко мне, к тебе, к нему. . .* и т. д.»⁶⁷.

Действительно, грамматические противопоставления, наблюдаемые в пределах «второстепенных членов» предложения, замыкаются в этих пределах и не влияют непосредственно на грамматическую характеристику структурной основы предложения. И только те грамматические противопоставления, которые связаны с подлежащим, имеют непосредственное отношение к структурной основе предложения и всему предложению в целом, так как здесь они отражаются постоянным партнером субъекта — глаголом-предикатом.

§ 7. Грамматический род, так же как лицо и число, входит в грамматическую характеристику имени существительного и участвует в согласовании глагола—предиката с именем-субъектом (в роде согласуются с подлежа-

⁶⁷ Золотова Г. А. Категория лица в синтаксическом аспекте. — В кн.: Исследования по славянской филологии. М., 1974, с. 116.

щим причастные элементы сложных форм глагола в перфекте, плюсквамперфекте, будущем предварительном, условном наклонении).

В старославянском, да и в других славянских языках, не найдется ни одного имени существительного с полной парадигмой грамматического рода, образованной тремя формами: мужского, женского и среднего рода. Можно найти всего несколько существительных, которые, при помощи присоединяемых к одной и той же основе показателей различают естественный пол живых существ: *рабъ* — *раба*, *другъ* — *друга*, *подругъ* — *подруга*, *тъгы* — *тъшга*, но и в этом случае имеется не три, а два члена противопоставления. Однако применительно к данным конкретным случаям говорят обычно не о словоизменительных, а о словообразовательных различиях, т. е. считают соотносительные пары, различия которых подкреплены различиями значений, не разными формами одного и того же слова, но разными словами или, по крайней мере, высказывают сомнение в том, что их можно рассматривать в качестве форм одного и того же слова. Сложность вопроса о типе различий в данном случае заключается в том, что образования, о которых идет речь, принадлежат к числу однокоренных, и формальные различия между ними весьма сходны со словоизменением. Е. С. Кубрякова этот особый тип словообразования определяет как основоизменение, отличая его от другого типа словообразования — основообразования. «В то время как при основоизменении наблюдается использование старой, готовой основы в переосмысленном категориальном плане в составе нового наименования, при основообразовании наблюдается создание материально новой основы, посредством аффиксации, словосложения, редупликации и т. п. Все, что относится к области так называемого безаффиксального словообразования, может быть описано в терминах основоизменения, ибо происходящие при этом процессы, как и в словоизменении, не затрагивают лексического значения исходной единицы и протекают при непрременном участии системы флексий»⁶⁸. Если и далее рассматривать соотносительные родовые

⁶⁸ Кубрякова Е. С. О формообразовании, словоизменении, словообразовании и их соотношении. — Изв. АН СССР сер. лит. и яз., 1976, № 6, с. 522.

пары одушевленных существительных, объединяемые и в то же время противопоставляемые по признаку пола, то окажется, что их формальные различия имеют либо бесспорно словообразовательный (именно, основообразовательный) характер (как в случаях *оканкъ — окаца, тѣлицъ — тѣлица, блѣдникъ — блѣдница, владыка — владычица, грѣшникъ — грѣшница, дварникъ 'привратник' — дварница, мжченикъ — мжченица, отрокъ — отроковица, пророкъ — пророчица, родитѣль — родитѣльница, старецъ — старица, оученикъ — оученица, цѣсарь — цѣсарница, чрънецъ — чръница, а также козълъ — коза, кокотъ — кокоша), либо противопоставление реализуется при помощи чисто лексических различий (ср. *братъ и сестра, отцъ и мати, сынъ и дъщеря, мжжъ 'мужчина' и жена 'женщина'*). Заметим, что далеко не все названия живых существ имеют соотносительные родовые пары; соответствия отсутствуют, например, у существительных, обозначающих принадлежность к определенному биологическому виду: *члвкъ, патица, звѣрь, рыба, гадъ* (впрочем, *члвкъ* в значении 'человеческое существо' употребляется не столь уж часто; практически это существительное чаще всего подразумевает мужчину, т. е. противопоставлено женскому роду⁶⁹). Не входят в соотносительные родовые пары существительные *тѣла, агна* и другие слова среднего рода — названия молодых животных; *члдо, пржгъ 'саранча', крабин 'воробей', шгерь, пжжъ, мышъ, чръкъ, бжчелъ*.*

Целые группы имен-антропонимов представлены словами мужского рода, которые лишены женских соответствий. Таковы названия многих должностей, не допускающих возможности быть занятыми женщинами: *архирей, епископъ, жднн*; названия занятий, доступных, на данном этапе развития общества только мужчинам: *кръмъчнн, корабъчнн и корабъникъ, локъцъ, раган, рыбаръ, стъчъцъ*. Женские соответствия к этим словам отсутствовали не только в текстах языка, но и в языке вообще. В количественном отношении имена-антропонимы мужского рода несомненно преобладают над именами, обозначающими женщин, что и дает основание считать мужской род неотмеченным чле-

⁶⁹ О роде имен существительных со значением «человек» см.: *Есперсен О. Философия грамматики, с. 269.*

ном оппозиции, а женский — отмеченным членом (см. об этом также на с. 109).

Вообще же разряд имен, обозначающих живые существа, естественный пол которых различается посредством словообразования и лексики, не имеет четких семантических границ.

У имен, обозначающих неживые предметы, вообще нет внутренней, семантической основы для объединения в соотносительные пары. Наблюдающиеся в сфере неодушевленных существительных колебания в роде образуют варианты, начисто лишенные различий в семантике.

Явление родового варьирования в старославянском языке уже привлекало внимание исследователей. А. Вайан писал: «Некоторые слова представляют колебания в роде: *езеро* Лука V, 23 Мар., Асс., но *езеръ* Зогр.; *прапрѣдъ* Марк XV, 47, но *прапрѣдъ* Зогр.; *екан(ъ)ѣлие* (*еуагѣлие*) и *еуаггелиа* Савв. кн., Супр.»⁷⁰. Добавим сюда еще несколько примеров вариантных групп, для выделения которых имеются, как будто бы, достаточные формальные основания. Колебания между средним и мужским родом обнаруживаются у существительных *вѣдо* и *вѣдъ*, *диво* и *дивъ* 'чудо, диво'. Колебания между средним и женским родом: *зло* — *зълъ* 'зло', *лани* — *ланио* 'кал', *плєсно* — *плєсна* 'стопа', *таиѣно* — *таиѣна* 'тайна'. Колебания между мужским и женским родом: *алъчъ* — *алъча* 'голод', *блѣзнъ* — *блѣзна* 'заблуждение, ошибка', *квѣдрѣтъ* — *квѣдрѣтъ*, *закѣтъ* — *закѣта*, *зѣдъ* — *зѣдъ* 'спина', *зѣдъ* — *зѣдъ* 'обработанная глина', 'сосуд, черепок', *крѣчагъ* — *крѣчага*, *клепецъ* — *клепѣца* 'западня', *оградъ* — *ограда*, *отъплата* — *отъплата* 'оплата, вознаграждение'. Реже наблюдаются колебания между тремя родами: *гранъ* — *грано* — *гранъ* 'стих'. Ср. также колебания в роде у существительных неславянского происхождения: *аспидъ* и *аспидъ*, *кедра* и *кедръ* (*кедръ*), *мврѣ* и *мврѣ*, *чалантъ* и *чаланто*. Явление родового варьирования хорошо известно и древним, и современным славянским языкам, так что старославянский язык не представляет собой исключения в этом отношении⁷¹. Вообще же при-

⁷⁰ Вайан А. Руководство по старославянскому языку, с. 196.

⁷¹ Например, Я. Гебауэром освещены колебания грамматического рода и наличие двуродовых имен существительных в чешском

нительно к существительным, обозначающим неживые (и некоторые живые) предметы, можно говорить лишь о внутренне немотивированном разделении на лексико-грамматические разряды мужского, женского и среднего рода; эти существительные «противопоставляются друг другу по грамматическому роду только в силу вековой традиции»⁷². Как писал В. Матезиус, различия, «связанные с грамматическим родом, не имеют вообще опоматологического значения (dvůr 'двор', zahrada 'сад', pole 'поле')»⁷³.

Приведенные выше варианты, создаваемые разными родовыми показателями — наглядное свидетельство немотивированности родовых разграничений для неодушевленных существительных, безразличия языка к их родовому оформлению. В синхронном плане это явление знаменует собой наличие весьма своеобразных отношений между словом и лексико-грамматическими разрядами: одно и то же слово входит сразу в несколько разрядов, находится над разрядами.

Словоизменение участвует в выражении грамматического рода лишь постольку, поскольку изменяются по родам согласованные с именами существительными формы слов. Но различия в роде согласуемых форм применительно к большинству существительных бессодержательны. Они опираются на смысловой момент только

языке. Этот автор приводит также много примеров различий в области грамматического рода в диалектном и обычном употреблении чешских существительных. См. *Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého. Díl IV. Skladba. Praha, 1929, s. 120—135.*

Подобные явления русского языка исследованы с привлечением большого материала в работах: *Глинкина Л. А. О вариантных основах существительных (по «Материалам для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского).* — В кн.: *Вопросы истории и диалектологии русского языка, вып. 2.* Челябинск, 1967; *Она же. О родовариантных формах имен существительных в древнерусском языке (по «Материалам...» И. И. Срезневского).* — В кн.: *Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974; Она же. О связи родовой вариантности и частичной омонимии древнерусских существительных.* — В кн.: *Вопросы истории и диалектологии русского языка, вып. 7.* Челябинск, 1976.

⁷² *Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, с. 79.*

⁷³ *Матезиус В. О системном грамматическом анализе.* — В кн.: *Пражский лингвистический кружок, с. 235.*

в отношении названий некоторых (далеко не всех) живых существ, именно тех, которые имеют в языке соотносительные родовые пары. При этом, как мы видели выше, сами по себе родовые пары существительных создаются либо способом словообразования (основоизменения либо основообразования), либо существуют как супплетивные формы.

Интересно, что в ряде случаев родовые словоизменительные различия согласуемых форм берут на себя всю нагрузку родоразличения. Так, местоимения-существительные 1-го и 2-го лица сами по себе не различаются по родам, и лишь формы согласования показывают, идет ли речь о мужчине или о женщине (при этом возможно и отсутствие местоимений). Ср.: отъждоу пришъла ѳси сѣмо Супр. 515, 24 и ѳда нынѣ пришълѣ ѳси къ градъ сѣ Супр. 475, 21. Сходным образом обстоит дело с именами, обозначающими живые существа, собственный родовой показатель которых неоднозначен. Например, грамматический род существительного *слоуга* может быть определен только по формам согласования.

Итак, существительные сами по себе не располагают словоизменительной парадигмой рода, а изменение по родам согласуемых форм имеет опору в значении только тогда, когда согласуемые формы определяют некоторые (не все!) одушевленные существительные, образующие соотносительные пары. Именно применительно к этим случаям правомерно говорить о категории рода (пола). При этом категория рода должна быть признана свойством не прилагательных, не причастий, т. е. вообще не определяющих существительные формы, которые несут в себе родоразличающие словоизменительные форманты, а свойством самих одушевленных существительных, так как семантический момент, лежащий в основе противопоставления по грамматическому роду, заключен как раз в самих одушевленных существительных, определяемых этими внешними по отношению к ним формантами (ср. аналогичное положение дел в сфере грамматического лица, где формы словоизменения глагола информируют о лице именного компонента, выраженного супплетивными формами).

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о роде имен людей. На первый взгляд, имена людей не обладают категорией рода, но делятся на группы мужских и женских имен таким же образом, как делятся на разряды

мужского, женского и среднего рода имена существительные, обозначающие неживые предметы. Однако между теми и другими есть глубокая разница. Мужское собственное имя предполагает человека мужского пола, а женское имя — человека женского пола. Поэтому любое мужское имя образует родовую пару с любым женским именем, и различия, выражаемые согласуемыми с ними формами, являются категориальными словоизменительными различиями.

В соответствии с вышеизложенным, парадигмы грамматического рода мы считаем возможным проиллюстрировать следующими примерами (часть словосочетаний искусственно реконструирована):

рабъ нѣкъи (или рабъ пришлѣзъ юстѣзъ)

раба нѣкага (или раба пришлѣла юстѣзъ)

оученикъ нѣкъи (или оученикъ пришлѣзъ юстѣзъ)

оученица нѣкага (или оученица пришлѣла юстѣзъ)

мъжъ нѣкъи Супр. 557, 21 (или мъжъ пришлѣзъ юстѣзъ)

жена нѣкага Супр. 559, 8 (или жена пришлѣла юстѣзъ)

азъ пришлѣзъ юсма

азъ пришлѣла юсма

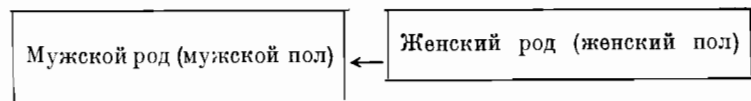
ты пришлѣзъ юси

ты пришлѣла юси

маритъ клеопка Ио. XIX, 25 Зогр., Мар., Ассем. (клеофка — Савв.)

Юда (и)скаріотѣскы Син. евх. 49 а 18.

Противопоставление по грамматическому роду может быть представлено в виде следующей схемы:

Женский род здесь является отмеченным членом.

Противопоставление по грамматическому роду недействительно для тех неодушевленных и одушевленных существительных, которые не имеют соотносительных родо-

вых пар, т. е. не только для *домъ нокъ*, но и для *члокъкъ нѣкъи*.

Наиболее очевидной соотнесенностью с семантикой имени обладает категория лица. Существительные, участвующие и не участвующие в противопоставлении по числу, образуют разряды, менее четко характеризуемые со стороны семантики. Группы существительных, охваченных и неохваченных грамматической категорией рода, ускользают от определения в терминах лексической семантики: это живые существа, но далеко не все.

§ 8. Глагол, выступающий в функции сказуемого, изменяется по лицу, если подлежащее представлено существительным-антропонимом, характеризующимся категорией лица. Глагол изменяется по числам, если существительное-подлежащее способно принимать формы ед., мн. и дв. числа. Сложные формы глагольных времен и наклонений способны к изменению по грамматическому роду, если существительное-подлежащее является родоизменяемым. Таким образом, структурно-грамматическая основа простого глагольного предложения способна входить лишь в такие парадигмы, которые присущи именному компоненту предложения; сказанное действительно поэтому и для всего предложения в целом.

Предложения с парадигмой лица, предложения с парадигмой числа и предложения с парадигмой рода не изолированы друг от друга, но частично пересекаются, так же как пересекаются соответствующие парадигмы их подлежащих-имен. Действительно, среди имен-антропонимов, характеризующихся парадигмой лица, преобладающая часть изменяется также по числу и по роду: Исчисляемые, т. е. изменяемые по числу, имена-неантропонимы частично совпадают в своих лексических значениях с родоизменяемыми существительными (ср. наименования некоторых живых существ — не людей). В наибольшем количестве противопоставлений принимают участие имена существительные, обозначающие людей.

Точно так же и предложения с подлежащими — обозначениями людей характеризуются максимальным числом возможных парадигм; при этом присущие предложениям с подлежащими-антропонимами парадигмы лица, числа, рода большею частью взаимно пересекаются. Так как субъектом простых глагольных предложений в преобла-

дающем большинстве случаев является человек, большинство простых глагольных предложений отличается парадигматической многомерностью.

Парадигмы лица, числа и рода образуют предложения типа: отрокъница нѣстѣ оумрѣла изъ спитѣ Марк. V, 39 Мар. (ср. Лука VIII, 52); ашгѣ би былѣ съде не би мон вратрѣ оумрѣла Ио. XI, 32 Мар. (бы — Остр., Савв.); отъ-кждоу пришла ѳси сѣмо Супр. 515, 24; [артемида] нѣстѣ дала жикотѣ (т. е. жизнь) Супр. 226, 20; господѣ же нашѣ. . . лазара четвъртодана изъ мраткыйхъ възстакылѣ. . . по мору ходилѣ. кодѣ ка вино прѣложилѣ. крѣвоточицѣ ѳцѣмилѣ. дашгѣрѣ архисунагога. оумрѣшѣ оживилѣ. и инѣхъ многъ танилѣ. достонилѣ чоудецѣ сътворилѣ Супр. 480, 25—26 и под.

По поводу парадигмы рода надлежит сделать специальное пояснение. Здесь приведены предложения с именем-подлежащим, входящим в парадигму рода, и глаголом-сказуемым, согласованным в роде с подлежащим. Но едва ли было бы правомерным руководствоваться в данном случае только формальными соображениями и отрицать наличие парадигмы рода в предложениях, подлежащее которых входит в соотносительную родовую пару, а сказуемое представлено формами глагола, не изменяющимися по родам, как например: жена нѣкла. . . молитѣ сътвори Супр. 559, 12; погалагѣ же сестрѣ его къ нему Ио. XI, 3 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; отрокѣ мон лежитѣ ка домоу ослабленѣ Мат. VIII, 6 Мар., Зогр.

Парадигмы лица и числа образуют предложения типа: чада познаша творѣца Супр. 324, 1; члокѣци бо не тако творѣтѣ Супр. 377, 12;

В парадигмы лица и рода входят предложения с подлежащим — именем собственным человека: еугѣ же прѣсѣгъ-пиги адама сътворила Супр. 482, 17.

Парадигму лица образуют предложения типа: кеса народа на помори стоѣше Мат. XIII, 2 Мар.

Парадигмы числа и рода имеют предложения типа: а окая кълнѣ ограды влжждаше Супр. 498, 29; Облѣшиа съ окані окали Син. пс. 64, 11; зми еугѣ прѣмлетилѣ Супр. 482, 16.

Парадигму числа имеют предложения типа: прѣдѣ прози (вместо прѣзи. — К. Х.) гжѣтницѣ имѣже не вѣ числа Син.

пс. 104, 34; птица избежи са отъ стги Супр. 80, 4; зѣра прѣкелнкъ стонгъ прѣдъ двѣрми Супр. 558, 26; леждахъ бо дарове мнози отъ цѣсара Супр. 210, 1; потоци наводниша са Син. пс. 77, 20.

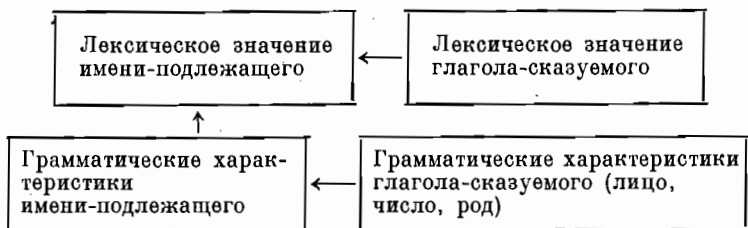
Не входят ни в одну из рассматриваемых парадигм предложения типа: слзнице не ожежетъ тебе. ни лоуна поштиж Син. пс. 120, 6; да не чуетъ шюца ткоѣ. что ткоригъ десница ткоѣ Мат. VI, 3 Зогр., Мар., Ассем., Савв.; тоу вѣдетъ плача і скръжтѣ зжеомъ Мат. VIII, 12 Зогр., Мар., Ассем., Савв., Остр.; кзиде трзние Мат. VIII, 12 Зогр., Мар., Ассем., Савв., Остр.; изиде лбие крзкъ і кода Ио. XIX, 34 Зогр., Мар., Ассем., Савв., Остр.; землѣ потрѣсе са і каменѣ распаде са Мат. XXVII, 5, Зогр., Мар., Ассем., Остр.; дымъ не оугасаъ коуритъ са Син. евр. 52 в 9.

В наименьшее количество парадигм входят имена существительные, обозначающие неживые предметы. Предложения с субъектом — неодушевленным предметом парадигматически одномерны или вообще лишены парадигм, определяющих функционирование их структурно-грамматической основы.

Итак, классификацию глагольных предложений по типам их парадигм мы предлагаем производить согласно грамматическим характеристикам левой части схемы предложения, т. е. субъекта. Следующим этапом классификации могла бы быть дальнейшая детализация разбиения предложений соответственно с интенцией глагола-сказуемого, выражающейся в расширении структурно-грамматической основы предложения; объектом внимания при этом должна была бы стать правая часть схемы предложения. Можно заранее ожидать, что в разбиении предложений согласно характеру правой части отразятся или будут ощущаться некоторые границы, поставленные при разбиении предложений согласно особенностям левой части (субъекта). Так, например, субъект—антропоним вместе с присущими ему грамматическими категориями, избираемый преимущественно глаголами активного действия, а также глаголами изъявления воли, мыслей, чувств, соотносится с одним рядом дополнений, а субъект неантропоним, избираемый глаголами иной семантики (например, глаголами бытия, существования, состояния), предполагает другой ряд дополнений или полное отсут-

стве дополнений. Все это еще раз говорит о том, что разбиение предложений на типы согласно свойствам и признакам их субъекта является доминирующим признаком при классификации простых глагольных предложений.

Соотношения лексических и грамматических характеристик главных компонентов простого глагольного предложения можно представить в виде следующей схемы:

Стрелки направлены от зависимой характеристики к доминирующей.

§ 9. Изменение имен существительных по падежам имеет внешние признаки словоизменительной парадигмы: при склонении новые слова не образуются, но образуются формы от одного и того же слова. И все же изменение по падежам не относится к числу словоизменительных парадигматических изменений того же типа, как лицо, число и род. Прежде всего, изменение по лицу, числу и роду прослеживается в условиях одной и той же позиции: в наших примерах это была позиция подлежащего, внешне отмеченная именительным падежом. Изменение по падежам, наоборот, создает имени существительному разнообразие позиций: если именительный обозначает подлежащее, то винительный — объект переходного глагола, дательный — объект-адресат, который занимает еще одну позицию, часто при наличии винительного; творительным падежом может быть обозначено орудие или средство действия, и введение этой формы в предложение еще более увеличивает количество позиций. Таким образом, формы склонения образуют не парадигматические противопоставления, но синтагматические ряды или цепи. «Что, в самом деле, непосредственно выражают формы какого-либо падежа? Ничего, кроме указания на место этих форм в парадигме и способности их получить в предложении одну из многих. . . функций, закрепленных за этим

падежом в системе данного языка», — говорит С. Д. Кацнельсон о главном назначении падежей ⁷⁴. Вместе с беспредложными падежами в цепи падежей входят и падежи с предлогами.

Падежное словоизменение (склонение) не удовлетворяет и другому важному требованию, предъявляемому к парадигматическим оппозициям: оно не имеет присущей парадигматическим оппозициям опоры в содержании. Невозможно выявить семантическое отличие одного падежа от другого, так как падежи не имеют собственных общих значений. Указывалось, что существующие определения «общих» значений отдельных падежей не соответствуют истинной картине их функционирования: «На сложность интерпретации употребления индоевропейского генитива обращали внимание многие исследователи. . . Не случайно то обстоятельство, что ни одно «общее» определение значения родительного падежа (в разных индоевропейских языках) — начиная от древнеиндийских грамматиков и. . . кончая новейшими попытками в этом направлении — не являются удовлетворительными» ⁷⁵, — считает Т. В. Булыгина.

Особая сложность падежной семантики состоит в частности в том, что в некоторых отдельных позициях (объектных и обстоятельственных) наблюдаются выражаемые падежами истинные парадигматические противопоставления. Разноплановость функционирования одного и того же падежа, его способность к выражению и синтагматических, и парадигматических различий еще более усложняет падежный «план содержания», создает препятствия для соотнесения определенной формы с определенным значением.

В кругу беспредложных падежей парадигматическую оппозицию образует соотношение родительного и винительного, различающих определенность — неопределенность вещественного объекта. Гораздо более многочисленны и развиты оппозиции падежей с предлогами, семантический план которых образуют разного рода пространственные, временные, причинные и целевые различия, а также раз-

⁷⁴ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 91.

⁷⁵ Булыгина Т. В. О сочетаниях с родительным падежом в современном литовском языке. — *Lietuvių kalbotyros klausimai*. Vilnius, 1959, II, с. 90.

личия по образу действия; синтаксически все они относятся к сфере обстоятельств.

Итак, как беспредложные, так и предложно-падежные формы имени существительного служат для передачи и парадигматических, и синтагматических различий, составляют предмет и парадигматического, и синтагматического изучения (согласно воззрениям представителей некоторых грамматических школ — морфологии и синтаксиса). Через падежи осуществляется связь двух фундаментальных типов отношений между элементами языка ⁷⁶.

Некоторые отдельные падежи полностью перешли на службу синтаксиса. Таков, например, именительный, который может быть просто указанием на подлежащее, т. е. выступает как «аргумент, соединяющийся со своим предикатом» ⁷⁷.

Поскольку парадигматические противопоставления, выражаемые различиями некоторых беспредложных падежей, а также и предложно-падежными формами, относятся к синтаксической сфере объектов и обстоятельств, структурно-грамматическая основа предложения, образуемая его главными членами — подлежащими и сказуемым — остается вне воздействия этих противопоставлений.

§ 10. Изложенные выше факты и соображения влекут за собой цепь выводов, касающихся самых существенных сторон теории простого предложения.

В простых глагольных предложениях исходного типа (в отличие от страдательных и безличных, т. е. производных конструкций предложения, о которых см. ниже) парадигмы лица, числа и рода присущи не только субъектному, но и предикативному компоненту. Выяснив, что грамматическое лицо есть в первую очередь категория субъекта, мы получили возможность констатировать, что субъект является носителем всех трех грамматических категорий, связывающих субъект и предикат и выражающихся средствами словоизменения. В свою очередь это дает основание считать субъектный компонент простого глагольного предложения грамматически главенствующим.

⁷⁶ При этом формальное различие одной и той же пары падежей (например, различие родительного и винительного) может быть и вертикальным, и горизонтальным. См. об этом: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 205—206.

⁷⁷ Вейнрейх У. О семантической структуре языка. — Новое в лингвистике, V. М., 1970, с. 196.

щим, а глагол — предикат — подчиненным субъекту (подлежащему) в грамматическом отношении.

Свойства человека и человек вообще являются основным предметом грамматических противопоставлений парадигматического плана, представленных в структурно-грамматической основе простого предложения. Парадигматическая многомерность преобладающего большинства простых глагольных предложений объясняется тем, что в качестве их субъектов выступают преимущественно имена людей (антропонимы), входящие в противопоставление по лицу и часто также по числу и по роду.

Наконец, из рассмотрения простых глагольных предложений на предмет выраженности—невыраженности в них категорий лица, числа и рода сами собой вытекают практические рекомендации относительно классификации на основе грамматических свойств простых глагольных предложений с именительным падежом подлежащего и финитным глаголом.

Глава 2

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЧИСЛО ГЛАГОЛА-СКАЗУЕМОГО ПРИ ПОДЛЕЖАЩЕМ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНОМ СОБИРАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

§ 1. Механизм согласования сказуемого с подлежащим иногда разлагивается: при единственном числе существительного-подлежащего появляется мн. число глагола-сказуемого. Речь идет о согласовании глагола с существительными, обозначающими собирательные понятия. Существительные этой семантики могут быть образованы при помощи специальных суффиксов собирательности, например, листкине, каменне. В то же время есть существительные с собирательным значением, не имеющие специальных словообразовательных примет, например, нарсдз, 14 зыкз.

Собирательные понятия — означаемые рассматриваемых существительных в логике определяются следующим

образом: «Так называются понятия, предмет которых мыслится не просто как индивидуальный предмет, а как такой, который состоит из определенной совокупности предметов, образующих некое определенное единство»⁷⁸; таким образом, означаемые существительные собирательного значения суть предметы, одновременно и «единичные» и «множественные».

Для дальнейшего рассмотрения вопроса важно то, что одни собирательные могут быть противопоставлены ед. числу лексически соотносительных с ними существительных; на фоне форм ед. числа собирательные данного типа могут быть восприняты как носители значения мн. числа (или даже выступать в качестве одного из морфологических вариантов множественного): ср. листъ — листкине, камы (и камыкъ) — камение, корена — корение, братъ (братъ) — братрина (братина), чадо — чада. Другие собирательные не имеют лексически соотносительных существительных в форме ед. числа и, наоборот, имеют лексически соотносительные формы мн. числа. Ср. народъ — народи, языкъ — языци, колѣно 'поколение', 'племя' — колѣна. В этих именах по контрасту с мн. числом сильнее ощущается семантика завершенности: по значению они ближе к ед. числу⁷⁹.

§ 2. Рассмотрим согласование глаголов с собирательными первого из разрядов. Ощутимый в такого рода собирательных оттенок множественности несуществен для согласования в числе, если собирательные обозначают не живые предметы: при них глагол-сказуемое чаще всего стоит в форме 3-го л. ед. числа. Например: егда ѹже кѣткѣ еѡ вѡдетъ млада I прозавнетъ листкѣ ηδη ὁ κλάδος αὐτῆς ἀπαλλὸς γένηται καὶ ἐκφύη τὰ φύλλα Марк XIII, 28 Мар. (кѣткѣ — Зогр.); егда оуже кѣкѣ еѡ вѡдетъ млада. I листкине прозав-

⁷⁸ Логика. М., 1956, с. 46.

⁷⁹ А. А. Реформатский предлагал исключить существительные этого рода из разряда собирательных на том основании, что от них можно образовать множественное число. «Совершенно ясно, — пишет он, — что такие слова как *лес, роща, толпа, стадо* и т. п. никакого отношения к собирательным не имеют, так как у них есть нормальные соотношения формы единственного и множественного числа (*лес — леса, стадо — стада*). . . Эти слова явно выражают множества, но выражают лексически, а не грамматически» (см. *Реформатский А. А. Число и грамматика.* — В кн.: Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова, с. 395—396).

нѣтъ ὁ κλάδος ... γένηται ἀπαλός καὶ τὰ φύλλα ἐκφύη *Мат. XXIV, 32* Зогр., Мар., Ассем., Савв., Остр.; корение кѣ земьж кѣложено выстѣ *Супр. 352, 21*; кѣзиде трзние ἀνέβησαν αἱ ἄκανθαι *Мат. XIII, 7* Мар., Зогр.; Марк IV, 7 Мар.; кѣздрѣсте трзние συμφυεῖσαι αἱ ἄκανθαι *Лука VIII, 7* Мар., Зогр.; дѣвнѣ... молиткѣми выстѣ влѣженѣдо сѣкы *Супр. 301, 14*; землѣ потрѣсе сѣ. і камене распадае сѣ αἱ πέτραι ἐσχίσθησαν *Мат. XXVII, 51* Зогр., Мар., Савв., Остр., Син. евх. 50 б 25, *Супр. 485, 19* (распадаше сѣ Ассем.). Таким образом, с глаголом единственного числа способны согласовываться как кѣткѣ, так и кѣткнѣ, коренѣ и корениѣ, трзнѣ и трзниѣ, дѣвѣ и дѣвнѣ, камы и каменеѣ (но ср. при этом же существительном глагол во мн. числе: рѣци да камене сѣ χλῆβι вѣдѣтѣ ἵνα οἱ λίθοι οὗτοι ἄρτοι γέωνται *Мат. IV, 3* Зогр., Ассем., Остр.). Возможно, что данное явление в некоторых случаях обязано воздействию греческого оригинала. Как известно, в греч., в том числе и новозаветном, при подлежащем среднего рода во мн. числе глагол обычно имеет форму ед. числа; см. и в наших примерах ἐκφύη τὰ φύλλα листкиѣ прѣзѣветѣ. В других же случаях замечается независимость согласования славянских неличных собирательных от греческого оригинала: при наличии в греческом мн. числа глагола-сказуемого (согласующегося с мн. числом существительного-подлежащего, которому в славянском соответствует собирательная форма) в славянском наблюдается глагол в ед. числе: αἱ πέτραι ἐσχίσθησαν — камене распадае сѣ.

При собирательных, имеющих соотносительные существительные ед. числа и обозначающих людей, глагол стоит в форме мн. числа: кѣто сѣтѣ братриѣ моѣ τίνες εἰσὶν οἱ ἀδελφοί μου *Мат. XII, 48* Мар., Зогр.; рѣша же кѣ нему братриѣ его εἶπόν... οἱ ἀδελφοί αὐτοῦ *Ио. VII, 3* Мар., Зогр. (братиѣ — Ассем., Савв., Остр.); кѣзидѣ братиѣ его кѣ прѣзѣдникѣ ἀνέβησαν οἱ ἀδελφοί αὐτοῦ *Ио. VII, 10* Мар., Зогр., Ассем. (кѣзидѣша братиѣа него — Остр.); кѣси же кѣ братрѣѣ естѣ πάντες δὲ ὑμεῖς ἀδελφοί ἐστε *Мат. XXIII, 8* Мар. (братиѣ — Ассем., Остр.); ни братрѣѣ во его кѣрѣокаѣж кѣ него οὐδὲ γὰρ οἱ ἀδελφοί αὐτοῦ ἐπίστευσαν εἰς αὐτόν *Ио. VII, 5* Мар., Зогр., Ассем., Остр.; лѣвызѣтѣ и братиѣ кѣѣ Син. евх.

97, 24; Братыя же сзматоша сѧ Супр. 570, 10; братыя же кѧса пристѣпишше падоша Супр. 570, 18 (здесь определенное местоимение кѧса в ед. числе женск. рода; в приведенном выше примере из Мат. XXIII, 8 оно во мн. числе мужск. рода).

Вместе с тем имеется форма братрз(братъ), с которой согласуется глагол ед. числа: прѣдѣстѣ же братрз братра на сзмрзѣтѣ парадѡσει ἀδελφός ἀδελφόν Марк. XIII, 12 Зогр. (братрз братра Мар.).

Собирательная форма женск. рода братрина (братина) почти полностью вытеснила мн. число, остатки которого засвидетельствованы только в косвенных падежах.

Собирательные существительные-антропонимы стражие, людие также воспринимались как мн. число (в противоположность единичным стража, людинъ) и сочетались с глаголами мн. числа: разгнѣбаша же сѧ тѣмничѣнии стражие Супр. 134, 5; кѧси людие идѣахж кѧ немоу пѧс ѡ лаѡс ѣрхето прѡс аѡтѡн Ио. VIII, 2 Мар., Зогр.; людие бо кѧси дрзжаахж сѧ его послѡушащѣте ѡ лаѡс γάρ ἅπας ἔεξερέματο аѡтоѡ Лука XIX, 48 Мар., Зогр.; кѧдѣша кѧси людие слакж его еѣдосан пѧντες ѡι λαοὶ τήν δόξαν аѡтоѡ Син. пс. XCVI, 6; кѧскжж келичаша сѧ страны. и людие поучиша сѧ тѣшгетѣгъннмъ Супр. 102, 27; так же Супр. 243, 17; Супр. 448, 15.

Имя существительное чадѣ сочетается с глаголом множ. числа: приносимааго дѡгъ кѣрзныихъ не кѧзѣмажѣтѣ пѣѡнина чадѣ Супр. 134, 17.

§ 3. Иное дело — собирательные обозначения людей, которые, выражая реальные множества, не имеют соотносительных форм ед. числа. Отсутствие соотносительности с ед. числом должно было способствовать их осмыслению как единичных существительных. Многие из этих собирательных обладают собственным «множественным, возведенным во вторую степень»⁸⁰ (ср. народѣ — народи, ѣзыкѣ — ѣзыци и др.), что также вносит в семантику ед. числа собирательных этого рода момент завершенности, законченности. Тем не менее, иногда с такими собирательными сочетаются глаголы мн. числа.

⁸⁰ *Есперсен* О. *Философия грамматики*, с. 227.

Появляющееся иногда при них мн. число глагола не вступает в коррелятивные отношения с ед. и дв., так что парадигма числа не образуется.

Будучи обозначениями одновременно и «единичного» и «множественного» понятия, одни собирательные такого рода сочетаются с глаголом ед. числа, другие — с глаголом мн. числа; в последнем случае имеет место согласование «по смыслу».

Имена сущ. языкъ 'народ' и цѣсарѣство 'жители царства', употребляясь в качестве подлежащего, сочетаются с ед. числом глагола: *κζατγανετγ βο γαзыкγ на γαзыкγ. Ι цѣтко на цѣрѣство ἐγερθήρεται γάρ ἔθνος ἐπὶ ἔθνος καὶ βασιλεία ἐπὶ βασιλείαν* Мат. XXIV, 7 Мар., Ассем., Савв., Остр.; ср. Марк XIII, 8 Мар. (в Зогр. *γαзыкγ на γαзыка*) и Лука XXI, 10 Мар. (в Зогр. *γαзыкγ на γαзыка*); *οὐνε εστγ намз да единз члвкз οὐμδρετγ за людн. а не весз γαзыкγ погыбнетγ καὶ μῆ ὄλον τὸ ἔθνος ἀπόληται* Ио. XI. 50 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; *γαзыкγ влпаше. вазьми вазьми пропани* и Супр. 447, 16; *васѣкз азькз ѡповѣстγ са* Супр. 484, 20.

Имя сущ. колѣно 'поколение, племя, колено' употребляется с глаголом ед. числа: *васѣкко колѣно поккланитγ са. небеселскыйчз и земьныхчз и прѣтисподьниихчз* Супр. 484, 18; так же Супр. 332, 8.

Имя сущ. родз сочетается с ед. числом глагола: *родз лжккз и лѡбодѣ знаменит иштѣтγ* Мат. XII, 39 Мар. Зогр. *Γενεὰ πονηρὰ... σημεῖον ἐπιζητεῖ* (ср. Мат. XVI, 4 Мар., Зогр.; Лука XI, 29 Мар., Зогр.; Марк VIII, 13 Мар., Зогр.; не иматγ прѣтити родосз μῆ παρέλθη ἡ γενεὰ αὐτῆ Марк XIII, 30 Мар., Зогр. (ср. Лука XXI, 31 Мар., Зогр.); *пакы маетγ са жидовскыи несмыслънзи родз* Супр. 424, 24.

Имя сущ. плема однажды отмечено, в подражание греческому с глаголом мн. числа (при обращении): *плема аспидово. како можете добро глаголати. лжккви ещце γενηματα ἐχιδνῶν, πῶς δύνασθε ἀγαθὰ λαλεῖν πονηροὶ ὄντες* Мат. XII, 34 Савв. (штгадик Зогр., Мар., Ассем., Остр.) (в греч. и существительное во мн. ч.).

Дроужина сочетается с глаголом мн. числа: *κζπρασλδх ж же ѡго дроужина ѡмоу* Супр. 218, 25; *οὐμножиша са дроужина* Супр. 285, 25; *вратига по стрсю вжню дроужина выхомз* Супр. 72, 7.

В старославянском есть немало случаев, когда, сочетаясь с одним и тем же существительным собирательного значения, глагол имеет то форму ед., то форму мн. числа. Например, народъ с глаголом ед. числа употребляется в Евангелии в следующих случаях: изгнанъ бысть народъ ἐξηβλήθη ὁ ὄχλος *Мат. IX, 25 Мар., Зогр., Ассем., Остр.* (изгна кѣа народъ — Савв.); и кѣа народъ на помори εἰστήκει πᾶς ὁ ὄχλος ... εἰστήκει *Мат. XIII, 2 Мар., Зогр.*; ἰ κѣа народъ идѣаше кѣа нѣмоу πᾶς ὁ ὄχλος ἤρχετο *Марк. II, 13 Мар., Зогр.*; ἰ κѣа народъ о немѣ народъ ἐκάθητο... ὄχλος *Марк. III, 32 Мар.*; ἰ сѣвѣра еѣа кѣа нѣмоу народъ мѣногъ συνάγεται ... ὄχλος *Марк. IV, 1 Мар.*; сѣвѣра еѣа народъ мѣногъ о немѣ συνήχθη ὄχλος *Марк. V, 21 Мар., Зогр.*; сѣришгетѣ еѣа народъ ἐπισυντρέχει ὄχλος *Марк. IX, 25 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.*; народъ мететѣ мѣдѣ к газофилакиж βάλλει *Марк. XII, 41 Мар. (мешгетѣ — Зогр.)*; ἰ народъ отѣа града мѣногъ вѣ еѣа неж ὄχλος ... ἦν *Лука VII, 12 Мар., Зогр., Ассем., Остр.*; вѣа народъ искадѣши прикасѣти еѣа емѣ ὁ ὄχλος ἐξήτουν *Лука VI, 19 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.*; приѣтѣи народъ ἀπεδέξατο αὐτὸν ὁ ὄχλος *Лука VIII, 40 Мар., Зогр.*; сѣрѣте и народъ мѣногъ *Лука IX, 37 συνήνησεν αὐτῷ Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.*; идѣаше же кѣа еѣа еѣа мѣногъ народъ люди Ἰησοῦθει *Лука XXIII, 27 Мар., Зогр. (послѣдокадѣши Ассем., Остр.)*; по немѣ идѣаше народъ мѣногъ ἰησοῦθει *Марк. V, 24 Мар., Зогр., Савв. (послѣдокадѣши Ассем., Остр.)*; Ио. VI, 2 *Мар., Зогр.*; мѣногъ народъ градегѣ кѣа нѣмоу πολὺς ὄχλος ἔρχεται *Ио. VI, 5 Мар., Зогр., Ассем., Остр.*; отѣвѣшгѣа народъ и рече ἀπεκρίθη ὁ ὄχλος *Ио. VII, 20 Зогр., Мар.*; разоумѣ же народъ мѣногъ от иудеи. ἔκο τοῦ εἰσῆγε Ἐγὼ ... ὄχλος πολὺς *Ио. XII, 9 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.*; сѣвѣдѣтелѣсѣткокадѣши же народъ иже вѣ еѣа нимѣ ἐμαρτύρει ... ὁ ὄχλος *Ио. XII, 17 Мар., Ассем., Остр. (сѣвѣдѣтелѣсѣткокадѣши же народи — Савв.)*; отѣвѣшгѣа емоу народъ ἀπεκρίθη ... ὁ ὄχλος *Ио. XII, 34 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.*

Это же существительное с глаголами мн. числа: ἰ вѣа народъ вѣшѣа при мори на земи πᾶς ὁ ὄχλος ... ἦσαν *Марк. IV,*

1 Мар.; I авле калѣ народъ... ουχαρισει σα πας ο οχλος...
 ἐξεθαμβήθησαν Марк IX, 15 Мар., Зогр.; калѣ народъ диклѣхъ са
 о оучении его πας γάρ ο οχλος... ἐξεπλήσσετο Марк XI,
 18 Мар., Зогр.; i молиша и калѣ народъ... στίγι στζ нихъ
 ἠρώτησεν... τὸ πλῆθος Лука VIII, 37 Мар., Зогр., Савв.,
 Остр.; народъ же глѣхъ громъ выста οχλος ἔλεγεν Ио. XII,
 29 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.

Мн. число глагола появляется в некоторых случаях под влиянием греческого множественного (см. Марк IV, 1; Марк IX, 15). Но мн. числу славянского глагола в греческом может соответствовать и ед. (см. Марк XI, 18 Мар., Зогр.; Лука VIII, 37 Мар., Зогр., Савв., Остр.; Ио. XII, 29 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.).

В Супр. рукописи при сущ. народъ глагол то в ед., то во мн. числе.

Глагол в ед. числе: и народъ свѣзра са кз нѣмоу 18, 12; калѣ тѣмами народъ великомъ гласомъ кѣскрича 35, 2; калѣ же народъ идѣаше 36, 6; и кѣскрича кѣса народъ кѣпиа прѣвѣиймъ гласомъ 36, 21; идѣаше же кѣслѣдъ народъ многъ 133, 5; свѣзра же са кѣ дѣнѣ тѣ народъ многъ. БОЛІЙ ОБЫЧНАГО 568, 8.

Глагол во мн. числе: и ѡтѣрѣшива юго народъ видѣахъ каплѣштѣ ѡтѣ него кѣкви. каплѣми. и кѣпитахъ плачѣштѣ са и пекѣштѣ са 51, 12 (причастия в единственном и во множественном); к'алѣ же народъ свѣзрава са стоѣахъ повороуѣштѣ мѣченика блаженаго кодрата 117, 14 (причастия в ед. и во мн. числе); кѣскортъ свѣзрава са многъ народъ кз дрѣжжи побѣоша на на 50, 28 (причастие в ед. числе); видѣва же народъ чоудеса господѣна. рикаахъ друугъ друуга. к'то прѣкоѣ прикошетѣ са к нѣмоу 18, 20 (причастие в ед. числе).

Употребление существительного народъ то с ед., то с мн. числом глагола, неустойчивость его грамматической связи с предикатом вызывали колебания согласования, отмеченные в параллельных местах Евангелия. Например: Кз оутѣри дѣна народъ иже стоѣаше ѡв она полъ морѣ ο οχλος ο ἑστηώς Ио VI, 22 Мар., Ассем., Остр. — стоѣахъ в Зогр.; мѣногъ народъ стѣ галилеѣа по немѣ иде. I стѣ

иногда. I отъ нѣма. I отъ идоумѣа πολὺ πλῆθος ἠκολούθησαν
Марк III, 7—8 Мар.; в Зогр., как и в греч. оригинале,
множ. число глагола: идоша.

С именем сущ. градъ 'жители города' глагол употребляется в Евангелии и в ед., и во мн. числе: потрасе са
кеса градъ ἐσεΐσθη πᾶσα ἡ πόλις Мат. XXI, 10 Мар., Савв.,
Остр. — I се кеса градъ изидж противж иски пᾶσα ἡ πόλις
ἐξῆλθεν Мат. VIII, 34 Мар. (в Зогр., Ассем. Остр. ед. число:
изиде). В греческом глаголы ед. числа.

Н. К. Грунский нашел в Зографском кодексе в пре-
делах одного и того же предложения случаи согласования
глаголов с сущ. народъ то в ед., то во мн. числе, что соот-
ветствует и греческому оригиналу; мы сопоставили эти
примеры из Зогр. с соответствующими местами других
древних кодексов Евангелия. Примеры: по нема же идѣаше
народъ многа ꙗко видѣахъ знаменитъ ἠκολούθει ὄχλος πολὺς,
ὅτι ἐθεώρουν Ио. VI, 2 (так же в Мар., Ассем.), народоса
иже не вѣстѣа закона проклати сѣтѣа ὁ ὄχλος οὗτος ὁ μὴ γιγ-
νώσκων τὸν νόμον ἐπάρατοί εἰσιν Ио. VII, 49⁸¹ (так же в Мар.,
Ассем., Савв., Остр.).

Ср. примеры того же типа, что и отмеченные
Н. К. Грунским: мила ми естѣа народъ. ꙗко третнѣ д'на
присѣдатѣ ма. и не имжѣа чесо ꙗсти. и не хоштѣа ичѣа не
идѣшѣа отъпоустиги. за не ослабѣжѣа на пѣти Σπλαγχνίζομαι
ἐπὶ τὸν ὄχλον, ὅτι... προσμένουσίν μοι... μήποτε ἐκλυθῶσιν
Мат. XV, 32 Савв. (в Мар., Ассем., Остр. — милосрѣдоуѣа
о народѣ... присѣдатѣ... не имжѣа... ослабѣжѣа); мила ми
естѣа народоса. ꙗко юже три дѣни присѣдатѣ манѣ. I не имжѣа
чесо ꙗсти. I аште отъпоуциѣа не ꙗзѣша кѣа дома скоѣа.
ослабѣжѣа на пѣти. дроузни во ичѣа из далече сѣтѣа пришѣли
Σπλαγχνίζομαι ἐπὶ τὸν ὄχλον... προσμένουσίν... οὐκ ἔχουσιν τί
φάγωσιν... ἐκλυθήσονται ἐν τῇ ὥδῃ Марк VIII, 2—3 Мар.
(дроузни во отъ ниѣа — Зогр.).

В Супр. мы отметили предложение, в котором, при со-
гласовании с подлежащим-именем существительным народъ
двух глаголов — однородных членов, первый глагол согла-

⁸¹ Грунский Н. К. Очерки по истории разработки синтаксиса сла-
вянских языков, т. 2. Юрьев, 1910, с. 307.

суется «по форме», а второй — «по смыслу»: и народъ рж-гааше *ca* и заосуахж и 138/139 (ниже подобное явление рассматривается также в условиях согласования глаголов-однородных членов предложения с существительным *стадо*).

Таким образом, вследствие разнобоя в согласовании нескольких глаголов с одним и тем же существительным-подлежащим, синтаксическая целостность предложения иногда оказывается нарушенной⁸².

Следует обратить внимание на то, что глагол в форме мн. числа отмечен не только с существительными, обозначающими множества людей, но и с существительным *стадо*. Именно, если с этим словом сочетается несколько сказуемых, то первое сказуемое имеет форму ед. числа, а второе может быть во мн., как и в греческом оригинале. Например: I авле оустрзми *ca* *стадо* вде по вртгоу кз море. I оутпож кз кодахз *ῥρησεν πᾶσα ἡ ἀγέλη κατὰ τοῦ κρηνοῦ ... καὶ ἀπέθανον* Мат. VIII, 32 Мар., Ассем. (I оумртша. I оутпоша Зогр., истопож Савв., оумртша Остр.); I оустрзми *ca* *стадо* по вртгоу кз море... I оутапаахж кз мори каи *ῥρησεν ἡ ἀγέλη ... καὶ ἐπνίγοντο* Марк V, 13 Мар., Зогр. Возможно, впрочем, что глагол в форме мн. числа относится здесь не к стаду как таковому, но к бесам, вселившимся в стадо свиней.

Пример колебания в выборе ед. или мн. числа глагола при сущ. *стадо*, когда под этим словом подразумевается духовная паства: Не вон *ca* малое *стадо* Мῆ φοβοῦ, τὸ μικρὸν ποιμνιον Лука XII, 32 Мар., Ассем., Остр. — в Зогр. не воте *ca* малое *стадо*.

В прочих случаях сущ. *стадо* представляется в виде целостной единицы, и его собирательный характер не принимается в расчет. Согласование, как и в греческом, в ед. числе: I оустрзми *ca* *стадо* по вртгоу кз езо⁹ и истопе *ῥρησεν ... καὶ ἀπεπνίγη* Лука VIII, 33 Мар., Зогр., Ассем., Остр. (истопе кз кодѣ. Савв.); I вждетз едино *стадо* и единз паствырз каи *γενήσεται μία ποιμνῆ, εἰς ποιμήν* Ио. X, 16 Мар., Зогр., Ассем., Остр. (и единз паствоух Савв.); вѣ же далече

⁸² Аналогичные примеры из древнерусского языка см.: *Десярев В. И.* Особенности согласования сказуемого с подлежащим-именем собирательным в древнерусском языке. — НДВШ. Филол. науки, 1966, № 3, с. 140.

отъ нежъ стадо скнии. мзного пасомо ἦν δὲ ... ἀγέλη χοίρων
Мат. VIII, 30 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр., так же
Марк V, 11 Мар., Зогр. и Лука VIII, 32 Мар. Зогр., Ас-
сем., Остр.

§ 4. Как можно заметить по греческим соответствиям старославянских предложений с собирательными именами, согласование сказуемого с подлежащим собирательного значения «по смыслу» имело место и в греческом. Данная особенность известна и другим индоевропейским языкам; она характерна для славянских языков⁸³. В отношении согласования глаголов с собирательными именами к старославянскому особенно близок древнерусский. Установлено, что в древнерусском языке форму множественного числа принимало глагольное сказуемое при подлежащем, выраженном именем собирательным, обозначающим множество лиц (класс активно действующих предметов). В. И. Дегтярев, автор специального исследования по вопросу о согласовании с собирательными в древнерусском, полагает, что согласование сказуемого с подлежащим «по смыслу» «свидетельствует о непосредственной зависимости синтаксической структуры фразы от логического содержания ее составляющих, указывает на более низкий уровень грамматического абстрагирования в языке сравнительно с современным». Так же как и в старославянском, собирательные существительные личного значения в древнерусском сочетались с формой множественного числа глагола-сказуемого не последовательно. Отмечается постепенное вытеснение форм множественного числа сказуемого при собирательных формами единственного числа — процесс, свидетельствующий о грамматикализации структуры предложения. По данным В. И. Дегтярева, к концу XVII в. в русском языке окончательно утрачивается согласование глагола-сказуемого с подлежащим собирательного значения во множественном числе.

Собирательные, обозначающие совокупности неодушевленных предметов и живых существ — не лиц, в древнерусском сочетались со сказуемыми единственного числа⁸⁴.

⁸³ Некоторые указания на работы по этому вопросу содержатся в статье: Дегтярев В. И. Особенности согласования сказуемого... с. 139.

⁸⁴ Там же, с. 138—143.

Согласование глагола-сказуемого мн. числа с собирательными сущ., обозначающими людей, широко известно в русских диалектах ⁸⁵.

§ 5. Существительные собирательного значения мы разделили на две группы: собирательные, семантически тяготеющие к мн. числу (им противостоят соотносительные формы ед.) и собирательные, тяготеющие к ед. числу (им противостоят соотносительные формы мн.). С собирательными первого типа, если они образуются от существительных неличных, несмотря на их «множественную семантику» согласуются глаголы ед. числа. С собирательными этого же первого типа, если они образованы от существительных личных, согласуются глаголы мн. числа.

Собирательные второго типа, вопреки тяготению к «единственности», способны сочетаться и с глаголами ед., и с глаголами мн. числа. Замечается тенденция выделять, при помощи согласования глаголов мн. числа с личными собирательными именами, человеческую индивидуальность из группы, толпы, коллектива. Неличные собирательные имеют при себе глаголы ед. числа (за некоторыми исключениями, допускающими особое истолкование).

Таким образом, наблюдается несомненная связь между типом лексической семантики подлежащего-существительного собирательного значения и формой числа зависящего от него глагола-сказуемого. Глагольное сказуемое согласуется в числе (хотя и непоследовательно) с подлежащим-собирательным именем, обозначающим совокупность лиц, не по грамматической форме, а по реальному значению предметов, образующих обозначаемое подлежащим единство.

Глава 3

ИМЕННОЙ КОМПОНЕНТ ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ: ЕГО НЕОБХОДИМОСТЬ В ОДНИХ СЛУЧАЯХ И НЕОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ В ДРУГИХ

§ 1. Только в третьем лице единственного, множественного и двойственного числа именной компонент личных предложений наделен лексическим значением: грам-

⁸⁵ См., например: Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, с. 152.

мема лица присоединяется здесь к лексическому элементу имени существительного, обозначающего человека. Поэтому для сохранения полноты смысла в личном предложении с третьим лицом необходимо присутствие подлежащего — именного компонента, несущего лексическую информацию о субъекте-человеке. Другой вопрос — как реально выражен именной компонент в данном речевом отрезке. Прежде всего, он может быть выражен здесь самим существительным: петръ, анна, стаца, дзшти, граначаръ, рабъ (робъ) и т. д. Кроме того, вместо имени существительного личного здесь могут находиться замещающие его местоимения⁸⁶.

Анафорическое местоимение и в историческое время уже не употреблялось в именительном падеже, сохраняясь лишь в косвенных. В реальности существования форм именительного падежа этого местоимения убеждают включающие эти формы относительные местоимения, а также сложные формы прилагательного. Первоначально местоимение и имело ситуационно-указательную или чисто указательную функцию; впоследствии она была утрачена.

В анафорическом употреблении известны другие местоимения, которые сохраняли в то же время и функцию указательную: тъ, онъ, съ (син, си, сен) и местоимения некоторых других разрядов.

Предложение с анафорически употребленным местоимением остается синтаксически правильным, но замещение повторяющегося понятия местоимением делает предложение неавтономным по смыслу. Смысл, однако, восстанавливается при обращении к ранее сказанному. Местоимения, употребляемые анафорически, выполняют функцию установления связи с предшествующими предложениями, в которых название лица выступает или в качестве

⁸⁶ Об употреблении славянских местоимений в анафорической функции см.: *Иванчев Св.* Показательное местоимение как средство на анафоричния механизъм в славянските езици. — В кн.: *Славянска филология. Т. XV. Езикознание. Доклади и статии за VIII Международен конгрес на славистите. София, 1978.* Согласно Св. Иванчеву, в анафорической прогрессии различаются сильная и слабая позиции. При самостоятельном употреблении в позиции слабой анафоры анафорическое местоимение развивается в местоимение третьего лица (с. 135).

субъекта, или в качестве одного из объектов. В условиях употребления замещающего местоимения именной компонент — третье лицо в парадигме лица — также оказывается названным, хотя и за пределами данного субъектно-предикативного соединения. Для того, чтобы «установить личность» человека, название которого замещено местоимением, нередко бывает необходимо привлечь значительный по объему текст. Местоимение, употребленное анафорически, «напоминает» об упомянутом выше лице и заменяет его наименование в функции субъекта. Лексическое значение субъекта, представляющего третье лицо в парадигме лица, при этом остается без ущерба, необходимый объем информации сохраняется.

Приведем некоторые примеры с существительным — подлинным деятелем, лицом, и местоимением, отсылающим к этому существительному.

Анафорическая функция в старославянском выражается в большинстве случаев местоимением тѣ: *г҃ады по мнѣ крѣпльи мене юстѣ. юмѣже нѣкъмѣ достоинѣ сапога понести.*

тѣ бы крѣтитѣ дѣхѣма стѣмѣ и шгнемѣ аѣтѣс ѣмѣс баттисѣи Мат. III, 11 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; *дѣшгѣи иночада вѣ емоу. тѣко дѣксѣж на дѣсѣте лѣтоу. и та оумирадше кѣи аѣтѣ аѣпѣдѣнѣожен* Лука VIII, 42 Мар., Зогр., Ассем., Остр. — в Савв. *таже оумирадше; I вѣ анна прѣрѣчица. . . и та кѣ тѣ часѣз прѣстѣкѣши испокѣдѣдше сѣ гѣи кѣи аѣтѣ. . . ѣпѣстѣса* Лука II, 36—38 Мар., Зогр., Савв., Остр.

Местоимение онѣ в анафорическом употреблении: *г҃ла же имѣ иѣз. крѣма мое не оу приде . . . юдеи же искадѣж его кѣз прѣздѣникѣз и г҃ладѣж кѣде естѣ онѣ* Поѣ ѣстин ѣкеѣнос Ио. VII, 6—11 Мар., Зогр., Ассем., Остр. (здесь анафорическое местоимение онѣ отделено от замещаемого им слова пятью стихами). Другие примеры: *чѣкъ кѣмѣтѣдѣтѣ стѣма кѣ земѣж. . . I стѣма прѣзѣвѣдѣтѣ I рѣстетѣ тѣкоже не кѣстѣ онѣ ѣс ѣѣх ѣѣден аѣтѣс* Марк IV, 27 Мар., Зогр.; *I кѣстѣвѣ архѣереи по срѣдѣ кѣпрѣси иѣа г҃ла не отѣкѣшгѣкѣиши ли ничѣсоже. чѣто г҃ни на та сѣкѣдѣтѣелѣстѣкоуѣжтѣ. онѣ же млѣчѣдше. и ничѣсоже не отѣкѣшгѣдше ѣ дѣ ѣлѣѣта кѣи ѣѣх аѣпѣхрѣѣато ѣѣден* Марк XIV, 60—61 Мар., Остр. — в Зогр. *тѣз же млѣчѣдше.* Согласно наблюдениям Св. Иван-

чева, местоимение онъ чаще всего употребляется в тех специальных случаях, когда в непосредственно предшествующем предложении кроме лица-субъекта упоминается еще одно лицо; для избежания двусмысленности это другое лицо и заменяется через онъ. Не случайно, что очень часто онъ сопровождается противительной частицей же.

Местоимение еа: егда законѣа иса притѣча сина. . . ꙗко дикаѣахъ еа емоу и глахъ. . . не еа ли еста тектоновъ снъ оуχ οὗτός ἐστιν ὁ τοῦ τέκτονος υἱός Мат. XIII, 53—55 Мар., Зогр.; видиши ли снѣженѣ. . . си же еаззами омочи нозѣ мон. . . си же отънели вѣнидъ. не прѣста обласкызыжшти ногоу мою. . . си же нозѣ мон мироѣ помаза аутѣ дѣ τοῖς δάχρυσιν ἔβρεξέν μοῦ τοὺς πόδας Лука VII, 44—46 Мар., Зогр., Савв., Остр.

Местоимения окъ, инъ, друзми: многашди во словописателе. и шарописателе начрѣтажтѣ они словомъ оукрѣашижшге. а сии на дѣскы чрѣтажшге Супр. 83, 10; кого ма гѣжтѣ члѣци быти. они же отъкѣшгаша. оки иодна крѣгитѣ. і ини илиж. а друзми единого отъ прѣа ѣти Ἰωάννην τὸν βαπτιστήν, καὶ ἄλλοι, Ἦλίαν, ἄλλοι δὲ ὅτι εἰς τῶν προφητῶν Марк VIII, 28—29 Мар., Зогр., Ассем. (в Савв. оки иѣа крѣгитѣлѣ. они же илиж. а друзми единого отъ прѣ). Ср. также Мат. XV, 14 и Лука IX, 19.

В данных примерах вместо повторения слова, передающего определенный объем смысла, наблюдается подстановка такого слова, которое передает лишь некоторую часть смысла. Действительно, приведенные местоимения сохраняют лишь самую общую часть смысла заменяемого им полнозначного слова, а именно, указывают при помощи падежа на синтаксическую функцию слова, обозначающего денотат (при этом в случае необходимости возможно преобразование объектной функции основного слова в субъектную функцию замещающего его местоимения и наоборот; см. выше пример с местоимением снъ), повторяют его род и число. Но таким путем замещающие местоимения только отсылают к замененным ими полнозначным словам, ибо форма местоимения показывает, какое слово из предшествующего контекста им заменено. Местоимения-заместители «помогают экономно выражать мысли, избегать излишних повторов, т. е. делают речь

разнообразной и стилистически обработанной», — замечает К. Е. Майтинская⁸⁷.

Наряду с этим, местоимения-заместители вносят в значение имени существительного, обозначающего человека, некоторые новые лексические характеристики, обычно временные и изменчивые (в отличие от постоянных характеристик, выражаемых лексическими элементами самих имен существительных). При анализе семантики местоимений принято ограничивать их собственно дейктическое (указательное) употребление (для непосредственного указания на предмет) от анафорического употребления (для указания на ранее упомянутый предмет, на нечто известное). Но указательные местоимения, которые обычно выступают в функции заместителей, даже в этом анафорическом употреблении нередко наделены собственным лексическим значением. Так, привлеченные в наших примерах анафорически употребленные местоимения *онъ*, *тъ* и *ѡ*, возможно, сохраняли свою указательную функцию и семантически различались по степени удаленности обозначаемого ими денотата от говорящего (т. е. при их помощи можно было определить, близко или далеко от говорящего расположен предмет, о котором идет речь). Согласно А. Вайану, *ѡ* в старославянском указывало на близкий предмет, *онъ* — на отдаленный; местоимение *тъ* противопоставлялось *ѡ*, но «без подчеркивания отдаленности того, на что указывается. Это обыкновенное указательное местоимение, относящееся к тому, о чем уже говорилось или что уже известно»⁸⁸. Местоимения *оубъ*, *инъ*, *единъ*, *дубоубъ* выполняли, вероятно, функцию разграничения денотатов, выделения одного из числа прочих однородных и противопоставления другим.

Таким образом, при отсылках к имени существительному, обозначающему человека, это имя существительное не только сохраняет свое лексическое значение, но приобретает добавочную характеристику, идущую от семан-

⁸⁷ Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем, с. 62.

⁸⁸ Вайан А. Руководство по старославянскому языку, с. 169. Добавим, что эти местоимения в старославянском иногда смешивались, что свидетельствует о частичном устранении разницы в их значениях. См., например: да нждеже есмъ азъ и ти вждѣтъ Ио. XVII, 24 Мар., Ассем. (в Савв. си вждѣтъ).

тики указательного местоимения, употребленного анафорически⁸⁹.

Изредка в предложении непосредственно при глаголе 3-го лица, обозначающем действия человека, не находим ни имени существительного, называющего этого человека, ни анафорически употребленного местоимения. Ср., например: *ἀρχιερεὺν ἕν ἃν ἐστε. ἡ ἁγία πνεῦμα λέγει πρὸς πάντας τοὺς ἀδελφούς. Τότε ἔβλεψεν τὸ πρόσωπόν του. ἡ δὲ ψυχή αὐτοῦ ἐπείκει αὐτόν. ἡ δὲ ψυχή αὐτοῦ ἐπείκει αὐτόν.* Мат. XXVI, 59—67 Мар. В данном случае субъект глаголов *ἐβλεπεν*, *ἐπείκει*, *ἐπείκει* отделен от своих предикатов восемью стихами, и все же читателю, знакомому с предыдущим изложением, совершенно ясно, какие люди совершали эти действия; таким образом, лексическое значение субъекта, необходимое для раскрытия смысла высказывания, полностью сохранено, а вместе с ним сохраняется форма именительного падежа существительного, обозначающего человека, и лишь как невольная спутница этой формы — имплицитно содержащаяся в ней граммема третьего лица⁹⁰. Ср. также: *ἐκεῖθεν ἔβλεψεν πρὸς τοὺς ἀδελφούς. ἐκεῖθεν ἔβλεψεν πρὸς τοὺς ἀδελφούς.* Мат. XXVI, 59—67 Мар.

⁸⁹ В связи с анафорическим употреблением местоимений надлежит сделать следующее пояснение. Анафорическое употребление не следует представлять себе таким образом, что местоимения-заместители отсылают только к денотату-человеку и, следовательно, несут в себе категориальное значение третьего лица, противопоставляемого первому и второму. Анафорически употребленные местоимения способны отсылать и к неодушевленному предмету, название которого, согласно изложенному выше, находится вне категории лица. Например: *ὁ σπείων ὁσπείων ὁσπείων ἐκείνην τὴν γῆν. ὁ σπείων ὁσπείων ἐκείνην τὴν γῆν. ὁ σπείων ὁσπείων ἐκείνην τὴν γῆν.* Марк IV, 18 Мар.; *ὁ σπείων ὁσπείων ἐκείνην τὴν γῆν. ὁ σπείων ὁσπείων ἐκείνην τὴν γῆν. ὁ σπείων ὁσπείων ἐκείνην τὴν γῆν.* Марк IV, 20 Мар. (о словах, которые сравниваются с семенами); *ὁ σπείων ὁσπείων ἐκείνην τὴν γῆν. ὁ σπείων ὁσπείων ἐκείνην τὴν γῆν. ὁ σπείων ὁσπείων ἐκείνην τὴν γῆν.* Лука VIII, 5—8 Мар., Зогр., Ассем. (ср. Марк IV, 5—8) (здесь анафорически употребленные местоимения отсылают к имени существительному *σπείων*).

⁹⁰ Ср. подобный пропуск подлежащего-неодушевленного предмета: *ὁ σπείων ὁσπείων ἐκείνην τὴν γῆν. ὁ σπείων ὁσπείων ἐκείνην τὴν γῆν. ὁ σπείων ὁσπείων ἐκείνην τὴν γῆν.* Мат. VI, 28 Мар., Зогр., Савв., Остр.

идете Марк I, 16—18 Мар. (в Зогр. идосте). В другом месте в очень похожей ситуации имеется анафорическое местоимение она (двойственное число): оузърѣ ина дѣка брата инакока закедѣшка и иуана брата юмоу. . . забѣзажда мръжа скога. и кѣзѣка га. она же абине остѣвашила кораблаз и ѡца скогюго по немѣ идоста Мат. IV, 21—22 Мар.

§ 2. Было обращено внимание на отличие личных местоимений *я, ты, мы, вы*, введение которых не связано с языковым контекстом, от анафорических местоимений *он, она, оно, они* (а также местоимений типа *такой, так, тогда, туда, там*), употребление которых «подлежит определенным правилам, вытекающим из синтаксической природы предшествующего контекста»⁹¹. Именной компонент со значением первого и второго лица — личное местоимение — лишен, как об этом говорилось в § 3 второй части, собственного лексического значения и представляет собой чистую грамму лица.

Выражение граммы лица личным местоимением является избыточным, если идентичная по семантике граммема заключена в форме глагольного компонента структурной основы предложения. Более того, в глаголе лицо выражается морфологически правильно и регулярно, путем присоединения грамматического форманта к одному и тому же лексическому элементу, а в личном местоимении — супплетивно, и, следовательно, глагол выражает первое и второе лицо более отчетливо, чем личные местоимения первого и второго лица.

Уже говорилось о том, что термин «местоимения» по отношению к словам этого рода не удачен, так как слова эти ничего не замещают; анафорически они не употребляются, т. е. к существительному, обозначающему определенную человеческую личность, не отсылают; их назначение — дублировать грамматическую семантику личных форм глаголов первого и второго лица, иногда ее усиливая и подчеркивая. Поэтому при наличии в структурной основе предложения глаголов первого или второго лица местоимения в качестве субъекта необязательны, а отсутствие

⁹¹ Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова. М., 1965, с. 160. При этом под текстом понимается «не просто сумма случайных предложений, а множество предложений, связанных между собой тематически и грамматически».

местоимения-подлежащего при глаголе первого или второго лица представляет собой грамматически оправданное явление: синтаксическая правильность и смысловая автономность предложения при этом не нарушается; все грамматические категории, присущие структурной основе предложения, сохраняются. Примеров предложений без именного компонента при глаголах первого и второго лица в старославянском великое множество⁹¹; мы здесь приведем лишь немногие из них, в единственном, множественном и двойственном числе.

Чисто глагольное выражение первого и второго лица наблюдается в прямой речи: ꙗ начага кзкоупѣ отърицати сѧ кѧси. прѣкы рече емоу. село коупихъ и имамъ нжждж изиги и видѣти е. момъ та имѣи ма отърочна. и другы рече сжпржгъ колокзньихъ коупихъ патъ. и градъ искоусигъ ихъ. момъ та имѣи ма отърочна. и другы рече женъ поѧсъ и сего ради не можъ прити. . . и рече рабъ. ꙗ выстъ ꙗкоже поклѣ Лука XIV, 18—22 (в Зогр., Ассем., Савв., Остр. личные местоимения первого и второго лица здесь также отсутствуют). В соответствующем греческом тексте местоимения также отсутствуют; По кѧсѧ дѧни вѣхъ кз кѧсъ. . . и не ѧсте мене оѧх ѡκρατήσατέ με Марк XIV, 49 Мар., Зогр.; си рече. . . лазаръ другъ нашъ оусъпе. нѧ нѧж да кззбоуждѧ и ἄλλὰ πορεύομαι Ио XI, 11 Мар., Зогр.; Ассем. (ице рече Савв., си рекъ Остр); рече единъ кз немоу. ѧж по тебѣ Ἀκολουθήσω σοι Лука IX, 57 Мар., Зогр., Ассем.; Остр. (кз слѣдъ тебе — Савв.); не речетъ

⁹¹ Количественное соотношение предложений с подлежащим и предложений без подлежащего установлено на материале отдельных древнеславянских памятников. Как выяснила И. А. Фролова, в Синайском патерике — памятнике, дошедшем до нас в русской рукописи XI—начала XII в., соотношение предикативных единиц с подлежащим и предикативных единиц без подлежащего составляло 38%—62%. Данное соотношение, полагает И. А. Фролова, «убедительно свидетельствует о том, что в древнеславянском языке подлежащее не играло роли одного из организующих структурных центров («опор») предложения, а являлось факультативным членом, назначение которого — подчеркнуть, с какой-то специальной целью, субъект действия/состояния или уточнить его, если личная форма глагола указывала на него неопределенно» (см. Фролова И. А. Предложение в старославянском языке (на материале Синайского патерика). Автореф. канд. дис. Арзамас, 1972, с. 8).

емоу слоужи ми. донадеже ꙗма и пиж ѿως φάγω και πίω
 Лука XVII, 8 Мар., Зоґр., Ассем., Остр. (донелѣже ꙗма
 ѿ пиж — Савв.); глѡшѡ емоу оученици его. . . пакы ли идеши
 тамо και πάλιν υπάγεις ἐκεῖ Ио. XI, 8 Мар., Зоґр., Ассем.,
 Савв., Остр.; никѣтоже отъ васъ не кѡпрѡшадѣ мене како
 идеши ποῦ υπάγεις Ио. XVI, 5 Мар., Зоґр., Ассем., Савв.,
 Остр.; не ꙗма. . . како пѣтъ можемъ кѣдѣти πῶς δυνάμεθα
 τὴν ὁδὸν εἰδέναι Ио. XIV, 5 Мар., Зоґр., Ассем., Савв.,
 Остр.; не пацѣте сѧ оубо глѡшѣте. что ꙗма ли что пиема.
 ли чимъ одеждемъ сѧ τί φάγομεν. . . τί πῖομεν. . . τί περι-
 βαλώμεθα Мат. VI, 31 Мар., Зоґр., Ассем., Остр. (кѡ что
 одеждемъ сѧ Савв.); кѡде естѣ обитѣлѣ идеже пасѣж сѧ
 оученикы своии знаемъ φάγω Марк XIV, 14 Мар., Зоґр.;
 отъкѣшѣта емоу симонъ петръ. ги кѡ комоу идемъ πρὸς τίνα
 ἀπελευσόμεθα Ио. VI, 68 Мар., Ассем., Остр.; имѡже во
 сѡдомъ сѡдите. сѡдатъ камъ. I кѡ нѡже мѣрѡ мѣрите.
 кѡзмѣритѣ сѧ, камъ κρίνετε. . . μετρεῖτε Мат. VII, 2 Мар.
 (кѡзмѣратѣ камъ Зоґр., Ассем., мѣритѣ сѧ — Савв.; сѡ-
 дитѣ сѧ — кѡзмѣритѣ сѧ — Остр.); глѡ же имъ иѡзъ. дѣти.
 еда что знѣдѡно имѡте ἔχετε Ио. XXI, 5 Мар., Зоґр.,
 Остр. (имѡте ли что знѣдѡно — Ассем., Савв.): не пацѣте
 сѧ дѡежъ кашеж. что ѣсте ли что пиете. ни тѣломъ ка-
 шимъ кѡ что облѣчете сѧ τί φάγητε. . . τί πῖητε. . . τί ἐνδύ-
 σθηθε Мат. VI, 25 Мар., Зоґр., Ассем., Савв., Остр. Лука
 XII, 22 Мар., Зоґр.); и о одежди что сѧ печете τί μερίμ-
 νᾶτε Мат. VI, 28 Мар., Зоґр. (при одежди — Савв., печете
 сѧ — Ассем., Остр.); и погѡла петръ и иоана. рѣкѡ. шѣдѡша
 оуґотовадѣта намъ пасѣж да ꙗма. она же рѣте емоу. кѡде
 хошѣши да оуґотоваекѣ ποῦ θέλεις ἐτοιμάσωμεν Лука XXII,
 9 Мар., Зоґр.; глѡ. . . обрашѣтѣта жрѣва прикѡзано. на
 неже никѣтоже кѡде отъ члкъ не кѡкѣдѣ еὑρήσετε πῶλον
 Лука XIX, 30 Мар., Зоґр.; рѣша господие его кѡ нима.
 что отрѣшаѣта жрѣва τί λύετε τὸν πῶλον Лука XIX, 33
 Мар., Зоґр.

Чисто глагольное выражение первого и второго лица
 в славянских примерах совпадает с соответствующей осо-
 бенностью греческого оригинала.

§ 3. В то же время в старославянском достаточно часто
 наблюдается при глаголах первого и второго лица един-

ственного, множественного и двойственного числа, обозначающих действия людей, употребление личного местоимения первого или второго лица.

Введение личного местоимения продиктовано специальными целями, которые имеют либо чисто грамматический характер, либо обусловлены синтаксической структурой субъекта и предиката, либо связаны с необходимостью выделить и подчеркнуть местоимение, поставить в нем логическое ударение.

1. Потребность выразить лицо местоимением появляется в тех случаях, если глаголом лицо выражено неоднозначно. Омонимичны в отношении грамматического лица формы 2-го и 3-го лица ед. числа аориста⁹³. Если рядом с глаголом в форме аориста нет личного местоимения, установление грамматического лица становится затруднительным; поэтому для обозначения второго лица вводится личное местоимение. Например: ты вѣстаки пѣтанѣжъ црѣкѣа. ты вѣкрасе по своѣй силѣ Супр. 505, 9—10; ты своимъ съходомъ можъ дшѣ казнесе. ты чловѣкы пѣтѣники вывѣша помилова. ты дѣлакола попарѣ велико хотѣ. ты грѣха ка пѣти дѣсѣди. ты сѣмрѣтѣ вѣ пѣти бумрѣтки. ты вѣстѣлѣниемъ тѣлѣнаѣ дѣгна. ты вѣкрасениемъ. вѣкрѣсендѣ намъ понокѣ. ты тридневнаго грѣба на земли остѣки. ты чловѣкы небесѣныа показа. ты земѣжъ небесе свѣтѣтишѣ сѣтворѣ Супр. 505, 21—30.

Грамматическими омонимами являются также формы 2-го и 3-го лица имперфекта (спорадически отмечаемое в 3-м лице окончание -тъ — можащѣтъ, запрѣтѣтъ —

⁹³ Правда, у ряда глаголов 2-е и 3-е лицо аориста различались. В 3-м лице глаголы с односложными корнями на и, ꙗ, р и ѡ, а в отдельных случаях и с иными конечными гласными корня, имели отличие от 2-го лица в виде окончания -тъ: питѣ, пожитѣ, битѣ, вѣспѣтъ, пожитѣ, пожрѣтъ, оумрѣтъ, прострѣтъ, клѣтъ: дастѣ намѣ кадѣзѣ и тѣ ѣжъ него питѣ ѣплеу Ио. IV, 12 Зогр., Мар., Ассем. (пн — Остр., пиетѣ — Ник.); в'се тварѣ вѣспѣтъ тѣ ѣрушѣ се Син. евх. 4 Ъ 13. Но в более редких случаях окончание -тъ употреблялось при этих глаголах и во втором лице единственного числа. Соответственно омонимичны 2-е и 3-е лицо ед. числа в условном наклонении: бы сѣтворѣлѣ (или бы сѣтворѣлѣ). См. об этом *Беседина-Невзорова В. П.* Старославянский язык. Харьков, 1962, с. 289.

трактуются как редкое новообразование⁹⁴) и, соответственно, 2-е и 3-е лицо ед. числа плюсквамперфекта. Ср. пример из Супр.: *егда прѣдѣ снмъ малы ѡскааше ты сказанитя реченѣмоу Супр. 312, 2*. Здесь при глаголе в форме имперфекта употреблено местоимение второго лица.

II. А. Местоимение необходимо, если первое или второе лицо выступают в ряду однородных членов-субъектов. Например: *по что мы и фарисѣи постимъ сѧ много ѡмѣис και οἱ Φαρισαῖοι Мат. IX, 4 Мар.; се отецъ твои и азъ. скръбѣща искаахѣ тебе ѡ патѣр σου καθὼ Лука II, 48 Мар., Зогр., Савв., Ассем., Остр.; се бо отъпадоуѣта кы ѡ бгъ вашъ Супр. 32, 24; ѡ кы ѡ кѣса кышлѣна снмы. сѧ нами праздноуѣжѣта Супр. 490, 21*.

Б. Местоимение необходимо, если выраженный им субъект действия определяется при помощи аппозиции. Например: *ѡ азъ господи боже мѡи твои рабъ ти сѧ Супр. 232, 26; ꙗко ты члѣкъ сѧ твориши сѧ самъ бѣ сѡ ἄνθρωπος ὢν Ио. X, 33 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; како ты юдеи сѧ отъ мене пити просиши сѡ Ἰουδαῖος ὢν Ио. IV, 9 Мар., Зогр., Остр. (оу мене — Ассем.); ѡ ты отъроча проркъ кышанѣга наречеши сѧ сѡ δὲ, παιδίον Лука I, 76 Мар., Зогр., Ассем., Остр.*

В. Местоимения употребляются при разного рода вопросах: *гдѣхъ же емоу ты кто еси Σὺ τίς εἶ Ио. VIII, 25 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; рѣци ми ты кто ѡеси лѣстѣи многаѣа сѡ Супр. 155, 4; ты еси снъ мои взамблены Σὺ εἶ υἱός μου ὁ ἀγαπητός Лука III, 22 Мар. (в Зогр. ты еси снъ мой); ты ли ѡеси оучитѣлѣ имъ сѡ Супр. 139, 24; ты ли трѣми денѣми вздвигнеши ѡ сѡ ἐν τρισὶν ἡμέραις ἐγέρεις αὐτόν Ио. II, 20 Мар., Зогр., Остр. (ты л. . . вздвигдеши — Ассем.); ты же количѣма длѣженъ еси Σὺ δὲ πόσον ὀφείλεις Лука XVII, 7 Мар., Зогр.; а ты кѣе моудиши не вѣдѣ сѡ Супр. 242, 16*.

Г. Ответы на вопросы, касающиеся установления личности, также содержат местоимения: *ѡ глагола ѡмоу коѣ-кода. ты ли ѡеси вагискъ словый. онъ же рече. азъ ѡесмъ Супр. 20, 23; комисѣ рече. ты ли ѡеси разоривый и скроу-*

⁹⁴ Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957, с. 321.

шлвкый беликж богыйж арфемж. глагола скатый артемонж.
азз юсмж. Супр. 226, 16.

III. Действующее лицо, выражаемое местоимениями, нередко оказывается логическим, смысловым ядром высказывания. В этих случаях наблюдается удвоение средств передачи значения лица, т. е. избыточное выражение этого значения и местоимением, и глаголом для того, чтобы выделить и подчеркнуть грамматическое лицо как особо важное в данном сообщении, создать на нем смысловой акцент и усилить эмоциональное воздействие высказывания⁹⁵. Характер мысли, сущность коммуникативного задания — вот что определяет в данном случае употребление местоимений первого и второго лица при глаголах. В круг причин, вызывающих местоименно-глагольное выражение лица, следует включить также стремление повысить надежность сообщения и общую тенденцию к синтаксической двусоставности глагольных предложений, к тому, чтобы личные предложения первого и второго лица были так же симметричными, как симметричны предложения третьего лица, обязательно включающие и именной, и глагольный компоненты.

Все случаи введения личных местоимений первого и второго лица с целью создания смыслового акцента мы разделили на несколько групп. Предложенное деление не следует воспринимать как нечто категоричное и непреложное: границы групп нечетки, иногда один и тот же пример можно отнести сразу к нескольким рубрикам.

A. Употребление личного местоимения в тех ситуациях, когда действие выполняется самим действующим лицом. Личные местоимения нередко сопровождаются в этих случаях определительным местоимением смжз или формой о сквѣ, указывающими, что человек лично, непосредственно выступает как источник какого-либо действия или выполняет его по собственному почину, независимо от других, без посторонней помощи.

Например: ашге азз слакжж са смжз. слава моѣ ничтоже
естъ. естъ отъца мои славлан ма егоже кы глетѣ ꙗко бѣ

⁹⁵ См. замечание В. Матезиуса: «В эмоциональном стиле иногда нагромождаются морфемы с одним и тем же значением с целью усиления эмоционального воздействия» (см. *Матезиус В. Попытка создания теории структурной грамматики. — Пражский лингвистический кружок, с. 201*).

нашз естз 'Εάν ἐγὼ δοξάσω ἑμαυτὸν Ио. VIII, 54 Мар. Зоґр., Ассем., Остр.; і за на азз сѣшт҃ж сѣ сѣмз. да вж-джтз и ти сѣшт҃ени кы-истинж ἐγὼ ἀγαῖσω ἑμαυτὸν Ио. XVII, 19 Мар., Савв., Остр. (зане... сѣшѣж сѣ Ассем.); мы не хощемз тебѣ зла никакогоже. аште не ты сѣмз взыхощ-теши зло приобрѣсти Супр. 259, 3; сѣтпи ѥ жродикии. глаголете бы сами ꙗко мждри ꙗемз Супр. 256, 29; тж во одеждж аште кы сами не бѣтвръжете. никтоже ѥнз кѣсз не иматз мошти сѣвлѣшти Супр. 508, 1.

Тот же самый смысл, что и определительное сѣмз, имеет форма о сѣбѣ: не мож азз о сѣбѣ творити ниче-соже... ꙗко не ишт҃ж вола моего. нз воуж послѣдывшаго ма отца Οὐ δύναμαι ἐγὼ ποιεῖν ἀπ' ἑμαυτοῦ οὐδὲν Ио. V, 30 Мар., Зоґр., Остр.; отзвѣшт҃а емоу ис о сѣбѣ ли ты глѣши се. ли ини тебѣ рѣша о манѣ 'Απὸ σεαυτοῦ σὺ τοῦτο λέγεις Ио. XVIII, 34 Мар., Зоґр., Ассем., Савв. (в Остр. пропущено личное местоимение: о сѣбѣ ли се глѣши); 'Алѣандрз рече: не ты оубо ѡ сѣбѣ се глаголѣши. нз бѣцѣмз своимз сотонж покаждаемз Супр. 157, 22.

Сѣмз и о сѣбѣ могут быть совмещены в одном и том же предложении: и повелѣ анупатз възложити сѣгаго на сковрадѣ. Блаженни же кодратз рече. азз сѣмз о сѣбѣ възлѣж на сковрадѣ Супр. 118, 6. Форма собож без местоимения азз: не дрзвнж собож богови помолити сѣ Супр. 364, 9—10.

Б. Личное местоимение употребляется, если в предложении подчеркнуто, что действие выполняет только определенный человек или определенная группа людей. Личное местоимение в данном случае сопровождается словами єдинз, єдини: старцоу рѣхз. не ты се єдинз бѣче творѣши Супр. 297, 22; ты єдинз сѣтворѣнз ꙗси Супр. 507, 8; вѣлѣзи вѣ бѣшт҃ии манастырѣ. азз во єдинз сѣждж сѣдѣ Супр. 170, 7; ты ли єдинз живы вѣ иерусалимѣ. не разоумѣ възшаго Супр. 475, 4 (ср. 475, 25); ꙗкоже ты єдинз вѣси творѣца ѥ богз Супр. 391, 25; мы єдини .м. послѣдоу ихз бѣрѣшт҃ахом' сѣ Супр. 72, 26; то не мы єдини отзвръжемз сѣ господа нашего Супр. 260, 3.

В. Местоимение первого лица при наличии финитного глагола употребляется с целью подчеркнутого, иногда торжественного декларирования поступков говорящего человека, вытекающих обычно из его убеждений или связанных с ними.

Например: *εγω ради азь приѣдзъ къ кодѣ крѣста ѿλθον ἐγώ* Ио. I, 31 Мар., Зогр., Ассем. (в Савв. и Остр. *придохъ азь и къ кодѣ крѣста*); *ἰ ρече ѿзъ на сѣдзъ азь къ мирзъ сѣ приѣдзъ* *Εἰς χρίμα ἐγώ ... ῥηθον* Ио. IX, 39 Мар., Зогр. (в Ассем. *азъ приѣдзъ къ мироу*; в Остр. — *азъ къ сѣ мирзъ придохъ*); *азъ приѣдзъ да жикота имжтѣ ἐγώ ѿλθον* Ио. X, 10 Мар., Зогр., Савв. (в Ассем., Остр. — *жикотъ имжтѣ*); *азъ истинѣ камъ глѣжъ ἐγώ τὴν ἀλήθειαν λέγω* Ио. XVI, 7 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; *азъ повѣдихъ мира ἐγώ νενίκηκα τὸν κόσμον* Ио. XVI, 33 Мар. (*азъ бо повѣдихъ кзсего мира* Ассем.; *азъ повѣдихъ мирзъ* — Савв., Остр.); *азъ не обвинюѣтѣ сѣ глѣхъ вѣсемоу мироу* *Ἐγώ ... λελάληκα* Ио. XV, 20 Зогр., Ассем., Савв., Остр.: *ѿрѣ есма азь. азь на сѣ роди хъ сѣ. и на сѣ приѣдзъ къ вѣсѣ мирзъ ἐγώ εἰς τοῦτο γενένημαι καὶ εἰς τοῦτο ἐλήλυθα* Ио. XVIII, 37 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; *ѿзъ же вѣсѣма сѣрѣма моѣма. испрѣжъ заповѣди твоѣ ἐγώ δὲ ... ἐξερευνησώ τὰς ἐντολάς σου* Пс. 118, 69 Син.; *азъ испокѣма сѣ тебѣ къ нѣде хъ гѣ ἐγώ ἐξομολογήσομαι σοι* Пс. 70, 22 Син.; *ἰ ма сѣ нѣми вѣспоемъ нѣкимъ ѣзыкомъ пѣснъ еканѣлскѣжъ ἡμεῖς* Клоц. 1 а 26.

Местоимение первого лица в случаях подобного рода торжественных заявлений сопровождается иногда частицей *сѣ* 'вог': *Сѣ азь погъмѣжъ анѣлзъ мои прѣдзъ лицѣма твоимъ* *Ἰδοὺ ἐγώ ἀποστέλλω τὸν ἀγγελὸν μου* Мат. XI, 10 Мар., Зогр., Ассем., Остр. (аггѣл — Савв.); *живзъ гѣ вѣ мои ἰс χѣ. ѣгоже ради азь сѣ сѣтраждѣжъ* Супр. 151, 29; *сѣ азь самъ сѣ прѣдѣжъ* Супр. 413, 25. Можно найти специальные обстоятельственные выражения, подчеркивающие значительность высказываемого: *рече гласомъ великомъ къ влахвомъ. азь отъ княза вѣшего ἢ отъ вѣсѣ хъ дрѣугъ вѣши хъ ... δὴ γὰρ ἰβѣжѣ* Супр. 260, 25.

Если глагол в форме настоящего времени, это настоящее имеет особую вневременную семантику: Блаженный же кодратъ рече. азъ поклонѣхъ сѧ истинноуоумоу богу Супр. 115, 15; стый кодратъ рече. Язъ цроу моемоу хгоу покиноуѣхъ сѧ Супр. 106, 6; пишнии рече: азъ чловѣкоу жрѣткы не чворж Супр. 132, 4; коекода рече. чего ради бубо не жареши по црѣскоу повелѣнню. василискъ рече. кто ти повѣда ꙗко не жарж. азъ взѣнж жарж богу своему Супр. 20, 26; ѥ спасѣхъ и милосрдѣхъ. ѥ шгедрѣхъ и милостивѣхъ. ѥ длзготрѣпай чтому азъ жарж жрѣткѣхъ хвалѣ Супр. 21, 21; 'Илеѣандрѣ рече. азъ... вож сѧ бога и того зна Исоу сѧ христоса Супр. 157, 10; 'Илеѣандрѣ глагола. азъ жрѣткѣхъ цроу вчлноуоумоу приношж Супр. 156, 28; рече же дсклипади ѥ савиний. мы богу живоуоумоу покараемъ сѧ. ѥ овѣшгаваемъ сѧ Супр. 125, 21; чего ради не жарете богомъ. стый курѣишъ рече мы кз ѣдиномоу богу приближаемъ сѧ Супр. 75, 7; отгвѣшгаша же ѣмоу жидове. мы законъ ѥмамъ. ѥ по закону нашему длзжднъ нестъ оумрѣти Супр. 434, 21; о всемъ мирѣ мы неврѣжемъ Супр. 87, 25.

Г. Местоимения первого и второго лица при наличии финитного глагола употребляются в тех случаях, когда разные лица, обозначенные разными членами личной парадигмы, уподобляются друг другу по характеру выполняемого ими действия. В контекстах подобного рода встречаются такие средства отождествления как частицы и, ни, союзы ꙗко, ꙗкоже, наречие такожде.

Например: жено кде сѣтъ иже на та важдаахъ. никши же ли тебе не ожди. она же рече никшиже ги. рече еи ис ни азъ тебе ождаиж *Oudè eḡ se katachrinō* Ио. VIII; 11 Мар. (в Зогр. никшиже ли тебе ожди... никтоже ги); да идеже есмъ азъ и вы вждете *ὅπου εἰμι ἐγὼ καὶ ὑμεῖς ἦτε* Ио. XIV, 3 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; да иждеже есмъ азъ и ти вждѣтъ сѧ множ *ὅπου εἰμι ἐγὼ καὶ ὑμεῖς οὖν μετ' ἐμοῦ* Ио. XVII, 24 Мар. (в Ассем. идеже есмъ азъ, в Савв. си вждѣтъ); идеже есмъ азъ тоу и слоуга мои вждетъ *ὅπου εἰμι ἐγὼ* Ио. XII; 26 Мар., Зогр., Ассем.,

Савв., Остр.; гла имъ симонъ петръ. Иждъ рыбъ ловитъ. глаша емоу. Идемъ и мы съ товоужъ Ἐρχόμεθα καὶ ἡμεῖς σοι Ио. XXI, 3 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; не съжтъ отъ мира. ꙗкоже и азъ отъ мира нѣсмъ ἐγὼ οὐκ εἰμὶ ἐκ τοῦ κόσμου Ио. XVII, 14 Мар., Савв., Остр. (в Ассем. ꙗко и азъ ѿ влсего мира нѣсмъ); ꙗко азъ живъ и кы живи вѣдете ἐγὼ ζῶ καὶ ὑμεῖς ζήσετε Ио. XIV, 19 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; ꙗкоже взымби ма оцъ и азъ взымбихъ кы хъгъ ὑμᾶς ἠγάπησα Ио. XV, 9 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; да ꙗкоже азъ сътворихъ вамъ. I кы творите καθὼς ἐγὼ ἐποίησα ὑμῖν καὶ ὑμεῖς ποιῆτε Ио. XIII, 15 Мар., Савв., Остр. (в Зогр. азъ творихъ, в Ассем. сътворихъ кы творите); аште оубо азъ оумыхъ ваши нозѣ гъ и оучителъ. I кы длъждани еште другъ другоу оумыкати нозѣ ἐγὼ ἐνψα . . . ὑμεῖς ὀφείλετε νίπτειν Ио. XIII, 14 Мар., Зогр., Ассем., Остр. (в Савв. другъ другоу оумыкати ватъ нозѣ); аще заповѣди моя съблюдете. прѣвѣдете кы любви мои. ꙗкоже азъ заповѣди отца моего съблюсъ. I прѣвыкажъ кы него любви каѣсъ ἐγὼ . . . τετήρηκα Ио. XV, 10 Мар., Ассем. (съблюдохъ — Зогр., Савв., Остр.); I азъ вѣщгаважъ вамъ. ꙗкоже вѣщга манѣ отца мон хъгъ διατίθεμαι ὑμῖν Лука XXII, 29 Мар., Зогр.; сътъи савин рече ты ма приноудиши рещти съжтъ вози ѡже вѣщгаеши. такожде и азъ та приноуждажъ . . . испокѣдати ꙗко ѡсѣтъ вога на небеси Супр. 149, 13; ꙗкоже ѡ ѡѡна поклони сѧ немуже поклони сѧ. то и азъ паче поклонѡж сѧ Супр. 261, 25; ѡнове мои вога ѡмжтъ ꙗкоже ѡ азъ Супр. 253, 20; не можежъ оубо вѣрвати кы чловѣка. ѡже мало поживъ думираѣтъ. ѡ погрѣбаѣтъ сѧ ꙗко и мы Супр. 258, 13; гъ же длъготрѣпѣликъ сы . . . сего ради оубо ѡ мы. длъжни нсмъ трѣпѣти злыихъ чловѣкъ прѣштенана Супр. 482, 4; еже во сътвори ѡднороденый сынъ вожий. се ѡ ты сътвориши противъ снлѣ своѣй Супр. 423, 14.

Д. Местоимения первого и второго лица при наличии финитного глагола употребляются в тех случаях, когда людей, участвующих в действии, требуется противопоста-

вить друг другу по лицу. При этом наблюдаются ситуации следующих типов: а) один человек выполняет какое-либо действие, другой же — это самое действие не выполняет; б) разные лица выполняют различные (иногда противоположные) действия; в) действия разных лиц предполагают различные, часто подчеркнуто противоположные объекты; г) разные лица имеют разные признаки, выраженные в виде именных частей предиката.

Употребления личных местоимений в контекстах подобного рода сопровождаются противительными союзами *а, нз*, частицами *во, оубо, же*. Некоторые примеры.

а) *квси свблзнатъ св о тебѣ. азъ николиже не свблзнѣ св* ἐγὼ οὐδέποτε σκανδαλισθήσομαι *Мат. XXVI, 33 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.*; *кы кзидѣте кз праздникъ св. азъ не кзидѣ кз праздникъ св* ἐγὼ οὐκ ἀναβαίνω *Ио. VII, 8 Мар., Зогр., Ассем., Остр.*; *кы по пзѣти свждите. азъ же не свждѣ никоμούже ѹмеѣс катѣ тѣн сѣрха крѣнете ἐγὼ οὐ κрѣνω οὐδένα* *Ио. VIII, 15 Мар., Зогр., Ассем., Остр.*; *азъ о свбѣ не глѣхъ. нз позлзкы мѣ стѣцъ ἐγὼ ἐξ ἐμαυτοῦ οὐκ ἐλάλησα, ἀλλ' ὁ πέμψας με πατήρ* *Ио. XII, 49 Мар., Зогр.* *Ты свткорѣ ны а не мы себе аѹтѣс ἐποίησεν ἡμᾶς καὶ οὐχ ἡμεῖς* *Пс. 99, 3 Син.*; *рлци и ты дбаче не такоже азъ хошгъ нз такоже ты Супр. 383, 4—5; ѡже во ты кѣси кѣдѣ. д ѡже азъ кѣдѣ ты не кѣси* *Супр. 130, 9; ни азъ ѡсма свзздакый себе ни азъ погоублѣж себе. нз ѡсгъ господа свткорѣкый мѣ* *Супр. 269, 17.*

б) *колико наимзникъ стѣца мсего. избываѣтъ хлѣви. азъ же глѣдомъ гыблѣж ἐγὼ δε λιμῶ ὡδε ἀπόλλυμαι* *Лука XV, 17 Мар. (в Зогр., Ассем., Савв., Остр. — азъ же свде, в Савв. — глѣдомъ изгыблѣж, в Остр. — глѣдомъ гыблѣж);* *Тѣ свпѣтѣ вышѣ і падѣ. Мы же кзсгѣхъмъ і прѣтѣ выхѣмъ аѹтѣс συνεποдіσθησαν καὶ ἔπεσαν, ἡμεῖς δε ἀνέστημεν* *Пс. 19, 9 Син.*; *рекоша же войни. мы такоже ѡзмрѣли вѣхѣмъ глномъ. днз же вѣдѣ кз вѣж ношгѣ* *Супр. 79, 19; да глголекѣ. а вы поглѣшѣте* *Супр. 257, 19; азъ тебе д прѣдѣрѣтѣний вѣпрашахъ. ты же ми крѣдъ покѣдаѣши* *Супр. 447, 12; да поидѣмъ оубо квси на мѣсто вашѣмоу свбороу вы же вѣрѣте азъ же акы свгѣрѣ вѣслѣдоуѣж* *Супр. 30, 27; и не ты ми издрече а азъ оутвѣрдихъ* *Супр. 249, 10; хоулъ чѣворѣтъ*

кз своѣмоу господоу ѿ благодѣтелю. азъ же жаръ воуоу моѣмоу *ἵε χροῦ* Супр. 148, 3; отцѣ твоѣмъ единому дѣла грѣха дама ѿ породе ѿведе. а ты ли развоинника кзводиши Супр. 308, 29; братъ твоѣ карахисини отврже са вога твоѣго. а ты прѣвыкаѣши ѡште к нему Супр. 265, 20; оумрѣти за та не отврже са. а ты ни гнѣва отставити клеветѣмоу своѣмоу хоштеши Супр. 422, 10; господинъ мой велѣлѣши мироуѣтъ та. а ты дождаѣши юмоу Супр. 102, 13; лобаштѣни во присно бѣтъ вода ѡногѣтъ рѣвы. и оумаражѣтъ оулавяемо. мы кзлагаемъ. и живи выкажѣтъ оулавяемѣни Супр. 496, 6; калѣзи ка обаштѣни манастыра. азъ во единъ сѣждѣ сѣде Супр. 170, 7; ѡмѣи ѡ ѿ дѣти ѡа азъ во ѡдѣ и вѣждѣ чрѣнорѣвецъ Супр. 169, 17.

в) азъ оубо крестихъ кы водѣ. а тѣ креститѣ кы дѣомъ стѣмъ *ἐγὼ ἐβάπτισα ὑμᾶς ὕδατι, αὐτὸς δὲ βαπτίσει ὑμᾶς ἐν πνεύματι ἁγίῳ* Марк. I, 8 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; кзходы сѣмрѣтѣныа кы сѣтворѣте. а неходы самъ сѣтворѣтъ приде Супр. 465, 25; кы беремѣ са сѣхѣомъ азъ же пѣтиемъ. кы крѣоуѣте са златомъ. азъ же крѣстѣомъ. кы чаѣте видѣти кѣназа малокрѣменана. азъ же чѣж цѣсара вѣчанааго Супр. 19, 20—23.

г) кы отъ нижзнихъ есте. азъ отъ кышзнихъ емъ *Ἦμεῖς ἐκ τῶν κάτω ἐστέ, ἐγὼ ἐκ τῶν ἄνω εἰμὶ* Ио. VIII, 23 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; кы отъ сего мира есте. азъ нѣемъ отъ сего мира *ὑμεῖς ἐκ τοῦτου τοῦ κόσμου ἐστέ, ἐγὼ οὐκ εἰμὶ ἐκ τοῦ κόσμου τούτου* Ио. VIII, 23 Мар., Зогр., Ассем. (в Остр. азъ отъ сего мира нѣемъ).

Е. Употребление личных местоимений именительного падежа часто бывает связано с тем, что в предложении имеется и другое местоимение, в форме косвенного падежа без предлога или с предлогом, в функции объекта или обстояательства, и эти две формы выражения лица требуется четко разграничить.

Например: Не азъ ли тѣ видѣхъ кз крѣтѣ са нимъ *οὐκ ἐγὼ σε εἶδον* Ио. XVIII, 26 Мар., Зогр., Ассем., Савв. (кз крѣтоградѣ — Остр.); азъ тѣ помнокахъ кагѣ се ѡлѣша Мат. XVIII, 33 Мар., Ассем., Савв., Остр.; не познаете его. азъ же кѣмъ *ἰ ἐγὼ δὲ οἶδα αὐτόν* Ио. VIII, 55 Мар., Зогр.,

Остр. (в Ассем. вѣмы и); и азъ възлюблю и χάρις ἀγαπήσω
 αὐτόν Ио. XIV, 21 Мар., Ассем., Савв., Остр. (въжлюблж —
 Зогр.); азъ проглаголихъ та на земли ἐγὼ σε ἐδόξασα Ио. XVII,
 4 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; εἰνὴз ми неси. азъ
 да неса родихъ та ἐγὼ Супр. 243, 21; Енин. ап. 6 b 5; не
 ты ма мъчиши господѣ. нз ѿже братиѣ моѣ на ма
 къстаки Супр. 366, 23; ты ма поуести Супр. 309, 16 и
 другие места этого памятника; възкрѣшж и азъ къ послѣд-
 нии дна ἀναστήσω αὐτόν ἐγὼ Ио. VI, 40 Мар., Зогр. (азъ
 възкрѣшж и — Ассем.); ср. Ио. VI, 44 Мар., Зогр., Ассем.,
 Остр.; Ио. VI, 54 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; ἰδέτε. се
 азъ послалаѣхъ вы. ꙗко агнца по срѣдѣ възкз 'ιδού ἀποστέλλω
 ὑμᾶς Лука X, 3 Мар., (ꙗко агна — Зогр.; ꙗко оаца — Ассем.;
 по срѣдѣ възкз — Супр. 534, 26); азъ избрахъ вы отъ мира
 ἐγὼ ἐξελέξαμεν ὑμᾶς Ио. VI, 19 Мар., Зогр., Ассем. Остр.
 (отъ възсего мѣра — Ассем.); а азъ ожидаѣхъ васъ ἐγὼ Супр.
 32, 12; Помните слово еже азъ рѣхъ вамъ τοῦ λόγου οὗ ἐγὼ
 εἶπον ὑμῖν Ио. XV, 20 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; Вы
 друзи мои есте. аште творите елико азъ заповѣдаѣхъ вамъ
 ἃ ἐγὼ ἐντέλλομαι ὑμῖν Ио. XV, 14 Мар., Зогр. (заповѣдахъ —
 Ассем., Савв.); азъ не съждаѣхъ емоу ἐγὼ οὐ κρίνω αὐτόν Ио.
 XII, 47 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; азъ жикотъ вѣчныи
 даѣхъ имъ χάρις διδώμι αὐτοῖς ζωὴν Ио. X, 28 Мар., Зогр.,
 Ассем., Остр.; иже пиетъ отъ воды. ѿже азъ дама емоу. не
 каждададѣтъ сѧ въ вѣкз оὔ ἐγὼ δώσω αὐτῷ Ио. IV, 14 Мар.
 (в Зогр. не иматъ каждадати сѧ); что ми хошгеге дати.
 и азъ камъ прѣдѣмы ѿ Супр. 407, 28; 412, 4; 413, 11; 413,
 15; 414, 25; 415, 9; так же Клоц. 4, 18; 4, 24; 4, 35; 4,
 36; 4 b 6; 4 b 29; 5, 11; 5 b 16; 5 b 29; что ми хош-
 геге дати ѿ азъ камъ прѣдѣмъ него Супр. 410, 26; 411, 2;
 411, 11; 411, 20; 425, 6; кто же естъ сѧ. о немъже азъ
 слышж таковаа περί οὗ ἀκούω τοιαῦτα Лука IX, 9 Мар.,
 Зогр.; азъ тебе ὁ приокрътении възпрашахъ Супр. 447, 11;
 и азъ къ тебѣ граджъ кагὼ πρὸς σε ἔρχομαι Ио. XVII, 11
 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; ꙗды моѣхъ плзтъ и пиѣни
 моѣхъ крзкѧ. въ мнѣ прѣвыкадѣтъ. и азъ въ немъ кагὼ ἐν
 αὐτῷ Ио. VI, 56 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; и азъ ꙗже
 слышахъ отъ него еи глѣхъ въз мнѣ кагὼ ἃ ἤκουσα παρ' αὐτοῦ
 ταῦτα λάλω Ио. VIII, 26 Мар., Зогр., Ассем., Остр.

Все перечисленные здесь ситуации способствовали употреблению личных местоимений, но не имели характера жестких норм. Не случайно поэтому в старославянских памятниках наблюдаются колебания в выборе конструкций с местоимением или без него. Например: ты глѣши ꙗко цѣсарь есмь азъ Ὁ λέγεις ὅτι βασιλεὺς εἰμι Ио. XVIII, 37 Мар., Зогр., Ассем., Остр. — в Савв. цѣрѣ ѣстѣ; і по томѣ ꙗси и пѣши ты φάγεσαι καὶ πίεσαι σύ Лука XVII, 8 Мар., Зогр., Ассем., Савв. — в Остр. ꙗси и пиѣши; кого еѣ самъ ты твориши τίνα σεαυτὸν ποιεῖς Ио. VIII, 53 Мар., Ассем. (в Зогр. кѣто еѣ самъ твориши) — в Остр. кого еѣ самъ твориши; бы мене кззѣмбигте. і кѣрокасте ꙗко азъ отъ бѣ изидѣ ὅτι ἐγὼ παρὰ τοῦ θεοῦ ἐξῆλθον Ио. XVI, 27 Мар., Савв. — ꙗко отъ бѣ ізидѣ Зогр., Ассем.; ꙗко отъ бѣ изидохъ — Остр.; кѣ грѣѣхъ ты родилъ еѣ еси кѣѣ Ἐν ἀμαρτίαις σου ἐγεννήθης ὁλος Ио. IX, 34 Мар., Зогр., Ассем. — кѣ грѣѣхъ родилъ еѣ ꙗси кѣѣ — Остр.; і нынѣ прослави ма ты отче оу тебе самого доѣасѣн ме σύ, πάτερ Ио. XVII, 5 Мар. — прослави ма ѣче Зогр., Ассем., Савв., Остр.; кѣѣѣаше ꙗко азъ члѣкъ ꙗръ есмь ἐγὼ ἄνθρωπος ἀσχηρὸς εἰμι Лука XIX, 22 Мар. — в Зогр., Ассем., Остр. ꙗко ꙗкъ ꙗръ есмь.

Сравнение с оригиналом показывает, что колебания наблюдаются и в тех случаях, если соответствующий греческий текст имеет местоимение, и в тех, если в греческом местоимения нет.

§ 4. Возможность выразить первое и второе лицо при помощи личного местоимения-субъекта, а третье лицо — при помощи анафорического местоимения или имени существительного, обозначающего человека, позволяет обойтись при определенных условиях без глагола-предиката.

1. Без ущерба для смысла предложения может быть устранен незнаменательный глагол, который не вносит в предложение лексической информации, но указывает только на лицо и число, т. е. дублирует грамматическую семантику местоимения либо имени существительного, обозначающего человека. Поэтому нередко в именных предложениях находим только субъект и присвязочную часть именного сказуемого. Бессвязочный тип предложе-

ний, употреблявшийся всегда наряду со связочным, — явление, относящееся к глубокой древности. Как показал А. Мейе, в древних индоевропейских языках именное предложение было распространено шире, чем в новых⁹⁶. В общеиндоевропейском языке, как полагает А. Мейе, употребление связки было обязательно во всех случаях, кроме настоящего времени изъявительного наклонения. Кроме того, глагол 'быть' служит также для выражения первого и второго лица там, где действующее лицо не указывается и личное местоимение отсутствует. Если же лицо выражено иначе, в особенности при третьем лице настоящего времени изъявительного наклонения, то глагол 'быть' является лишним. И действительно, судя по показаниям древних индоиранских и древнегреческого языков, его часто нет в общеиндоевропейском языке. В этом случае мы имеем чисто именное предложение⁹⁷.

Согласно Э. Бенвенисту, на древних стадиях развития индоевропейских языков именные и глагольные предложения формально различались и имели собственные сферы функций. Глагол со значением 'быть' в собственно именном предложении не опускался и не подразумевался; его там просто не было: «именное предложение следует сопоставить и противопоставить высказыванию глагольному, и тогда мы видим, что это две различные формы высказывания»⁹⁸. Предикат собственно именного предложения, считает Э. Бенвенист, утверждал не частные ситуации, а нечто абсолютное; это была истина непреходящая, изреченная как таковая, вне связи со временем, лицом и обстоятельствами; в древнем именном предложении между высказыванием и действительностью предполагались отношения неварьированности. «Вот почему именное предложение так хорошо подходит для таких высказываний (которыми оно обычно и ограничивается), как изречения и поговорки, хотя раньше его использование отличалось большей гибкостью»⁹⁹. В дальнейшем различие между собственно именными предложениями и предложениями с глаголами бытия в большинстве случаев стерлись¹⁰⁰.

⁹⁶ Meillet A. La phrase nominale en indo-européen. — Mémoires de la Société de linguistique de Paris, 1906—1908, t. XIV, fasc. 1.

⁹⁷ Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, с. 381.

⁹⁸ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 182.

⁹⁹ Там же, с. 181.

¹⁰⁰ Там же, с. 183.

В новозаветном греческом известны случаи пропуска связки, хотя это явление и не образует устойчивого языкового употребления¹⁰¹.

Согласно Б. Гавранку, необязательность связки представляет собой старейшую особенность славянского предложения. Затем в ходе дальнейшего развития образуется или отчетливый связочный тип (например, в чешском, польском, сербохорватском), или бессвязочный (например, в русском). В бессвязочности именного сказуемого проявляется, как считает Б. Гавранек, автономность слова в древнем славянском предложении. Обязательность выражения связки рассматривается Б. Гавранком как признак постепенной грамматикализации структуры предложения¹⁰².

Старославянские предложения с бессвязочным сказуемым уже были предметом изучения¹⁰³. Старославянский как язык южнославянского происхождения имеет вообще тенденцию к связочно-именному выражению сказуемого в настоящем времени. Номинальные предложения без связки здесь сравнительно редки; встречаются примеры, где связка употреблена даже вопреки греческому оригиналу, не имеющему связки в соответствующем месте. Например, в Супр.: *лѣта ѿстѣ зима нѣ сладѣка пороѣа Супр. 91, 3* ὄριμός ὁ χειμών, ἀλλὰ γλυκός ὁ παράδεισος; *ѿкоже вѣ кѣ крабии Супр. 460, 28* ὁ ποτὲ ἐν τῇ θῆκῃ; *нѣ добро ѿстѣ многомѣ богомѣ быти ѿдинѣ богѣ да вѣдѣтѣ ѿдинѣ црѣѣ Супр. 100, 26* οὐκ ἀγαθὸν πολλοὶ τύραννοι, εἰς τύραννος, εἰς βασιλεὺς¹⁰⁴. Но с другой стороны, бессвязоч-

¹⁰¹ Blass F., Debrunner A. Grammatik des neutestamentlichen Griechisch. Göttingen, 1970, S. 84.

¹⁰² Havránek B. Větná struktura v nejstarších fázích slovanských jazyků. — Československé přednášky pro VII mezinárodní sjezd slavistů (Varšava, 1973), Praha, 1973. О бессвязочном употреблении предикативных определений см. также в работе: Mrázek R. Nominální věty neslovesné v staré ruštině. — Studie ze slovanské jazykovědy. Praha, 1958, s. 29—52.

¹⁰³ Grünenthal O. Die Übersetzungstechnik der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung. — AfsI Ph, 1911, 32, S. 40—41; Margulies A. Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis. Heidelberg, 1927, S. 129—130; Večerka R. K problematice vět s jmenným a sponově jmenným přísudkem v staroslověnštině. — Otázky slovanské syntaxe, II. Brno, 1968.

¹⁰⁴ Примеры А. Маргулиеса (указ. соч., с. 129).

ные конструкции наблюдаются на месте греческих со связкой: *такъ богъ истинънъи* Супр. 28, 17 — *ὅτι θεός ἐστιν ἀληθινός*; *живъ господъ* Супр. 360, 11; 151, 28 *ζῆ κύριος*; *равъ азъ* Супр. 106, 1. *δοῦλος εἰμι*¹⁰⁵.

В одном и том же памятнике бывают представлены и связочное и бессвязочное сказуемые в конструкциях с одним и тем же лексическим «наполнением»: *христосъкъ равъ неъмъ* Супр. 106, 5 — *равъ азъ христоса* Супр. 106, 1. Различаются в отношении связочности—бессвязочности одни и те же контексты в разных памятниках. Ср.: *Блаженъ мжжъ ѿже не идеть на скѣтъ не. . . τῆς Μακάριος ἀνὴρ* Син. пс., 1, 1 — *блаженъ нетъ мжжъ иже не идеть на пѣтъ нечѣстныиъ* Супр. 101, 16.

Р. Вечерка обратил внимание на то, что примеры бессвязочных именных сказуемых в старославянском чаще встречаются в «примарных» ситуациях, т. е., например, в прямой речи, чем в «секундарных» ситуациях, например, в авторской речи; чешский ученый считает, что это распределение связочности и бессвязочности отражает соответствующее положение дел и в греческом оригинале¹⁰⁶.

Разные произведения отличаются друг от друга большей или меньшей употребительностью бессвязочных конструкций. Э. Благова установила, что Епифанова гомилия, входящая в состав старославянских памятников, «регулярно сохранила именные предложения греческого образца, остальные же гомилии их переводят глагольно-именными»¹⁰⁷.

Наибольшее количество случаев бессвязочного сказуемого отмечается в тексте Псалтыри. Р. Вечерка эту особенность языка Псалтыри ставит в связь с ритмичностью текста произведения: «Не следует пренебрегать эвентуальным ритмическим фактором в памятниках стихотворных или предназначенных для декламации или пения; с этой точки зрения нужно оценивать, например, и большую тенденцию к номинальности в текстах Псалтыри»¹⁰⁸. Ниже

¹⁰⁵ Margulíés A. Op. cit., S. 130.

¹⁰⁶ Večerka R. K problematice. . . , s. 374. Ср. замечание Э. Бенвениста о преобладании бессвязочных конструкций древних индоевропейских языков в прямой речи (Бенвенист Э. Общая лингвистика, с. 180).

¹⁰⁷ Blahová E. Nejstarší staroslověnské homilie (Syntax a lexikon). Praha, 1973, s. 41. Там же см. и примеры.

¹⁰⁸ Večerka R. K problematice. . . , s. 374.

приводятся примеры с бессвязочным сказуемым из Син. пс.

В примерах с бессвязочным сказуемым указание на лицо осуществляется при помощи личного местоимения: $\omega \bar{\Gamma} \bar{\iota}$ азъ рабъ твоѣ. $\bar{\iota}$ азъ рабъ твоѣ $\bar{\iota}$ $\bar{\epsilon}\bar{\nu}\bar{\nu}\bar{\alpha}$ рабы твоѣ $\bar{\epsilon}\bar{\gamma}\bar{\omega}$ δούλος σός, $\bar{\epsilon}\bar{\gamma}\bar{\omega}$ δούλος σός και υἱός τῆν παιδίσκης σου СХV, 7; $\bar{\tau}\bar{\kappa}\bar{o}$ азъ на раны готовъ: $\bar{\iota}$ $\bar{\beta}\bar{o}\bar{\lambda}\bar{\epsilon}\bar{\tau}\bar{\epsilon}\bar{\nu}\bar{\alpha}$ моѣ $\bar{\rho}\bar{\rho}\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\alpha}$ мноѣ $\bar{\epsilon}\bar{\iota}\bar{\tau}\bar{\alpha}$ $\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\nu}\bar{\eta}\bar{\nu}$ ὅτι $\bar{\epsilon}\bar{\gamma}\bar{\omega}$ εἰς μάστιγας ἕτοιμος; και ἡ ἀλγηδών μου ἐνώπιόν μου διὰ παντός XXXVII, 18 (в этом примере связка $\bar{\epsilon}\bar{\iota}\bar{\tau}\bar{\alpha}$ второго предложения не имеет соответствия в греческом оригинале); $\bar{\iota}$ ты $\bar{\Gamma} \bar{\iota}$ $\bar{\epsilon}\bar{\beta}\bar{\kappa}\bar{\epsilon}$ моѣ $\bar{\omega}\bar{\tau}\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\epsilon}\bar{\rho}\bar{\alpha}$ $\bar{\iota}$ $\bar{\rho}\bar{\rho}\bar{\epsilon}\bar{\mu}\bar{\iota}\bar{\lambda}\bar{o}\bar{\sigma}\bar{\tau}\bar{\iota}\bar{\kappa}\bar{\alpha}$ — $\bar{\tau}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\tau}\bar{\iota}\bar{\kappa}\bar{\alpha}$ $\bar{\iota}$ $\bar{\rho}\bar{\rho}\bar{\epsilon}\bar{\mu}\bar{\iota}\bar{\lambda}\bar{o}\bar{\sigma}\bar{\tau}\bar{\iota}\bar{\kappa}\bar{\alpha}$ $\bar{\iota}$ $\bar{\rho}\bar{\rho}\bar{\epsilon}\bar{\nu}\bar{o}\bar{\tau}\bar{\iota}\bar{\kappa}\bar{\eta}\bar{\nu}\bar{\alpha}$ και σύ, κύριε ὁ θεός. οἰκτίρων και ἐλεήμων, μακρόθυμος και πολυέλεος και ἀληθινός LXXXV, 15; $\bar{\iota}$ ты $\bar{\rho}\bar{o}\bar{\mu}\bar{o}\bar{\sigma}\bar{\tau}\bar{\epsilon}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\iota}\bar{\kappa}\bar{\alpha}$ моѣ $\bar{\kappa}\bar{\rho}\bar{\tau}\bar{\rho}\bar{o}\bar{\kappa}\bar{\alpha}$ και су βοηθός κραταίος LXX, 7; Ты $\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\iota}\bar{\nu}\bar{\alpha}$ $\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\nu}\bar{\eta}\bar{\nu}\bar{\epsilon}\bar{\iota}$ по $\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{\epsilon}\bar{\iota}$ $\bar{\nu}\bar{o}$ $\bar{\mu}\bar{o}\bar{\nu}\bar{o}\bar{\varsigma}$ ὕψιστος ἐπὶ πᾶσαν τὴν γῆν LXXXII, 19; $\bar{\tau}\bar{\kappa}\bar{o}$ ты $\bar{\Gamma} \bar{\iota}$ $\bar{\beta}\bar{\lambda}\bar{o}\bar{\gamma}\bar{\alpha}$ $\bar{\iota}$ $\bar{\kappa}\bar{\rho}\bar{o}\bar{\tau}\bar{o}\bar{\kappa}\bar{\alpha}$ — $\bar{\iota}$ $\bar{\rho}\bar{\rho}\bar{\epsilon}\bar{\mu}\bar{\iota}\bar{\lambda}\bar{o}\bar{\sigma}\bar{\tau}\bar{\iota}\bar{\kappa}\bar{\alpha}$ $\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{\epsilon}\bar{\mu}\bar{\alpha}$ $\bar{\rho}\bar{\iota}\bar{\zeta}\bar{\nu}\bar{\iota}\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\omega}\bar{\tau}\bar{\iota}\bar{\mu}\bar{\alpha}$ $\bar{\tau}\bar{\eta}\bar{\alpha}$ ὅτι σύ, κύριε, χρηστός και ἐπιεικής και πολυέλεος πᾶσι τοῖς ἐπικαλούμενοις σε LXXXV, 5; Ты $\bar{\kappa}\bar{\iota}\bar{\kappa}\bar{o}\bar{\tau}\bar{\alpha}$ $\bar{\epsilon}\bar{\kappa}\bar{\tau}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\nu}\bar{\eta}\bar{\alpha}$ $\bar{\tau}\bar{\kappa}\bar{o}\bar{\epsilon}\bar{\iota}\bar{\alpha}$ \bar{o} και ἡ $\bar{\kappa}\bar{\iota}\bar{\beta}\bar{o}\bar{\tau}\bar{o}\bar{\varsigma}$ τοῦ ἀγίασματός σου СXXXI, 8; мы же $\bar{\mu}\bar{o}\bar{\delta}\bar{\iota}\bar{\epsilon}$ $\bar{\epsilon}\bar{i}\bar{o}$. . . $\bar{\iota}$ $\bar{o}\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{\iota}\bar{\alpha}$ $\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{\kappa}\bar{\iota}\bar{\nu}\bar{\eta}\bar{\nu}\bar{\iota}$ $\bar{\epsilon}\bar{i}\bar{o}$ $\bar{\lambda}\bar{o}\bar{o}\bar{\varsigma}$ αὐτοῦ και πρόβατα τῆς νομῆς αὐτοῦ XCIX, 3 (ср. Супр. 342, 21); $\bar{\beta}\bar{\lambda}\bar{o}\bar{\tau}\bar{\epsilon}\bar{\kappa}\bar{\eta}\bar{\nu}\bar{\iota}$ $\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\iota}$ $\bar{\Gamma} \bar{o}$: $\bar{\epsilon}\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{\kappa}\bar{o}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\sigma}\bar{\iota}\bar{o}$ $\bar{\mu}\bar{o}\bar{\upsilon}$ $\bar{\nu}\bar{o}$ $\bar{\iota}$ $\bar{\zeta}\bar{\epsilon}\bar{\mu}\bar{\alpha}\bar{\nu}$ $\bar{\epsilon}\bar{u}\bar{\lambda}\bar{o}\bar{\gamma}\bar{\eta}\bar{\mu}\bar{\epsilon}\bar{n}\bar{o}\bar{i}$ ὑμεῖς $\bar{\tau}\bar{\omega}$ $\bar{\chi}\bar{\upsilon}\bar{\rho}\bar{\iota}\bar{\omega}$ $\bar{\tau}\bar{\omega}$ $\bar{\rho}\bar{o}\bar{\iota}\bar{\eta}\bar{\sigma}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\tau}\bar{i}$ τὸν οὐρανὸν και τὴν γῆν СXIII, 23.

Бессвязочны нередкo и предложения личные с субъектом — именем существительным, обозначающим человека, например: $\bar{\Gamma}\bar{\alpha}$ $\bar{\mu}\bar{o}\bar{\iota}$ $\bar{\rho}\bar{o}\bar{\mu}\bar{o}\bar{\sigma}\bar{\tau}\bar{\epsilon}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\iota}\bar{\kappa}\bar{\alpha}$. $\bar{\iota}$ азъ $\bar{\kappa}\bar{o}\bar{\zeta}\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\nu}$ на $\bar{\kappa}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\gamma}\bar{\iota}$ $\bar{\mu}\bar{o}\bar{\upsilon}$ $\bar{\chi}\bar{o}\bar{\rho}\bar{i}\bar{o}\varsigma$ ἐμοὶ $\bar{\beta}\bar{o}\bar{\eta}\bar{\theta}\bar{o}\varsigma$ Пс. СХVII, 7 Син. (в Супр. так же, стр. 17/18); $\bar{\Gamma}\bar{\alpha}$ $\bar{\zeta}\bar{\alpha}\bar{\omega}\bar{\tau}\bar{\iota}\bar{\Gamma}\bar{\iota}\bar{\tau}\bar{\epsilon}\bar{\lambda}$ $\bar{\zeta}\bar{\iota}\bar{\kappa}\bar{o}\bar{\tau}\bar{o}\bar{\upsilon}$ $\bar{\mu}\bar{o}\bar{\epsilon}\bar{\mu}\bar{o}\bar{\upsilon}$. $\bar{o}\bar{\tau}\bar{\alpha}$ $\bar{\kappa}\bar{o}\bar{\gamma}\bar{o}$ $\bar{\epsilon}\bar{\iota}\bar{\alpha}$ $\bar{o}\bar{u}\bar{\epsilon}\bar{\tau}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\sigma}\bar{\eta}\bar{\nu}$ $\bar{K}\bar{u}\bar{\rho}\bar{i}\bar{o}\varsigma$ $\bar{\phi}\bar{o}\bar{\tau}\bar{\iota}\bar{\sigma}\bar{\mu}\bar{o}\varsigma$ $\bar{\mu}\bar{o}\bar{u}$ $\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\iota}$ $\bar{\sigma}\bar{o}\bar{\tau}\bar{\eta}\bar{\rho}$ $\bar{\mu}\bar{o}\bar{u}$ Пс. XXVI, 1 Син. (в Супр. $\bar{\rho}\bar{o}\bar{\varsigma}\bar{\rho}\bar{o}\bar{\delta}\bar{\alpha}$ $\bar{\epsilon}\bar{\kappa}\bar{\tau}\bar{\epsilon}\bar{\tau}\bar{\iota}\bar{\tau}\bar{\epsilon}\bar{\lambda}$ $\bar{\mu}\bar{o}\bar{i}$ $\bar{\eta}$ $\bar{\epsilon}\bar{\zeta}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{\alpha}$ $\bar{\mu}\bar{o}\bar{i}$. $\bar{\kappa}\bar{o}\bar{\gamma}\bar{o}$ $\bar{o}\bar{u}\bar{\beta}\bar{o}\bar{\tau}\bar{\alpha}$ $\bar{\epsilon}\bar{\alpha}$ 235, 22—23); $\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\alpha}$ $\bar{\Gamma}\bar{\alpha}$ и $\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\nu}$ $\bar{\kappa}\bar{\lambda}\bar{\alpha}\bar{\mu}\bar{o}\bar{\beta}\bar{i}$ $\bar{\delta}\bar{\iota}\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{i}\bar{o}\varsigma$ $\bar{\chi}\bar{o}\bar{\rho}\bar{i}\bar{o}\varsigma$ Пс. X, 7 Син. (в Супр. также без связки: $\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\iota}\bar{\kappa}\bar{\alpha}$ $\bar{\beta}\bar{o}$ $\bar{\rho}\bar{o}\bar{\varsigma}\bar{\rho}\bar{o}\bar{\delta}\bar{\alpha}$ и $\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{i}$ $\bar{\kappa}\bar{\lambda}\bar{\alpha}\bar{\mu}\bar{o}\bar{\beta}\bar{i}$); $\bar{\Gamma}\bar{\alpha}$ $\bar{\nu}\bar{a}\bar{\mu}\bar{\alpha}$ $\bar{\rho}\bar{i}\bar{\beta}\bar{\epsilon}\bar{\tau}\bar{\alpha}$ $\bar{\zeta}\bar{i}\bar{\kappa}\bar{i}\bar{\epsilon}$ $\bar{\iota}$ $\bar{\epsilon}\bar{\iota}\bar{\lambda}\bar{\alpha}$ ὁ θεός ἡμῶν $\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{\alpha}\bar{\phi}\bar{o}\bar{\gamma}\bar{\eta}$ και $\bar{\delta}\bar{u}\bar{\nu}\bar{\alpha}\bar{\mu}\bar{i}\varsigma$ Пс. XL, 2 Син.

Неличные предложения (с субъектом — неодушевленным предметом) в Син. пс. также бывают бессвязочными: $\bar{\tau}\bar{\epsilon}\bar{\mu}\bar{\nu}\bar{\alpha}$ $\bar{\kappa}\bar{o}\bar{\delta}\bar{\alpha}$ $\bar{\kappa}\bar{\alpha}$ $\bar{o}\bar{\beta}\bar{\lambda}\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{\epsilon}\bar{\chi}\bar{\alpha}$ $\bar{\alpha}\bar{\epsilon}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\eta}\bar{\chi}\bar{\alpha}$ $\bar{\sigma}\bar{o}\bar{\tau}\bar{\epsilon}\bar{i}\bar{\nu}\bar{o}\bar{\nu}$ ὕδωρ Пс. XVII,

2 Син.; диксны высоты морскыѣ θαυμαστοί οἱ μετεωρισμοί τῆς θαλάσσης Пс. ХСII, 4 Син.; ѣзмрѣтъ грѣшныи хъ люта θάνατος ἀμαρτωλῶν πονηρός Пс. XXXIII, 22 (в Супр. сѣмрѣтъ грѣшныи хъ зла 487, 16); покона прѣмъждрості страхъ гнѣ ἀρχὴ σοφίας φόβος κυρίου Пс. СХ, 10 Син.

Номинальные бесвязочные предложения есть в Евангелии. А. Вайан указал несколько примеров такого рода: се мати моѣ Мат. XII, 49; емоуже има сѣмеонъ Лука II, 25; никътоже благъ. чъкъмо единъ богъ Мат. XIX, 17. «В последних примерах, — пишет А. Вайан, именнѣ фразы представляют собой кальки с греческого. Однако несомненно, что они были очень живыми в языке»¹⁰⁹.

Ср. также: дхъ во вѣдрѣ а плѣтъ немощгнѣ то мѣн πνεῦμα πρόθυμον ἢ σὰρξ δὲ ἀσθενής Мат. XXVI, 41 Зогр., Мар., Ассем., Савв., Остр., Син. евх. 47 а 15.

Еще некоторые примеры из Супр.: ка оба слоужѣ сотоиниѣ 75, 1; гѣ мой ѣ вѣ мой. ты вѣ мой и гѣ. прѣдъ вѣкы вѣкоупѣ ѣ покъ. ты небесныи ѣ земныи. ты не видими и видомъ. ты не вѣдомы и вѣдомъ выстъ мене дѣлѣ 504, 27—30; ты без образа. д к семъ образѣ. ты вѣ истинныи и чловѣкъ без лъжа. ты на небеси. ты на крѣстѣ. ты на цѣсарѣстѣкъмъ прѣстолѣ. ты на гвоздихъ и на дрѣкѣ 505, 1—4; ты бе страсти по доуху. ты страстиѣ по плѣти. ты бе сѣмрѣти. дкы иед'носъштгнѣнъ отъцоу. ты вѣ сѣмрѣти. ты вѣ жикотѣ. ты вѣ мрѣтвости. ты выше мрѣтвости 505, 4—7; ты мрѣтвѣ тріи дѣлѣ. ты родителю прино сый. ты вѣстави плѣтанъѣ црѣквѣ. ты вѣскрѣсе по своѣй силѣ. ты с' нами вѣ плѣти. ѣ вѣсѣ по вѣсеи твари 505, 8—11; дзъ во вѣ отъци ѣ отъцѣ вѣ манѣ 309, 3; добра корене добра же и лѣторасла 96, 16; дрѣко крѣстѣ. хлѣвѣ плѣтъ христосова 353, 6; се послужѣ камъ слѣдце ѣ мѣсѣцъ Супр. 153, 22; плѣзкъ нашъ бумъ. братка наша мыслѣ 410, 4; вѣсѣжде сѣмрѣтъ вѣсѣжде печалѣ. вѣсѣжде плачѣ вѣсѣжде вѣздыханіѣ. вѣсѣжде колениѣ 57, 6—9.

II. Личное местоимение сохраняется, если в целях сокращения избыточной информации текста в глагольном

¹⁰⁹ Вайан А. Руководство по старославянскому языку, с. 390.

предложении опущен глагол-сказуемое. Глагол опускают для того, чтобы его не повторять; при этом он не заменяется другим словом, которое бы к нему отсылало. Опущение повторяющегося слова (эллипсис) сопровождается нарушением правильной синтаксической структуры предложения (разрывается цепочка связей между словами в предложении) и его самостоятельности. Однако то и другое легко восстанавливается при обращении к ближайшему контексту.

Глагольная лексема, будь она повторена во второй раз, получила бы новое, по сравнению с имеющимся у нее в тексте, грамматическое значение лица — а именно, такое же, в котором употребляется личное местоимение. Например: *Ὦχε μοι ἀγγεῖ κῶζμοῖο ἐστῆς δὲ μίμο ἰδέῃς ὀτῆς μὲνε τῆςα ἑν. ὀβῆκε νε ἑκο ἀζζ ἠοῖζζ. ἡζ ἑκοζе ты ὀδῆς ὠς ἑῆῶ θῆλω ἀλλ' ὠς οῦ Μῆτ. XXVI, 39 Μῆρ. (в Ассем. ἑκοζе — ἑко, в Зоґр., Савв., Остр. ἑκοζе — ἑкоζе); *ῖεche ἰζζ. ἀμῖν ḡμῆζ κῶμῆζ. ἑκο ἑдинз ὀτῆς κῶсῆζ ῖῖῑῑῑῑῑ ма. ἑῑῑῑ ῑζζ мῑнож. ὀни же начῑса скрῑвῑти и тῑжити. ἰ глаги емоу ἑдинз по ἑдиному. еῑа ἀζζ. ἰ дрoугиῑ еῑа ἀζζ Μῆτῑ ἑῆῶ Μῆρк XIV, 19 Μῆρ., Зоґр.**

§ 5. В связи с тем, что выражение категории лица (именно, первого и второго) может быть и глагольным, и местоименным, возникает вопрос об односоставности или двусоставности глагольного предложения первого и второго лица без местоимения (*село коупиχζ*). При отсутствии именного компонента, обозначающего субъект действия в глагольных предложениях первого и второго лица, предложение не теряет ни свою самостоятельность, ни полноту выражаемой информации. Глагольные формы первого и второго лица здесь явно указывают на то, что субъектом действия, обозначенного глагольным предикатом, является человек; определяется и роль человека по отношению к другим людям — участникам речевого акта. Понятие субъекта в данном случае равняется понятию грамматического лица, и граммема лица одновременно является указателем на субъект действия.

Речь, однако, идет не о том, чтобы отрицать присутствие указания на субъект в предложениях первого и второго лица, но о том, что этот указатель не должен в данном случае трактоваться как особая синтаксическая функция. Действительно, субъект, не имеющий соответствующего

ему слова или группы слов, не представляется возможным определить в терминах синтаксиса. Предложение первого или второго лица без личного местоимения синтаксически редуцировано до предиката. Субъект здесь соответствует граммеме и не выражен отдельным словом.

Граммему лица заключает в себе также и личное местоимение первого и второго лица. Но данная граммема соответствует отдельному слову; это слово может иметь при себе определение (аппозицию) и, следовательно, быть центром синтаксической группы. Глагольное предложение с личным местоимением первого или второго лица является двусоставным, хотя его субъектом является граммема.

Глава 4

О СПОСОБЕ ОПИСАНИЯ ФОРМАЛЬНОГО ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ. ВЫРАЖЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Одна из задач нашей работы заключается в том, чтобы предложить способ описания морфологического выражения грамматических единиц старославянского языка и тем самым связать морфологию с целями системного описания содержательной стороны языка. В учебниках и учебных пособиях по старославянскому языку морфология представлена в виде парадигм, более или менее обстоятельно и полно комментированных; мы находим, что цель лингвистического описания заключается не просто в том, чтобы выявить все подробности морфологического плана, но и в том, чтобы найти между ними внутреннюю связь, установить соотношения означаемого и означающего, формы и функции, рассмотреть отношения манифестации, которые объединяют элементы разных языковых планов, определяя структуру языка. Как остроумно заметил А. Мартине, формальные различия представляются огромными для тех, кто «пленяется внешним оформлением» единиц. Между тем, описываемые в морфологии «акци-

денты», т. е. превратности, которым подвержен формальный облик значащих единиц, «представляют собой лишь весьма периферийные аспекты подлинной структуры языка»¹¹⁰. По поводу этого высказывания заметим, что морфология не является для нас периферийным аспектом; однако мы всецело поддерживаем главную мысль французского лингвиста: морфология интересна и важна не сама по себе, но главным образом постольку, поскольку она обслуживает сферу грамматических противопоставлений языка, ибо «только элементы, несущие информацию, являются существенными в лингвистике»¹¹¹.

§ 2. Материал, которым мы располагаем, дает возможность наблюдать, что различия внешнего плана, т. е. различия в грамматических формах, играют разную роль в образовании единиц: одни различия существенны для системы, так как они соответствуют ее внутренним различиям (различиям единиц плана содержания), другие же формальные различия для семантической системы несущественны, потому что различающиеся формы соотносятся в целом с одной и той же единицей плана содержания, т. е. эти формы функционально тождественны и являются вариантами одной и той же единицы. Специфика материальной репрезентации грамматических единиц состоит в том, что связь означаемого и означающего осложняется наличием нескольких форм, имеющих одинаковое содержание. Поэтому главное внимание при описании языка должно быть уделено проблеме тождества форм и методам их отождествления.

Ф. де Соссюр писал, что проблема тождеств в языке «частично совпадает с проблемой сущностей и единиц, являясь усложнением этой последней, впрочем, весьма плодотворным»¹¹², а понятие тождества «сливается с понятием значимости, и наоборот»¹¹³. В основу отождествления кладется момент внутренней сущности единиц языка. Мы исходим из того, что единица системы создается прежде всего единством значения. Тождество значимой единицы определяется идентичностью означаемого, поэтому основу языка составляет системная организация означаемых, си-

¹¹⁰ Мартине А. Структурные вариации в языке. — Новое в лингвистике, вып. IV. М., 1965, с. 461, 463.

¹¹¹ А. Мартине. Основы общей лингвистики, с. 396.

¹¹² Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 141.

¹¹³ Там же, с. 143.

стемные отношения действуют в плане содержания, и при построении грамматической системы следует отпираться от плана содержания. И так, содержание (в широком смысле этого слова) понимается как предшествующее форме, поэтому означающие ориентированы на план содержания, на означаемые, а не наоборот.

Уже отмечалось, что невозможно одновременное и параллельное описание системы выражения и системы содержания ¹¹⁴. После того, как намечены единицы содержания, возникает необходимость установить состав и объем средств их материального воплощения.

За самостоятельную единицу плана содержания принимается элемент значения, соотносимый с отдельным означающим. В то же время, отдельными единицами содержания могут быть элементы, относящиеся к разным грамматическим категориям, но неспособные к самостоятельной и раздельной манифестации. Считаем необходимым выделить то обстоятельство, что формы выражения грамматического содержания (грамматических единиц определенного класса слов) могут совмещаться с формами выражения других грамматических оппозиций того же самого класса слов. Разнородные, взаимно пересекающиеся оппозиции одного и того же класса слов встречаются друг с другом в пределах одного и того же означающего (ср., например, совместно выражаемые в славянских языках категории лица и числа, числа и рода, а в некоторых случаях лица, числа и рода одновременно).

О признаке неизменности грамматического значения, которое объединяет разные манифестации единицы, надлежит сделать дополнительные пояснения. Поскольку речь идет о единицах значения, выявляемых в противопоставлениях, важно соблюсти условие применения приема коммутации лишь к тем формам, которые занимают одинаковые синтаксические (синтагматические) позиции. Далее, каждая из форм, относимых к одной и той же грамматической единице, не может быть противопоставлена по смыслу в этой же самой позиции никакой другой форме этой же единицы (что связано с одинаковостью наборов семантических дифференциальных признаков у нескольких разных форм, объединенных в составе грамматической

¹¹⁴ Арутюнова Н. Д. О простейших значимых единицах языка. — В кн.: Проблемы языкознания. М., 1967, с. 61.

единицы). Вся группа семантически тождественных форм (а на практике и каждая форма в отдельности) способна вступать в одинаковые коррелятивные отношения с какой-либо посторонней по отношению к этой группе (т. е. не входящей в нее) формой или группой форм, находящейся в той же самой позиции.

§ 3. Варианты означающего, объединенные в пределах одной и той же грамматической единицы системы, состоят между собой либо в отношениях дополнительного распределения, либо в отношениях свободного варьирования. Ниже рассматриваются эти два типа отношений между вариантами.

1. Принцип дополнительной дистрибуции основывается на нерелевантных позиционно обусловленных признаках единиц одного языкового плана. Он состоит в том, что каждый из алловариантов встречается в таких сочетаниях, в которых не встречается ни один из остальных алловариантов. Отношения подобного рода в грамматике не раз были объектом рассмотрения, хотя определялись по-разному. Например, С. Карцевский писал: «... Одна и та же значимость внутри различных рядов может быть представлена разными знаками; ср. имя существительное множественного числа *столы, парусá, крестьяне* и т. д.»¹¹⁵. В. Скаличка в качестве примера омосемической группы приводит флексии чешского глагола *-i, -m* в формах *ku-ruj-i, dělá-m*. Взаимоисключаемость этих флексий обуславливает их смысловую идентичность при формальном различии; на этом основании В. Скаличка считает возможным констатировать, что части омосемической группы «подобны фонологическим вариантам, взаимно дополняющим друг друга»¹¹⁶. Идея комбинаторных вариантов знакового уровня, примененная В. Скаличкой для отождествления сем и установления омосемии, сходна с принципом дополнительной дистрибуции дескриптивистов. Иллюстрируя этот принцип, Н. Д. Арутюнова приводит следующие примеры из грамматики на означающие, находящиеся в дополнительном распределении относительно означаемого: «а) различия между означающими зависят от их фоноло-

¹¹⁵ Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2. М., 1965, с. 87.

¹¹⁶ Скаличка В. Асимметричный дуализм языковых единиц. — В кн.: Пражский лингвистический кружок, с. 121.

гического окружения: англ. tabl-es[z], part-s[s], coach-es [iz], фр. Grand Opéra [grãd], grand peintre [grã]; б) различия между означающими обусловлены контактами знакового уровня, в частности, классом доминирующего элемента (ср. в испанском языке суффикс имперфекта глаголов 1-го, 2-го и 3-го спряжения habla-b-a и comí-a, ср. также англ. look-ed и take-n, boy-s и ox-en)»¹¹⁷.

Как можно видеть из цитированных примеров, конкретные различия в означаемом зависят от весьма разнообразных факторов.

2. Свободное, т. е. не зависимое от сочетаемости, варьирование означающих относительно означаемого также иллюстрировалось грамматическим материалом. Так, А. Мартине приводит в качестве «факультативных вариантов» две формы французского глагола: je peux ('я могу') и je puis ('я могу')¹¹⁸. К свободным вариантам в этом понимании можно отнести также приведенные А. М. Пешковским примеры так называемых «морфологических синонимов»: сыра — сыру, аптекари — аптекаря, в крови — в крову, добрый — добр¹¹⁹. Н. Д. Арутюнова приводит в качестве примера свободных вариантов испанские дублетные формы имперфекта сослагательного наклонения com-iese и com-iera¹²⁰.

При наблюдении над выражением грамматических единиц существительного в структурной основе предложения мы встретимся и с отношениями дополнительной дистрибуции, и с отношениями свободного варьирования. При этом многократно описанные и хорошо известные факты морфологии, кажущиеся на первый взгляд разрозненными, предстанут как связанные между собой и причастные непосредственно к системной организации языка. Они полностью впишутся в рамки противочленов оппозиций грамматического содержания, так что в морфологической сфере не останется участков, свободных

¹¹⁷ Арутюнова Н. Д. О значимых единицах языка. — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, с. 93.

¹¹⁸ Мартине А. Основы общей лингвистики. — В кн.: Новое в лингвистике, III. М., 1963, с. 457.

¹¹⁹ Пешковский А. М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. — В кн.: Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М., 1930, с. 153.

¹²⁰ Арутюнова Н. Д. О значимых единицах языка, с. 93.

от притяжения противопоставлений грамматической сферы.

§ 4. Полное описание морфологии грамматических единиц старославянского языка — задача специального большого исследования. Здесь речь пойдет о принципе описания, а в качестве образца предлагается разработка морфологии грамматического числа имен существительных. Разумеется, это вовсе не значит, что можно перенести полностью на другие грамматические категории все детали описания морфологии числа. Существенное значение имеет сам подход к проблеме: принцип организации материала, отделение главного от второстепенного, подчинение деталей главной задаче.

Вопрос о морфологии числа имен существительных нами уже рассматривался в ряде работ¹²¹. Здесь этот вопрос изложен в сокращенном виде, морфология единиц числа дается только в рамках именительного падежа, соответствующего функции субъекта.

Нами уже было высказано соображение, что варианты единиц грамматического числа имен существительных есть разновидности внешнего выражения этих единиц, создаваемые, в первую очередь, различиями лексико-грамматических разрядов данного класса слов.

Для решения вопроса о содержании и границах варьирования следует привлекать лишь такие лексико-грамматические разряды, которые обеспечивают внешнее разнообразие единиц в условиях единства синтаксической позиции. К таким лексико-грамматическим разрядам в старославянском языке принадлежат группы существительных, объединенных тождеством их собственных окончаний (вместе с исходом основы, т. е. «типы склонения»), а также родовые классы существительных. Добавим для полноты картины, что в винительном падеже (который здесь не рассматривается) при установлении единиц числа должны быть привлечены также лексико-грамматические разряды имен существительных, отделяемые один от другого по признаку формально выраженной неличности—личности.

¹²¹ Ходова К. И. Лексико-грамматические разряды и грамматические единицы существительного в старославянском языке. — Сов. славяновед., 1974, № 5; Она же. Варьирование и синонимия в грамматике старославянского существительного. — ВЯ 1975, № 5.

В некоторых лингвистических работах до сих пор допускается терминологическая неточность, состоящая в том, что родовые классы и деления по одушевленности и неодушевленности в пределах имен существительных называются категориями. Это, конечно, не категории, а разряды лексики, отделяемые один от другого при помощи формальных средств. На принципиальное различие между ними и грамматическими категориями указал А. В. Бондарко¹²². Соглашаясь с этой идеей А. В. Бондарко, мы могли бы ее дополнить весьма существенным положением, которое легко проследить на конкретном материале: в масштабах системы языка лексико-грамматические различия внутренне подчинены различиям плана грамматических категорий¹²³. Более того, как увидим ниже, отношения дополнительного распределения вариантов, объединенных в пределах одной и той же грамматической единицы, в значительной мере определяются наличествующим в языке разбиением существительных на лексико-грамматические разряды. При этом наблюдается вхождение одних разрядов в другие и одного типа алловариантов в другой.

В именительном падеже формальное выражение единиц числа представлено в старославянском языке двумя разнородными сериями вариантов, одна из которых, наиболее многочисленная по количеству содержащихся в ней лексико-грамматических разрядов, перекрыта другой, включающей меньшее число разрядов. Первая серия создается различиями, обусловленными «типами склонения», вторая же — различиями в грамматическом роде.

¹²² Бондарко А. В. Категории и разряды славянской функциональной морфологии (морфологические категории и лексико-грамматические разряды). — В кн.: Славянское языкознание. VII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973.

¹²³ В научной литературе уже высказывалось в самом общем виде соображение о второстепенном в плане системы языка характера разбиения имен и глаголов на типы и классы. Так, Н. Д. Арутюнова, иллюстрируя разницу между понятиями системы и структуры, замечает: «Для структуры латинского языка существенно наличие в нем пяти склонений имен и четырех спряжений глаголов. Однако система латинской грамматики несколько не изменилась бы, если бы эти части речи не распались на морфологические группы, а образовывали стандартные парадигмы» (Арутюнова Н. Д. О значимых единицах языка, с. 104).

Разберем последовательно эти две серии вариантов и покажем их соотношение друг с другом.

§ 5. 1. Существенным фактом истории славянского склонения является утрата осознания древнейшей основы. «В славянском склонении уже нет ни основы, ни формата, а есть только «окончания», слагающиеся из элемента, взятого у основы, и остатков старого элемента формата, часто полностью измененных вследствие особых изменений конца слова»¹²⁴. При этом совпадение некоторых падежных окончаний в основах, первоначально принадлежавших к разным классам, вызвало смешение типов склонения. Излагая вопрос о смешении существительных с основами на *-o* и на *-ъ*, Н. Ван-Вейк заметил, что для некоторых из этих имен «даже невозможно установить исконное окончание». Поэтому окончания существительных уже не мотивированы в историческое время принадлежностью этих слов к древним классам; как полагает Н. Ван-Вейк, «можно... употреблять названия типов склонения, принятых индоевропейской грамматикой, но при этом надо помнить, что такие названия уже не отражают состояния славянского склонения»¹²⁵.

Классификация существительных по типам склонения представляет собой закрепленное в языке распределение существительных на классы, принцип выделения которых не опирается ни на какие логические или иные понятийные факторы, которые были бы нам доступны¹²⁶. Более того, эти принципы, отражавшие некое иное, характерное для ранних периодов развития человечества восприятие действительности, невосстановимы. Лишь некоторые группы существительных, относящиеся к исчезающим ти-

¹²⁴ Мейе А. Общеславянский язык, с. 308.

¹²⁵ Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957, с. 241, 236.

¹²⁶ В этом плане интересен факт существования в древнеславянском существительных, тождественных по лексическому значению, но различающихся по типам основ (например, *блзнь* — *блзна* — *блзнь*). См. о них в работе: Глинкина Л. А. О вариантных основах существительных (по «Материалам словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского). — В кн.: Вопросы истории и диалектологии русского языка, II. Челябинск, 1967; Ходова К. И. О числе и роде старославянских существительных в связи с вопросом о границах слова. — В кн.: Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции, г. Москва, октябрь 1975 г., вып. 4.

пам склонения, можно представить в виде закрытых списков слов с более-менее однородными значениями. Но эти обломки, сохранившие формальную и семантическую ясность, не способствуют воссозданию общей картины, например, наличие основ на -r, основ кровного родства, не дает никаких указаний об основаниях для выделения других основ.

При наблюдении над формальной стороной типов склонения можно заметить, что ни один из них не отличается в своей формальной парадигме (включая ед., мн. и дв. число) всех падежных форм от остальных типов: в каждой парадигме представлены формы, общие с формами каких-либо других типов склонения. Различиям ед. числа не соответствуют регулярно различия мн. и дв. чисел и наоборот.

В именительном падеже для каждой единицы числа отмечается собственная группировка окончаний: например, в ед. числе существительное *падоz* можно объединить по характеру окончания с существительным *сынz*, но во мн. числе их окончания различаются; также и существительные *село* и *чело* объединяются по внешнему сходству их форм в ед. числе, но во мн. числе различаются. Наоборот, есть случаи, когда мн. число дает единую форму для различающихся в ед. числе существительных: так, внешне различные в своих исходных формах *падоz* и *коста* имеют в им. падеже мн. числа один и тот же тип окончания. В дв. числе в им. падеже наблюдается совпадение форм существительных, различающихся в ед. и мн. числе (например, *село*, *жена*). Обрисованное положение дел диктует особый способ описания вариантов. Представляется целесообразным установить типы существительных, представители которых отличаются по формальному признаку от прочих хотя бы в одном числе и падеже, обозначить условно каждый тип каким-либо одним входящим в него существительным (имея при этом в виду весь состав данного ряда), а затем установить для каждого числа в том или ином падеже группировки существительных-типов, объединяемые тождеством окончаний.

Сгруппируем теперь некоторое количество существительных-типов, привлекаемых здесь в иллюстративных целях, по признаку внешнего тождества их грамматических формантов в им. падеже. При объединении в группы принимается во внимание конечный гласный звук, мяг-

кость или немягкость предшествующего ему согласного, а для существительных с древними основами на *-й*, *-й̆* и на согласные — суффикс основы в том виде, который имелся у этого суффикса в старославянском. Привлечение этого последнего показателя необходимо потому, что существуют варианты и с суффиксом, и без суффикса (например, *сыни* наряду с *сыноке*, *камы* наряду с *камена*). В единственном числе получают такие главные группы: /*пладъ*, *кониъ*, *сынъ*/ *ножа*, *отца* / *краи* / *село*, *тѣло* / *поле* / *жена*, *слуга* / *земля* / *змиа* / *рабаши* / *ладии* / *пѣтя*, *дана*, *кости*, *камена* / *камы*, *цркви* / *има*, *агна* / *мати*/.

Во множественном числе группировки меняются за счет перехода тех же существительных-типов в другие соединения: /*плади*, *кони*, *кости*, *пѣти*, *дани*, *сыни*¹²⁷/ *ножи*, *отци* / *краи* / *села* / *поля* / *жены*, *слуги* / *земля* / *змиа*, *ладиа* / *рабашиа* / *сыноке* / *сыноки* / *пѣтние*, *дание*, *камене* / *матери* / *цркви* / *тѣла* / *имена* / *агната* / *дани*/.

В двойственном числе представлены новые группировки: /*плада*, *конна*, *сына* / *ножа*, *отца* / *крата* / *селѣ*, *женѣ*, *слугѣ* / *поли*, *земли* / *змии*, *ладии* / *рабаши* / *сыны* / *пѣти*, *кости*, *дани*/.

Варьирование окончаний в наших примерах отличается своеобразием: слова, представляющие один и тот же тип, входят в разные объединения в ед., мн. и дв. числе. И все же это, бесспорно, алловарианты, так как в пределах одной и той же единицы каждый из них исключает и в то же время дополняет другой.

В то же время имеют место случаи свободного варьирования означающих относительно означаемых — грамматических единиц числа. «Хотя язык располагает обычно некоторым количеством «свободных» вариантов, — пишет Н. Н. Семенюк, — употребление определенного варианта часто имеет известные ограничения»¹²⁸. И действительно, свободное варьирование в большинстве случаев осуществляется в четко определяемых условиях (частично свободная вариантность или варьирование в рамках ограниченной дистрибуции). В ед. числе возможны и древняя

¹²⁷ Форма *сыни* отмечена в Зографском кодексе, Ио XII, 36, и в Син. псалтыри, СХХХV, 18.

¹²⁸ Семенюк Н. Н. Некоторые вопросы изучения вариантности. — ВЯ, 1965, 1, с. 51.

форма кама, и более поздняя камена; во мн. числе существительное кама представлено свободными вариантами камаке, камаки, ками, а в дв. числе — вариантами кама и камаи; существительное дана во мн. числе встречается в формах данн, данине, дане¹²⁹. Перед нами свободное варьирование в лексически ограниченных рамках: диапазон варьирования может быть установлен по отношению к некоторой совокупности слов (лексем) или к отдельному слову. Колебания в выборе формы для одного и того же слова (или одной и той же группы слов) в конце концов приводят к сокращению общего числа алловариантов; как известно, наличие колебаний такого рода было важным моментом в преобразовании славянского именного склонения.

Итак, имеются основания для того, чтобы констатировать в пределах грамматических единиц числа комбинированный характер варьирования форм существительных: «связанное» варьирование переплетается здесь со «свободным». Переплетение двух типов варьирования выражается в нарушении четкой обусловленности вариантов лексическими элементами: с одной стороны, один и тот же тип окончания может охватывать несколько существительных с разными лексемами (эти существительные зачастую принадлежат к разным историческим типам склонения), с другой же стороны, существительное с одним и тем же лексическим элементом может иметь разные типы окончаний.

Передают ли различия окончаний самих имен существительных в пределах одной и той же единицы какую-либо разницу в грамматическом содержании или они семантически пусты? На первый взгляд эти различия кажутся не подкрепленными смыслом, тем более, что одно и то же существительное в разных числах и падежах способно вступать в разные соединения с другими именами, что в принципе исключает наличие постоянных мотивов объединения. И все же семантика проступает, хотя и очень слабо, на одном из участков этого уровня варьирования: названия лиц, в отличие от названий предметов, в им. па-

¹²⁹ В некоторых случаях приходится говорить о формах отдельных существительных, а не целых лексических рядов, так как смешение окончаний начинается с индивидуальных случаев, с отдельных слов.

деже мн. числа спорадически принимают окончание -ске (см., например, попоке Син. евх. 49, 11; доухске Супр. 210, 1) (а в дат. падеже ед. числа — окончания -ски, -еки: иски Лука VI, 11; мжжеки Лука I, 27 Мар., Зогр.).

§ 6. 2. Варьирование в пределах единиц числа на следующем уровне достигается за счет тех лексико-грамматических разрядов имени существительного, которые называются родовыми классами.

Классификация по грамматическому роду, подобно классификации по типам склонений, в целом бессодержательна. Обычно отмечается совершенно формальный, условный характер этой классификации (см. главу I).

Мотивы разбиения на родовые классы ясны в отношении одушевленных существительных, все же остальные «противопоставляются друг другу по грамматическому роду только в силу вековой традиции»¹³⁰. Формальные различия родовых классов существительных находятся за пределами слов этого класса — они выражаются согласованными с ними формами слов, посредством которых все имена существительные делятся на три больших разряда. Родовые показатели согласованных форм частично совпадают с окончаниями существительных, частично же не совпадают. Существительные с одним и тем же типом окончания могут относиться к разным родовым классам (пжга, ксгга). Материально тождественные существительные (например, слоуга м. р. и слоуга ж. р.) могут принадлежать к разным родовым классам. Деления существительных по грамматическому роду местами разрывают группы, объединяемые тождеством окончаний, и создаются новые деления существительных на группы в пределах единиц числа. Это говорит об известной независимости двух серий вариантов в пределах каждой единицы: серии, определяемой тождеством окончаний существительных-типов, и серии, определяемой грамматическим родом.

Существенно, однако, не только то, что при разделении на родовые классы рассекается разделение по типам окончаний существительных, но и то, что в пределах каждой единицы теперь наблюдается группа новых вариантов, вариантов окончаний согласуемых форм. Так, у имен прилагательных кратких в ед. числе -а или -'а для муж.

¹³⁰ Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, с. 79.

рода, -а или -'а для жен. рода, -о или -'е для ср. рода; во мн. числе -и или -'и для муж. рода, -ы или -'а для жен. рода, -а или -'а для ср. рода; в дв. числе -а или -'а для муж. рода, -ѣ или -'и для жен. рода, -ѣ или -'и для ср. рода. Действительно, эти форманты, входящие в состав прилагательных, на самом деле состоят на службе существительных, обеспечивая их разбиение на родовые классы, и варьирование этих формантов имеет непосредственное отношение к материальной репрезентации единиц существительного. Показатели родовых классов существительных заключены также в окончаниях других частей речи, выступающих в качестве согласуемых определений: неличных местоимений, согласуемых в роде слов, обозначающих числа, склоняемых причастий настоящего времени, действительных и страдательных.

Род существительного-подлежащего повторяется в формантах родоизменяемых частей сказуемого. В составном именном сказуемом именная часть, выражаемая (со связкой или без нее) краткой формой прилагательного, причастием действительного или страдательного залогов, сохранившим адъективное свойство изменения по родам, ориентируется на грамматический род существительного-подлежащего и одновременно определяет его род. Ориентация на род подлежащего существует и у форм несклоняемого действительного причастия прошедшего времени на -а-, входящего в состав сложных глагольных времен (перфекта, плюсквамперфекта, будущего второго), а также у форм условного наклонения.

Границы единиц числа, таким образом, раздвигаются: в них включаются форманты согласованных с существительными форм, представленные присущими для них родовыми вариантами.

В целях простоты и удобства описания разбиение существительных-типов по родам дается ниже только в сопровождении согласуемых с существительными кратких прилагательных, которые здесь как бы представляют формы всех согласуемых с существительными частей речи.

Разбиение существительных-типов на группы выглядит теперь следующим образом.

Единственное число. Мужской род: при окончаниях прилагательных -ъ или 'а (добръ, синъ) выделяются имена существительные-типы: /плосъ, конъ, сынъ / ножа, стаца / краи / пжтъ, камена, дана / камы / слоуга м. р./.

Женский род: при окончаниях прилагательных -а и -'а (добра, сийга) выделяются имена существительные-типы: /жена, слоуга ж. р. / земля / змиа / рабийи / ладии / кости / матери / цр'кы/. Средний род: при окончаниях прилагательных -о или -'е (добро, сийе) выделяются имена существительные-типы: /село, т'кло / поле / има, агна/.

Множественное число. Мужской род: при окончаниях прилагательных -и или -'и (добр'и, сийи) выделяются имена существительные-типы: /плоди, конии, п'жти, д'ши, сыни / ножи, от'ци / краи / сыноке / п'жтине, д'шние, ка-
менне / сыноки / д'не / слоугы (м. р.). Женский род: при окончаниях прилагательных: -ы или -'а (добр'а, сийа) выделяются имена существительные-типы: /жены, слоугы ж. р. / земля / змиа, ладиа / рабийа / кости / матери / цр'-
к'ки/. Средний род: при окончаниях прилагательных -а, -'а (добра, сийа) выделяются типы имен существительных: /села / т'клеса / имена / агната / пол'а/.

Двойственное число. Мужской род: при окончаниях прилагательных -а или -'а (добра, сийа) выделяются имена существительные-типы: /плада, конна / ножа, от'ца / краа / сыны / п'жти, д'ни /, слоуз'к м. р./ Женский род: при окончаниях прилагательных -'и или -'и (добр'и, сийи) выделяются имена существительные-типы: /жен'к, слоуз'к ж. р. / земли / змии, ладии / рабийи / кости/. Средний род: при окончаниях прилагательных -'и или -'и (добр'и, сийи) выделяются имена существительные-типы: /сел'к / пол'и / т'клесе / имен'к / агнат'к / т'клеси/.

Алловарианты родовых классов, выраженные окончаниями прилагательных, в целом (об отклонениях см. ниже) обусловлены типами окончаний существительных. Таким образом оказывается, что в пределах единиц числа формальные варианты уровня грамматического рода опираются на варианты более низкого уровня.

На уровне грамматического рода обнаруживается также и свободное варьирование. Как раз этот факт не позволяет при определении родовых классов довольствоваться только данными окончаний существительных, но предписывает обращаться с этой целью к формальным различиям согласованных определений. Мы уже упоминали о том, что к разным родам могут относиться суще-

ствительные формально тождественные, но имеющие разные лексические морфемы (пѣтъ, когѣ), а также существительные формально тождественные и имеющие одинаковую лексическую морфему (слуга м. р. и слуга ж. р.). Явления этого рода кажутся помехами в регулярном и четком объединении существительных в родовые классы на основании одних только типов их окончаний. Ср. сходное положение на низшем уровне варьирования, где объединение существительных в группы с одинаковым типом окончания в целом зависит от характера лексического элемента, но некоторые существительные с одинаковыми лексическими элементами могут иметь разные типы окончаний.

Рассмотрение внешнего выражения единиц ед., мн. и дв. числа существительных в именительном падеже позволяет сделать вывод о том, что два вида лексико-грамматических разрядов имени существительного образуют в этой функции две входящие одна в другую серии вариантов грамматических единиц числа; обе серии организованы по единому принципу, допускающему два основных вида варьирования: связанное и свободное (частично свободное). Варианты единиц числа, конечно, не ограничены рамками одного именительного падежа, но характерны, в других внешних проявлениях, и для прочих падежей.

§ 7. Различия типов окончаний («типов склонения») славянского существительного, а также различия по грамматическому роду рассматривались здесь как показатели, влияющие на варьирование формального выражения единиц плана содержания. Хорошо изученные и повторяющиеся из учебника в учебник факты морфологии (которые здесь иллюстрируются только наиболее типичным, достаточным для выявления основных закономерностей материалом) интерпретируются с точки зрения учения о единицах грамматического значения. Лексико-грамматические разряды существительных — преобразованные группировки по типам окончаний, деления по грамматическому роду — определяют и количественную, и качественную стороны варьирования грамматических единиц.

Предложенное истолкование роли лексико-грамматических разрядов в системе языка делает представление о единице грамматической системы осязательным, материальным.

Деление существительных на разряды не является полностью свободным от семантической стороны, от различий

в семантическом содержании самих разрядов; эти последние различия известным образом перекрещиваются с семантическими различиями единиц системы. Например, выше мы обращали внимание на то, что названия лиц, в отличие от названий предметов, спорадически принимают в именительном падеже ед. числа окончание *-ске*. Семантические различия особенно очевидны в сфере лексико-грамматических разрядов, выделяемых по личности-личности (здесь рассмотрение разрядов этого рода не производилось, так как они различаются только в винительном падеже ¹³¹). Применительно к семантике лексико-грамматических разрядов «можно говорить лишь о наличии или отсутствии различий между ними (а не об их противопоставленности) и об общем типе этих различий» ¹³². Существенно однако, что варианты не всегда бывают в подлинном смысле слова «формальными», то есть полностью лишены семантического содержания.

Заслуживает внимания факт служебной разноплановости одного и того же форманта. Окончание существительного указывает, с одной стороны, на особый, проявляющийся через форму лексико-грамматического разряда, способ манифестации грамматической единицы (например, единицы числа), с другой же стороны — на синтаксическую функцию (в данном случае — функцию субъекта), в рамках которой осуществляется эта манифестация.

Если понимать синтаксис как грамматику, ориентированную на содержание, то предложенный небольшой фрагмент морфологического описания единиц числа старославянского существительного можно рассматривать как одну из нитей, связывающих морфологию с синтаксисом. Полное описание единиц грамматического значения всех классов слов со стороны формального выражения ставит перед исследователем множество трудных вопросов, в частности вопрос о пересекающихся категориях (например, о пересечении категорий лица, числа, времени, наклонения, вида глагола). И все же полное морфологическое описание единиц языка нам не кажется невыполнимым делом.

¹³¹ Ходова К. И. Лексико-грамматические разряды... с. 124.

¹³² Арутюнова Н. Д. О значимых единицах языка, с. 103.

Часть III

ДОПОЛНЕНИЯ И ЦЕПИ ДОПОЛНЕНИЙ

§ 1. В третьей части книги мы перейдем к рассмотрению принципиально иного типа отношений между элементами языка. От незримых сущностей, каковыми могут быть определенные члены грамматических противопоставлений, перейдем к зримым — реально употребляемым приглагольным падежам и цепям падежей.

Нам кажется верной уже давно высказанная мысль о том, что в основу грамматических работ должно быть положено четкое разделение языковых различий на парадигматические и синтагматические. Смешение этих двух планов может вызвать (и уже вызывало) ошибку применения приема коммутации к элементам, занимающим разные синтагматические (синтаксические) позиции. Как известно, Ф. де Соссюр определил отношения на синтагматической оси как отношения *in praesentia* в противоположность отношениям *in absentia*, складывающимся на парадигматической оси. Различия на синтагматической оси, т. е. контрасты, предполагают возможность одновременного существования различаемых единиц, которые доступны для наблюдения. Установление отношений между одновременно существующими элементами обычно считается основным объектом синтаксических исследований. Падежные формы, в особенности беспредложные, и обозначают такие синтаксические различия, так как падежи, будучи по преимуществу формами косвенных объектов, занимают разные позиции по отношению к глаголу и связаны отношением «*in praesentia*. . . , которое представляет собой не оппозицию, а контраст»¹.

¹ Булыгина Т. В. Грамматические оппозиции. К постановке вопроса. — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, с. 205—206. См. об этом также в работе: Lampach S.

§ 2. В позиционном синтаксисе, предметом которого является рассмотрение рядов или цепей глагольных дополнений, часто оперируют понятием валентности (*la valence*). Впервые это понятие предложил и обосновал в 1953 г. французский грамматист Ж. Теньер². Он выделяет внутри фразы структурные единства, ядром которых может быть глагол, имя существительное, имя прилагательное, наречие, и называет эти объединения соответственно вербальными, субстантивными, адъективными и адвербиальными «узлами». Организующим центром большинства фраз является вербальный «узел»; именно поэтому под валентностью Ж. Теньер понимает в первую очередь синтаксическую сочетаемость глагола. Валентность определяется как число потенциальных «участников», которым способен управлять глагол. Отсюда вытекает существенный для рассматриваемой концепции вопрос о замещенности (или незамещенности) отдельных позиций. Ж. Теньер отмечает, что не всегда «участники» заполняют все валентности глагола, и глагол иногда бывает «ненасыщенным»: отдельные валентности могут остаться «незамещенными» или «свободными». Действительно, в тексте, как и в живой речи, многие места многочленных цепочек обычно остаются незанятыми. В реально произнесенном или написанном предложении могут быть пропущены даже важнейшие звенья. Такое предложение относится к речи, достоянием же языка является общая схема его построения. Поскольку присутствующих элементов предложения для определения истинных синтагматических отношений между его членами недостаточно, то для восстановления при том или ином глаголе цепи приглагольных дополнений в ее полном виде приходится прибегать к совмещению или наложению друг на друга реально представленных цепочек с недостающими в них звеньями. Заметим, что в ограниченном по объему материале старославянского языка и этого рода операция не всегда позволяет выявить все звенья дополнений при одном и том же глаголе (в особенности это относится к многочленным цепям).

Remarques sur la neutralisation des oppositions grammaticales.— In: *Travaux de l'Institut de Linguistique*, v. II, Paris, 1957, p. 190—192.

² *Tesnière L.* Esquisse d'une syntaxe structurale. Paris, 1953, p. 4.— Учение о валентности развивается далее в книге: *Tesnière L.* *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959.

В теории валентности Л. Теньера, получившей широкое признание, управляемые падежные формы возводятся в ранг важнейших элементов, определяющих структурную схему предложения³.

Концепция Л. Теньера содержит и спорные моменты. Синтаксическая валентность глагола определяется, согласно Л. Теньеру, как потенциальная сочетаемость не только с дополнениями, но с подлежащим. Однако отношения между подлежащим и сказуемым, имеющие характер согласования, отличаются от управления падежами. При практическом исчислении валентностей глагола его подлежащее мы не будем принимать в расчет.

Попытку осветить с теоретических позиций семантико-синтаксические возможности глаголов содержит в себе теория глагольной интенции, разрабатываемая словацкими и чешскими лингвистами⁴. Понятие глагольной интенции, так же как и понятие валентности, шире понятия глагольного управления, так как оно включает также отношение к агенсу: поэтому говорят о «правой интенции» (или «направлении глагольной интенции») и «левой» (или «исходном пункте глагольной интенции») ⁵. Из работ советских лингвистов, связанных так или иначе с теорией и фактической стороной глагольного управления, назовем,

³ Некоторые грамматисты исключают управляемые формы из структуры предложения. Так, согласно Г. А. Золотовой, структура предложения образуется только предикативной основой. «Синтаксические формы слов, распространяющие другие слова в предложении и находящиеся в «присловной» позиции, структурной функции в предложении не несут, они участвуют в построении словосочетания, которое целиком в одной из своих форм включается в структуру предложения как распространенная синтаксическая форма». «Неструктурные синтаксические формы имени существительного — это прежде всего управляемые формы, заданные, предсказуемые «господствующим» словом словосочетания. Связь между управляемым и управляющим в словосочетании основана, как правило, на относительности значения управляющего, на потребности его в восполнении своего смысла» (см. Золотова Г. А. О структуре простого предложения в русском языке. — ВЯ, 1967, № 2, с. 96—97).

⁴ См., например, Оравец Я. К вопросу о глагольной интенции и глагольном управлении. Доклад на советско-чехословацком симпозиуме (18—22 апреля 1967 г.). — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

⁵ Мразек Р. Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы. — ВЯ 1964, № 3, с. 51, 59.

например, работы Ю. Д. Апресяна⁶, З. Д. Поповой⁷. Ряд работ по этому вопросу перечислен также в обзоре А. Е. Михневича «Некоторые вопросы изучения синтаксических (подчинительных) связей слов в работах советских и чехословацких лингвистов» (ВЯ 1968, № 5).

В активной конструкции предложения (исходной структуре) объектные отношения выражаются косвенными падежами имен существительных, без предлогов и с предлогами. Явление управления связано со способностью некоторых глаголов «с достаточно большой вероятностью предсказывать одну или несколько форм зависящего от него слова»⁸. Так как сами управляемые падежные формы строго предопределяются семантикой управляющего глагола, то сочетаемость с определенным падежом (или цепочкой падежей) и составляет одну из особенностей лексико-семантической характеристики объективного глагола. Глаголы, управляющие одним и тем же (одиночным) падежом, составляют лексически замкнутую группу, но управляемые определенным глаголом падежи образуются от существительных, разнообразных по лексической семантике.

Выше говорилось о способности некоторых глаголов связываться с целым последовательным рядом или цепочкой падежей. В русском языке, как показал Ю. Д. Апресян, группы глаголов, управляющих одинаковыми цепочками падежей, лексически замкнуты⁹.

Синтаксическая функция падежа определяется согласно его позиции или «месту» в ряду или цепи управляемых падежей при данном глаголе. Формальные различия нескольких падежей, сосуществующих в одном и том же

⁶ Апресян Ю. Д. Опыт описания значений глаголов по их синтаксическим признакам (типам управления). — ВЯ, 1965, № 6; Он же. О сильном и слабом управлении (опыт количественного анализа). — ВЯ, 1964, № 3; Он же. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.

⁷ Попова З. Д. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII века. Воронеж, 1969; Она же. Употребление падежных и предложно-падежных форм в современном русском литературном языке. Воронеж, 1971; Она же. Падежные и предложно-падежные формы русского языка в связной речи. Воронеж, 1964.

⁸ Иорданская Л. Н. Два оператора обработки словосочетаний с «сильным управлением» (для автоматического синтаксического анализа). М., 1961.

⁹ Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола, с. 32.

ряду или цепочке, передают различия абстрактного характера: например, падеж с функцией объекта, полностью охваченного действием, отличается в составе цепи от падежа с функцией адресата действия, а каждый из этих двух падежей в свою очередь отличается от падежа с функцией орудия и средства действия. Различия этого рода принципиально отличаются от собственно оппозиций или противопоставлений, условием которых является как раз единство позиции.

Рассмотрение функций управляемых падежей позволяет заключить, что функциональные различия этих форм связаны с различиями в их дистрибуции. Например, будучи единственным падежом объекта, творительный не имеет орудийной функции, которая свойственна ему в большинстве цепочек. Если же при глаголе совмещаются два творительных, то одному отводится роль объекта-орудия, а другому — роль указателя на материал или вещество, присоединяемые к объекту. Итак, один и тот же падеж объекта в зависимости от его окружений может быть или свободным от функциональной нагрузки, или иметь различные функциональные назначения.

Как известно, объекты могут быть связанными с глаголами, с именами существительными, прилагательными, наречиями. Приименное, приадективное и принаречное употребления имен-объектов следует признать вторичными по отношению к приглагольному употреблению. Приглагольные объекты обнаруживают наиболее сложную и разветвленную сеть падежных функций и значений; ряды приглагольных объектов наиболее протяженны. При-субстантивное, приадективное и принаречное употребления менее развиты, чем приглагольное; в ряде случаев здесь наблюдаются черты производности по отношению к приглагольному употреблению. Им посвящена специальная работа¹⁰, а в данной книге они не рассматриваются.

§ 3. Управляемые падежи, жестко предопределяемые семантикой управляющего глагола, допускают все же в определенных случаях взаимозамены: иногда наблюдается формальное варьирование падежей, не предполагающее различий в их семантике.

¹⁰ См. об этом: *Ходова К. И.* Употребление падежей при синтаксических производных глагола в старославянском языке. — В кн.: *Проблемы индоевропейского языкознания.* М., 1964, с. 122—160.

Кроме того, в некоторых определенных позициях при глаголе возможны парадигматические противопоставления: одна из нескольких форм, возможных в данной позиции, становится предметом сознательного выбора, диктуемого необходимостью различать значения. Важнейшим условием падежных противопоставлений плана содержания является, таким образом, тождество позиций, тождество синтагматических отношений коррелирующихся падежей к прочим элементам высказывания. Противопоставляемые формы, замещаемые с определенной сознательной целью, не модифицируют структуру высказывания.

Таким образом, в определенных синтаксических позициях не исключены вертикальные отношения между падежными формами, которые здесь либо частично различаются по значению — образуют грамматическую оппозицию или противопоставление, либо являются полностью тождественными и взаимозаменяются.

Участниками вертикальных различий того и другого типа являются те же самые формы падежей, которые участвуют в падежных цепочках и передают различия горизонтального типа. Из этого следует, что содержание отношений, выражаемых падежами имен вообще, отличается неоднородностью, разноплановостью. Один и тот же падеж способен нести несколько разных назначений, а одну и ту же функциональную нагрузку могут нести разные падежи. В силу этого установление единого общего значения каждого отдельного падежа оказывается неосуществимым делом.

§ 4. Некоторые синтаксисты исключают из числа управляемых предложно-падежные формы, распространяя понятие управления только на беспредложные падежи¹¹. Это исключение вызвано, по-видимому, стремлением отделить дополнения от обстоятельств, которые, действительно, было бы неверно включать в общую сумму валентностей глагола, так как многие обстоятельства относятся к любому глаголу или ко многим разным глаголам. Неоспоримо, что употребление в функции обстоятельств —

¹¹ Так, западногерманский языковед Г. Бринкман, наиболее близкий к Л. Тенберу в вопросах позиционного синтаксиса, при определении валентности глагола отвергает формы, присоединяемые при помощи падежей с предлогами. См. *Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1962, S. 223.*

наиболее характерная область функционирования предложно-падежных форм. В специальной работе о предложно-падежных формах мы показали на материале старославянского языка, что в сфере пространственных отношений, в условиях максимальной свободы сочетаемости форм имен существительных с глаголами, наблюдается максимальное количество различающихся по значению предложно-падежных форм¹². Почти каждая наличествующая в языке предложно-падежная форма выступает в этой сфере в качестве одного из членов парадигматического противопоставления конкретного содержания, обозначая либо один из оттенков значения места действия, либо уточняя общее значение конечного пункта движения, либо общее значение исходного пункта движения. Предложно-падежные формы находят широкое применение при выражении темпоральных отношений, а также при передаче отношений причины и цели, где значения аналитических форм имени также образуют противопоставления — новые, отличающиеся по содержанию от пространственных, возникающие за счет частичной нейтрализации пространственных противопоставлений¹³.

Семантические противопоставления предложно-падежных форм ликвидируются в условиях, когда эти формы вступают в тесную связь с глаголами, т. е. становятся способами выражения объектов¹⁴. Вертикальный тип различий сменяется горизонтальным. Образуются неразложимые сочетания предложно-падежных форм с глаголами, предложно-падежная форма становится постоянным компонентом лексико-грамматического значения глагола. Таким образом, среди выражаемых предложно-падежными формами многообразных значений наблюдаются и четко выделяющиеся конкретные, характеризующиеся свойством непосредственно обозначать обстоятельственные отношения, и формальные, несамостоятельные, обусловленные превращением имен с предлогами в формальные показатели лексико-грамматических значений глаголов. В старославянском языке известно большое количество глаголов, управляющих падежами с предлогами. Формы

¹² *Ходова К. И.* Падежи с предлогами в старославянском языке (опыт семантической системы). М., 1971, с. 32—108.

¹³ Там же, с. 109—159.

¹⁴ Там же, с. 160—173.

с предлогами способны образовывать цепи. В некоторых рядах или цепочках предложно-падежные формы стоят рядом с беспредложными падежами.

§ 5. При изучении глагола со стороны его управления формами имени мы учитываем селекционные свойства глагола¹⁵. Каждый определенный глагол сочетается не со всяким подлежащим и не со всяким дополнением. Если синтаксическая валентность глагола определяется наличием в его окружении тех или иных позиций, то семантическая избирательность «регламентирует с той или иной силой их лексическое заполнение»¹⁶.

Аспект семантической избирательности, который привлекает нас в первую очередь — связь типа управления со значением глагола, которое определяется по семантике согласуемого с ним подлежащего. При этом существительные-подлежащие делятся только на антропонимы и неантропонимы; глаголы, сочетающиеся с антропонимами, мы квалифицируем как глаголы деятельности человека.

Как было выяснено в первой части, наибольшим разнообразием сочетаний с глаголами обладают имена существительные, обозначающие людей. Существительные этого значения сочетаются, в частности, с большим количеством объектных глаголов, в том числе с глаголами переходными; сочетаемость такого рода обусловлена тем, что в языке отражается отличающая человека способность к выполнению разнообразных действий, в том числе активных, направленных на внешние объекты. Живые существа — не-люди в сочетаниях с глаголами активного действия вступают значительно реже, и эти сочетания ограничены глаголами, связанными с определенными действиями. Что касается предметов неживых, то они обыкновенно сочетаются с безобъектными глаголами. Исключениями являются только некоторые неодушевленные предметы, наделяемые «самостоятельной силой»: названия природ-

¹⁵ О необходимости изучения селекционных свойств глагола см.: Helbig G. Der Begriff der Valenz als Mittel der strukturellen Sprachbeschreibung und des Fremdsprachenunterrichts. — Deutsch als Fremdsprache, 1965, N 1; Idem. Untersuchungen zur Valenz und Distribution deutscher Verben. — Deutsch als Fremdsprache, 1966, N 3; Абрамов Б. А. О понятии семантической избирательности слов. — В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.

¹⁶ Абрамов Б. А. Указ. соч., с. 10.

ных явлений и стихий, обозначения частей тела человека и органов чувств, некоторых орудий труда и оружия. Стихии «очеловечиваются»; части тела и органы чувств как бы берут на себя функции самого человека; орудия и предметы вооружения иногда представляются как бы действующими по собственной воле.

Способность входить в сочетания с объектными глаголами оказывается в значительной степени присущей существительным, обозначающим людей, в том числе местоимениям-существительным (личным местоимениям).

Таким образом, явление управления в первую очередь относится к глаголам, обозначающим деятельность человека и связанным с подлежащими-антропонимами¹⁷. В пределах цепей управляемых падежей при глаголах этого рода отыскиваются и вертикальные различия: как противопоставленные по семантике формы, так и свободные варианты.

В первой части нашего труда основным предметом внимания были предложения, субъектом которых является неантропоним. В настоящем разделе, поскольку здесь речь пойдет об управлении многочленными падежными цепями, героем обозначенных глаголом действий будет человек.

Фактическая сторона старославянского глагольного управления беспредложными падежами и предложно-падежными формами уже достаточно широко и подробно освещена в научной литературе¹⁸. Здесь мы хотели бы

¹⁷ Ср. процентные соотношения, отчетливо показывающие преобладание антропонимов в субъектной позиции в немецком языке, в статье: *Абрамов Б. А.* О понятии семантической избирательности слов, с. 12—13.

¹⁸ См., например, следующие известные нам работы, так или иначе связанные с проблемами глагольного управления в старославянском языке: *Вауэр Я.* *Bezpredložkový lokál v staroslovenských evangelích.* — *Slavia*, 1951, гоđ. XX; *Вауэр Я.* Беспредложный локатив в старославянском языке. — В кн.: *Исследования по синтаксису старославянского языка.* Прага, 1963, с. 263—285; *Правдин А. Б.* Дателный приглагольный в старославянском и древнерусском языках. — *Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР*, 1956, . XIII, с. 3—120; *Он же.* Аблативные значения родительного падежа в старославянском языке. — *КСИС*, 1958, вып. 25, с. 23—44; *Ходова К. И.* Значения творительного беспредложного в старославянском языке. — *Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР*, 1960, т. XIX с. 101—158; *Топоров В. Н.* Локатив в славянских языках. М., 1961; *Вауэрова М.* Беспредложный творительный падеж в старославянском языке. —

остановиться только на цепочках падежей и на взаимоотношениях, наблюдаемых в пределах отдельных звеньев.

Ниже в качестве примеров многочленных цепочек приводятся ряды управляемых форм при некоторых глаголах речи и при глаголах созидания, сотворения. С этими глаголами отмечается значительное количество падежных форм, способных к синтагматическому сосуществованию; правда, реально представленные цепочки обычно включают один или два объекта. Для определения функции каждой формы существенными являются ее дистрибутивные характеристики, учитывающие семантику глагола, с которым связана форма имени, и место в цепи приглагольных форм (реально представленных или только возможных), связанных с глаголом отношениями тесной связи (объектов). Если в одной и той же позиции представлено несколько разных форм, они или различаются по смыслу, или свободно взаимозаменяются.

§ 6. Ниже дается описание особенностей управления некоторых глаголов речи: *глаголати*, *решти*, *сзгъзати сѧ*, *парѣти сѧ*, *капѣти сѧ*, *взпросити — взпращати*, *просити — взспросити — испросити*¹⁹.

Большим числом членов представлена цепь предложно-падежных форм при глаголе *глаголати*: здесь обнаружи-

В кн.: Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963, с. 287—311; *Мразек Р.* Дательный падеж в старославянском языке. — Там же, с. 225—251; *Вечерка Р.* Синтаксис беспредложного родительного падежа в старославянском языке. — Там же, с. 183—223; *Ходова К. И.* Система надежей старославянского языка. М., 1963; *Sjöberg A.* Synonymous Use of Synthetical and Analytical Rection in Old Church Slavonic Verbs. Stockholm, 1964; *Bartula Cz.* Związki czasownika z dopełnieniem w najstarszych zabytkach języka staro-cerkiewno-słowiańskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964; *Ходова К. И.* Падежи с предлогами в старославянском языке (опыт семантической системы). М., 1971; *Она же.* Окказиональные смешения надежных форм в старославянском языке. — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия проф. С. Б. Бернштейна М., 1971; *Она же.* Структура отношений, выражаемых формами склонения имени существительного в старославянском языке. — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973.

¹⁹ Подробные сведения о формах управления глагола *всѣдвати* см. в книге: *Ходова К. И.* Падежи с предлогами в старославянском языке, с. 165—166.

вается до четырех позиций, занятых различающимися формами. Ближайший объект выражен винительным беспредложным, далее следует дательный беспредложный адресата сообщения, с которым конкурирует форма кз + дат. Форма ближайшего объекта при этом иногда сосуществует с формой объекта — адресата: *начатъ же кз людемъ глти притгчж сиж* Лука XX, 9 Мар., Зогр.; *Всѣт̄ гла исъ притгччами кз народомъ* Мат. XIII, 34 Мар.; *гла кз гоу словеса пѣсн̄и сѣа* Син. пс. XVII, 1. Часто отсутствие ближайшего объекта возмещается прямой речью, например: *глааше же кз нимъ. жатва оубо многа а дѣлателя мало* Лука X, 2 Мар, Зогр., Ассем; *главы (кз) не(моу) снъ (мои) юси ты прѣс + вин.* Енин. ап. 10 а 7.

В текстах Евангелия показательны многочисленные варианты к форме кз + дат. в виде дательного беспредложного: и *видѣвшѣ фарисѣи глахж кз оученикомъ его εἶπον τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ* Мат. IX, 11, Савв. (в Мар., Зогр., Ассем., Остр. — оученикомъ его); *тгда исъ гла кз народомъ. и оученикомъ своимъ ἐλάλησε τοῖς ὄχλοις* Мат. XXIII, 1, Мар. (в Ассем. *гла ис̄ народомъ*); *ѣще много имамъ глати кз камъ λέγειν ὑμῖν* Ио. XVI, 12, Савв. (в Мар., Зогр., Ассем., Остр. — глати камъ); *Взниде же паки пилатъ кз преторъ. I кззвѣа ис̄а и рече емоу εἶπεν αὐτῷ* Ио. XVIII, 33 Мар., Остр. (в Савв. *гла кз ис̄оу*); *пилатъ же паки гла кз ис̄кн̄и λέγει τῷ Ἰησοῦ* Ио. XIX, 9 Савв. (в Мар., Зогр., Ассем., Остр. — гла ис̄кн̄и); *также и архiereи ржгажште са сз кзнижники. другъ кз другоу глаахж прѣс ἀλλήλους* Марк. XV, 31 Мар., Ассем., Остр. (*другъ другоу глаахж* — Зогр.); *посзланъ есмъ глати (кз) тебѣ. I благоѣстити тебѣ прѣс ας* Лука I, 19 Мар., Остр. (в Зогр. *глати тебѣ*); *глааше же кз всѣма прѣс πάντες* Лука IX, 23 Мар. (в Зогр. *глааше всѣма*); *гла кз филипоу. чимъ коупимъ хлѣбы λέγει прѣс τόν Φίλιππον* Ио. VI, 5 Мар., Зогр., Ассем. (в Остр. — гла филипоу); *се сжтъ словеса. тже глахъ*

кз камз ештге сы сз камнι прѠс ѱμας Лука XXIV, 45 Мар., Зоґр., Остр. (в Ассем. — ѳже глахз камз)²⁰.

Как видно из этих примеров, колебания наблюдаются и там, где в оригинале беспредложный падеж, и там, где в оригинале предложно-падежная форма.

Количественное соотношение предложных и беспредложных форм объекта-адресата при этом глаголе выявлено А. Сьебергом. Он подсчитал, что беспредложный дательный встречается в Евангелии 480 раз, в Супр. — 103 раза, в Син. пс. — 10 раз, в Клоц. 4 раза, в Сиц. евх. 15 раз, в то время как дательный с предлогом кз в тексте Евангелия употреблен 53 раза, в Супр. 67 раз, в Син. пс. 3 раза, в Клоц. 6 раз, в Син. евх. 5 раз²¹.

Существует мнение, что форма кз + дат., по природе своей славянская, получила распространение в старославянских памятниках под влиянием соответственных греческих предложно-падежных форм²². Между тем А. Сьеберг выяснил, что в употреблении предложных и беспредложных форм при глаголати переводчики не всегда следовали оригиналу. Так, в соответствии греческой конструкции с предлогом *πρός*, в Супр. 41 раз отмечается конструкция с предлогом и 3 раза — без предлога; в соответствии греческой беспредложной конструкции в том же памятнике насчитывается 72 беспредложных конструкции и 18 конструкций с предлогом кз²³.

Двум конкурирующим формам объекта-адресата — форме кз + дат. и дательному беспредложному — и по месту в глагольном окружении, и по значению близка форма сз + твор.

²⁰ Некоторые из этих вариантов приведены в книге: *Horálek K. Evangeliáre a čtveroevangelia. Příspěvky k textové kritice a k dějinám staroslověnského překladu evangelia. Praha, 1954, s. 149.*

²¹ *Sjöberg A. Op. cit., p. 22.* См. об этом также *Grünenthal O. Die Übersetzungstechnik der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung. — Archiv für slavische Philologie, 1910. Bd. XXI, H. 4, S. 508.*

²² См. *Мразек P. Дательный падеж в старославянском языке. — В кн.: Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963, стр. 239.* Автор ссылается при этом на выводы Нильссона (*Nilsson T. Über den Gebrauch der Präpositionen im altbutgarischen Codex Zographensis. Stockholm, 1944, S. 15—16*) и А. Вайана (*Vaillant A. La préposition kü. — Revue des études slaves, 1956, 33, p. 109*).

²³ *Sjöberg A. Op. cit., p. 22.*

Некоторые примеры ее употребления: Юже не мзного глѣжъ съ ками 'λαλήσω μεθ' ὑμῶν Ио. XIV, 30 Мар., Зогр. Савв. (в Ассем. глѣжъ камъ); приѣждъ оученици его. I чоуждаахъ съ фко съ женсѣжъ гладаше метѧ + род. Ио IV, 27 Мар., Зогр., Ассем.; азъ емъзъ глаи съ токожъ ὁ λαλῶν σοι Ио. IV, 26 Мар., Зогр., Ассем.; вѣси съ пилатомъ глаголетъзъ Супр. 433, 24; дѣбелъ съ дѣкожъ глаголетъзъ сѹн Супр. 244, 1. Правда, глагол, употребленный с этой формой, приобретает взаимно-возвратный оттенок, так как выраженное им действие охватывает не только объект, но присуще и самому субъекту.

Но другую, особую позицию при глаголати занимает творительный беспредложный, выполняющий роль орудия или средства действия (в качестве орудия выступает орган речи, в качестве средства — форма сообщения): И глашѧ оустьи своіи покыкаша главами ἐλάλησαν ἐν χεῖρεσιν Син. пс. XXI, 8; глашѧ оуегъзнами. покыкаша главами Енин. ап. 31 в 11; Глахъ ѧзыкомъ моимъ ἐλάλησα ἐν γλώσσῃ μου Син. пс. XXXVIII, 4. Она встречается в цепях объектов, состоящих из винительного, дательного и творительного (I тацѣми пригъчѣми мзновѣми глѣше имъ слоко Марк. IV, 33 Мар., Зогр.); из винительного, кѧ + дат. и творительного (Вѣскѣ гла исъ пригъчѣми кѧ народомъ Мат. XIII, 34 Мар., Зогр.); из дательного беспредложного и творительного (по чѧто пригъчѣми глаголетши имъ Мат. XIII, 10 Мар., Зогр.).

Наконец, следующее место в цепи объектов при глаголати занимает форма о + лок., обозначающая предмет сообщения. Она может синтагматически сосуществовать с формами адресата-дательным беспредложным или кѧ + дат.: начѧтъ исъ глати народомъ. о исанѣкѣ перѣ 'Ιωάννου Мат. XI, 7 Мар., Зогр., Ассем.; Тъшга же симѣонѣ лежашъ огнемъ жегѣма. I агне глашѧ емоу о неи перѣ αὐτῆς Марк. I, 30 Мар., Зогр.; сѧказашѧ о глѣ. глѣмъ имъ о отрѣчатѣ семъ перѣ τοῦ παιδίου Лука II, 17 Мар., Савв. (о отрѣчѣти — Ассем., Остр.); I чѧ кѧ чѧ часъ приставѣши испѣвѣдаашѧ съ гѣи. I глаше о немъ. вѣскѣмъ чѧжштѣнимъ избѣклениѣкѣ кѧ имѣкѣ перѣ αὐτοῦ Лука II, 38 Мар., Зогр.; глаголати гѣи. о оуѣслѣпении сѧноу перѣ + род. Супр. 314, 17; слышѣмъ чѧто глаголетъзъ намъ гѣс-подѧ. . . ὁ σκѧтѣкѣмъ семъ праздниѣкѣ перѣ + род. Супр. 318, 28;

цѣсарѣ же ѿ поставыенни епискоупа кзснати на града. кз епискоупомъ глагола *περι* + род. Супр. 202, 9.

В греческом оригинале этой форме преимущественно соответствует *περι* + род. (например, Мат. XXI, 45; Марк. VIII, 30; Лука II, 33; VII, 24; IX, 11; Ио. II, 21; VIII, 26; IX, 17; IX, 21; XI, 13; XII, 41; XIII, 18; XIII, 22; Еванг. ап. 29 а 10; Син. пс.; LXXXVI, 1; CXXI, 8; Супр. 45, 30; 133, 7; 169, 3; 239, 4; 247, 30; 261, 26; 283, 25; 307, 9; 370, 17; 370, 20; 371, 1; 428, 8; 441, 27; 445, 6). Реже — *ἐπι* + род. (например, Ио. VII, 18, XVI, 13; Супр. 370, 18; 370, 21); еще реже — *ἐν* (Син. пс. CXVIII, 46; Супр. 441, 5). Иногда славянская предложно-падежная форма соответствует греческой беспредложной (Супр. 49, 8; 385, 29; 399, 30; 403, 27; 447, 10).

Позиционно с формой *о* + лок. совпадает форма *на* + вин. (правда, в наших примерах она сосуществует только с одним падежом ближайшего объекта — винительным или родительным): *се же рѣша искоушаѣште и да въ имѣни на на что гл҃ати катѣгорейъ аѡтоѡ Ио. VIII, 6 Мар., Зогр.; бес-тоудна лица ваща глаголѣште на ба неправѣдѣж катѡ + род. Супр. 74, 25; i н гл҃те на ба неправѣды катѡ + род. Син. пс. LXXIV, 6; ненавидѣтъ оустѣ на бога глаголѣшѣтихъ неправѣды катѡ + род. Супр. 510, 5. Но по семантике эти две формы различаются: *на* + вин. по сравнению с *о* + лок. содержит дополнительный элемент порицания, клеветы, хулы: I ина многа хоулаште глаахъ на на ел҃еѡν εις аѡтѡ, Лука XXII, 65 Мар., Зогр.; Иѣмы да вѣдѣтъ оустѣиши лѣстивыя. гл҃ѣште на правѣднаго безаконенѣ катѡ + род. Син. пс. XXX, 19; Се дѣло облыгаѣщихъ мѣ кз гю. II гл҃ѣщѣхъ зло на дшѣж моѣж катѡ + род. Син. пс. CVIII, 20; възглаша на мѣ бзѣкомъ лѣстѣкомъ катѡ + род. Син. пс. CVIII, 3. Ср. также Мат. XII, 10; Мат. XXVII, 12; Марк. III, 1; Марк. XV, 3; Лука XI, 54; Син. пс. LXXVII, 19; CXVIII, 23.*

Большим количеством членов представлена цепь предложно-падежных форм при глаголе *речи*. Сложная форма *кз* + дат. при глаголе *речи* выполняет функцию дальнейшего объекта-адресата сообщения. Винительный беспредложный в функции ближайшего объекта при этом иногда также

отмечается, например: рече г̃з пригъчж снѣж к̃з нимз е̃πε διὰ παραβολῆς Лука VIII, 4; ѡ ни кз комбѹ же ниѣгоже рекз. ѡде кз поуѣтѡиѣж Супр. 169, 18. Часто ближайший объект заменяет прямая речь, например: Г̃з рече кз мнѣ е̃νз μοι еси ты Син. пс. II, 7; и рече кз женѣ скоѣи... что естз слажде е̃кѣтз ли ѡли тзма прѣс + вин. Супр. 25, 21; рече анѡупатз кз стоѹоумѹ. пождрѣи богомз прѣс + вин. Супр. 105, 30; ѡ рече кз блаженѹбѹмоѹ кодратоѹ. жарѣши ли богомз бѹво влзшке прѣс + вин. Супр. 111, 20.

В текстах Евангелия наблюдаются многочисленные варианты к форме кз + дат. в виде дательного без предлога: отзвѣщавкз же петрз кз нѣки рече е̃πεν τῷ Ἰησοῦ Мат. XVII, 4 Мар. (в Ассем. отзвѣщавкз же петрз рече нѣки); Г̃з же рече кз оученикомз скоимз е̃πε τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ Мат. XIX, 23 Мар. (в Ассем., Савв. — оученикомз скоимз); тогда аще кто кз камз речетз се χ̃з е̃де. не ѡмѣте кѣры ὑμῖν е̃πη Мат. XXIV, 23 Савв. (в Мар., Зогр., Ассем., Остр. — аште кзто камз речетз); Рече г̃з кз оученикомз скоимз е̃πε τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ Мат. XXVI, 2 Савв. (в Мар., Зогр., Ассем., Остр. — рече оученикомз скоимз); она же шедзши рече кз матери скоѣи е̃πε τῇ μητρὶ αὐτῆς Марк. VI, 24 Мар., Зогр. (в Ассем., Остр. — рече мтрѣ скоѣи); И рече анѡлз кз неи е̃πεν ὁ ἄγγελος αὐτῇ Лука I, 30 Ассем. (в Мар., Зогр. — I рече еи анѡлз); И рѣша кз неи прѣс αὐτῇ Лука I, 61 Ассем., Остр. (в Мар., Зогр. — еи); и рече кз марин матери его прѣс Мариᾶм Лука II, 34 Мар., Зогр., Остр. (рече марин мтрѣи его Ассем.); ꙗко же прѣста г̃ла. рече кз симоноу прѣс τὸν Σίμωνα Лука V, 4 Мар., Остр. (в Зогр. рече симоноу); нѣз... отзвѣщавкз рече кз нимз прѣс αὐτοῦ Лука V, 22 Мар. (в Зогр., Ассем., Савв., Остр. — рече имз); I отзвѣщавкз нѣз рече кз нимз прѣс αὐτοῦ Лука V, 31 Мар., Зогр., Остр. (в Ассем. — рече имз); нѣз рече кз немѹ прѣс αὐτὸν Лука VII, 40 Мар., Зогр. (в Ассем., Остр. — рече емоу); ѡ обрациз еа кз женѣ рече

кз симоноу τῷ Σίμωνι ἔφη Лука VII, 44 Савв. (в Мар., Зогр., Ассем., Остр. — рече симоноу); рече же кз женѣ πρὸς τὴν γυναῖκα Лука VII, 50 Мар., Зогр., Ассем., Остр. (в Савв. рече женѣ); онз же οὐκ ἔβη ἀπὸ τοῦ καθίσματος Лука VIII, 21 Мар., Остр., Савв., Зогр. (в Ассем. рече имз); I рече кз нимз· πρὸς τὸν Ἰησοῦν на онз полз озера πρὸς αὐτοῦ Лука VIII, 22 Мар., Ассем., Остр. (в Зогр. I рече имз); I рече кз нимз. кзде εἰς τὴν κἀρα κἀσα εἶπε δὲ αὐτοῖς Лука VIII, 25 Мар., Зогр., (в Ассем., Остр. — и рече имз); рече кз оученикомз своимз πρὸς τοὺς μαθητὰς αὐτοῦ Лука IX, 44 Мар. (в Зогр. оученикомз своимз); Рече же кз другоуоумоу. ходи кз сὺνδὲ μοι πρὸς ἕτερον Лука IX, 59 Мар., Зогр., Ассем. (в Остр. — другоуоумоу); рече же кз немоу ἰσ. δεгаки мраткына εἶπε δὲ αὐτῷ Лука IX, 60 Савв. (в Мар., Зогр., Ассем., Остр. — рече же емоу); рече же кз немоу ἰсз εἶπε δὲ πρὸς αὐτόν Лука IX, 62 Мар., Ассем., Савв. (в Остр. — емоу); онз же рече кз немоу πρὸς αὐτόν Лука X, 26 Мар., Зогр., Ассем., Остр. (в Савв. рече емоу); онз же... рече кз иси πρὸς τὸν Ἰησοῦν Лука X, 29 Мар., Зогр., Ассем., Остр. (в Савв. — рече иси); I рече кз нимз. кто отз кыз иматз другыз εἶπε πρὸς αὐτοῦ Лука XI, 5 Мар., Зогр., Ассем. (в Савв. рече гд. своимз оученикомз); и речетз кз немоу друже εἶπη αὐτῷ Лука XI, 5; Савв. (в Мар., Зогр., Ассем., Остр. — речетз емоу); Рече же единз кз немоу εἶπεν δὲ τις αὐτῷ Лука XIII, 23 Мар., Зогр., Савв., Остр. (в Ассем. Рече же емоу егерз); I рече кз нимз εἶπε πρὸς αὐτοῦ Лука XIX, 13 Мар., Зогр. (в Ассем. и рече имз); р(е)че же кз нимз како гмжтз едини Εἶπεν δὲ πρὸς αὐτοῦ Лука XX, 41 Мар. (в Зогр. рече же имз); рече кз оученикомз своимз εἶπε τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ Лука XX, 45 Мар., Зогр. (в Ассем. своимз оученикомз); рѣша же кз немоу кое оубо ты теоршш знаменѣ εἶπον οὖν αὐτῷ Ио. IV, 30 Ассем. (в Мар., Зогр., Остр. — емоу)²⁴.

А. Сьеберг подсчитал, что с глаголом решти беспредложный дательный объекта встречается в тексте Евангелия

²⁴ См. так кз: *Horálek K. Op. cit., s. 149.*

443 раза, в Супр. — 101 раз, в Псалтыри — 15 раз, в Клоцовом сборнике — 9 раз, в Синайском требнике — 11 раз, а дательный с предлогом *кз* в Евангелии 98 раз, в Супр. 79 раз, в Псалтыри — 1 раз, в Клоцовом сборнике — 25 раз²⁵.

• Особую позицию при глаголе *речи* занимает форма *о+лок.*, обозначающая объект сообщения. В отличие от рассмотренной формы *кз+дат.*, *о+лок.* может присутствовать в тексте при наличии объекта-адресата: *о исанѣ крз-сѣтителѣ рече имз перѣ 'Ιωάννου τοῦ βαπτιστοῦ εἶπεν αὐτοῖς* *Мат. XVII, 13 Мар.*

Примеры употребления этой формы: *не о хлѣбѣхз камз кзнѣ(и)мѣти рѣхз оῦ перѣ ἄρτων εἶπον ὑμῖν* *Мат. XVI, 11 Мар., Зогр., доврѣ прорече исанѣ о кзсз лицемѣри перѣ ὑμῶν* *Марк. VII, 6, Мар., Зогр.; се же рече о доурѣ перѣ τοῦ Πνεύματος* *Ио. VII, 39 Мар., Зогр.; їсз же рече о сзмрзти его перѣ τοῦ θανάτου αὐτοῦ* *Ио. XI, 13 Мар., Зогр.; слыши бубо что ти о сэмз мжжи. и о дѣвици что ти пророкз рече перѣ+* *род. Супр. 246, 6—7. См. также Лука VI, 26; XXIV, 19; Ио. I, 30; X, 44; XI, 15; XVIII, 34; Син. пс. LXXXIV, 9; Супр. 246, 7; 250, 26; 346, 13; 350, 15; 365, 1; 370, 13; 406, 18.*

Форма *на+вин.* привносит в значение объекта сообщения новый семантический момент порицания, хулы и поэтому образует с формой *о+лок.* привативную оппозицию, являясь по отношению к последней отмеченным членом. Ср.: *Блаженѣ їсѣте їгѣда поносѣтѣз сз камѣ и ижденѣтѣз кѣ и рѣкѣтѣз вѣкѣз злѣз глз на кѣ хад' ὑμῶν* *Мат. V, 11 Мар.* (в Зогр. *поносѣтѣз камз*); *а иже речетѣз на дхз сѣтѣ не отз-поурѣтитѣз сз емоу катѣ τοῦ Πνεύματος τοῦ Ἁγίου* *Мат. XII, 32 Мар., Зогр.*

²⁵ *Sjöberg A. Op. cit., p. 66—67.* Автор приводит здесь данные, позволяющие считать, что в употреблении беспредложного и предложного дательного при этом глаголе переводчики не всегда следовали оригиналу (что подтверждает и наш цитированный материал). Например, согласно А. Сьебергу, в Супр. греческая конструкция с предлогом *προς* в 54 случаях переводится конструкцией с предлогом *кз* и в двух случаях — конструкцией с дательным беспредложным; греческая беспредложная конструкция в 72 случаях переводится славянской беспредложной и в 12 случаях — конструкцией с предлогом *кз*. См. об этом также *Grünenthal O. Op. cit., S. 508.*

О позиционном совпадении форм на + вин. и о + лок. при глаголе ρεϋи косвенно свидетельствует то, что, подобно фоме о + лок., форма на + вин. может сосуществовать с формами ближайшего объекта-адресата: I иже колижз до ρεϋετз слово на εηз чакѣкы отзпоуεтитз εα εμοу κατὰ τοῦ υἱοῦ τοῦ ἀνθρώπου Мат. XII, 32 Мар., Зогр. (в Ассем., Савв. — на εηα): так же Лука XII, 10 (εἰς τὸν υἱὸν τοῦ ἀνθρώπου); не млините ꙗко азз на кы ρεжж кз отзпоу κατηγορήσω ὑμῶν πρὸς τὸν πατέρα Ио. V, 45 Мар., Зогр.

При глаголе εзтазати εα формами ближайшего объекта являются εз + твор., междуоу + твор. и кз + дат. Другую, особую позицию при этом глаголе занимает форма о + лок., которая, как это можно видеть из приведенных ниже примеров, обозначает предмет обсуждения и встречается в одном ряду с каждой из перечисленных форм ближайшего объекта: I же кзεχотѣ εзтазати εα о εлокеси. εз ρавы εвонми συναραι λόγον μετὰ τῶν δοῦλων Мат. XVIII, 23 Мар. (изкомн εзкѣцати слово — Савв.) εзтаза εα εз ними о εлокеси συναίρει λόγον μετ' αὐτῶν Мат. XXV, 19 Мар., Ассем., Савв. (εзтаза εα εз ними εлокеси — Зогр.); ср. Мат. XVIII, 24; Лука XXIV, 17; Ио. XXVI, 19; (εз)тазашε εα...εз βεεѣдоуацими εз нимз πρὸς τοὺς παρατογγάνοντας Енин. ап. 39 б 17—18; ср. Енин. ап. 39 б 15—16; О εема ли εзтазаете εα между εовсж μετ' ἀλλήλων Ио XVI, 19 Мар., Ассем. (в Савв. кзпрашаате εα); Дроугз кз дроугоу во εзтазаша на пжти. кто еετѣ волеи πρὸς ἀλλήλους Марк IX, 34 Мар. (в Зогр. εзтазашε εα); I εзтазааѣж εα дроугз кз дроугоу гмѣциε πρὸς ἀλλήλους Лука IV, 36 Мар., Зогр.; что εжтз εловеεа еи о нижзже εзтазаате εα кз εεѣѣ иджѣа πρὸς ἀλλήλους Лука XXIV, 17, Мар., Зогр.

При глаголе парѣти εа формами ближайшего объекта служат εз + твор. и междуоу + твор.: что εа εжпрεстикшиши пегроу. что ε ѣриши εз дроугими Супр. 511, 8; парѣахж же εа иуден между εовсж πρὸς ἀλλήλους Ио. VI, 52 Мар., Зогр.

Другую позицию при этом глаголе занимает форма за + вин., обозначающая лицо, в пользу которого ведется спор: приди за ма пѣри εа ὑπερ + род. Супр. 242, 17.

При глаголе каѣти εа в функции объекта — адресата выступает форма кз + дат.: отз кзεго ερвдѣца покаѣтз εа кз εогоу Супр. 167, 12; ср. также Супр. 167, 2; Син. евх.

102, 4; при глаголах каѣти сѧ, покаѣти сѧ, раскаѣти сѧ в качестве форм объекта, обозначающих повод для раскаяния, употребляются о+лок., отъ+род., къ+вин.; творительный беспредложный и родительный беспредложный.

О+лок. является преобладающей формой объекта: каѣ сѧ о вѣхъ прѣгрѣшенныхъ нашихъ Син. евх. 75 б 22; раба твоего сего. каѣща сѧ о сконхъ прѣгрѣшенныхъ. Приими ἐπι τοῖς ἰδίοις πλημελίμασιν Син. евх. 75 б 13; припадша каѣште сѧ о дрззости Супр. 39, 14; о сконемъ невѣрствѣ ѿ непокорений покаавъ сѧ τῆς ἑαυτοῦ ἀπιστίας καὶ ἀπειθείας Супр. 291, 17; и раскаавъ сѧ о дрзвокенныхъ Супр. 415, 7; о злыхъ также сътвори каѣштъ сѧ ἐπι+дат. Супр. 517, 24.

Форма отъ+род. употребляется 3 раза: покаѣ сѧ отъ злوبي сѧ ἀπὸ Супр. 363, 11; покаѣта сѧ отъ злوبي каѣ ἀπὸ Супр. 363, 13; и тебе самого видимъ покаѣштъ сѧ отъ прѣльсти коумирьскыя Супр. 156, 7.

Форма къ+вин. — 2 раза: и ождаты — и. ꙗко покааша сѧ къ проповѣдѣ ионинъ μετανόησαν εἰς τὸ κήρυγμα Ἰωῆ Лука XI, 32 Мар., Зогр.; къ нихъже сѧ еста покаавъ Син. евх. 102, 14.

Родительный беспредложный — 2 раза: и покаетъ сѧ сконхъ грѣхъ Син. евх. 38 б 1; ср. также Син. евх. 72 б 1.

Творительный беспредложный — 1 раз: ꙗко покааша сѧ проповѣдиж ионинъж μετανόησαν εἰς τὸ κήρυγμα Ἰωῆ Мат. XII, 41 Мар., Зогр. (ср. выше къ проповѣдѣ ионинъ).

При глаголе покаѣти сѧ в качестве дальнейшего объекта-предмета, при посредстве которого осуществляется покаяние, употребляется о+лок.: ище кто братъа сего къ гнѣвъ проклянетъ. I пакы възлюбитъ. ж. денъ. Да покаетъ сѧ о хлѣбѣ о кодѣ Син. евх. 104 б 18 (аналогичное употребление формы о+лок. мы отмечаем в Син. евх. еще в семнадцати случаях).

При глаголе въпросити — въпрашати лицо, у которого нечто спрашивают, обозначается формами родительного беспредложного, отъ+род., оу+род.; возможна замена одной из них на другую. Например: и събра къ старѣшныи и книжники людскы въпрашаа оу нихъ где хръ рождаетъ сѧ ἐπιιδάετο παρ' αὐτῶν Мат. II, 4 Мар. (в Ассем. я, в Савв. д).

Другую, особую позицию при этом глаголе занимает

одна из форм, обозначающих сам предмет вопроса: это родительный беспредложный, либо о+лок. Возможно сосуществование двух форм объекта при одном и том же глаголе. Например: *взпраша же години отъ нихъ въ кѣж соулке емоу бѣи ἐπόθετο οὖν τὴν ὄραν παρ' αὐτῶ* Ио. IV, 52 Мар. (вз кын часъ — Остр.; вз кѣж години — Ассем; часъ... вз которы Зогр.); *взпрашаахъ и оученици его о притѣчи ἐπιρώτων αὐτῶν ... τὴν παραβολὴν* Марк. VII, 17 Мар., Зогр.; *1 βοῶαхъ εἰς ἐκείνην ἡμέραν ἐρωτῆσαι αὐτὸν περὶ τοῦ ῥήματος τούτου* Лука IX, 45 Мар., Зогр.; *Ἐρχιερεὶ же въпроси ісѣа о оученицѣхъ его. ἰ о оучени(и) его ἠρώτησεν τὸν Ἰησοῦν περὶ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ καὶ περὶ τῆς διδαχῆς αὐτοῦ* Ио. XVIII, 19 Мар., Зогр., Ассем (взпросиша — Савв.); *обычати нѣстѣ княземъ въпрашати δ въсемъ* Супр. 46, 25; *отъвѣштвакайтѣ намъ о ѿемъже въпрашаемъ вамъ* Супр. 257, 12; *азъ тебе о приобретении въпрашахъ* Супр. 447, 11; *іеже во δ тайныйхъ въпрашати лихо іестѣ* Супр. 570, 26.

При глаголах *просити, въпросити, испросити* в цепь объектов входит предмет просьбы и лицо, у которого нечто просят. Формой первого объекта при этом является родительный или винительный без предлога; дальнейший объект представлен формами *отъ+род., оу+род., родительным беспредложным*, которые взаимозаменяются. Примеры: *и емоуже прѣдаша много лишыша просѣта отъ него παρ' αὐτοῦ* Лука XII, 48 Мар., Зогр.; *Тѣгда прѣстѣпи къ немоу матери ѿвоу зеведеоу... κλητῆσθι εἰς. ἰ просѣшати нѣчего отъ него παρ' αὐτοῦ* Мат. XX, 20 Мар.; *просѣца мѣти отъ тебе* Син. евх. 32, 5; *просѣцааго цѣлѣе отъ тебе* Син. евх. 39, 10; *так же* Син. евх. 41, 23; *чоудесъ отъ него просити* Супр. 30, 16; *тоа во просиши отъ владыкы благодѣти παρὰ + род.* Супр. 54, 25; *ер. Супр. 55, 2; проси молитвы δѣтъ ѿ него* Супр. 199, 12; *и съгрѣшенимъ просѣиша просѣтъ. δѣтъ чловеколюбѣца еждѣа παρὰ + род.* Супр. 390, 13; *знаменѣа от ѿ него просѣахъ* Супр. 447, 2; *ничгоже велико δѣтъ тебе просимъ* Супр. 513, 6; *отъ чловеколюбѣцааго бѣа. просѣахъ бѣды тоа ѿбытъа παρὰ + род.* Супр. 530, 7; *просѣште δѣтъ него съподобенѣа. стѣа*

вѣрѣи крѣстиѣнѣскѣи Супр. 541, 6; моли ѣа часѣто кѣ господоу
просѣа милосѣти дѣа него Супр. 569, 29; Жикота просѣи оу
тебе ѣтѣрато се Син. Пс. XX, 4; просѣити милосѣти оу тебе
Син. евх. 39 в 4—5.

Но иногда форма ближайшего объекта отсутствует:
оѣца ѣ несе дастѣ дѣхѣ ѣтѣ. просѣашѣимѣ оу него тоѣс
аѣтоѣсѣи аѣтѣн Лука XI, 13 Мар., Зогр.; кѣѣѣкомоу же про-
сѣашѣоумоу оу тебе дан тѣ аѣтоѣнѣи се Лука VI, 30 Мар.,
Зогр.; просѣашѣоумоу оу тебе дан тѣ аѣтоѣнѣи се Мат. V,
42 Мар., Зогр.; просѣи оу мене емоу же ашѣге хоѣеши аѣтѣ-
сѣн ме Марк. VI, 22 Мар. (так же в Остр., Ник.; в Зогр.
емоу же ашѣге хоѣеши дамѣ ти); ты би просѣла оу него
сѣ аѣ ѣтѣрас -аѣтѣн Ио. IV, 10 Мар., Зогр. Просѣи оу мне и
дамѣ тѣ аѣтѣрасѣи пар' емоѣ Син. пс., II, 8; и оу тебе про-
сѣимѣ Син. евх. 9, 8; Дѣтелю просѣациимѣ оу тебе Син.
евх. 40 в 22—23; оу ниѣхѣ же просѣаѣхѣ Супр. 373, 8—9.

Иногда встречаются параллели к предложно-падежным
формам в виде беспредложных падежей: оѣа кашѣ...
дастѣ влаѣаѣ просѣашѣимѣ оу него тоѣс аѣтоѣсѣи аѣтѣн Мат.
VII, 11, Зогр., так же в Ник. (в Мар. просѣациимѣ его);
котораѣо же дѣтѣ кѣѣѣ оу оѣа ѣнѣ ѣколѣ кѣѣпросѣитѣ хѣѣѣѣ
тѣна дѣ ѣѣ ѣмѣѣн тѣн патѣра аѣтѣрасѣи ѣ ѣиѣс ѣртѣн Лука XI, 11,
Савв., так же в Ассем. (в Мар., Зогр., Ник. — котораѣо
же оѣтѣ кѣѣѣ оѣа; в Остр. — котораѣо же оѣтѣ кѣѣѣ оѣа);
Просѣи нѣа оу пѣлатѣ иѣсѣфѣ ѣже ѣтѣ арѣмаѣѣѣѣ ѣрѣѣтѣсе тѣн
Пѣлѣтѣн 'Иѣсѣф Ио. XIX, 38, Ассем; так же в Остр. (в Мар.
и Зогр. моли пѣлатѣ иѣсѣфѣ... да кѣѣѣметѣ тѣѣло нѣѣко).

Но особенно часто взаимно заменяются формы оѣтѣ +
род. и оу + род. Иногда они чередуются в параллельных
местах, например: ашѣге чѣѣо просѣите оу оѣа кѣ ѣма моѣ
тѣн патѣра Ио. XVI, 24, Зогр., так же в Ассем., Савв.,
Остр. (в Мар. оѣтѣ оѣѣа; так же в Савв. на листе 140);
Да ѣго же колѣждѣ просѣите оу оѣа кѣ ѣма моѣ тѣн патѣра
Ио. XV, 16, Ассем., так же в Ник. (в Мар., Зогр., Савв.,
Остр. — оѣтѣ оѣѣа); ѣго же колѣждѣ просѣиши оу ѣа тѣн ѣѣѣн
Ио. XI, 22, Мар.; так же в Савв., Ник. (в Зогр., Ассем.,

Остр. — отъ ба); и емоуже прѣидаше много мнѣша просета оу него αἰτήρουσιν αὐτόν Лука XII, 48, Ник. (в Мар., Зогр. отъ него); како тѣи иудеи сѣи просиши оу мене пити пар' емоу Ио. IV, 9, Ассем.; так же в Ник. (в Мар., Зогр., Остр. — отъ мене); I испросите оу ба пѣцж сѣѣт парὰ τοῦ Θεοῦ Син. пс., СIII, 21; также в Пог. (в Бол. отъ ба). В Син. пс. есть предлог отъ, переделанный рукой справщика на оу. Первоначально было: Единога просѣхъ отъ гѣт ѣтѣсамѣну парὰ ху XXVI, 4 (в Пог., Бол. также ѿ).

§ 7. При переходных глаголах сотворения, созидания в значении создаваемого объекта выступает форма вин. падежа. В цепях объектов при этих глаголах можно также найти дательный, обозначающий лицо, которому предназначается создаваемый предмет; далее — творительный, обозначающий орудие (а также часть тела человека), при помощи которого нечто создается и, наконец, творительный либо предложно-падежные формы, обозначающие материал или вещество, из которых нечто создается. Некоторые из названных именных форм реально сосуществуют в синтагматических рядах при одном и том же глаголе.

Цепи дополнений, состоящие из винительного и дательного: сѣткори ѣмоу хызинж особа Супр. 171, 8; сѣткоритъ ми хызинж сѣсти ми ка ней Супр. 204, 1.

Цепь из винительного и творительного орудийного: сѣткори дрѣжакж мышѣцѣж своѣж 'Εποίησεν κράτος ἐν βραχίονί αὐτοῦ Лука I, 51 Мар., Зогр. Творительный в значении материала, вещества: той паки глинѣныйма брѣннѣма грѣнѣчарѣма сѣткорѣтъ быти Супр. 396, 20.

Форма отъ + род. в значении материала, вещества: боги. . . ѣже сѣтѣ дѣла рѣжоу чловѣчаскоу дѣтѣ камени и дѣтѣ дрѣка творени Супр. 49, 27; сѣткориша ѣдолы дѣтѣ неа (т. е. из земли) Супр. 485, 12; отъ каа жикѣт очи сѣткори Супр. 344, 22; сѣткори вренне отъ плинковениѣт ἐποίησεν πηλὸν ἐκ τοῦ πτόσματος Ио. IX, 6 Мар., Зогр., Ассем. (плинковениѣт — Остр.); сѣткори отъ коды вино ἐποίησεν τὸ ὕδωρ οἶνον Ио. IV, 46 Мар., Зогр.; сѣткори вича отъ вѣвѣий ποιήσας φραγέλλιον ἐκ σχοινίων Ио. II, 15 Мар., Зогр., Ассем.

§ 8. Показав главные свойства падежных цепей при глаголах, обозначающих действия людей, возвратимся снова к неличному субъекту, к его связям с глаголами-сказуемыми, к особенностям приглагольных частей предложений, включающих неличный субъект.

Если лица ассоциируются преимущественно с действиями, поступками, поведением, то неличные существительные, глагольные связи которых подробно раскрыты в первой части книги, соединяются, преимущественно, с глаголами бытия, существования, пребывания. С неличными субъектами часто соединяются также глаголы движения. Сверх этих связей, общих для всех разрядов неличных имен, у каждого разряда неличной именной лексики имеются связи с собственным кругом глаголов-сказуемых. Объектные глаголы занимают в сочетаниях с неличными субъектами весьма скромное место. Они, например, наблюдаются при персонификации неодушевленных предметов, в ситуациях антропоморфического мира, а также в тех случаях, когда неодушевленные предметы (например, части тела человека, орудия труда) выступают как самостоятельные деятели.

Переходные глаголы эмоционального воздействия, наблюдаемые в нашем материале при некоторых неличных существительных (ср. кино *кэжеселитэ брэдце чэкоу*) способны ориентироваться не только на субъект—предмет, но и на субъект—лицо. При глаголах такого рода возможно чередование в субъектной позиции лексики разных разрядов, в том числе неличной и личной, а также не исключается совместимость в одной и той же конструкции имени лица и названия предмета ²⁶.

Таким образом, по-существу в сочетаниях с неличными субъектами повторяются или копируются некоторые «человеческие» связи с объектными глаголами.

Но при этом в предложениях, субъектом которых является неличное имя, а предикатом — объектный глагол, цепи или ряды приглагольных дополнений выглядят сокращенными, неполными. Если винительный или родительный объекта здесь появляются, так же как и некоторые падежи второго объекта, то в ряде сочетаний мало вероятно встретить творительный орудия или делиберативный объект.

²⁶ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976, с. 155.

Часть IV

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ ТИПОВ

§ 1. Разделение предложений типа N_1-Vf согласно составу грамматических оппозиций их субъектно-предикативной основы находит отражение во взаимодействии их с предложениями других типов, соотносительных с первыми, но характеризующихся иной структурной схемой. Благодаря сближению соотносительных предложений, построенных по разным структурным схемам, приобретают еще более отчетливый вид пограничные линии между подклассами предложений типа N_1-Vf , отличающимися друг от друга разницей по отношению к категориям лица, числа и рода — линии, которые при непосредственном наблюдении над общим составом предложений с именительным подлежащего выступают в виде только лишь едва заметных контуров и существенность которых для синтаксических описаний кажется поначалу проблематичной.

«Межконструктивные» отношения устанавливаются в кругу простых глагольных предложений (т. е. в пределах единиц одного и того же уровня), имеющих разную структуру, но построенных на общей лексической основе¹.

Как уже отмечалось во вводной части нашей книги, предложения, объединяемые формулой N_1-Vf , при установлении соотносительности между структурами, характеризующимися формально-синтаксическими различиями, считаются исходным или базисным типом.

Предложения производных типов представлены в старославянском безличными конструкциями нескольких разновидностей (в том числе неопределенно-личными) и страдательными конструкциями.

¹ Об этом типе отношений между предложениями см., например: *Москальская О. И.* Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974, с. 115—134.

В настоящей работе и безличные, и страдательные конструкции подробно исследуются и со стороны их лексического состава, и со стороны грамматических категорий структурной основы. Мы сочли полезным включить в работу специальную главу, посвященную конструкциям, которые близки к безличным по семантическим отношениям между их главными членами и по некоторым грамматическим признакам структурной основы. На фоне этих переходных случаев свойства подлинной безличности выступают особенно отчетливо. Существование конструкций, близких к безличным (а некоторые из них идут из глубокой древности), обогащает наши представления о типах простого предложения в славянских языках, о путях эволюции простых предложений.

Соотносительность простых глагольных предложений типа N_1-Vf с предложениями иной структуры имеет избирательный характер. Производные конструкции соотносятся преимущественно с такими конструкциями исходного типа, в качестве подлежащего которых выступает имя, обозначающее человека, а структурно-грамматическая основа предложения способна, как правило, к изменениям в лице и числе (т. е. с личными исходными конструкциями). Имеющиеся отклонения подтверждают наличие этого ориентира: производные структуры, соотносительные с исходными неличными, часто выражают разного рода уподобления человеку и его деятельности (см., например, страдательные конструкции с неличным субъектом).

Отмечалось, что страдательные и безличные конструкции имеют общие семантико-коммуникативные особенности, которые могут быть определены как устранение деятеля или источника действия из центральной позиции подлежащего². Изменение структурной схемы, вызывающее этот сдвиг, состоит в нарушении согласования между субъектом (если он представлен в производной структуре) и предикатом. При этом грамматические категории, выражаемые в различном составе в предложениях исходного типа двумя компонентами структурной основы, становятся в конструкциях производного типа достоянием одного

² Ружичка Р. О трансформационном описании так называемых безличных предложений в современном русском литературном языке. — ВЯ, 1963, № 3, с. 25.

субъектного компонента, имеющего форму косвенного падежа. Именительный падеж, присутствующий в страдательных конструкциях и в некоторых структурах, близких к безличным, образован обыкновенно от названия неодушевленного предмета и по существу представляет собой объект действия. В некоторых разновидностях безличных, а также в неопределенно-личных предложениях агенс вообще не называется, а предикат лишен способности изменяться по лицу, числу и роду.

В настоящей работе неопределенно-личные предложения трактуются как одна из разновидностей безличных односоставных. Не выделяются в особый тип и не рассматриваются так называемые обобщенно-личные предложения, которые не имеют специфических структурных схем (момент обобщения может быть свойствен предложениям различных типов)³.

Глава 1

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С БЕЗЛИЧНЫМ СКАЗУЕМЫМ БЕЗ ИМЕНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ПОДЛЕЖАЩЕГО

§ 2. Предложения, называемые обыкновенно безличными, имеют в каждом языке свою специфику и характеризуются формальным разнообразием, не дающим, на первый взгляд, оснований для отнесения их всех к единой группе. Неоднородны безличные предложения и с точки зрения соотносительности с другими синтаксическими построениями⁴. Со стороны смыслового содержания эти

³ *Распопов И. П.* К характеристике конструктивных типов простого предложения в современном русском языке. — НДВШ. Филол. науки, 1967, № 3, с. 32—33; *Панов М. В.* Русский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки. М., 1966, с. 107.

⁴ Ср. вывод, сделанный Р. Ружичкой в результате изучения безличных предложений русского языка: «Рассмотрение... безличных предложений показывает, что единство безличных предложений в трансформационной грамматике исчезает. Они входят по своей структуре в разные типы небезличных предложений

предложения также характеризуются богатством нюансов и отстоят на различных дистанциях от семантики небезличных предложений. И все же эти предложения имеют некоторые общие для всех них признаки. С формальной точки зрения их объединяет отсутствие именительного падежа подлежащего и полная невозможность употребления этой формы; затем, в предложениях этого типа глагол или связка не изменяются по лицам и числам, но имеют форму третьего лица единственного (в неопределенно-личных множественного) числа (на месте отсутствующей в настоящем времени связки можно подставить тоже только форму 3-го лица ед. числа).

По существу термин «безличные» для предложений этого типа в целом не подходит, т. к. этот термин в его прямом и буквальном смысле можно применить лишь к одной разновидности (одному подтипу) предложений с безличным сказуемым, а именно к предложениям «абсолютно безличным» (как русские *морозит, светает*). В предложениях такого рода наблюдается полное отсутствие не только выраженного, но и подразумеваемого субъекта, т. е. они действительно односоставны. «В греч. βει «(дождь) льет», лат. tonat «(гром) гремит», англ. it rains «дождь идет» процесс передан именно как неличный, как чистое явление, не соотнесенное ни с каким деятелем», — пишет Э. Бенвенист⁵. Если понимать термин «безличность» как отсутствие категории лица — это в полном смысле слова безличные предложения: категория лица, так же как и категория числа, здесь не выражены; процесс протекает вне отношения «я — ты», т. е. вне категорий, которые могут обозначать лицо⁶. Отмечалась близость таких абсолютно безличных предложений к небезличным предложениям с синтаксическим значением 3-го лица, субъект которых, будучи неодушевленным предметом, не участвует в речевом общении⁷. Заметим, однако,

и относятся к разным главам порождающей грамматики» (*Русская Р. Трансформационное описание так называемых безличных предложений в современном русском литературном языке*. — ВЯ, 1963, № 3, с. 31).

⁵ Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М., 1974, с. 264.

⁶ Там же.

⁷ Золотова Г. А. К понятию предикативности. — *Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков*. Л., 1975, с. 152.

чем в предложениях со значением 3-го лица (*книга лежит, книги лежат*), в которых присутствует (или подразумевается) субъект, наличествует категория грамматического числа и имеет место связь согласования, что не характерно для абсолютно безразличных предложений.

Абсолютно безличные предложения являются действительно бессубъектными односоставными и противостоят остальным безличным — субъектным, двусоставным. Строго говоря, к последним термин «безличные» не подходит, так как в них соеджится форма косвенного субъекта, выражающая испытывающее состояние лицо и, таким образом, предложение имеет бинарную структуру, включая в свой состав именную группу и глагольную группу. Предложения, сообщающие о состоянии субъекта, «по природе своей личны и двусоставны (двухкомпонентны), потому что в них в тех или иных формах должны найти выражение обозначение субъекта и обозначение состояния», — полагает Г. А. Золотова⁸, и мы присоединяемся к этой точке зрения. Автор обращает внимание на препозицию субъектной формы, в отличие от нормальной постпозиции внешне соответствующей ей формы объекта⁹. Бинарность предложений с косвенным падежом субъекта-лица существенно отличается от бинарности предложений с формой именительного падежа подлежащего, которая благодаря своей формальной инвариантности противопоставлена всем другим членам падежной парадигмы и отличается от падежей прочих членов предложения. В личном предложении между подлежащим — именительным падежом и сказуемым существует обязательная зависимость: согласование в лице, числе, а иногда и в роде. Между косвенным субъектом безличного предложения и его главным членом наблюдается иной тип отношений.

Спор о природе косвенного субъекта безличных предложений¹⁰ имеет давнюю историю. Русские лингвисты

⁸ Золотова Г. А. Категория лица в синтаксическом аспекте. — Исследования по славянской филологии. М., 1974, с. 111.

⁹ Там же, с. 112.

¹⁰ Обозначая косвенный падеж лица термином «субъект» или «косвенный субъект», мы руководствуемся определением Е. С. Истриной, согласно которой термин «субъект» в грамматическом значении «употребляется тогда, когда речь идет о таком компоненте предложения, который функционально соответствует

еще в XIX в. высказывали мнение о близости косвенного субъекта безличного предложения и подлежащего личного предложения — именительного падежа лица. Так, М. В. Класовский считал идентичными в логико-психологическом плане слова *я* и *мне* в конструкциях *я не сплю* и *мне не спится*. Согласно этому автору, в предложениях *мне хочется, верится, плачется, легко, пора* и т. п. форма *мне* является грамматическим подлежащим¹¹. И в наше время косвенный субъект безличных предложений рассматривается некоторыми лингвистами либо как подлинный эквивалент подлежащего¹², либо как аналог грамматическому подлежащему¹³. Отмечается, что выражение деятеля формой косвенного падежа находится в противоречии с его современным пониманием как субъекта действия и является фактом пережиточного характера¹⁴. В. Н. Сидорову и И. С. Ильинской казался неприемлемым сам термин «безличные» для предложений с косвенным субъектом.

«Формально предложения этого типа можно было бы считать предложениями «безличными», как это делается в традиционной грамматике. Однако то обстоятельство, что они по своему значению совершенно тождественны с предложениями «личными», . . . не позволяет их считать безличными»¹⁵. Ведь, как подчеркивают эти авторы,

грамматическому подлежащему в его отношении к предикату-сказуемому, но берется именно с этой функциональной стороны, а не со стороны определенного данного оформления» (*Истрина Е. С.* Субъект и подлежащее как синтаксические термины. — Уч. зап. Казахского Гос. ун-та им. Кирова, т. 11. Алма-Ата, 1946, с. 29).

¹¹ Класовский М. В. Нерешенные вопросы в грамматике. СПб., 1870, с. 28—29.

¹² Адмони В. Г. Введение в синтаксис немецкого языка. М., 1955, с. 51.

¹³ См., например: Popela J. K syntaktické podstatě tzv. dativu subjektu v současné ruštině. — Bulletin vysoké školy ruského jazyka a literatury, III. Praha, 1959; Александров Н. М. О предикативных отношениях. — Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 217, 1960, с. 18.

¹⁴ Тимофеев К. А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 265.

¹⁵ Сидоров В. Н., Ильинская И. С. К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке. — Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., т. VIII вып. 4, 1949, с. 347.

собственно безличные предложения характеризуются тем, что в них устранен субъект¹⁶.

Другие исследователи, наоборот, выдвигают на первый план момент пассивности лица, выраженного формой косвенного падежа: это лицо не производит действия, но испытывает действие или состояние, навязанное ему со стороны, помимо его воли и желания. Указывается, что стремление обязательно найти выражение производителя действия или носителя признака в безличных предложениях противоречит самой природе безличных предложений, так как своеобразие их семантики заключается в отвлечении действия от деятеля, признака от его носителя, в неясности, неопределенности деятеля. Как писал Ф. Ф. Фортунатов, «спится, этою формой, изменяющею личный глагол в безличный, данный признак обозначается как производимый силою действия, в отвлечении от субъекта»¹⁷. В связи с этим большое значение придается своеобразию формы выражения субъекта безличных предложений, идентичной форме выражения объекта: «субъект выступает в роли объекта, невольно испытывающего на себе действие, в роли объекта, на который направлено действие: Например: *мне хочется, плохо работается, не спится, нездоровится, икается* и т. п.»¹⁸. Я. И. Рословец рассматривает безличные предложения, включающие косвенные падежи лица, как безусловно односоставные, а форму косвенного падежа лица, входящую в состав этих предложений — как распространение их единственного предикцирующего члена в порядке предложеческих связей. Он обращает внимание на следующую деталь: те же самые предложения могут быть распространены «обстоятельственными детерминантами» (ср. *мне душно* и *в комнате душно*, *мне стало жутко* и *в лесу было жутко*), сообщающими предложению значение состояния окружающей обстановки¹⁹; таким образом, лицо, обозначенное формой косвенного падежа, автор как будто бы

¹⁶ Там же, с. 348, прим. 1.

¹⁷ Фортунатов Ф. Ф. О залогах русского глагола. — Изв. отдел. русск. яз. и словесности АН, т. IV, 1903, с. 102—105.

¹⁸ Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947, с. 637.

¹⁹ Рословец Я. И. О второстепенных членах предложения и их синтаксических функциях. — ВЯ, 1976, № 3.

считает синтаксическим эквивалентом в этих условиях обстоятельственных слов ²⁰.

Принять, видимо, следует и ту, и другую точки зрения на косвенный субъект, отказавшись при этом от крайностей, объяснимых полемичностью обсуждаемого вопроса. Форма косвенного субъекта, действительно, обозначает человека, испытывающего состояние, выраженное главным членом предложения, и на этом основании она может функционально сближена с именительным падежом подлежащего. В то же время не подлежит сомнению более пассивная роль лица-косвенного субъекта по сравнению с лицом, обозначаемым именительным подлежащего, что особенно заметно в случаях противопоставлений личной и безличной конструкций с идентичным лексическим наполнением, когда такое противопоставление возможно.

Надлежит, однако, подчеркнуть и другие, весьма существенные стороны вопроса о сходстве и различии именительного подлежащего и формы косвенного субъекта безличных предложений. Прежде всего функционирование именительного подлежащего максимально свободно от лексических ограничений, связывающихся с этой формой глаголов, бесконечное разнообразие которых в функции сказуемого личных предложений сдерживается только словарными возможностями языка. Наоборот, употребление формы косвенного субъекта возможно с безличными (или некоторыми безлично употребляющимися личными) и безлично-предикативными словами, состав которых вполне обзрим; иными словами, для употребления форм косвенного субъекта имеются ограничения в лексике сочетающихся с ними форм главного члена предложения. Лексические значения субстантивных форм, выступающих в функции подлежащего, также не имеют каких-либо ограничений; в безличных же предложениях косвенный субъект — либо личное местоимение, либо существительное, обозначающее человека (исключения крайне редки, ниже они специально оговариваются).

²⁰ При этом автор упускает из виду, что форма обозначения лица способна синтагматически сосуществовать с обстоятельственными словами, т. е. возможны построения типа *в комнате мне было душно, в лесу мне стало жутко*, а сосуществующие элементы не могут быть эквивалентными.

Таким образом, специфика косвенного субъекта оказывается тесно связанной с самыми существенными чертами предложений с безличным сказуемым и безличности вообще. Продолжая характеристику косвенного субъекта в этом плане, отметим и другое, еще более важное его отличие от именительного подлежащего: отсутствие согласования в лице и числе главного члена предложения. В предложениях с безличным сказуемым и косвенным субъектом категории лица и числа выражены только местоимением косвенного падежа, не предполагающим изменения глагола по лицам и числам. Изменение по лицам и числам у таких предложений «происходит за пределами глагольной формы, что, собственно, и позволяет отнести их к неноминативным структурам: *мне страшно, тебе страшно, . . . мне полагается, тебе полагается* и т. п. . . .»²¹, т. е. по-иному, чем в двусоставных предложениях с именительным падежом подлежащего, где изменение по лицам и числам выражается совместно обоими членами предикативного сочетания: местоимением, если оно выступает в функции подлежащего, и глаголом²². Выражение в безличных предложениях категорий лица и числа отличается некоторой ущербностью по сравнению с выражением этих категорий в личных предложениях. Не следует упускать из виду, что важная роль в предложении принадлежит, все-таки, сказуемому (в безличных — главному члену), и поэтому отсутствие специальных, согласованных с подлежащим глагольных показателей для оппозиций лица и числа, их одностороннее, чисто местоименное выражение как бы отделяет их в данной ситуации от собственно грамматических оппозиций и приближает к оппозициям лексическим, чему способствует и супплетивный характер личной парадигмы местоимений, не поддерживаемый в том или ином косвенном падеже субъекта различиями глагольных форм.

Специфические грамматические особенности главного члена предложений с безличным сказуемым — его неиз-

²¹ Алисова Т. Б. Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений. — В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969, с. 32.

²² Это обстоятельство не вполне учитывает Г. А. Золотова, высказывая мысль о синтаксической нерелевантности противопоставления формы именительного падежа подлежащего формам косвенных падежей со значением субъекта. (См. Золотова Г. А. К понятию предикативности, с. 152).

меняемость по лицам и числам — не препятствуют, однако, сохранению к а т е г о р и й в р е м е н и и н а к л о н е н и я. Здесь в рамках 3-го лица ед. числа глагола или связки противопоставления по времени и наклонению получают четкое выражение; ср. русск. *светает* — *светало* — *будет светать*; *светало бы*; *мне (тебе, ему, нам, вам, им) не спится* — *мне (тебе, ему, нам, вам, им) не спалось*; *мне (тебе, ему, нам, вам, им) не спалось бы*; *мне (тебе и т. д.) весело* — *мне (тебе и т. д.) было весело* — *мне (тебе и т. д.) будет весело*; *мне (тебе и т. д.) было бы весело*. Оппозиции времени и наклонения служат общей принадлежностью в с е х разновидностей предложений с безличным сказуемым, цементируют эту неоднородную, пеструю группу синтаксических построений²³.

Безличность в старославянском языке — не то, что безличность в современном русском. Прежде всего даже морфологически она выражалась в целом менее четко: примета среднего рода, характерная для безличных глаголов прошедшего времени в русском языке, в старославянском не имела условий для проявления, так как безличные глаголы в прошедшем времени представлены формами простых прошедших времен, не изменяющимися по родам. Показатель среднего рода служит приметой безличности, собственно, лишь в предложениях со страдательными причастиями: дано, речено, писано и т. п.

С лексической стороны безличные глаголы старославянского языка также отличаются малой выразительностью. Обычно это не особые глагольные лексемы, типа *смеркается*, *знобит*, *мерещится* и т. д., которые могут употребляться только как безличные²⁴, но глаголы, кото-

²³ См. Шведова Н. Ю. Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм. — В кн.: Проблемы современной филологии. Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965, с. 284.

²⁴ Ср., однако, весьма редкие, если не сказать — окказиональные, примеры соотносительных с абсолютно безличными глаголами, связываемых с подлежащим-именительным падежом, извлеченные из произведений русской художественной литературы Р. Ружичкой:

Даль светает (Симонов) — *Светает*.
Ветер . . знобит (Шолохов) — *Знобило*.
Снег знобил ноги (Гл. Успенский) — *Знобило*.
Небо густо вызвездило (Б. Полевой) — *Вызвездило*.
День багряный вечерет (Пушкин) — *Вечерет*.

рые могут употребляться и с подлежащим-именительным падежом. Поэтому окружение или распространение безличного глагола — состав безличной конструкции — в известной степени определяется распространением соответствующего глагола, связываемого с подлежащим; его безобъектностью или объектностью, типом управления и составом дополнений, зависящих от лексической семантики глагола. Формальные критерии (включая характер окружения безличного глагола), кладущиеся в основу классификации предложения с безличным сказуемым в некоторых описаниях, лишаются для старославянского первостепенного значения, поскольку формальные особенности безличных конструкций в значительной степени мотивированы лексико-грамматическими свойствами глаголов, соотносящихся с безличными.

Предложения с безличным сказуемым принадлежат к весьма древнему типу, в славянских языках они распространены повсеместно.

В старославянском предложения с безличным сказуемым представлены несколькими разновидностями. При их классификации значение придается такому моменту как число обязательных компонентов предложения. По этому признаку выделяются предложения с косвенным субъектом и без косвенного субъекта (односоставные). Безличное сказуемое имеет разные формы выражения: различаются конструкции с глагольным, причастным, инфинитивным, наречно-именным главным членом. По падежу косвенного субъекта выделяем конструкции с дательным или родительным (без предлога или с предлогом).

Названные отличительные особенности характеризуют безличные предложения в разных аспектах, которые могут по-разному пересекаться, так что, например, конструкция с глагольным сказуемым может быть одночленной, двучленной или трехчленной, без косвенного субъекта либо с косвенным субъектом, выраженным той или иной падежной формой. Один из типов признаков берется за исходный, но при этом учитываются и другие признаки.

Приведя эти параллели, Р. Ружичка замечает, что трансформируемость приведенных примеров «ввиду ограниченности личных предложений легко оспаривается» (см. *Ружичка Р.* Трансформационное описание так называемых безличных предложений в современном русском литературном языке. — ВЯ, 1963, № 3, с. 29.

А. Предложения с безличным сказуемым и косвенным субъектом

1. Предложения с безличными (или безлично употребленными) глаголами и субъектом, выраженным дательным падежом

§ 3. Предложения с безлично употребленным или безличным глаголом, выражающие физические или психические состояния человека, представлены весьма редкими примерами.

Глагол *χοῦτε* с дательным падежом: *Ουπηβα на гѣ да избавито — I. И спето — I* *ψαγε χουπηтеγз емоу ὅτι θέλει αὐτόν* Син. пс. XXI, 9, с. 25, 17 (*ψαγε* вместо *ашге*); *ουπηβα на ба да избавиты и нкнѣ. ашге χουπηтеγз емоу εἰ θέλει αὐτόν* Мат. 27, 43 Мар., Зогр., Савв., Остр. При обычном употреблении глагол *χοῦτε* также чаще всего имеет при себе дательный: *Κατο еста чакз хотѣи жкѣотου ὁ θέλων ζωὴν* Син. пс. XXXIII, 13 с. 41, 14; *χοῦτεψагеи правздѣ моѣи οἱ θέλοντες τὴν δικαιοσύνην μου* Син. пс. XXXIV, 27, стр. 44 b 1; *χοῦτεψагѣи мѣроу οἱ θέλοντες τὴν εἰρήνην* Син. пс. XXXIV, 27, с. 44, 65; *никзтоже пикз кетзха авиѣ χουπηтеγз нокоуоумоу εὐθέως θέλει νέον* Лука V, 39 Мар., Зогр., См. также Мат. XII, 7; Марк VI, 22; Ио. XV, 7; Лука XIX, 14; Син. евх. 101 a 21.

Но с этим же глаголом может быть и винительный: что *χοῦτεши да ти εστкорж* *Τί σοι θέλεις ποιήσω* Лука XIII, 41, Мар. (но в другом месте аналогичное чтение с дательным: *чегомоу χοῦτεши да εστкорж тебѣ* *Τί θέλεις ποιήσω σοι* Марк X, 51 Мар., Зогр.; *ποστγидѣтз еи. Хоῦтеши мнѣ зло οἱ θέλοντες μοι κακὰ* Син. пс. XXXIX, 16, с. 73 b 5 (но ср. дательный: *ποστγидѣтз еи χοῦтеψагеи моемоу злоу οἱ βουλόμενοι μοι κακὰ* Син. пс. LXIX, 3, с. 85 b 4); родительный: *милостѣи χουштж а не жрзтѣи* Мат. IX, 13 Савв. (но ср. дательный в этом же месте в Мар., Ассем., Остр.: *милостѣи χουштж а не жрзтѣѣ* *Ἐλεος θέλω, καὶ οὐ θυσίαν*).

Пример с глаголом *μρзѣти* из Син. пс. *Неправздж влзненавидѣхз I* *μρзѣ ми ἀδικίαν ἐμίσησα καὶ ἐβδελοξάμην*

СХІХ, 163, с. 166 в 4, приведенный В. Л. Георгиевой²⁶, нам не кажется очень показательным. Похоже на то, что в старославянском здесь выпущено анафорическое местоимение женского рода, отсылающее к существительному неправѣда.

Глагол мрзѣти хорошо известен в старославянском в качестве сказуемого двусоставных предложений, при этом управляет он существительным как раз в форме дательного: мжжз лзжкз. . . мрзѣтъ гѣ ѿнѣра. . . βδελύσσεται χόριος Син. пс. V, 8, с. 5 в 5; словеса моѣ мрзѣтахъ ѿмъ βδελύσσοντο Син. пс. LV, 6, с. 69, 23. Ср. также омрзѣти: омрзѣ емоу достоѣнде свое βδελύξато Син. пс. CV, 40.

Широкое распространение имеют безличные предложения с глаголами долженствования.

Безличные предложения с глаголом подобаетъ 'следует', 'должно' обыкновенно содержат инфинитив. Дательный падеж косвенного субъекта наблюдается в преобладающем количестве случаев, но иногда бывает пропущен.

Примеры с дательным падежом: тако бо подобаетъ намъ испазнѣти какъ правдъ прѣпѣν ѡстѣν Мат. III, 15 Савв. (в Мар., Зогр., Ассем., Остр. — подобно намъ естъ; в Супр. еце бо лѣпо ѣстъ намъ ѡсправѣти какъ правдъ 416, 18—19; в Клоц. тако бо естъ намъ лѣпо сзкончатѣ б а 34—35); не подобаше ми и тебѣ помиловати клеветѣта твоего оубъ ѣдеи Мат. XVIII, 33 Мар., Ассем., Савв.; мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла послабѣшааго ма деѣ Ио. IX, 4 Мар., Зогр., Ассем.; стыди сѧ также подобаетъ женамъ прѣпѣи Супр. 13, 15 (здесь инфинитив стыдѣти сѧ пропущен во избежание тавтологии); не тако ми подобаше пострадаѣти хоу Супр. 477, 28; коего бога подобаетъ нама отъкрѣшѣти сѧ ѣхрѣν Супр. 427, 28; подобаше бо варѣти койноу коекодж. подобаше прѣжде прѣти вестѣникуу. прѣдъ господѣнемъ прѣшзѣтѣнемъ Супр. 245, 15—16.

Ср. также конструкцию с отрицанием долженствования: не подобѣтъ кы земѣнааго цѣсарѣа воѣти сѧ Супр. 257,

²⁶ Георгиева В. Л. Безличные предложения по материалам древнейших славянских памятников (особенно старославянских). — *Slavia*, 1969, гоѣ. XXXVIII, сеѣ. 1, с. 70.

25 (здесь дательный падеж мн. числа личного местоимения выражен энклитической формой *кы*, известной из числа старославянских памятников только в Супр. Согласно данным А. Вайана, форма дательного *кы* встречается в этом памятнике 9 раз, см. его «Руководство по старославянскому языку», с. 176).

Конструкции без дательного встречаются реже, чем с дательным. Пропуск дательного сообщает всей конструкции оттенок сосредоточенности на самом факте, событии, действии. Подобно тому, как это наблюдается в неопределенно-личных предложениях, лицо остается необозначенным, так как указание на него, с точки зрения говорящего, несущественно, либо оно неопределенно или неизвестно, и поэтому указание на него невозможно. Ср.: *и же подовааше сътворити ѿдеи* Мат. XXIII, 23 Мар., Зогр.; *кз емѣ еста мѣсто идеже кланѣти сѧ подоваатъ деи* Ио. IV, 20 Мар., Зогр., Остр.; *како подоваатъ кзегда молити сѧ деи πάντοτε προσεύχεται* Лука XVIII, 1 Мар., Зогр.; *тако подовааше быти оутос деи γενέσθαι* Мат. XXVI, 54 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; *рци ми како подоваше створити лочышъ. нждѣж їлї колеж Клоц. 5 а 33; Подоваше и глакы змѣкы съкроушити* Хил. л. 6; *подоваетъ прѣжде отъ плода кзкоусити деи* Енин. ап. 1 а 7; *тѣхъ подоваетъ паче рыдати* Клоц. 3 б 27. Безличная форма глагола подоваетъ иногда обозначает объективную неизбежность и имеет значение 'предстоит': *подоваатъ скончати сѧ кзѣмъ написанымъ. кз законѣ моукѣ деи* Лука XXIV, 43 Мар., Ассем.; *подоваатъ камъ родити сѧ сѧ кыше деи* Ио. III, 7 Мар., Зогр., Ассем.

Глагол *подовати* может употребляться не только с инфинитивом, но и с именительным падежом существительного неодушевленного, которое иногда может быть семантически соотнесено с инфинитивом. Например: *пракымъ по(до)баетъ похвала прѣпей айвеси* Син. пс. XXXII, 1; *тевѣ подоваетъ пѣснъ вѣже кз сионѣ прѣпей ѿрнос* Син. пс. LXIV, 2; Енин. ап. 21 а 9—10 и 22 б 18; *тевѣ подоваетъ кѣт глака прѣпей* Син. евх. 8 а 24; *Домоу твоему подоваетъ стѣни прѣпей а҃гїа҃ра* Син. пс. XCII, 5; Енин. ап. 25 а 10. Разница в структуре конструкций с омонимичным глаголом состоит в том, что во втором случае отсутствует дательный падеж косвенного субъекта долженствования, но

имеется дополнение в форме дательного. Однако это дополнение служит важным смысловым центром предложения, так как оно образовано от личного местоимения или от существительного со значением лица, и в этом отношении напоминает подлежащее. Наоборот, именительный падеж (слава, похвала, *πῆσα*), несмотря на имеющиеся у него формальные черты подлежащего, по смыслу ближе к дополнению. Эти конструкции с дательным падежом лица-дополнения весьма близки по смыслу к соответствующим им безличным, с дательным падежом лица-косвенного субъекта. Особенности их структуры проливают свет на генезис безличных предложений, и, в частности, на закрепление за дательным функции косвенного субъекта.

Предложения с глаголом долженствования *δοστοιγτз* 'должно', 'надлежит' близки по семантике предложениям с глаголом *ποδοбаεγтз*, что, между прочим, нашло отражение в колебаниях между этими двумя глаголами в параллельных местах евангельских кодексов. Лука XIII, 16: *не достоѣаше ли раздрѣшити еѧ отз жзы к денз советзны оѡх. ѣдеи* Мар., Зогр., Ассем., Савв. (в Остр. в соответствующем месте — *не подобааше ли раздрѣшити*). При глаголе употребляется инфинитив. Возможен также косвенный субъект — дательный падеж личного местоимения или существительного, обозначающего человека: *аще до-стоитз мжжю женж поуцгати еи ѣѣсоти* Марк X, 2 Мар., Зогр.; *аще доситз чакѡу поуцити женж свож еи ѣѣсоти* Мат. XIX, 3 Мар., Ассем., Остр. (*аще егтз достоино* Савв.); (в Клоц. *аште е лавѣ поуцгати женж свож* 2b 8) *достоѣаше же емоу проити своѣ самаринж ѣдеи дѣ аѡтѡν διέρχουσαι* Ио. IV, 4 Мар., Зогр.; *доситз ли намз кеса-рѡки данз дати. или ни ѣѣсоти* Лука XX, 22 Мар., Зогр.; *ѣз тѣхз доситз ми быти дѣи еѣваі ме* Лука II, 49 Мар., Ассем., Савв., Остр.; *доситз оубо камз. данса оукѣдѣти* Клоц. 6 b 15; *Доситз и намз рещти* Супр. 480, 4.

Конструкции с отрицанием долженствования: *не до-ситз тевѣ казати одра твоего оѡх ѣѣсоти* Ио. V, 10 Мар., Зогр. (*не доситз ти* Ассем.); *не доситз тевѣ имѣти жены филипа брата своего оѡх ѣѣсоти* Марк VI, 18 Мар., Зогр., Ассем.; *не доситз намз оубити никогоже оѡх ѣѣсоти* Ио. XVIII, 31 Мар., Ассем., Зогр., Савв. (в Супр. *намз не достойнно ѣсгтз погоубити ни недного же* 433 9—10);

не достоинъ ти крѣстиѣноу ѣа нарицати Супр. 100, 10.

Конструкции без дательного падежа имеют оттенок неопределенно-личных или обобщенно-личных: аще достоинъ къ работѣ цѣлити еі ѣѣсѣти Mat. XII, 10 Мар., Зогр.; ср. Лука XIV, 3 Мар., Зогр., Ассем., Савв.; тѣма же достоинъ къ работѣ добро творити ѡсте ѣѣсѣти Mat. XII, 12 Мар., Зогр.; достоинъ ли дати кѣноса црѣкѣ или нѣ ѣѣсѣти δοῦναι Mat. XXII, 17 Ассем. (достоино ли естѣ Мар., Остр.; достоинъ ли Савв.); шестѣ денъ естѣ къ наже достоинъ дѣлати деі Лука XIII, 14 Мар., Зогр., Ассем., Савв.; достоинъ кланѣти ѣа деі Ио. IV, 24 Мар., Зогр., Ассем.; достоинъ кѣсего бѣдрѣжати ѣа Супр. 497, 4; достоинъ мѣсто ѣмоу подати Супр. 548, 17.

С отрицанием: хлѣбы прѣдзложеніѣ сзвѣстѣ. іхъже не достотѣше тѣги оѡх ѣѣсѣти φαγεῖν Марк II, 26 Мар., Зогр., Ассем., Савв.; вѣждѣ что творатѣ къ работѣ егоже не достоинъ о оѡх ѣѣсѣти Марк II, 24 Мар., Зогр., Ассем., Савв. (в этом примере пропущен инфинитив, который сохранен в другом месте: творатѣ. егоже не достоинъ творити къ работѣ оѡх ѣѣсѣти Mat. XII, 2 Мар., Зогр.).

Глагол достотати как личный в древнейших старославянских памятниках не встречается.

При глаголе объективной неизбежности прѣдзлежитѣ 'предстоит', имеющем форму 3 лица ед. числа, может быть употреблен инфинитив. Конструкции с дательным косвенного субъекта: намъ же прѣдзлежитѣ не ѡ іединомъ мѣченицѣ чоудити ѣа ни ѡ дзкоѡ Супр. 82, 14; іедно отѣ дкоѡ прѣдзлежитѣ камъ. или жѣрѣше богомъ кѣ саны ѣ кѣ члѣти достотномъ быти. или не покорѣвѣше ѣа ѡтзати жикога и койнастѣко Супр. 70, 2.

Конструкция с именительным: аште сзмѣрѣтѣ прѣдзлежитѣ. сзмѣрѣти да оубѣжимъ кѣчлѣныа Супр. 63, 20.

При глаголе приложитѣ 'повторится, продлится' употребляется инфинитив и дательный косвенного субъекта. Имеющийся пример содержит в своем составе оборот дательного с инфинитивом и отрицание: Ѣжді срѡмоу и сзмѣреноумоу: Да не приложитѣ потомъ велѣчѣгі ѣа чѣкоу на земі ѣа μὴ προσθῆ ἔτι μεγαλαυχεῖν ἄνθρωπος Син. пс. IX,

38 ('чтобы дать суд сирому и угнетенному, чтобы не утратил более человек на земле').

Но ср. употребление глагола приложить в предложении с именительным падежом подлежащего: εδα εζπιαи не приложитъ εακκρзєижити μη ο κοιμώμενος οὐχι προσθήσει τοῦ ἀναστῆναι Син. пс. ХС, 10; в предложении с устраненным субъектом: приложіша пакы εαгрѣшити емоу προσέθεντο ετι τοῦ ἀμαρτάνει αὐτῳ Син. пс. LXXVII, 17 ('они продолжали грешить перед ним').

Предложения с глаголами достаточности — недостаточности, избыточности, остаточности — докълѣтъ, догганѣтъ, изъждѣтъ — могут включать, кроме дательного косвенного субъекта, форму родительного падежа объекта (близкого по смыслу к паритивному). Инфинитив (или заменяющая его форма) встречается в этих предложениях только в единичных случаях.

С глаголом докълѣтъ: докълѣтъ ти . . . подкигнѣти εα Син. евх. 91 б 1; докълѣтъ ουченикоу да вждѣтъ ткоже ουчителѣ его ἀρχετὸν Мат. X, 25 Мар., Зогр., Ассем.; докълѣше нашей силѣ одолѣти εξήρει Супр. 82, 29.

В конструкциях без инфинитива также обычно присутствует дательный падеж косвенного субъекта: глѣ емоу филипп. ги покажи намъ отъца и докълѣтъ намъ καὶ ἀρχετῆρῶν Ио. XIV, 8 Мар., Зогр., Ассем.; Докълѣтъ ти не вжди несытъ Супр. 41, 7; докълѣтъ ти и мини Супр. 41, 2; докълѣтъ ти члокѣче Супр. 41, 29; докълѣнетъ ти ουβο ѡже приатъ мжкы Супр. 113, 2; докълѣнетъ ти таже приа досаждения Супр. 253, 3. Родительный объекта присутствует в конструкции с этим глаголом дважды; примеры не слишком показательны, так как при глаголе стоит отрицание, которое также может рассматриваться как фактор, вызывающий употребление родительного: не докълѣдѣхъ коды разкѣ на мало днии Супр. 549, 19—20; давѣма εзгом(а) пѣнава. хлѣвз. не докълѣтъ имъ ἀρτοι οὐκ ἀρχουσιν αὐτοῖς Ио. VI, 7 Ассем. (хлѣвз не докълѣтъ имъ — Зогр.; хлѣвз не докълѣтъ имъ — Мар.); в Остр. в соответствующем месте находим личную конструкцию с переходом родительного объекта хлѣвз в именительный подлежащего хлѣви: хлѣви не докълѣжитъ имъ. О переходах такого рода см. ниже, с. 209. Объект в родительном может быть пропущен и подразуме-

ваться: дадите намъ отъ масла кашею. сиа же не поглоу-
щаша глаголъштга. еда како не докълѣетъ намъ и камъ оу
мъ архѣш Супр. 369, 9.

С глаголомъ достанетъ 'достаточно' употребляется кос-
венный субъект в форме дательного падежа. В имеющемся
примере родительный подразумевается: дадите намъ бгъ
ола кашею... отгвѣштгаша же мждрыа гмштга. еда како
не достанетъ намъ и камъ оу архѣш Мат. XXV, 9 Мар.,
Зогр., Ассем., Савв., Остр. (ср. выше глагол докълѣетъ
на месте достанетъ в аналогичном месте Супр. 369, 9, где
приводится цитата из Евангелия).

Глагол избыточности изждетъ — избыкаетъ употреб-
ляется с дательным косвенного субъекта. Родительный
объекта при этом глаголе зафиксирован в примере из Ник.:
избыкаетъ имъ хлѣба (см. об этом примере ниже, с. 210).
Другие примеры: ни во аще не фмъ лишимъ сѧ. ни аще
фмъ изждетъ намъ Един. ап. 3 а 13. Пример с дательным,
повторяющимся с каждым из однородных членов, выражен-
ных глаголами: имжцоумоу во дастъ сѧ I изждетъ емоу
периссеудѣретѧ Мат. XIII, 12 Мар., Зогр. В тексте иден-
тичного содержания от Мат. один дательный пропущен во
избежание тавтологии: имжцоумоу во кълѣде дано бждегъ и
изждетъ периссеудѣретѧ Мат. XXV, 29 Мар., Зогр., Савв.,
Остр.; ср. имжшгоубоумоу во кълѣде дастъ сѧ и изждетъ
Супр. 377, 23.

Своеобразие глаголов достаточности — недостаточности,
избыточности, остаточности заключается в том, что они мо-
гут выступать не только как безличные, но и как личные,
в конструкциях с именительным подлежащего. При этом
дательный, выступающий при безличном употреблении
данных глаголов в функции косвенного субъекта, сохра-
няется и приобретает качество обычного дополнения, а ро-
дительный объекта преобразуется в форму именительного
падежа подлежащего. Подобного рода синтаксическая транс-
формация как нельзя лучше иллюстрирует тезис Б. Гав-
ранка об автономности древнеславянского глагола²⁶. Дей-
ствительно, в данном случае наблюдается отсутствие жест

²⁶ Havránek B. Větná struktura v nejstarších fázích slovanských jazyků. — Československé přednášky pro VII. mezinárodní sjezd slavistů (Varšava, 1973), s. 6—7.

ких связей глагола с определенным набором обязательных членов конструкции, подвижность и переменчивость его окружения. Синтаксический переход дополнения в подлежащее не связан с какой-либо лексической специализацией: это переход свободный. Возможно, что имело место влияние греческого оригинала: славянским конструкциям с именительным подлежащего в греческом также соответствуют личные конструкции.

Глагол *доказати*, выше представленный как безличный, известен и как сказуемое двусоставных предложений с именительным подлежащего и часто — дательным дополнения. Например: *доказетъ дан(и) злоба скоѣ архетѣн тѣ ημέρα η καχία αὐτῆς* Мат. VI, 34 Мар., Зогр., Савв.; *нз не доказѣт си и(а)комз оѡх ѡрхѣтѣ тоѡтоис ѡ 'Ιουδαίος* Клоц. 12 а 14; *ни дшге и М дзыци доказѣли быша толкж добрж дѣтель мжжз клспѣти*. Супр. 82, 26; *нз доказѣтз реченое поглѡушажшгѣмз архѣи καὶ τὰ εἰρημετα τοῖς προσέχουσιν* Клоц. 9 б 2 (В Супр. в соответствующем месте аналогичной гомилии употреблен глагол *гонѣти* 'хватать', 'быть достаточным': *хотѣхз про дѡлжиги слово. нз гонѣитз ѡ свѣшганага* 423, 22).

К безличному употреблению глагола избыти 'изобилловать' весьма близко по семантике его употребление с именительным подлежащего: *ѣко ашге не избдетз правзда ваша паче книжаникз 'εὰν μὴ περισσεύσῃ ὑμῶν ἡ δικαιοσύνη* Мат. V, 20 Зогр., Деч. ('если праведность ваша не превзойдет праведности книжников'); в Супр. *лѣпо же вѣ намз прав'дж ѡзмиха ѡмѣти паче кнѡхчии ѡ фарисей* 135, 24—25.

Личный глагол избыти известен и в значении 'остаться'. Он может быть безобъектным: III единз *отз нѡхз не избытз* Син. пс. 138 б 8; может быть и с дополнением в дательном: *изпзниша дзба на дсгате коша оукроухз. отз пати хлѣвз ѡчанѣныхз. ѡже избыша ѣдзшимз ѡ ἐπερίσσευσαν τοῖς βεβρωκόσιν* Ио. VI, 13 Зогр., Мар., Ассем., Остр.

В одном месте наблюдается колебание между личным и безличным употреблением этого глагола: *коликоу наѡмзникз оѡдѡ моего избыкаѡтз хлѣви Πόσοι μῖσθοι τοῦ πατρός μου περισσεύουσιν ἄρτων* Лука XV, 17 Зогр. (так же в Ассем.) (личная конструкция с дательным дополнения: 'скольким наемникам отца моего остаются хлеба'); *колико наѡмзникз оу оѡдѡ моего. и избыкаѡтз хлѣви* Савв. (личная конструкция с без-

объектным глаголом: 'сколько наемников у отца моего, и остаются хлебы'). Есть и отклонения от нормы, вызванные контаминацией объектного и безобъектного употребления личного глагола: *коликo нaимннкѣ отца моего. избыкаѣтъ хлѣби Мар.* (сколько наемников отца моего. Остаются хлебы') (здесь имен. *коликo* стоит вместо правильного дат. *коликoу*); *коликoу нaимннкѣ оца моего и избыкаѣтъ хлѣби Остр.* ('сколько наемникам отца моего. И остаются хлебы'. Здесь неправомерно введен союз *и*); *изыкаѣтъ имѣ хлѣба Ник.* (безличная конструкция с дательным косвенного субъекта и родительного объекта: 'у них в избытке хлеба').

Своеобразную структуру имеют предложения, главный член которых выражен формой 3-го л. ед. ч. гл. *быти*. Наряду с дат. косвенного субъекта здесь присутствует также обстоятельство образа действия либо времени, без которых предложение было бы незавершенным в смысловом отношении и которые, таким образом, следует рассматривать как обязательный элемент структуры предложения. Усиление обстоятельства связано в данных условиях с семантической неполнотой глагола *быти*. Обстоятельство выражается либо предложно-падежной формой, либо наречием.

В предложениях с вопросительным наречием как содержится вопрос об обстоятельствах, сопровождающих действие; в предложениях с наречием 'таким образом' и 'так же' утверждается наличие тех же или таких же фактов, обстоятельств, ситуаций, о которых только что говорилось.

Примеры с косвенным субъектом: *и повѣдѣша имѣ видѣхъши. како бытъ вѣрзуемоу пѣс 'εγένετο τῷ δαίμονι ζομένῳ Марк V, 16 Мар.; Зогр.;* *такo вѣдетъ камъ Супр. 316, 20; ѣкоже вѣрока вѣди тебѣ ὡς 'επίστευσας γενηθήτο σοι Мат. VIII, 13 Мар., Зогр., Ассем. (в Савв. ѣди тако вѣрока да вѣдетъ ти) (в этих примерах подразумевается наречие 'такo); вѣди мѣнѣ по глаоу 'коемоу γενοιτό μοι κατὰ τὸ ῥῆμα σου Лука I, 38 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр. Конструкции с употребленным безлично глаголом *быти* и обстоятельствами часто бывают и без косвенного субъекта: *ѣкоже во во дни носкы. тако вѣдетъ и въ дни гна члвчскаго οὕτως ἔσται ἡ παρουσία τοῦ υἱοῦ τοῦ ἀνθρώπου Мат. XXIV, 37 Мар., Зогр., Ассем. (в пришествие Остр., пришествие Савв.);* *такo вѣдетъ i въ пришествие гна чскаго Мат. XXIV, 39 Зогр., Остр. (пришествие Мар. Ассем., Савв.);* *такo вѣ-**

ДЕТЪ КЪ СЪКОНАЧАНИЕ ВЪКА СЕГО ОΥΤΩΣ ἔσται ἐν τῇ συντελείᾳ τοῦ αἰῶνος τούτου Мат. XIII, 40 Мар., Зоґр., Ассем., Остр. И-кони же не быетъ тако Мат. XIX, 8 Мар., Ассем., Остр., Савв.; побелѣша клѣски троупъ него въкрѣшги къ тамж... и быетъ тако Супр. 269, 9; да въсхънѣвъше донесѣтъ мошги. такоже и быетъ Супр. 209, 7; мѣсто бѹбо сватааго пшгтеры погоубѣиено и без вѣсти быетъ. тако во ѿ до дѣнешнаго дѣне естъ Супр. 217, 22. 1

Предложения с дательным падежом лица, но без обстоятельственного слова, близки к предложениям с устраненным субъектом. Ср.: Смоуже колиждо хощете просите и вѣдетъ вамъ ὁ ἐὰν θέλητε αἰτήσαθε, καὶ γενήσεται ὑμῖν Ио. XV, 7 Мар., Зоґр., Савв. (в Ассем. конец стиха: просите и вѣдетъ вамъ). Здесь, может быть, отсутствует субъект ('будет вам это').

Глагол быти может быть употреблен безлично в темпоральных предложениях, имеющих в качестве обязательного элемента какую-либо предложно-падежную форму со значением обстоятельства времени. Например: вѣшше же и къздохъ стоуденъ. и часъ вридъкъ. къ вечероу во вѣшше дѣни Супр. 76, 15. Форма дательного падежа косвенного субъекта в этом предложении образована от неодушевленного существительного дѣна; это явление редкое и существенно отличающее данный тип безличных конструкций с косвенным субъектом от прочих.

Более обычны конструкции без дательного косвенного субъекта, например: овлази съ нама фко при вечерѣ естъ ὅτι πρὸς ἑσπέραν ἐστὶ Лука XXIV, 29 Мар., Ассем.; мѣстѹно оубо вѣшше и само то къ бѹтроу Супр. 431, 17; на оутрита юетъ по патѹцѣ Супр. 439, 17.

§ 4. Предложения, образованные безличными глаголами нестрадательного значения с элементом сѧ. С глаголами изволитъ сѧ, придетъ сѧ: Изволи сѧ и манѣ... по радоу писати тебѣ. славыи теофиле ἔδοξε χαροὶ ... χαρῆς σοι γράφαι Лука I, 3 Мар., Зоґр., Ассем., Остр. (в русском переводе: 'То рассудилось и мне... по порядку описать тебе, достопочтенный Теофил'); и по истинѣ чоудити ми сѧ приде Супр. 54, 18—19.

С глаголами кѹчи сѧ, прикѹчи сѧ, прилоучи сѧ, лоучи сѧ, сѧлоучи сѧ, обозначающими случайность, нерегулярность какого-либо действия или события: ашге ми сѧ кѹ-

чигъ съ тобож оумръти. не отъврзжъ съ тебе
 Κάν δέη με σύν σοι ἀποθανεῖν Μат. XXVI, 35 Мар.,
 Зоґр., Савв. (в Ассем. клѣчигъ ми съ, в Остр. прилоучигъ съ);
 клѣчи съ емоу покадити ѣлахе тоѡ θυμῆσαι Лука I, 9 Мар.,
 Зоґр., Ассем. в Остр. прилоучи съ); ште ми съ лоучигъ
 оумръти съ товож. не отъврзжъ съ тебе 'Εάν δέη με συνα-
 ποθανεῖν σοι Марк. XIV, 31 Зоґр. (в Мар. съ клѣчигъ);
 сълоучи съ... кзпрати кз вѣдоу стоуоумоу томоу еппоу
 Супр. 534, 27; и того родителемъ сълоучи съ ѡу тѣла прѣ-
 выкати ѡумръщааго ена ѣхъ. и на грѣѣ ѡуезнжти плачш-
 гема Супр. 536, 3; не поган мене ѡже ти съ сълоучи Супр.
 240, 29; сълоучи съ мжжоу сестры ѡго... стрѡити рамѣна-
 екж клѣтъ Супр. 281, 22.

На месте инфинитива может находиться обстоятельственный оборот; дательный косвенного субъекта сохраняется: прикљичигъ же съ камъ кз съкѣдѣтелемътко ἀποβήσεται ὑμῖν εἰς μαρτύριον Лука XXI, 13 Мар., Зоґр., Ассем., Савв. (в Остр. прилоучита же камъ кз съкѣдѣтелемътко ('будет это вам для свидетельства').

Глаголы прикљичити съ, лоучити съ, сълоучити съ употребляются также в качестве сказуемого двусоставных предложений с именительным падежом подлежащего, например: прикљичиша же съ едини кз то крѣма повѣдашште емоу о галилеихъ Παῖσαν δὲ. τινες ἐν αὐτῷ τῷ καιρῷ Лука XIII, 1 Мар. (прикљичи — Зоґр.); вжнѣ благодѣтъ... и кз великаа тѣлеса кзкврати съ лоучаетъ Супр. 546, 10 (ср. также употребление глагола лоучити съ в значении 'встретиться': также во ѡгда роуминъ сы лоучигъ съ ежди Супр. 382, 19); сълоучи во съ намъ се на добро Супр. 134, 12.

§ 5. Предложения, образованные глаголами страдательного значения с элементом съ, употребленными безлично.

В старославянских памятниках широко представлен способ передачи греческого пассива при помощи глаголов страдательного значения, имеющих элемент съ. Ср., например, следующие конструкции с именительным падежом и страдательным глаголом: знамение не дагъ съ имъ καὶ σημεῖον οὐ δοθήσεται αὐτῇ Мат. XVI, 4 Мар. (в Зоґр. емоу);

тзиметъ съ стъ касъ цѣрствие вжне ἀρθήσεται ἀφ' ὑμῶν

ἡ βασιλεία τοῦ θεοῦ *Mat. XXI, 43 Mar.* Таким же способом передается греческий пассив в предложениях, характеризующихся отсутствием именительного падежа: ἰ κ̄з̄ н̄жж̄е м̄ѣр̄ж̄ м̄ѣр̄ит̄ε̄ κ̄з̄м̄ѣр̄ит̄з̄ ε̄а̄ κ̄ам̄з̄ 'εν̄ ᾧ̄ μέτρῳ̄ μετρεῖτε̄ μετρηθήσεταῑ ὑμῖν̄ *Mat. VII, 2 Mar.* (м̄ѣр̄ит̄з̄ ε̄а̄ Савв.; в Зогр. и Ассем. в соответствующем месте наблюдается форма, образующая неопределенно-личное предложение: κ̄з̄м̄ѣр̄ат̄з̄ κ̄ам̄з̄); Προσῑτε̄ ӣ δ̄ασ̄τ̄з̄ ε̄а̄ κ̄ам̄з̄... τ̄λᾱψ̄ί̄τε̄ ӣ ο̄τ̄κ̄ρ̄ᾱз̄ε̄т̄з̄ ε̄а̄ κ̄ам̄з̄ Αἰ̄τεῖ̄τε̄, καὶ̄ δο̄θη̄σεταῑ ὑμῖν̄... κ̄ροῦ̄ε̄τε̄, καὶ̄ ἀνοῑγή̄σεταῑ ὑμῖν̄ *Mat. VII, 7 Mar., Зогр., Ассем., Остр.* (в Савв. ο̄т̄κ̄ρ̄ᾱз̄ж̄т̄з̄ ε̄а̄); ἰ̄ τ̄λ̄ᾱκ̄κ̄ῑσ̄τῑμοῦ̄ ο̄т̄κ̄ρ̄ᾱз̄ᾱт̄з̄ ε̄а̄ καὶ̄ τῷ̄ κ̄ροῦ̄ον̄τῑ ἀνοῑγή̄σεταῑ *Mat. VII, 8 Mar.* (ο̄т̄κ̄ρ̄ᾱз̄ε̄т̄з̄ ε̄а̄ Зогр., Ассем. ο̄т̄κ̄ρ̄ᾱз̄ж̄т̄з̄ ε̄а̄ Савв., ο̄т̄κ̄ρ̄ᾱз̄ε̄т̄з̄ ε̄а̄ Остр.); δ̄ασ̄τ̄з̄ ε̄а̄ ε̄μοῦ̄ ο̄т̄з̄ з̄ол̄г̄та̄ ἀρᾱβῑκ̄ка̄ δο̄θη̄σεταῑ αὐ̄τῷ̄ *Син. пс. 89 b 9; Им̄ж̄ц̄оῦ̄моῦ̄ в̄о̄ δ̄ас̄т̄з̄ ε̄а̄ ἰ̄ из̄в̄ж̄д̄ε̄т̄з̄ ε̄моῦ̄. а̄ ӣжж̄е̄ не̄ им̄ат̄з̄. ἰ̄ е̄жж̄е̄ им̄ат̄з̄ κ̄з̄з̄м̄ε̄т̄з̄ ε̄а̄ ο̄т̄з̄ не̄го̄ ὅ̄στῑς̄ γ̄ὰρ̄ ἔ̄χεῑ, δο̄θη̄σεταῑ αὐ̄τῷ̄ καὶ̄ περ̄ισ̄σεῡθή̄σεταῑ, ὅ̄στῑς̄ δ̄ὲ̄ οὐ̄κ̄ ἔ̄χεῑ, καὶ̄ ὁ̄ ἔ̄χεῑ ἀρ̄θή̄σεταῑ ἀπ'̄ αὐ̄τοῦ̄ *Mat. XIII, 12 Mar., Зогр.* Ср. аналогичное по содержанию место из главы VIII, 18 от Луки: здесь во всех кодексах, кроме Ассем., имеются возвратно-страдательные глаголы δ̄ас̄т̄з̄ ε̄а̄ и о̄т̄ы̄м̄ε̄т̄з̄ ε̄а̄ (в Ассем. один раз причастие: κ̄з̄з̄а̄т̄о̄ в̄ж̄д̄ε̄т̄з̄ ο̄т̄з̄ не̄го̄). В соответствующем месте от *Mat., XXV, 29* на месте глаголов — страдательные причастия: δ̄ано̄ в̄ж̄д̄ε̄т̄з̄ — κ̄з̄з̄а̄т̄о̄ в̄ж̄д̄ε̄т̄з̄ (см. об этом ниже, в разделе «Причастные безличные предложения»). Конструкции с другими глаголами страдательного значения: ἰ̄ ӣжж̄е̄ κ̄о̄ӣж̄з̄д̄о̄ ρ̄ε̄ч̄ε̄т̄з̄ ε̄л̄о̄в̄о̄ на̄ ἑ̄н̄з̄ ч̄л̄в̄ч̄ск̄ы̄. ο̄т̄з̄п̄о̄ӯс̄т̄ит̄з̄ ε̄а̄ ε̄моῦ̄. а̄ ӣжж̄е̄ ρ̄ε̄ч̄ε̄т̄з̄ на̄ δ̄х̄з̄ ε̄т̄а̄̄ не̄ ο̄т̄з̄п̄о̄ӯс̄т̄ит̄з̄ ε̄а̄ ε̄моῦ̄ ἀ̄φ̄ε̄θ̄ή̄σεταῑ αὐ̄τῷ̄... οὐ̄κ̄ ἀ̄φ̄ε̄θ̄ή̄σεταῑ αὐ̄τῷ̄ *Mat. XII, 32 Mar., Зогр., Ассем., Остр.* (в Савв. ο̄т̄з̄δ̄ас̄т̄з̄ ε̄а̄ ε̄м̄δ̄... не̄ ο̄т̄з̄δ̄ас̄т̄з̄ ε̄а̄ ε̄м̄δ̄) (ср. подобное место в главе XII, 10 от Луки).*

Как можно заметить, косвенным объектом таких безличных конструкций является падежная форма, которая в действительной конструкции выступала бы в качестве второго или косвенного объекта (сосуществующего с винительным). В наших примерах косвенный объект выражается или дат. (например, δ̄ас̄т̄з̄ ε̄а̄ κ̄ам̄з̄), или род. с предлогом ο̄т̄з̄ (κ̄з̄з̄м̄ε̄т̄з̄ ε̄а̄ ο̄т̄з̄ не̄го̄); разница в форме косвенного объекта зависит от типа управления соответствующих действительных глаголов (даю что кому и беру что от кого).

Возможны конструкции без косвенного объекта: И кѣ сихъ книгахъ чте ѿ разумьскы Супр. 142, 21; с косвенной и прямой речью: речетъ ѿ. I еже сътвори си къ паматъ еѣ. λαλήθηται καὶ ὁ ἐποίησεν αὐτῇ Mat. XXVI, 13 Мар., Зогр., Ассем. (в Савв., Остр. — възглетъ ѿ); пишеть во ѿ не чытый ѿна не чатеть отьца Супр. 328, 16—17; пишеть во ѿ отьдати кесарьско кесареви и вожине вогоу Супр. 106, 16—17.

2. Предложения с отрицательными глаголами существования, бытия и родительным падежом

§ 6. При отрицательной форме неѣтъ (не вѣ, не вѣдетъ) в старославянском может быть употреблен родительный падеж существительного, которым обозначается отсутствующий предмет; наличие такой формы родительного является признаком безличной конструкции бытия, существования. В греческом оригинале в соответствующих местах — личная конструкция с именительным падежом подлежащего. Например: не вѣ има чѣда οὐκ ἦν αὐτοῖς τέκνον Лука I, 7 Мар., Зогр., Ассем.

По смыслу родительный при отрицании гораздо ближе к объекту, нежели к субъекту, а вся конструкция с неѣтъ близка, в частности, к разобранным выше безличным конструкциям с глаголами достаточности—недостаточности, избыточности, остаточности, включающим дательный падеж лица-субъекта и родительный объекта, имеющий партитивную семантику. Однако соотносительность безличных отрицательных конструкций типа не вѣ има чѣда и конструкций с глаголами бытия, существования без отрицания, с именительным падежом подлежащего, типа вѣдетъ етеѣроу съто окая, позволяющая ассоциировать родительный дополнения в первых и именительный подлежащего во вторых, дает основание рассматривать генетивное дополнение безличных предложений как форму косвенного субъекта. Такого рода осмыслению родительного падежа в значительной степени способствует также и то обстоятельство, что наряду с безличными отрицательными конструкциями в старославянском имеются также личные отрицательные конструкции, а понятие, выражаемое в безличных отрицательных родительным, выражается в личных

отрицательных именительным падежом. Таким образом, традиционное наименование этой формы родительным косвенного субъекта (которого мы здесь придерживаемся) определяется не свойствами включающей его конструкции, а синтаксической позицией соответствующих ему элементов в ближайших соотносительных конструкциях²⁷.

Конструкции с отрицанием при глаголе быти в одном ряду с родительным падежом часто содержат и дательный; по существу эту форму с гораздо большим основанием можно было бы считать косвенным субъектом, так как она образована от названия лица или личного местоимения. Например: *εξομτρητε κρανз тко не ετρηтз ни ждннтз. Ιμαже нтсгтз εκρoкoишгтз. ни χρанишигтз οϊς οὐκ ἔστιν ταμεϊον οὐδὲ ἀποθήκη* Лука XII, 24 Мар., Зогр.; *не вт има мтсгта κз oвигтгли οὐκ ἦν αὐτοῖς τόπος ἐν τῷ καταλύματι* Лука II, 7 Мар., Савв., Ассем. (*мтсгта oвигтгльна — Зогр., мтсгта κ oвигтгль — Остр.*); *нтсгтз во εμοу дгтлца на земли Супр. 455, 23; Ιμαже нтсгтз ραзоума οϊς οὐκ ἔστιν ούνεσις* Син. пс. XXXI, 9; *нтсгтз лишениѣ боѣнцима сла ego οὐκ ἔστιν ὑστέρημα τοῖς φοβουμένοις αὐτόν* Син. пс. XXXIII, 10; *Нтсгтз во Ιмз измѣненат оу γαρ ἔστιν αὐτοῖς ἀντάλλάγμα* Син. пс. LIV, 20; *Не вждι εμοу зсгтгпаника μή ὑπαρξάτο αὐτῷ ἀντιλήπτωρ* Син. пс. CVIII, 12; *нтсгтз Ιмз εзблзвна οὐκ ἔστιν αὐτοῖς σκάνδαλον* Син. пс. CXVIII, 165 и другие примеры.

Отношение отрицаемого субстантива к лицу может быть выражено не только дательным объекта, но и приименным родительным: *нтсгтз во дха κз оуεтгхз Ιχз οὐδὲ γάρ ἔστιν πνεῦμα ἐν τῷ στόματι αὐτῶν* Син. пс. CXXXIV, 17; *не вт κз κoлѣнтгхз Ιχз κoлѣзни οὐκ ἦν ἐν ταῖς φυλαῖς αὐτῶν ἀσθενῶν* Син. пс. CIV, 37.

²⁷ Уже отмечалось, что отрицательный генитив экзистенциальных предложений имеет совершенно особый синтаксический статус: от субъекта он отличается тем, что имеет в предложении несамостоятельную, зависимую позицию и не согласуется с глаголом, близок же к субъекту тем, что в положительной конструкции обозначение соответствующего ему понятия является словом с функцией субъекта (см., например, *Hausenblas K. Vývoj předmetového genitivu v češtině*. Praha, 1958, s. 114). К. Хаузенблас предпочитает обозначать такой родительный термин «отрицательный генитив безличных конструкций».

Дательный, образованный от названия лица, может быть пропущен и подразумеваться: $\overline{\text{дх}} \text{ естѣ}$ иже $\overline{\text{жиклѣтѣ}}$. отѣ $\overline{\text{пхти}}$ $\overline{\text{нѣ}}$ $\overline{\text{полѣза}}$ $\overline{\text{никосѣ}}$ иже $\overline{\text{ѣ}}$ $\overline{\text{сѣрѣ}}$ $\overline{\text{оѡх}}$ $\overline{\text{ѡфелѣ}}$ $\overline{\text{оѡдѣн}}$ Ио. VI, 63 Мар. ($\overline{\text{нѣстѣ}}$ $\overline{\text{полѣза}}$ — Зогр., Ассем.; $\overline{\text{нѣстѣ}}$ $\overline{\text{полѣза}}$ — Остр.). Ср. также пример с подразумеваемыми формами дательного падежа и глагола быти при отрицании: $\overline{\text{да}}$ $\overline{\text{суже}}$ $\overline{\text{ник'деже}}$ $\overline{\text{покоѣ}}$ $\overline{\text{никдеже}}$ $\overline{\text{ослаблѣннѣ}}$ $\overline{\text{ник'деже}}$ $\overline{\text{жикѡтѡрѡшта}}$ Супр. 57, 4.

Наряду с этим имеются конструкции с отрицательной формой глагола быти, где дательный лица (по происхождению это дательный предназначения—ограничения²⁸) отсутствует и не требуется по содержанию сообщаемого, которое мыслится безотносительно к какому-либо заинтересованному в нем лицу: $\overline{\text{ѣ}}$ $\overline{\text{истиненѣ}}$ $\overline{\text{естѣ}}$. $\overline{\text{ѣ}}$ $\overline{\text{нѣстѣ}}$ $\overline{\text{неправѣды}}$ $\overline{\text{кѣ}}$ $\overline{\text{немѣ}}$ $\overline{\text{каѣ}}$ $\overline{\text{ѡдѣхѣ}}$ $\overline{\text{ѣн}}$ $\overline{\text{ѡтѡѡ}}$ $\overline{\text{оѡх}}$ $\overline{\text{ѣстѣн}}$ Ио. VII, 18 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; Рече $\overline{\text{безоуменѣ}}$ $\overline{\text{кѣ}}$ $\overline{\text{срдѣ}}$ $\overline{\text{сѡемѣ}}$ $\overline{\text{нѣстѣ}}$ $\overline{\text{бѣ}}$ $\overline{\text{оѡх}}$ $\overline{\text{ѣстѣ}}$ $\overline{\text{Ѥеѡѡ}}$ Син. пс. LII, 2; $\overline{\text{нѣстѣ}}$ $\overline{\text{кѣтѡму}}$ $\overline{\text{п(ѡ)орока}}$ $\overline{\text{оѡх}}$ $\overline{\text{ѣстѣн}}$. . . $\overline{\text{профѣтѣ}}$ Син. пс. LXXIII, 9; $\overline{\text{не}}$ $\overline{\text{вѣдетѣ}}$ $\overline{\text{грѣшнѣ}}$ $\overline{\text{ника}}$ $\overline{\text{оѡ}}$ $\overline{\text{мѣ}}$ $\overline{\text{ѡпѣрѣ}}$ $\overline{\text{ѡ}}$ $\overline{\text{ѡмартѡлѡѡ}}$ Син. пс. XXXVI, 10.

Как мы заметили выше, родительный не был единственным средством передачи субъекта в отрицательных предложениях бытия, существования. Наряду с ним при отрицании известен и именительный, выступающий в таком случае как обычное подлежащее (ниже привлекаются для наиболее наглядной иллюстрации синонимии родительного и именительного только такие предложения с именительным, в которых глагол имеет форму 3-го лица ед. числа. Эта форма в данном случае не единственно возможная: она представляет лишь один из членов оппозиций лица и числа). Проследить какие-либо общие закономерности в употреблении той или иной формы (и, соответственно, безличной и личной конструкций предложения) в масштабе всего старославянского языка весьма затруднительно: в разных источниках намечаются в этом отношении разные тенденции. Так, в Евангелии в форме именительного часто употребляются существительные со значением лица и местоимения, предполагающие лицо: $\overline{\text{нѣстѣ}}$ $\overline{\text{рабѣ}}$ $\overline{\text{болен}}$ $\overline{\text{га}}$ $\overline{\text{сѡего}}$

²⁸ Мразек Р. Дательный падеж в старославянском языке. — В кн.: Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963, с. 244.

οὐκ ἔστιν δοῦλος μείζων τοῦ κυρίου αὐτοῦ Ио. XIII, 16 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр. (ср. также Ио. XV, 20 Мар., Зогр., Савв., Остр.); **Нѣстѣ** οὐчениκѣ наѣз οὐчителема. ни рава наѣз гма скоима Οὐκ ἔστιν μαθητῆς . . . οὐδὲ θεοῦλος Mat. X, 24 Мар., Зогр., Ассем., Остр. (ср. также Лука VI, 40 Мар., Зогр.); **нѣстѣ** прѣкѣ бещастни. тѣкмо кѣ скоема отагасткин. I кѣ дѣмоу скоема Οὐκ ἔστιν προφήτης ἄτιμος Mat. XIII, 57 Мар., Зогр. (так же Марк VI, 4 Мар., Зогр.). Но в то же время см. в именительном субстантивированное прилагательное с абстрактным значением: **Нѣстѣ** во ничѣтоже тино. еже не авитѣ са. ни выстѣ погаено. нѣ да придетѣ кѣ авление οὐ γάρ ἔστιν χρυπτόν Марк IV, 22 Мар., Зогр. (ср. также Лука VIII, 17 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.).

В Синайской псалтыри отрицательные экзистенциальные предложения представлены очень широко, и в подавляющем большинстве случаев их субъект выражен родительным. Эта форма образуется от имен существительных различной семантики, в том числе и от имен со значением лица. Однако встречается и именительный. Г. Плевачева, специально исследовавшая состояние отрицательных экзистенциальных конструкций в текстах Псалтыри, насчитала здесь тринадцать примеров именительного в отрицательных конструкциях²⁹. В Синайской псалтыри последовательно удерживаются в именительном субстантивированные причастия, например: **нѣстѣ** тѣкорѣи бладостыниѣ οὐκ ἔστι ποιῶν χρηστότητα XIII, 1; **нѣстѣ** тѣкорѣи добра οὐκ ἔστι ποιῶν ἀγαθόν LII, 2; не кѣ помагѣани οὐκ ἔστιν ὁ βοηθῶν CVI, 12. В псалтырях более поздних редакций наблюдаются колебания между генитивом и номинативом причастного субъекта, но генитив, проникающий сюда, вероятно, из отрицательных экзистенциальных предложений с субъектом-существительным, выступает значительно реже, чем именительный падеж. Употребление именительного от субстантивированных при-

²⁹ Pleváčová H. K syntaxi záporných existenciálních vět v staroslověnských žaltářích. — Slavia, 1964, roč. XXXIII, seš. 2, s. 161—170. — Г. Плевачева полагает, что форма именительного падежа в отрицательных конструкциях с причастиями удерживается под влиянием предикативных причастий, входящих в состав конструкций типа **нѣстѣ** кѣто милоуѣ и типа **кѣ** сучѣ.

частий в функции субъекта Г. Плевачева считает особенностью первоначального перевода славянской псалтыри³⁰.

В Супрасльской рукописи форму именительного могут принимать существительные, обозначающие как лиц, так и конкретные и абстрактные предметы, а также местоимения никътоже, ничътоже: нѣстѣ рабъ ни сковадѣ. нѣстѣ богатѣ ѿ нѣштѣ. ни каркарѣ. ни скуѣѣ. ни еминѣ ни жидовинѣ. вѣли бо ѡ господи единого немѣ 101, 26; отъждоу сѣрѣтѣ нѣстѣ сѣ. аште нѣстѣ ѡгнѣ подѣ землѣж 129, 11; ꙗко нѣстѣ бжїе тоу пришаствїе 95, 17; нѣстѣ велико чоудо 33, 24; нѣстѣ никтоже протїкѣ сѣ тебѣ 232, 5; нѣстѣ ино ничтоже 375, 2.

В старославянском языке в целом доля конструкций с именительным весьма значительна; как считает Р. Вечерка, в кодексах Евангелия и Супр. рукописи родительный и именительный засвидетельствованы в пропорции 1:1³¹.

В старославянском вследствие существования двух способов передачи одного и того же содержания возникли взаимозамены безличной конструкции с родительным и личной с именительным, которые отражены в параллельных местах. Например, в Евангелии: и҃са не быстѣ тоу ни оученикѣ его Ἰησοῦς οὐκ ἔστιν ἐκεῖ οὐδὲ οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ Ио. VI, 24 Мар., Остр. — в Зогр. и҃с не быстѣ тоу. ни оученикѣ его; в Ассем. и҃са не бѣи тоу ни оученици его. В Псалтыри: нѣстѣ избавлѣнїа емоу οὐκ ἔστιν ὁ ρούμενος LXX, 11 Син. пс. — избавлѣнїаго н — Пог., Бол. — избавлѣнїа него Чуд.; нѣстѣ подобна тебѣ οὐκ ἔστιν ὁμοίος σοι LXXV, 8 Син. пс. — нѣстѣ подобенѣ тебѣ Пог., Чуд.; ꙗко нѣстѣ помагѣнїа οὐκ ἔστιν ὁ βοηθῶν XXI, 12 Син. пс. — помагѣнїаго Пог., помагѣнїаго Соф., помагѣнїаго мнѣ — Бол., помагѣнїаго ми — Бух.; і не вѣ спѣнїа οὐκ ἦν ὁ σφῶν Син. пс. XVII, 42 — спѣнїаго — Пог.; і не вѣдетѣ избавлѣнїа мѣ и҃и ὁ ρούμενος 49, 22 Син. пс. — избавлѣнїаго Бух.; не вѣ погрѣшѣнїа οὐκ ἦν ὁ θάπτων LXXVIII, 3 Син. пс. — погрѣшѣнїаго Пог., Чуд.

³⁰ Там же, с. 166.

³¹ Вечерка Р. Синтаксис беспредложного родительного падежа в старославянском языке. — В кн.: Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963, с. 202.

В одном и том же месте аналогичных гомилий Супрасльской рук. и Клоцова сборника: Юже бо нѣсть пасха нѣдѣлка Клоц. 7 в 14 — како пасха нѣсть жидокъска Супр. 419, 11.

Для славянских языков в целом более естественны конструкции с родительным, т. е. безличные, а не личные конструкции бытия, существования с отрицанием. Согласно В. Ягичу, закономерными в старославянских текстах также должны были быть конструкции с родительным, а личные конструкции с именительным вызваны влиянием греческого оригинала или представляют собой кальки с греческого; он находит, что здесь надлежало быть родительному, но переводчикам «нехватило отваги» для того, чтобы последовательно руководствоваться правилами славянского синтаксиса³². Р. Вечерка допускает воздействие в этом отношении греческого оригинала на язык старославянского перевода, но понимает это воздействие как вероятное смещение частоты употребления двух возможных в языке средств — родительного и именительного — в пользу менее распространенного именительного. Без опоры в живом языке, полагает этот исследователь, номинативные конструкции не распространились бы в языке так широко, «не проникли бы почти в половину всех примеров»³³. А. А. Потебня решительно отстаивал славянское происхождение именительного падежа в экзистенциальных предложениях с отрицанием. Примеры с именительным падежом подлежащего при глаголе с отрицанием, извлеченные из русских памятников различных жанров (со второй половины XIII в. и до начала XVII в.), позволили А. А. Потебне сделать такой вывод: «... Можно думать, что цсл. обороты с подлежащим при нѣсть и т. п. не подражания греческому, а остаток туземной старины»³⁴. Действительно, не подлежит сомнению глубокая древность оборота с именительным падежом в восточнославянских языках; он засвидетельствован в древнерусской письменности, начиная с древнейших

³² Jagić V. Beiträge zur slavischen Syntax. Wien, 1899, S. 18.

³³ Věčerka R. Středání záporového genitivu se záporovým akusativem v staroslověnětině. — In: Studie ze slovanské jazykovědy. Praha, 1958, s. 196.

³⁴ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. III, с. 482.

произведений, по XVII в. включительно; отдельные примеры отмечены в старобелорусских памятниках XV—XVII вв., в староукраинском языке³⁵. Субъектный именительный в отрицательных экзистенциальных конструкциях засвидетельствован также в старопольском³⁶.оборот с отрицанием и именительным подлежащего и в наше время является принадлежностью некоторых говоров русского и украинского языков³⁷.

В современном русском языке в предложениях бытия, существования с отрицанием почти последовательно употребляется родительный³⁸. В польском, словацком языках именительный тоже вытеснен родительным; в верхнелужицком именительный не сдал своих позиций³⁹. Р. Вечерка произвел сравнение эволюции в масштабе славянских языков родительного объекта при глаголе с отрицанием и родительного субъекта в отрицательных конструкциях

³⁵ Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения. М., 1968, с. 274—276. Исследователи обращали внимание на особые синтаксические условия употребления именительного субъекта в древнерусском языке. З. Д. Попова, не отрицая возможности влияния греческого синтаксиса при выборе именительного, подчеркивает возможность воздействия на употребление формы субъекта при отрицании позиционного варьирования, допускаемого в пределах простого предложения. Она установила, что в древнерусском языке постановка формы именительного, безусловно уступающего в количественном отношении родительному, наблюдается, как правило, в препозиции (ср. *А третье бы поиманье не было и под.*). В случаях постановки именительного падежа «пишущий еще словно не знает, утвердительной или отрицательной будет конструкция». Однако и в этих условиях З. Д. Попова находит для именительного дублеты в виде родительного. Ср. *якоже зло не было ни отъ крещенья* Лавр. лет., 197 — *якого же зла не было отъ крещенья надъ Къевомъ* Лавр. лет. 176. См. Попова З. Д. К вопросу о греческом влиянии на падежную и предложно-падежную систему старославянского и древнерусского языков. — ВЯ, 1976, № 2, с. 101.

³⁶ *Večerka R. Střídání záporového genitivu...*, s. 196.

³⁷ Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения, с. 277.

³⁸ При *нет* вообще возможен только родительный, при *не было* и *не будет* употребление конструкций с субъектным именительным ограничено специальными случаями; А. М. Пешковский указывает «ряд условий, способствующих безличности и ряд условий, препятствующих ей». См. *Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении*, изд. 7. М., 1956, с. 366—367.

³⁹ Более подробно см. об этом в работе: *Hausenblas K. Vývoj předětového genitivu v češtině*, s. 115—116.

бытия, существования. Установленные Р. Вечеркой факты указывают на противоположное направление развития этих двух внутренне близких синтаксических явлений: субъектный родительный в ходе исторического развития в целом нарастал, тогда как родительный объекта при отрицании уступал свои позиции винительному⁴⁰.

В славянских языках известен родительный, употребляемый в качестве субъекта в экзистенциальных предложениях без отрицания. Это синтаксическое явление признается языковедами сравнительно недавним, возникшим по аналогии с отрицательными конструкциями безличного характера, включающими родительный⁴¹. В старославянском родительный субъекта в личных предложениях без отрицания засвидетельствован только один раз, притом только в одном кодексе из четырех, в которых имеется данное место (при именительном падеже в других кодексах): *сѣкажѣ да мѡубаке сѣжже ма еси кѣзлюбилѣ кѣ ни хѣ вѣдетѣ* Ио. XVII, 26 Савв. (в Зогр., Мар., Ассем. — мѡуба). Р. Вечерка полагает, что в языке кирилло-мефодиевских переводов такого родительного не было⁴².

*3. Предложения с безличным сказуемым,
включающим инфинитив,
и субъектом — дательным падежом*

§ 7. Переходя к инфинитивным предложениям, мы вступаем в область аналитического выражения их главного члена. В данном случае аналитическое сочетание образуется нерасторжимым единством инфинитива и формы 3-го лица глагола *быти* в настоящем, прошедшем или будущем времени; наряду с названными формами изъяви-

⁴⁰ *Večerka R. Strídání záporového genitivu...*, s. 197.

⁴¹ См., например, *Карский Е. Ф. Белорусы*, II, 3. Варшава, 1912, с. 17. Возрастание подобных конструкций в белорусском языке установил В. И. Борковский. Он указывает, что сочетание «есть + родительный падеж» обильно представлено в говорах белорусского языка, между тем как в древних памятниках белорусского происхождения оно весьма редко. См. *Борковский В. И. Безличные предложения в древнерусских грамотах XIV—XV вв. южного происхождения*. — Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1950, вып. 5, с. 364.

⁴² *Вечерка Р. Синтаксис беспредложного родительного падежа в старославянском языке*. — В кн.: *Исследования по синтаксису старославянского языка*, с. 203.

тельного наклонения возможны также формы условного и повелительного наклонений. Следовательно, подобно глагольным безличным предложениям, такого рода предложения характеризуются в целом категориями времени и наклонения.

В безличных предложениях с инфинитивом представлена (или может быть представлена) форма дательного падежа личного местоимения или существительного, выражающая функцию косвенного субъекта. В связи с этим можно констатировать здесь также наличие категорий лица и числа, выраженных односторонне, вне согласования с формами главного члена (подобно тому, как это наблюдается в других типах безличных предложений с косвенным субъектом).

Инфинитивные предложения издавна передают различные оттенки модальных значений: значения объективной возможности или невозможности, необходимости, обязательности или неизбежности действия и, таким образом, их можно сблизить по смыслу с зависимым инфинитивом после модальных глаголов. Вместе с тем в некоторых зафиксированных примерах инфинитивных предложений модальные оттенки были малозаметными; по мнению Р. Мразка, в предложениях этого рода можно констатировать не модальную, а общую «реализационную» семантику (т. е. значения 'приключиться', 'довестись', 'выпасть на долю' и т. п.)⁴³.

Различия в семантике безличных инфинитивных предложений Р. Мразек связывает с различиями форм связки. Так, если связка имеет форму настоящего времени *jeťz*, то, согласно Р. Мразку, в предложении «отчетливо ощущаются модальные оттенки предназначения, долженствования, необходимости или возможности»⁴⁴, в предложениях с формой *byťz* «проступают не модальные оттенки, а смысл 'привелось, случилось'»⁴⁵ и т. д. В отличие от этого автора, мы находим, что связка в инфинитивных предложениях выполняет лишь функцию указания на время и наклонение, а собственная семантика предложения создается знаменательным глаголом, выступающим

⁴³ Мразек Р. К дативно-инфинитивным конструкциям в старославянском языке. — *Sborník prací filosofické fakulty Brněnské University*, 1963, A-11, s. 114.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, с. 116.

в функции инфинитива. Поэтому ниже инфинитивные предложения группируются в зависимости от лексической семантики глагола-инфинитива.

Лишь в одной группе примеров общее значение инфинитивного безличного предложения действительно зависит от формы глагола быти. Таковы инфинитивные предложения с формой бысть, которой переводится греческое ἐγένετο (3-лицо ед. числа аориста к γίγνομαι) 'случилось', 'произошло', 'пришлось'. Форма бысть, соответствующая ἐγένετο, способна быть в старославянском и самостоятельным центром безличных предложений со значением 'случилось', 'пришлось' (см. 259—261).

Модальная окраска объективной возможности (при отрицаниях невозможности) действия ярко проявляется в предложениях с глаголами восприятия видѣти, слышати, сочетающимися с формами 3-го лица глагола быти⁴⁶. Например: отъ сего видѣти ѿстъ силъ христовъж Супр. 413, 15—16; такожде и въ насъ чловѣцѣхъ ѿстъ видѣти. дште кто поговитъ доушъ ... Супр. 266, 13; Бысть... видѣти ѿношъ крагна етодшга прѣдъ нимъ... ѿ закрывашшга обнажение скою. да ѿмоу не вѣдетъ видѣти голъ прѣсий Супр. 187, 1—9; како ѿстъ платъ видѣти ти Супр. 265, 4; и се лице ѿго образы измѣнѣше. бкогда оубо видѣти и вѣше еѣда. бкогда же отрока Супр. 121, 26; отиде ѿде ѿ иѣстъ видѣти Супр. 404, 28; и облакъ прѣиде. и гласъ оумлаче. и не бы слышати. Супр. 570, 18. В данных примерах форма косвенного субъекта — дательный падеж — не встретилась, но она здесь вполне возможна.

Значение возможности—невозможности наблюдается также в конструкциях с инфинитивом от глаголов мысли и речи разоумѣти, проповѣдати, исповѣдати; с инфинитивом от глаголов чувства ненавидѣти, любити, прѣобидѣти, оупъкати, веселити сѧ, оужасати сѧ. В этих конструкциях обычен дательный косвенного субъекта. Например; комисъ рече старче. тако ми ѿстъ разоумѣти тако крѣститанъ ѿси Супр. 223, 19; то како то естъ разоумѣти Супр. 441, 21; дште

⁴⁶ В аналогичных древнерусских конструкциях усматривались такие же значения, как в наречиях типа *видно*, *слышно* и под. См. об этом *Истрина Е. С.* Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Пг., 1923, с. 48.

ми ѿсѣтъ проповѣдати Супр. 510, 26; мѣнѣ ли ѿсѣтъ при-
шдѣше къ сѣмоу попоу ѿповѣдати грѣхы своа Супр. 358,
19; да не оубо любаве моѣа на ненавистѣ прѣнесете. се
оубо бы (дат. падеж мн. числа) ѿсѣтъ ненавидѣти и любити
Супр. 71, 15; а ли мрѣтелеаго . . . капишга нѣсѣтъ ми прѣбвидаѣти
Супр. 226, 26 (вопросительное предложение); не во ми ѿсѣтъ
оупзвати ѿднемаз рѣчемз Супр. 501, 3—4; (примеры с ин-
финитивом от глаголов беселити сѣ, оужасати сѣ см. ниже).
Пример с глаголом ѣти: ꙗ не вѣт имз коли понѣ ѣти καὶ
οὐδὲ φαγεῖν εὐχαίρουσιν Марк VI, 31 Мар., Зогр. ('так что и
есть им было некогда').

С глаголами движения ити, кзнити, приблизити сѣ кон-
струкция имеет значение 'пришлось кому-либо', 'случи-
лось с кем-либо', что объясняется качеством употребляю-
щейся обыкновенно с этими глаголами формы бысѣтъ, соот-
ветствующей греческому ἐγένετο 'произошло', 'случилось'.
Выше было показано, что значение случайности действия
передается в старославянском также безличными глаго-
лами сзлouchи сѣ, кзнити сѣ, прилouchи сѣ, так что бысѣтъ
кзнити и сзлouchи сѣ кзнити в известном смысле синони-
мичны. Например: Бысѣтъ же и въ другугжж сѣботжж. кзнити
емоу въ сзнамишгге и оучити 'Еγένετο δὲ ἐν ἑτέρῳ σαββάτῳ
εἰσελθεῖν αὐτὸν Лука VI, 6 Мар., Зогр., Ассем., Остр. (в рус-
ском переводе: 'случилось же и в другую субботу войти
ему в синагогу и учить').

Разночтения в кругу инфинитивных предложений, за-
меченные в текстах, приходятся как раз на долю конструк-
ций с глаголами движения и формой бысѣтъ, соответствующей
греч. ἐγένετο (3-е лицо ед. числа аориста к γίγνομαι)
'случилось, произошло, пришлось'. В параллельных местах
наблюдаются случаи переразложения инфинитивных пред-
ложений с бысѣтъ: это бысѣтъ выступает как отдельное без-
личное предложение, а взамен инфинитива ставится гла-
гол в личной форме — сказуемое придаточного предложе-
ния, относящегося к следующему далее главному предло-
жению. Примеры: бѣи приближити сѣ исоу въ ерѣжж. Слѣ-
пецъ етерз сѣдѣаше при пжтѣ прога 'Еγένετο δὲ ἐν τῷ ἐγγίσειν
αὐτὸν εἰς Ἱερὺλῶ Лука XVIII, 35 Ассем., Остр. В других
кодексах в этом месте придаточное времени, которое сле-
дует после односоставного предложения с формой бысѣтъ и

связано с последующим главным предложением: Бысть же егда приближи сѧ и҃сѧ къ ерихѡ. слѣпецъ етеръ сѣдѣаше при пѣти просѧ. Аналогичная замена наблюдается в XIV главе от Луки, в стихе 1. В Савв. в этом месте инфинитивное безличное предложение: бысть кнѣи҃ти и҃ски къ домѡ единого кнѣзѧ фарисѣиска ἐγένετο ἐν τῷ ἐλθεῖν. В Мар. и Ассем. безличное бытъ и придаточное с союзом егда: I бытъ егда кнѣиде и҃сѧ къ домѡ единого кнѣзѧ фарисѣиска.

Иной тип замены или колебания находим в тексте от Луки, VI, 1. В четвероевангелиях в этом месте употреблено безличное инфинитивное предложение с глаголом ити: Бытъ же къ соботѡ къторопръвѣж. Ити емоу сквозѣ сѣаниѣ ἐγένετο δὲ . . . διαπορεύεσθαι αὐτὸν Мар., Зогр. В апракосах — простое двусоставное предложение с именительным подлежащего: Въ он ѡждааше и҃сѣ къ соботѡ сквозѣ сѣаниа Ассем.: Въ вѣрма оно ѡждааше и҃сѧ къ соботѡ Остр.

Значение предопределенности или предназначенности можно заметить в конструкции: текѣ бо етъ милокати и спасати Син. евх. 25 а 16; 27 а 15.

Ср. также: а еже сѣсти о деснѡ и о шжѡ мене нѣтъ манѣ сего дати. нѣ имѡже оготовано етъ отѡ отѣа моего οὐκ ἔστιν ἐμὸν τοῦτο δοῦναι Мат. XX, 23 Мар., Зогр. ('но дать сесть у меня по правую сторону и по левую — не от меня зависит, но кому уготовано отцом моим'). (См. также пример с инфинитивом от глагола полуучити, с. 227).

В конструкциях, образованных инфинитивом от глаголов оумрѣти, погыбнѣти, заметна модальная окраска неизбежности действия: бытъ же оумрѣти нишгѣмоу. i несепоу быти дѣла на лонѡ акрамле ἐγένετο ἀποθανεῖν τὸν πτωχόν Лука XVI, 22 Мар., Зогр., Ассем., Остр. (в Савв. бы же оумрѣти нишгѣмоу); плѣти сѣтъ не пошгѣдимѡ. пожеже бо вѣсѣко бумрѣти и҃сѧ Супр. 91, 20; ꙗкоже ти и҃сѧ погыбнѣти ѡ безаконниче Супр. 425, 13—14.

Значение неизбежности присутствует в конструкциях с инфинитивом от глагола быти: прѣжде бо вѣдѣаше. ꙗко семоу и҃сѧ быти Супр. 51, 2 (здесь инфинитивная конструкция находится в придаточном предложении).

На примере связочных безличных инфинитивных предложений, которые представлены в старославянском языке значительным количеством случаев, легко заметить, что связка выступает в разных примерах в формах разных времен и наклонений, и, таким образом, категории времени и наклонения здесь отчетливо выражены присущими для них различающимися формами. Правда, ввиду ограниченности состава отраженных в памятниках синтаксических построений рассматриваемого типа, мы не имеем возможности проиллюстрировать упомянутые категориальные противопоставления на материале некой конструкции с одним и тем же лексическим «наполнением» и различающимися формами связки, как этого требуют правила коммутации, которых мы придерживаемся. Однако выраженные различия в грамматическом времени и наклонении, пусть даже зафиксированные в конструкциях разного лексического состава, дают полное основание допустить возможность существования таких идеальных условий для осуществления противопоставлений, а, следовательно, и самих противопоставлений. Имеющиеся в нашем материале немногочисленные и разрозненные фрагменты таких рядов подтверждают высказанное допущение. См., например, конструкции с инфинитивом от глагола *отъврѣшти* *сѧ* и разными формами связки: *да не вѣдетъ мѧнѣ ѡ сѣбѣ неокрѣштеныи отъврѣшти сѧ хѣ своего* Супр. 61, 5—7; *не вѣди то юже отъврѣшти сѧ намъ не вѣзъскааго црѣ* Супр. 59, 21—22.

Конструкция с инфинитивом от глагола *слышати/оуслышати*: и *оустанѣ юго подкѣзаста сѧ*. *гласа же юмоу не бѣаше слышати* Супр. 116, 26; *вѣди же вѣстѣмъ намъ почитающимъ же и послушашимъ. оуслышати блаженни тѣ гласъ* Супр. 123, 26—29.

Кроме уже включенных в данное выше описание материалов приведем еще некоторые, весьма показательные иллюстрации конструкций с разными формами связки:

Связка в форме *юстѣ/нѣстѣ*: *како ми сѧ юстѣтѣвѣ покорити* Супр. 61, 18—19; *нѣ нѣстѣ намъ оубити* Супр. 433, 12.

Связка в форме *вѣдетъ*: и *достоятъ мѣсто юмоу подати. о сѣбѣ прѣвыкати. ѡко да вѣдетъ. ѡ самому безкрѣда съвѣсти сѧ* Супр. 548, 17—18.

Связка в форме вѣаше. Отмечается пример с безличным построением, функционирующим в качестве придаточной части сложного предложения: ижде по обычаю нмз вѣаше творити съворз ѿгда κατά τὸ εἰωθὸς αὐτοῖς ἦν ἐπιτελεῖν τὴν πανήγυριν Супр. 26, 15—16.

Связка в форме вѣ. Безличная конструкция также в придаточном: что сътворимз. ѿгда вѣ небогъмз радокати сѧ. ѿгда вѣ веселити сѧ. и дана славанз творити Супр. 386, 14—15.

Связка в форме выстѣ: выстѣ вѣнити исоки вѣ домз единого кнѣзѧ фарисеиска ἐγένετο ἐν τῷ ἔλθεῖν αὐτὸν εἰς οἶκον Лука XIV, 1 Савв. (ѿгда вѣниде Мар., Ассем.).

Связка в форме бы, би: колико паче би оужагати сѧ намз хѧ исоуса Супр. 149, 1—2. В зависимой части сложного предложения: примѣте оуготоканое камз цѣсарзствие. стѣ сложенага вѣсего мира. ѿгоже бы вѣстѣмз намз не погрѣшити Супр. 508, 5—7.

Связка в форме вѣди: тебѣ вѣди... старѣшиинзствокати. сѣ стѣмз твоимз днѧкомз Супр. 166, 4—7; и насытиши сѧ цѣсарзствѧ. ѿгоже вѣди вѣстѣмз намз полуучити ἢς γένοιτο πάντα ὑμᾶς ἐπιτυχεῖν Супр. 384, 4 (ср. Супр. 447, 23).

Зафиксированы безличные предложения с бессвязочным инфинитивом и дательным косвенного субъекта. Замечено, что такие построения не всегда легко отличить от несамостоятельных (т. е. зависимых) и полусамостоятельных дативно-инфинитивных конструкций, поэтому нельзя поручиться за абсолютную полноту их описания⁴⁷. Некоторые примеры: разоумѣти же крѣпзко. стѣ настѣицаго днѧ. пропинати ти сѧ и оумрѣтити вѣсемоу мироу и вѣ мирз тебѣ Син. евх. 89 Ъ 20—24; и пакы оуслышати гю боу нашему. и помиловати раба твоего Син. евх. 58 Ъ 20—22; никомоуже сего нѣ слышати. тѣзѧж манѣ едномоу повѣждз Супр. 241, 1; стѣжача слоухз мой и не буслышати Супр. 135, 19; вѣстѣмз не покорашигнѣмз сѧ заповѣди ѿго... злаж сѣмрѣтиж оумрѣтити Супр. 145, 4; свѣтоусоумоу госпо-

⁴⁷ Мразек Р. К. дативно-инфинитивным конструкциям в старославянском языке, с. 117.

доу пешги εα ο τομα τῷ ἀγίῳ θεῷ μελήσαι περὶ τούτου Супр. 131, 21. Ср. также пример из Евангелия: ἰ νικηζομε не кзликвагтз кина нока кз мѣхы кетзхы... нз кино ноко кз мѣхы новы кзликати ἀλλὰ οἶνον νέον εἰς ἀσχοῖς καινοῦς βλητέον (вариант βάλλουσιν) Лука V, 38 Мар., Зогр. (ср. также Марк II, 22 Мар., Зогр.) (в аналогичном тексте от Мат. IX, 17 на месте инфинитива кзликати находится личный глагол в форме 3 лица множ. числа, образующий неопределенно-личное предложение: ни кзликвагтз кина нока. кз мѣхы кетзхы... нз кино ноко кз мѣхы новы кзликвагтз βάλλουσιν οἶνον νέον Мар.)

Вопросительные инфинитивные предложения без связи: почго ми гнѣвити ѡ языкѣ старцоу καθ' αὐτῆς ἐρεθίζω τὴν γλῶτταν τοῦ γέροντος Супр. 239, 26; кина камз надежда имѣти ποῖαν ὑμεῖς ἐλπίδα ἔχετε Супр. 128, 7; бессвязочное инфинитивное предложение в косвенном вопросе: и наказаніа како отзголт ἀπλᾶς τρεκατι тебѣ Син. евх. 34 а 18—20.

Л. Пацнерова находит в бессвязочных инфинитивных предложениях значение побуждения или желательности⁴⁸. Нам представляется более правдоподобным видеть в них семантику модального типа: 'должно', 'надлежит', 'следует'.

В старославянском языке бессвязочных конструкций с инфинитивом значительно меньше, чем связочных⁴⁹. В древнерусском языке, наоборот, инфинитивные бессвязочные предложения со значением долженствования были широко распространены⁵⁰.

Старославянскому связочному и бессвязочному инфинитиву с дательным косвенного субъекта в греческом оригинале часто соответствует винительный с инфинитивом; этот тип соответствий наблюдается, например, в приведенных выше примерах из Евангелия. Кроме того, славянским дативно-инфинитивным конструкциям соответствуют греческие дативные конструкции (см. наши

⁴⁸ *Раснерова Л.* Синтаксис инфинитива в старославянских евангельских кодексах с точки зрения техники перевода. — *Slavia*, 1964, № 4, с. 547.

⁴⁹ *Мразек Р.* К дативно-инфинитивным конструкциям в старославянском языке, с. 117.

⁵⁰ Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения, с. 158 и след.

примеры на вѣше теорити, вѣди получити, бессвязочное пешти сѧ), а также личные обороты (см. пример с бессвязочным имѣти надѣжда).

4. Предложения с безличным сказуемым, включающим причастие

§ 8. В предложениях этого типа в качестве главного члена выступает краткая форма страдательного причастия в сочетании с формой 3-го лица глагола быти. Страдательное причастие обычно имеет форму прошедшего времени. Причастные безличные предложения служат для передачи греческого пассива, так же как и безличные предложения, образованные глаголами страдательного залога.

В отличие от обычных страдательных конструкций типа сѧ поле сѧтворено бѣ. конемъ чешти Супр. 563, 22, в которых средний род причастия обусловлен родом (в данном случае средним) присутствующего в предложении существительного в форме именительного падежа, обозначающего логический объект, в безличных страдательных причастных конструкциях средний род краткого страдательного причастия ни с чем не связан, так как существительного в форме именительного падежа здесь нет. Ср.: ѿ сѧтвориша слоугы такоже имѧ поклѣно быст' Супр. 181, 26. Различие между безличной страдательной конструкцией и обычной страдательной иногда кажется мало заметным. Так, конструкция ꙗже сѧ оуслышано вѣдет хаі ѣанъ аχουοθῆ тоѣто Мат. XXVIII, 14 Мар., Зогр., Ассем., Остр. отличается от безличной только присутствием местоимения сѧ в форме именительного падежа.

Причастие обычно сочетается с глаголом быти в форме 3-го лица ед. числа в настоящем, прошедшем или будущем времени (а также в форме условного наклонения), например: не имали области на манѣ никоеѣже. аѣ не би ти дано сѧ кыше еі мѣ ἤν δεδομένον σοι ἀνοθεν Ио. XIX, 11 Мар., Ассем. (бы — Остр., Савв.). Изредка встречаются конструкции без глагола быти, как например: и оуже оуготокиено отздаги комоуждо члокѣкоу по дѣломъ него Супр. 259, 21. Как и в обычных страдательных конструкциях, включающих именительный падеж, в безличных страдательных может присутствовать логический субъект, выраженный присущими для него формами имени суще-

ствительного: творительным беспредложным или родительным с предлогом *отъ*, например: тако во писано *иєтъъ прѣкомъ γέγραπται διὰ τοῦ προφήτου* Мат. II, 5 Мар., Ассем., Савв.; *отъ* многиныхъ сказано Супр. 345, 14.

Прочие формы, распространяющие безлично-страдательную конструкцию, не отличаются каким-либо постоянным составом: прослеживается их зависимость от семантики глагола, образующего причастие. Так, возможно присутствие объекта в форме косвенного падежа, например: речено бы *дрекънимъ. не прѣлюбы сътвориши ἐρρέθη* Мат. V, 27 Мар., Зогр. (здесь объект в форме дательного); *ѡнъ же оубо чкъкы идетъ ꙗкоже естъ писано о немъ καθὼς γέγραπται περὶ αὐτοῦ* Марк XIV, 21 Мар., Зогр. (так же Мат. XXVI, 24 Мар., Зогр., Ассем., Савв. (здесь объект в форме локатива с предлогом *о*). Безлично-страдательные конструкции с причастиями, образованными от глаголов повеления, запрещения, приказа, включают инфинитив: *мѡнѣ во поклѣно иєтъъ ѡти къ асиѡ* Супр. 236, 15; *поклѣно ны иєтъъ кѡнѣ града съвирати сѧ* Супр. 200, 20.

Большим количеством примеров представлены безличные страдательные конструкции, образуемые причастиями от глаголов речи: *решти, сказати, глаголати, отъкъшгати*. Например: *гѡно вѡдетъ къ памѧтъ еѧ λαληθήσεται εἰς μνημόσυνον αὐτῆς* Марк XIV, 9 Мар., Зогр.; *ѡдинъ речено быетъ. нъ по кѡса мѧта дѣло быкаѡтъ* Супр. 420, 22. К безлично-страдательным конструкциям, причастия которых образованы глаголами этой семантики, часто примыкает прямая речь: *речено бы. око за око и зѡбъ за зѡбъ ἐρρέθη* Мат. V, 38 Мар., Зогр.; *речено бы дрекънимъ. не къ лѡжжъ кѡзнеши сѧ ἐρρέθη* Мат. V, 33 Мар., Зогр.; *речено бы дрекънимъ. не оубиеши ἐρρέθη* Мат. V, 21 Мар., Зогр., *речено етъъ. не искоушиши гѧ бѧ ткогого Εἴρηται* Лука IV, 12 Мар. (в Супр. на месте речено неопределенно-личное предложение: *дшгѣ во быхъ не вѣдѣлз неже глаголѡтъ. не искоушиши гѧ бога своѡго* 165, 15—16); *речено етъъ. къзлюбши искрѡнѣго своѡго ἐρρέθη* Мат. V, 43 Мар., Ассем., Остр. (бѧ — Зогр.). См. также инфинитив: *и вѣдѣше емоу*

отъвѣшгано ах̄ма ст̄има. не видѣти смрзѣти ἢν αὐτῷ κερρηματισμένον Лука II, 26 Мар. (вѣ отъвѣшгано — в прочих кодексах).

Много безлично-страдательных конструкций образовано причастиями от глаголов писати, написати. К причастиям от этих глаголов также может примыкать прямая речь: писано естѣ храмъ мой храмъ молитвѣ наречетѣ сѧ γέγραπται Мат. XXI, 13 Мар., Лука XIX, 46 Мар., Зогр.; писано иестѣ. не о хлѣбѣ единомъ жикъ вждетѣ члокѣкз γέγραπται Мат. IV, 4 Ассем., Савв., Остр. (в Зогр. пишетѣ); писано во иестѣ тако агломъ сконмъ запокѣстѣ ω теѣ γέγραπται Мат. IV, 6 Мар., Ассем., Савв., Остр. (в Зогр. пишетѣ); рѣ же юмъ иѣз. паки писано иестѣ. и не искоушиши га ба скоюго Пάλιν γέγραπται Мат. IV, 7 Мар., Ассем., Савв., Остр. (в Зогр. паки пишетѣ); писано во иестѣ. ги боу ткоюмоу поклониши сѧ γέγραπται Мат. IV, 10 Мар., Ассем., Савв. (в Зогр. пишетѣ во); ткоже естѣ писано кз пророцѣхъ. се азъ посъмж анѣлз кадῶς γέγραπται ἐν τῷ 'Ησαία Марк I, 2 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; Писано во иестѣ. мрзостѣ гѣи клѣл келичакы Супр. 545, 17. На месте безлично-страдательной конструкции с причастием писано, присутствующей в ев. от Мат. XXVI, 31 писано во естѣ поражж пастырѣ и разиджтѣ сѧ окциѣ стада Мар. и в ев. от Марка XIV, 27 писано естѣ. Поражж пастырѣ и окциѣ развѣгнжтѣ сѧ Мар., в Супр. имеется действительная конструкция с подлежащим и личным глаголом рече: иеремиа рече. поражж пастоуха и разно поиджтѣ δκλѣца 478, 10—11. (Примеры с причастием от глагола писати и прямой речью см. также в местах: Мат. XI, 10; Марк VII, 6; Лука IV, 8 Мар., Ио. VI, 45; Ио. XII, 14); i разгнжкз кзныгы. обрѣте мѣсто идеже вѣ написано. ах̄з гнз на мѣнѣ οὗ ἢν γεγραμμένον Лука IV, 17 Мар., Ассем. (в Савв. идеже вѣ писано). Примеры с причастиями от глагола написати и прямой речью см. также в местах: Ио. II, 17; Ио. XIX, 19. Конструкции из причастий от глаголов писати, написати с косвенной речью: нѣстѣ ли писано. тко храмъ мой храмъ молитвѣ наречетѣ сѧ Οὐ γέγραπται ὅτι. . . Марк XI, 17 Мар., Зогр. (см. также Мат. IV, 6; Лука II,

23; Лука IV, 4; Лука IV, 10; Ио. VIII, 17); нѣстѣ ли написано въ законѣ нашемъ. ꙗко азъ рѣхъ вози есте οὐκ ἔστιν γεγραμμένον Ио. X, 34 Мар., Ассем. (писано — Зогр., писано — Остр.). Конструкция с причастием и инфинитивом: на немъ писано таинное оукѣдѣти Супр. 344, 10.

Основой безлично-страдательных конструкций часто бывают причастия от глаголов, обозначающих предназначение, предопределенность: дати 'предназначить', оуготокати, оуготокити. Например: не вѣли кзмѣстатѣ словесе сего. нз имъже дано естѣ οἷς δέδοται Мат. XIX, 11 Мар., Ассем. (в Савв. естѣ дано); никтоже не можетѣ прити кз мнѣ. аште не вѣдетѣ дано емоу отѣ оца моего δέδομένον αὐτῷ Ио. VI, 65 Мар., Зогр., Ассем.; не можетѣ чѣкз приимати ничесоже. аще н(е) вѣдетѣ емоу дано ἔνσε δέδομένον αὐτῷ Ио. III, 27 Мар. (нѣстѣ дано емоу — Ассем.); а еже сѣсти о деснжж мене и о шнжж. нѣстѣ мнѣ дати. нз имъже естѣ оуготокано ἡτοίμασαι Марк X, 40 Мар., Зогр., Савв. (оуготокано естѣ — Ассем., Остр.) (так же Мат. XX, 23); ѡ буже оуготокано δѣдати комууждо чловѣкоу по дѣломъ него Супр. 259, 21 (последний пример из Супр. представляет собой цитату из евангелия от Мат. XVI, 27. В Мар. в соответствующем месте предикатив отсутствует: I тѣгда вздастѣ комууждо по дѣломъ своимъ ἀποδώσει ἑκάστῳ κατὰ τὴν πράξιν αὐτοῦ). Конструкции с причастиями от этих же глаголов и инфинитивом: камъ дано естѣ разоумѣти таинаа цѣрствитѣ. нѣскааго. онѣмъ же не дано естѣ ὑμῖν δέδοται... ἐκεῖνος δὲ οὐ δέδοται Мат. XIII, 11 Мар., Зогр. (ср. подобные примеры: Лука VIII, 10; Марк IV, 11); тебѣ бо тоу естѣ дано прославити сѣ чловѣкы Супр. 236, 4.

Основой безлично-страдательной конструкции может быть причастие от глагола слышати: отѣ вѣка нѣстѣ слышано. ꙗко кто стержзе очи слѣпоу рождену οὐκ ἠκούσθη Ио. IX, 32 Мар., Зогр., Ассем., Остр.

В центре конструкции — страдательные причастия от глаголов дати и вззати: имъцимоу бо кесѣде дано вѣдетѣ и извѣдетѣ. а отѣ не имъцааго и еже аште мнѣтѣ сѣ имы кззато вѣдетѣ отѣ него δοθήσεται... ἀρθήσεται ἀπ' αὐτοῦ Мат. XXV, 29 Мар., Зогр., Ассем., Остр. (в Савв.

страдательная конструкция с именительным падежом: *все даю*). В Супр., в цитате из евангелия от Мат. XXV, 29 — глагол страдательного значения: *имжшгоуоумоу бо вкзде дастъ са и избждетъ. отъ не имжшгадо же и еже иматъ взаметъ са отъ него* 377, 20—25. Ср. также Супр. 370, 4—7: *имжшгоуоумоу бо присно дастъ са. . . взаметъ са отъ него*. В аналогичном по содержанию тексте из главы VIII, 18 от Луки на месте причастий во всех кодексах возвратно-страдательные глаголы *дастъ са* и *отыметъ са* (кроме Ассем., где один раз причастие: *кззачо вждетъ отъ него*). В аналогичном тексте из главы XIII, 12 от Мат. в Мар. и Зогр. соответственно *дастъ са* и *кззаметъ са* (в Ассем. и Остр. это место отсутствует). Как видно из показаний параллельных мест, греческий пассив переводится то глаголом страдательного значения, то страдательным причастием.

Интересны конструкции с особыми адъективизировавшимися формами *вѣдомо* и *извѣстѣно*, которые, будучи по происхождению страдательными причастиями настоящего времени, уже не обнаруживают признаков страдательного залога. Логический субъект имеет здесь необычную для страдательных конструкций форму дательного падежа, которая напоминает о конструкциях с безлично-предикативными словами. Например: *вѣдомо да вждетъ тебѣ. ꙗко богомъ твоимъ не жрѣж* Супр. 104, 16; *извѣстѣно бо вѣ людемъ. ꙗко иоанъ пркъ вѣ пепеисрѣнос. γάρ ἐστιν Ἰωάννην προφήτην εἶναι* Лука XX, 6 Мар. (в Зогр. *извѣстѣно бо вѣ людемъ. о Иоан'нѣ. ꙗко пророкъ вѣ*); *извѣстѣно ны естъ. по вжиѣмъ кзнигамъ. не ток'мс небезнымъ силамъ прити. из и самого бѣ невидимо съ нами быти* Син. евх. 95 б 4.

Относительно безличных *писано* *кстъ*, *речено* *кстъ*, а также *речетъ са*, *пишетъ са*, соответствующих греческому пассиву, заметим, что в аналогичной функции может выступать и глагол в форме 3-го лица ед. числа *пишетъ*, который формирует предложение с безличным по форме и неопределенно-личным по значению сказуемым. Кроме приводившихся выше примеров из Зогр., в которых форма *пишетъ* появляется на месте *писано* *кстъ* параллельных мест (Мат. IV, 4; Мат. IV, 6; Мат. IV, 7;

Мат. IV, 10), отметим пример из Син. пс.: кѣ съкитѣцѣ кѣни(жѣ)нѣемѣ пишетьѣ: о мнѣ сътворити комѣж. . . не въсхотѣхъ ἐν κεφαλίδι βιβλίου γέγραπται XXXIX, 8⁵¹.

5. Предложения с безличным сказуемым, включающим предикатив

§ 9. В старославянском языке широко распространен тип безличных предложений, образованных предикативами (или, иначе говоря, словами, относящимися к категории состояния). Класс предикативов присущ всем славянским языкам. Собственные значения предикативов группируются вокруг нескольких семантических центров. Например, в русском языке намечаются следующие основные разряды предикативов, выделяемые по их значению: 1) предикативы, выражающие модальные значения невозможности и возможности, долженствования, необходимости: *нельзя, пора, можно, должно, надобно, надо, нужно* и т. п.; *я обязан, должен*; 2) предикативы, выражающие значения эмоциональной характеристики действия, эмоционального отношения к действию или объекту: *жаль, жалко, стыдно, совестно, тошно, завидно, страшно, грустно* и т. п.; *я рад*; 3) предикативы, выражающие значения морально-этической квалификации действия: *грех, стыд, срам, досада, смех, каторга, позор* в сочетании с инфинитивом); 4) предикативы со значениями эмоционально-волевой квалификации действия: *лень, охота, неохота, недосуг* и т. п.; *я намерен, способен, готов*; 5) предикативы, обозначающие физические состояния: *больно, холодно*; 6) предикативы, обозначающие состояния окружающей среды: *уютно, пасмурно, ветрено*; 7) предикативы со значениями «отрицательного характера», иногда близкими к модальному значению невозможности, выражаемые в русском языке отрицательными местоименными наречиями: *ничего, негде, некуда, некогда, невдомек, некому, не с кем, не от кого, не у кого* и т. п.; все они выступают в функции главного члена предложения в сочетании с инфинитивом.

Предикативы неоднородны по своей внешней форме. Они совпадают в этом отношении либо с наречиями, либо с именами существительными. По поводу имен существительных замечалось, что не все их семантические разряды

⁵¹ Вайан А. Руководство по старославянскому языку, с. 389.

в равной степени пригодны к формированию самостоятельных высказываний⁵². В этом отношении конкретным существительным противопоставляются абстрактные существительные некоторых особых разрядов. «Наиболее естественно образуют предложения существительные, значения которых непосредственно связаны с понятием времени. . . За некоторыми словами этого значения прочно закрепилась предикативная функция (*время, пора*). Темпоральные существительные не нуждаются ни в каких дополнительных лексических и грамматических «привесках», чтобы превратиться в высказывание. Для достижения этой цели достаточно снабдить их интонацией сообщения», — отмечает Н. Д. Арутюнова⁵³. Склонностью к преобразованию в предложение обладает также событийная лексика: *беда, крушение, крах, война* и др. существительные этого рода⁵⁴. «Чем более предметно значение существительного, тем затруднительней для него непосредственное включение в систему форм предложения», — поясняет Н. Д. Арутюнова⁵⁵. В рамках безличных предложений «непредметные» существительные к тому же лишаются своей субстантивности.

Употребляясь в функциях сказуемого и главного члена безличных предложений (ср. в русском языке *готов; рад, можно, нельзя, холодно, скучно, пора, жаль, недосуг, лень, охота*), т. е. в типичных функциях глагола, предикативы становятся синтаксическими вариантами наречий и имен существительных и тесно соприкасаются с глаголами. В. В. Виноградов обратил внимание на то, что в русском языке многие предикативы находят себе параллели в группах безличных глаголов (*грустно и взгрустнулось, горько и горчит, темно и темнеет*)⁵⁶. Этот параллелизм не случаен. Подобно глаголу, предикатив внутренне характеризуется категориями времени и наклонения. Эти категории выражаются не в самой форме предикатива, но при помощи специальных показателей, соответствующих формам глагола *быть*, т. е. аналитически

⁵² Золотова Г. А. О взаимодействии лексики и грамматики в подклассах имен существительных. — Памяти акад. В. В. Виноградова. М., 1971.

⁵³ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976, с. 75.

⁵⁴ Там же, с. 76.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, с. 406.

(в русском языке *надо, надо было, надо будет; надо бы, надо было бы; пора, пора было, пора будет; пора бы, пора было бы*; настоящее время в русском языке отмечено отсутствием специального показателя). «Так как формы времени в категории состояния аналитичны, — писал В. В. Виноградов, — то вся эта категория в целом носит яркий отпечаток аналитического строя»⁵⁷. Некоторые из предикативных слов, подобно глаголам, могут иметь при себе формы объекта: *мне жаль эту девочку; я должен ему большую сумму денег*.

Однако от глагола предикативы, в соединениях с формами глагола *быти* отличаются тем, что не обладают категориями вида и залога.

В то же время предикативы порвали связь с теми классами слов, которым они подобны по своей внешней форме. Так, наречные предикативы, сохраняя специфическое свойство наречий образовывать формы сравнительной степени, не способны, в отличие от наречий, квалифицировать действие и быть обстоятельствами. Если какое-либо существительное сохраняется в языке только в одной функции сказуемого, то такое ограничение его функций связывается со смысловой деформацией слова, с потерей им форм падежа и с появлением в его содержании значения времени. Идея предметности существительного ослабевает; предикативы, внешне совпадающие с существительными, отрываются от класса имен. Так, в русском языке предикатив, восходящий к существительному женского рода, имеет при себе временной показатель среднего рода: *пора было, лень было*. «В грамматическом употреблении таких слов резко обозначаются оттенки времени. Они все сильнее окрашивают семантическую структуру их и парализуют в них способность склонения и родовые различия», — заметил В. В. Виноградов⁵⁸. Адъективные предикативы встречаются только в кратких формах, которые не соотнесены с полными формами прилагательных (например, в русском языке *я рад, намерен, прав; должен, нужен; костюм широк, мал, узок*).

Неоднородны предикативные слова и с точки зрения их фактической соотносительности или несоотносительности со словами других грамматических классов. Напри-

⁵⁷ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове, с. 402.

⁵⁸ Там же, с. 420.

мер, в русском языке *можно, надо, тошно, любо* не соотносительны по значению с теми качественными наречиями или краткими прилагательными, которыми они подобны по своей внешней форме, и являются самостоятельными лексемами. Предикативы *жаль, недосуг, нельзя*, выделившиеся из разряда имен существительных, не имеют никаких соответствий в кругу этого класса слов. Другие же предикативы существуют не как отдельные лексемы, а как особые значения слов исходных классов. Такова, например, широко распространенная в русском языке группа предикативов на *-о*, представляющих собой особые значения качественных наречий чувства, эмоционального состояния (*весело, грустно, тревожно*), физического состояния (*больно*), состояния окружающей среды (*уютно, ветрено*). Часть лексического материала, объединяемого классом предикативов, характеризуется переносными значениями и своеобразной идиоматичностью (в русском языке *он — шляпа, седьмая вода на киселе, она — молодец, стреляный воробей, тертый калач* и т. п.).

Хотя сфера употребления предикативов не ограничивается безличными конструкциями и некоторые из них могут употребляться в согласовании с именительным падежом подлежащего (*я рад* и т. п.), однако в кругу этого класса слов особенно широко представлены безлично-именные формы (безлично-предикативные слова), выступающие в функции главного члена безличного предложения.

Одной из важных проблем, возникающих в связи с изучением старославянских конструкций с предикативами, является проблема употребления связки. Синтаксические построения с предикативами, выражающие разного рода модальные оттенки (возможности, невозможности, допущения, необходимости, долженствования) или предикативную оценку, известны и древним индоевропейским языкам. Изучение свидетельств архаичных индоевропейских языков дало основание высказать мнение, что бесвязочные именные конструкции вообще были более древними, чем связочные. В славянских языках к концу периода праславянского единства связочные конструкции сосуществовали с бесвязочными⁵⁹. В соответствии с этим

⁵⁹ Об архаичности и первичности бесвязочных предложений см.: Zubatý J. V ta doba, v ta doby. — Sborník Filol. 1917, VI,

путем развития данного явления в качестве одной из особенностей греческих модальных построений с предикативами отмечают частое отсутствие формы глагола *быть* в настоящем времени, в то время как в старославянском, в отличие от греческого, отсутствие формы глагола *быти* отмечается значительно реже. Указывается, что в некоторых случаях форма глагола *быти* в сочетании с безлично-предикативными словами появляется в старославянском в соответствии греческим бессвязочным конструкциям⁶⁰. Преимущественно присвязочное употребление старославянских предикативов служит, согласно некоторым авторам, препятствием для того, чтобы считать эти формы подлинными предикативами: они употребляются здесь в качестве именного члена сказуемого в привычных для старославянского языка связочных конструкциях⁶¹.

Мы не можем согласиться с тем, что бессвязочные конструкции с модальным значением в старославянском языке «исключительно редки»⁶²; как увидим ниже, их доля весьма значительна. Кроме того, связочность или бессвязочность в настоящем времени не может, по нашему мнению, служить решающим аргументом за или против особого, чисто предикативного, характера именной или наречной формы. В качестве действительно заметной особенности, сближающей старославянские предикативы с именным членом присвязочного сказуемого, можно было бы назвать совсем другое явление: отсутствие морфологически выраженного среднего рода у формы прошедшего времени глагола *быти*.

Однако в то же время есть бесспорные данные, позволяющие квалифицировать эти слова именно как предикативы: употребление их только в предикативной функции; особое значение слова, в большей или меньшей степени отличающееся от значения подобного ему по внешней

s. 116—123 (Studie a články, II, s. 44—53); *Idem.* K výkladu některých příslovcí, zvláště slovanských. — Sborník Filol. 1912, III, s. 120—167 (Studie a články, II, 106—161); см. также: *Mrázek R.* Nominální věty neslovesné v starě ruštině. — Studie ze slovanské jazykovědy. Praha, 1958, s. 40; *Mrázek P.* К дательно-инфинитивным конструкциям в старославянском языке, с. 113.

⁶⁰ ВЯ, 1955, № 6, с. 53.

⁶¹ Там же, с. 57.

⁶² Там же.

форме наречия или существительного; функционирование в составе безличных конструкций с инфинитивом и дательным косвенного субъекта; наличие в параллельных местах соответствующих по содержанию текстов глагольных форм, соотносительных по значению с аналитическими образованиями, включающими предикативы.

Семантические разряды старославянских предикатов не отличаются в чем-либо существенном от русских. Ясно выделяются предикативы с модальными значениями возможности, долженствования и необходимости; можно отметить также предикативы со значениями эмоциональной характеристики действия, далее — со значениями морально-этической оценки. Реже встречаются предикативы эмоционально-волевой квалификации действия, физического состояния человека, состояния окружающей среды⁶³. Границы между разными семантическими разрядами нечетки: отмечается своеобразная междуразрядная омонимия предикативов. Так, предикатив *добрѣ*, употребляясь в значении 'счастливо, благополучно' выражает эмоциональную окраску действия, а в значении 'годно, уместно' — морально-этическую оценку.

Для одного из семантических разрядов русских предикативов в старославянском нет убедительных соответствий по причине определенных структурных различий между этими языками. Именно, вместо русских *негде, нечего* и т. п. в старославянском находим личные конструкции с глаголом *имамъ* при отрицании: *снѣ члчкы не иматъ кѣде* *подъклонити главы оуб ѣχει поѣ тѣмъ ксѣфалѣмъ клѣнѣ* Лука IX, 58 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр. (по-русски было бы:

⁶³ Старославянские безличные предложения с предикативами рассматривались в работах; *Георгиева В. Л.* Безличные предложения по материалам древнейших славянских памятников (особенно старославянских). — *Slavia*, 1969, XXXVIII, 1; *Mrázek R.* К дативно-инфинитивным конструкциям в старославянском языке; *Rothe H.* Unpersönliche Regentia mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen. — *Slovo*, 1960, р. 9—10; *Ян Я.* Старославянские наречия как член предложения. — *Slavia*, 1967, 1; *Златанова Р.* Адвербиални форми — компонент на съставно сказуемо в старобългарски. — *Български език*, 1972, год. XXII, кн. № 1—2; *Она же.* Съставно сказуемо с нереализирана копула в старобългарски. — *Славистичен сборник. По случай VII Международен конгрес на славистите във Варшава. София*, 1973. Совпадения наших примеров с примерами названных авторов специально не оговариваются.

сыну человеческому негде приклонить голову); три дни пристѣдѣтъ мѣнѣ. I не имѣтъ чего ѣсти оубо ѣχουσιν τί φάγωσι Марк VIII, 2 Мар., Зогр. (по-русски: и нечего им есть).

- а) Предложения с предикативами, имеющими значения возможности—невозможности, долженствования, необходимости

§ 10. Некоторые безлично-предикативные слова этой семантики не имеют лексических соответствий в сфере других частей речи. Таков, например, модальный предикатив лѣтъ, лѣтиж 'позволено', 'можно', который выступает в соединении с формой нѣтъ и в этом сочетании значит 'нельзя'. Ср. также не лѣтъ ѣтъ 'нельзя'. Безличные предложения с этим предикативом, глаголом быти в форме настоящего времени, инфинитивом и косвенным субъектом в форме дательного падежа: Iли нѣтъ ми лѣтъ сѣтворити къ сконхъ ми еже хощѣ оубо ѣѣсѣтн Мат. XX, 15 Мар., Зогр., Ассем., Остр., не лѣтъ ти ѣтъ оуже къзвѣбѣне. безз оудръжанаѣ жити оубо ѣѣсѣтн со. . . ζῆν Супр. 496, 28. Пример конструкции с формой прошедшего времени вѣше, инфинитивом, без косвенного субъекта: и како не во вѣше лѣтиж приѣтжити оуде γαρ ѣѣн προσελθεῖν Супр. 441, 14.

Модальный предикатив лѣтъ 'можно', не лѣтъ, нѣтъ лѣтъ 'невозможно' также полностью обособлен лексически. С косвенным субъектом: нѣтъ ми лѣтъ ѣнамо ити разѣтъ еде ἀμήχανον ἐστι Супр. 170, 21—22. Без формы косвенного субъекта: къпрошеноу въкъшо. аште е лѣтъ поуштати женѣ сконѣ на въѣтко въѣма Клоц. 2 в 8; без косвенного субъекта, без связки: не лѣтъ сѣпати ед инако оубо ἐνόν σωθη-
ναι Супр. 370, 16.

Предикативы къзможно, некъзможно, мошгано, не мошгано принадлежат к числу наиболее распространенных в старославянском. Некоторые примеры: аште къзможно ѣтъ. да мимо ѣдетъ отъ мене чаша ги еи ἐ δυνατόν ἐστιν Мат. XXVI, 39 Зогр., Ассем., Мар. Савв., Остр.; аште къзможно етъ мимо ѣдетъ отъ него чаша еи ἐ δυνατόν ἐστιν Марк XIV, 35 Мар. (аште етъ къзможно Зогр., Ассем., Савв., Остр.); дадатъ знамениѣ и чюдѣла да прѣлѣстатъ аще къзможно избвранѣе еи ἐ δυνατόν Марк. XIII, 22 Мар. (в Зогр. в этом месте — глагол: аште къзможѣтъ); отъ чѣкъ не къз-

МОЖНО ЕСТЬ А ОТЪ БА КЗМОЖНА ЕЖТЪ *παρὰ ἀνθρώποις τοῦτο ἀνένδεχτόν ἐστιν* Мат. XIX, 26 Савв. (в других кодексах, так же как и в греческом, здесь личная конструкция, в которой не^кз^можно выступает в качестве наречия: *отъ члкъз се не^кз^можно естъ* Мар. Остр. *отъ чкъз не^кз^можна. а о ба кѣ кз^можна ежтъ* Ассем); не кз^можно етъ да не приджтъ сканздали *ἀνένδεχτόν ἐστιν* Лука XVII, 1 Мар., Зогр.; не кз^можно етъ взходити женѣ кз манастира *ἀνένδεχτόν ἐστι* Супр. 298, 11; не кз^можно етъ прѣоу погыбнѣти кромѣ иерлзма *οὐκ ἐνδέχεται* Лука XIII, 33 Мар.; аште не кз^можно етъ чашѣ сеи. да мимо идетъ отъ мене *εἰ οὐ δύναται . . . παρελθεῖν* Мат. XXVI, 42 Ассем., Савв. (в Мар. аште не кз^можетъ чаша си мимо ити отъ мене, а Зогр. — аште не можетъ); I ничтоже не кз^можно вждетъ камъ *οὐδὲν ἀδυνατήσει ὑμῖν* Мат. XVII, 20 Мар., Ассем., Остр. (в Савв. ѣ ничто же оуйметъ *са каъз*); аште ли колеж ксе моштѣно испракити кома ѣмоу бѣ дана Супр. 414, 3; моштѣно во ѣднемъ дѣнемъ семоу быти *δυνατόν γαρ* Супр. 421, 24. (в Клоц. аналогичное по содержанию место соответствующей гомилии передается при помощи личного глагола: можемъ во се створѣти. аште хоштѣмъ. еднѣма днѣма 8 в 17—18); *присагохъ. также моштѣно* Супр. 508, 44; моштѣно испокѣдати Супр. 534, 14; быти. . . моштѣно етъ Супр. 383, 18; не моштѣно ти етъ покаати *са* Супр. 167, 24; не моштѣно ти етъ ити Супр. 294, 6; томуу нына не моштѣно ѣ быти Супр. 295, 22; не моштѣно етъ ми изити отъ него Супр. 554, 14; не моштѣно етъ поставити его попа Супр. 286, 30; како етъ моштѣно кз тожде кси мнозѣхъ сицихъ полоучити *πῶς δυνατόν* Зогр. л. I б 18—19; *Прихождаахъ же и жены к ѣмоу имаштѣ тайныя крѣды. ѣхъже не моштѣно кречемъ видѣти* Супр. 557, 1.

На примере предикативов этой семантики, представленных наибольшим количеством случаев, удобно рассмотреть количественные соотношения некоторых структурных особенностей базирующихся на них безличных предложений: их субъектности и бессубъектности, наличия и отсутствия инфинитива, связочности и бессвязочности. Имеется также возможность проследить и уточнить на этом материале изложенные выше соображения о частом соответствии славянских связочных конструкций бессвязочным греческим.

Количество субъектных и бессубъектных конструкций с предикативами *кззможно*, *некззможно*, *моштгано*, *не моштгано* приблизительно одинаково. Инфинитив употребляется в них далеко не всегда. Как правило, он отсутствует, во избежание тавтологии, в придаточных условия *ашге кззможно* (здесь нет и косвенного субъекта). В славянском связочных конструкций примерно в два раза больше, чем бессвязочных. Славянская связочность и бессвязочность не определяются всецело греческим оригиналом. Отмечаются случаи соответствий славянских связочных конструкций греческим связочным (*ашге кззможно љстгз — εἰ δυνατόν ἐστιν*) и славянских бессвязочных — греческим бессвязочным (*прѣлѣстагѣ. аще кззможно εἰ δυνατόν*); в славянском может быть связочная конструкция в противоположность греческому оригиналу, не имеющему связки (*аще естгз кззможно — εἰ δυνατόν*). В соответствии греческому модальному предикативу без связки в славянском может употребляться модальный глагол (*аще кззмогѣгѣ — εἰ δυνατόν*). В соответствии греческому глаголу в славянском может быть также глагол (*εἰ οὐ δύναται — аште не кззмогѣгѣ*).

Соотношение греческих и славянских безличных конструкций в области связочности—бессвязочности оказывается сложным. Греческим бессвязочным конструкциям соответствуют не только славянские связочные, но и славянские бессвязочные конструкции, а также модальные глаголы.

К предикативам, внешне соотносительным с наречиями и прилагательными, относится *лѣпо* 'должно, уместно, надо' и *не лѣпо* с противоположным значением. Примеры с формой *љстгз*, косвенным субъектом в форме дательного и инфинитивом: тако во *љстгз* намз *лѣпо* *сзкончатѣ* *кѣлѣко* *правдѣж* *прѣпов* *ѣмѣн* *ѣсти* Клоц. 6 а 34 (в соответствующем месте аналогичной гомилии Супр. — *сице* во *лѣпо* *љстгз* намз *исправити* *кѣсѣж* *правдѣж* Супр. 416, 19 (ср. Мат. III, 15 подобно намз *естгз* Мар., Зогр., Ассем., Остр.; *подобаѣгѣ* — Савв.; замечателен параллелизм *љстгз* *лѣпо* и глагольной формы *подобаѣгѣ*, свидетельствующий о глагольности содержания предикатива). Другие примеры с предикативом *лѣпо*, формой *љстгз*, инфинитивом и косвенным субъектом — дательным падежом: *лѣпо* же *љстгз* и намз *кз* *хоуликомз* *кѣры* глаголати Супр. 404, 8 (ср. также Супр. 137, 1; 262, 14; 355, 17; 396, 21); *не лѣпо* *љстгз* *окакѣшнимз* *оделѣкати*

вз рати. злодѣискожъ сзмрѣтижъ оумирати ἄτοπον Супр. 87, 2; не лѣпо ѿсгъ жити ѿмоу. нъ и гъ сзмрѣтижъ да осждитъ сѧ Супр. 66, 6—7. Примеры без косвенного субъекта: есгъ лѣпо приближати сѧ χρῆ καταχθῆναι Зогр. л. II б 4; подкзати а лѣпо есгъ на исправление ἑπειγεῖσθαι χρῆ πρὸς τὴν διόρθωσιν Зогр. л. II б 21—22. Примеры без инфинитива: ѿверѣисгъо дастъ сѧ тебѣ. такоже ѿмоу никомоуже не лѣпо ѿсгъ. нъ добротѣ ткоени ὡς οὐκ ἄλλω τινὶ πρέπουσα Супр. 48, 18; кзгда же ли посмѣютъ сѧ. такоже ѿсгъ лѣпо житиискимъ по-трѣбамъ ὡς δεῖ Супр. 447, 18. Без субъекта: лѣпо ѿсгъ разоумѣти о семъ Супр. 346, 3; ѿ томъ бо лѣпо ѿсгъ глаголати. ѿже ὦ мѡυσειи писаною Супр. 545, 3 (см. также 396, 17); о сихъ помыслиги нѣсгъ лѣпо Супр. 534, 9; нѣсгъ лѣпо да именуеъ сѧ хвѣ рабъ Син. евх. 104 а 7. Мы отметили пять случаев бессвязочного употребления предикатива лѣпо в настоящем времени, например: лѣпо же бы вамъ ѣлиномъ покарѣти сѧ бѣжителю кашемоу дмироу Супр. 126, 11—12 (см. также Супр. 368, 17; Супр. 410, 6). В двух из этих примеров отсутствует также и косвенный субъект: пионитъ же мжченика и паче поминати лѣпо Супр. 124, 14; сице вѣрвати лѣпо Супр. 305, 22.

Предикатив лѣпо отмечен также с формами прошедшего времени вѣ и вѣаше, например: лѣпо вѣ ѿмоу прѣжде поставити дрѣво гайное креста. ти гъгда топломъ доухомъ иже кз адѣ лежатъ кз гѣмъ притешти Супр. 404, 24 (см. также Супр. 404, 20; 387, 18; 135, 24, 333, 23; 434, 17). Без формы косвенного субъекта: лѣпо бо вѣаше... быти кзстанию Супр. 443, 29.

Предикатив подобно по смыслу отличается от прилагательного подобанъ 'похожий, подобный' и наречия подобно. Он имеет модальное значение необходимости и семантически соприкасается с безличным глаголом подобаетъ и предикативом лѣпо, которые заменяют предикатив подобно в параллельных местах. Например: подобно намъ есгъ. исплзнити ксѣкж правдъ прѣпонъ ἐστιν ἡμῖν Мат. III, 15 Мар., Зогр., Ассем., Остр. — в Савв. подобаетъ. В Супр. и Клоц., согласно тому же греческому оригиналу, находим лѣпо: лѣпо ѿсгъ намъ ѿспракиги ксѣж правдъж Супр. 416, 19; ѿсгъ намъ лѣпо сзконачатѣ ксѣко правдъж Клоц. 6 а 34.

Как можно видеть из этих примеров, безличные предложения с подобно включают форму *ѣстъ*, инфинитив и косвенный субъект в форме дательного. Однако есть случаи с «неполным набором» членов безличной конструкции.

Без инфинитива, без косвенного субъекта: *неподобно ѣстъ ѿ бумиражштггѣихъ хвалити ѿ Супр. 126, 14.* Без формы *ѣстъ*, без косвенного субъекта: *тѣораштгааго зѣло того плакати вѣждоу подобно Супр. 406, 8.*

Предикатив подобно с формой прошедшего времени *ѣт* употреблен однажды в безличном предложении без косвенного субъекта: *Приде же дана оперѣмкъ. ка наже подобно ѣт жрѣти пасхъ ἐν τῇ ἔδει θύεσθαι τὸ πάσχα* Лука XXII, 7 Мар., Зогр.

Предикатив *достойно* отличается по смыслу от наречий *достойно* и *достойнѣ* 'соответственно чему' (*съподобн* и *жити* *достойно аѣлскоумоу житгю* Син. евх. 81 а 23; *ѣпискоупзскимъ сномъ почѣтенъ* и того *достойнѣ живы* Супр. 293, 24) или «с достоинством» (например, *приемлштгеѣ бо достойно чѣста полѣж имѣтъ* Клоц. 8 а 39). Предикатив *достойно* значит 'должно, уместно, полагается', и это значение хорошо раскрывается в следующих примерах: *хлѣбы прѣдѣлжениѣ снѣѣтъ. Ихъ же не достойно емоу ѣт ести... тѣкъмо иереомъ единѣма оубъ ἔξόν τῆν* Мат. XII, 4 Мар., Зогр. (здесь имеется форма косвенного субъекта, которой нет в других примерах); *достойно же и оногъ вѣзискати* Супр. 440, 19; *рѣци к'то сѣтѣори. ѿтѣкъштга. не достойно ѣтъ рѣшти* Супр. 140, 7. К предикативу *достойно* по значению близок безличный глагол *достойнѣ* 'надлежит', которым иногда и заменяется предикатив в совпадающих местах текстов. Ср.: *аще ѣтъ достойно поуѣтити женѣ снѣж. на вѣкѣхъ вѣнѣ ἔξῆστιν* Мат. XIX, 3 Савв. (*аштге* *достойнѣ* ... по *вѣѣкѣхъ* *вѣнѣ* Мар., Ассем., Остр.) (в Клоц. в аналогичном месте другая лексема: *аштге е лѣѣт поуѣтѣти женѣ вѣкѣхъ 2 в 8*); *достойно ли ѣтъ дѣти кинѣсѣ кѣсаревн* или *ни ἔξῆστιν* Мат. XXII, 17 Мар., Остр. (*достойнѣ ли* Савв., *достойнѣ ли* Ассем.); *Прхирери же приемѣше сѣрѣбро рѣша. не достойно етъ вѣложити его къ карканѣ. понеже цѣна крѣвѣ етъ оубъ ἔξῆστιν* Мат. XXVII, 6 Мар., Зогр., Остр. (*нѣѣтъ* *достойно* — Савв., *не* *достойнѣ* — Ассем.); *намъ не достойно ѣтъ погубити не ѣдногъ же* Супр. 433, 9—10 — *не* *достойнѣ* *намъ*

оубиги никогоже оѡх ѣѣсти Ио. XIII, 31 Мар., Зогр., Ассем., Савв.

Потрѣвано: Тема же потрѣвано естз къспомѣнжти ἀναγχατον Зогр. л. 1 а 14—15.

Потрѣванѣ: Потрѣванѣ намз оуташнати прѣдлежащгее χρῆσιμος Зогр. л. 1 б 6.

Трѣвѣ 'нужно', 'необходимо': о манѣ бо нѣстз трѣвѣ плакати са Супр. 102, 15; келми трѣвѣ искати Супр. 345, 12.

В этих безличных предложениях с формой трѣвѣ отсутствует косвенный субъект, но имеется инфинитив и форма юстз. В Супр. форма трѣвѣ употреблена однажды как безлично-предикативное слово в цитате из евангелия от Ио. II, 25: не вѣ ѣмоу трѣвѣ да кто послушзсткоуѣтз δ часкѣцѣ 404, 16—17. Интересно, что в Мар. в соответствующем месте употребляется личный глагол в 3 л. ед. числа (правда, без субъекта — именительного падежа): не трѣвокаше да кѣто сѣвѣдѣтемзсткоуоутз о чѣкѣцѣ. В конструкции и не трѣвѣ имашн. да кто та кзпрашаегтз δ сема оѡ χρεῖαν ἔχεις Ио. XVI, 30 Савв. форма трѣвѣ употреблена как часть сказуемого личного предложения; в Мар. и Зогр. здесь глагол в форме второго лица: и не трѣвоуеши да кто та кзпрашаатз о сема.

Оуне 'необходимо, следует': оуне бы сице гнѣвати са на тѣхз. иже пласцемз сѣбираниѣ пишжтз ὄφελον Супр. 403, 17 (см. ниже оуне в значении 'полезнее', 'легче').

Некоторые предикативы со значением необходимости по форме соответствуют именам существительным. Они также образуют аналитические сочетания с формой 3-го лица глагола быти. Косвенный субъект — в форме дательного падежа.

Неколѣ 'необходимо', 'надобно', 'неизбежно': неколѣ бо юстз прити скандаломз ἀνάγκη γάρ ἐλθεῖν τὰ σκάνδαλα Мат. XVIII, 7 Мар., Зогр. ('ибо надобно прийти соблазнам').

Ноужда 'необходимо': ноужда ѣмоу вѣаше йти конз Супр. 215, 6; млзчати ѣмоу ноужда вѣаше Супр. 240, 6; ср. Супр. 313, 20. Без косвенного субъекта, без формы глагола быти: ноужда днелз сѣтворити овѣдз Супр. 405, 17; Мала ноужда днелз кз вашей млзблн сѣвѣштгати Супр. 405, 7. **Потрѣва** 'надо', 'следует': нѣстз же ми потрѣва глаголати о немз Супр. 272, 10. Без субъекта: потрѣва юстз решти Супр. 8, 23; ср. Супр. 543, 25—27; 373, 30.

Подоба 'необходимо': подоба ти вѣ дати сѣрѣвро мое при-
коупъ твораштиимъ Супр. 369, 29, а также: подоба ти вѣ
положити сѣрѣвро мое прѣдъ продаштиними Супр. 377, 7.
Оба эти примера представляют собой цитату из евангелия
от Мат. XXV, 27; в Мар., Зогр., Савв., Остр. соответст-
вующее место представляет собой предложение с безлич-
ным глаголом: подобааше ти оубо вздати сѣрѣвро мое тръ-
жникомъ ѣдеи се оὐν βαλεῖν τὰ ἀργύρια μου.

Другие примеры с подоба: подоба ми ѣстѣ сѣдѣти млд-
чаштѣ дожи и до конѣца жизни моѣѣа Супр. 205, 13; ашгѣ
бубо молиши сѣ за цѣра. то подоба ти ѣстѣ ѥ поклѣтннемъ
ѥхъ повиновати сѣ Супр. 106, 15; и вѣ ношти то выстѣ. ѥ
подоба вѣ нѣкоторымъ и бѣснжти Супр. 445, 3 (с формой
вѣ см. также Супр. 377, 8 и 377, 14). Пример без формы
косвенного субъекта: просити вѣ подоба Супр. 373, 21. При-
мер без инфинитива и без формы косвенного субъекта:
кѣгда бо ѣакоже ѣстѣ подоба послѣшиго на доуховѣноѣ дѣло.
Супр. 447, 16—17.

Предикативы, внешне совпадающие с существительными
и восходящие к ним, имеющие значение необходимости
в наступивший момент совершения какого-либо действия
(ср. русское *пора* в сказуемом).

Действие, подлежащее выполнению, выражается формой
инфинитива. В наших примерах отсутствует форма косвен-
ного субъекта (которая, однако, здесь вполне допустима) и
форма глагола *быти*, что соответствует греческому ориги-
налу. Лишь однажды, вопреки оригиналу, в конструкции
имеется форма *ѣстѣ*.

Врѣма. Врѣма сѣтвориги гнѣ хаирѣс тоѣ ποιѣσαι тѣ хриѣу
Син. пс. CXVIII, 126; Ты вѣскресѣ помилоуеши сиона. Ёко
врѣма помиловати ѣти хаирѣс тоѣ оѣхтирѣσαι аѣтѣн Син. пс.
CI, 14; врѣма естѣ юже издрешти. ѥ приовштити ны таѣнахъ
Клоц. 1 в 8; врѣма плакати сѣ врѣма кланати сѣ. врѣма
плакати сѣ грѣха. ѥ врѣма смнѣти сѣ сѣспасениѣ Супр. 356,
17—19 (так же Супр. 356, 14; 357, 1—3; 364, 12); врѣма
ѥс корене ѥскопати нечѣстие. и врѣма вѣсадити благѣстие
Супр. 357, 8—9; да бѣуже врѣма бѣубо прѣтивѣ днѣмъ
плѣтити сѣ Супр. 306, 7—8.

Интересна передача одного и того же греческого чтения с бессвязочным предикативом в двух памятниках: Клоц. и Супр. В Супр. форма *εστγ* отсутствует: *κρτμα ουβο* при-стгжпиги кз *γρздти* *σει* *трепезε* 420, 7. В Клоц. форма *εστγ* появляется вопреки оригиналу: *κρτμα εστγ* юже. кз *εττι* | *ετρασηνанти* *τραπεζε* *πισετжпиги* 'Αλλά καιρός λοιπόν τῆ φρικτῆ ταυτῆ προσελθεῖν τραπεζῆ Κλοц. 8 а 3.

Добро κρτμα. *Добро εστγ κρτμα* *διδασε* *ελετμαз* *намз* *кзз-*пиги *ευκαιρον* *σημερον* ... *αναβοῆσαι* Супр. 486, 22; *διδασε* *добро* *εεστγ* *κρτμα* *паки* *решги*. *προροχλски* *δινз* *гласз* Супр. 487, 4.

Годз 'удобное время'. Годз же *се* и *блаженнаго* *паоула* на *ερτдж* *изкεсти* *вектды* *ευκαιρον* Супр. 356, 5.

- б) Предложения с предикативами, имеющими значения эмоциональной характеристики действия или предмета

§ 11. Предложения, выражающие эмоциональные характеристики, содержат в качестве главного члена предикативы наречного и субстантивного характера. Лексически обособленные предикативы со значением эмоциональной характеристики не встречаются. Некоторые предикативы, будучи полисемантичными, принадлежат к данному разряду только одной частью своих употреблений, одним значением, в то время как другие их употребления относятся к сфере морально-этических оценок (см. *добро*, *добрѣ*).

Общее значение эмоциональной характеристики влияет на состав элементов безличной конструкции. Субъект (в форме дательного) неукоснительно упоминается, так как именно он испытывает эмоции, выражаемые главным членом предложения — аналитическим образованием с предикативом. Инфинитив входит в состав конструкции в тех случаях, когда состояние субъекта передается в связи с его действием. В некоторых конструкциях инфинитива нет: состояние субъекта здесь мыслится вне связи с его действием (см. *отг-радднѣ*, *печалдно*, *вѣддно*).

Добро 'счастливо', 'благополучно': | *отгвѣштгавз* *петрз* *гдд* *иски*. *рака(ви)* *добро* *εστγ* *намз* *εзде* *быти* *καλόν* *εστιν* *ημᾶς* *ωδε* *εἶναι* Марк IX, 5 Мар. (в Зогр. без формы *εστγ* *добро* *намз* *εзде* *быти*). Ср.: *добро* *εστγ* *намз* *εзде* *быти* *καλόν* *εσ*:

τιν Mat. XVII, 4 Мар., Ассем., Остр.; добро естѣ намъ
 ездѣ быти καλόν ἐστιν Лука IX, 33 Мар., Зогр., Остр. Ин-
 тересно отсутствие связки при слове добро в Зогр., в тексте
 от Марка IX, 5, при связочности соответствующей кон-
 струкции греческого оригинала. Ср. также примеры из
 Супр.: не добро ієстѣ быти чловѣкоу ієд'номоу. ездѣкоримъ
 іємоу помощгѣ подобанж іємоу 9, 1; и азд глж тако добро
 ієстѣ жити Супр. 130, 1. Условное наклонение наблюдается
 в примере: добро би емоу было. аште не би родилъ ед члѣт-
 котъ καλόν αὐτῶ εἰ οὐκ ἐγενήθη ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος Марк XIV,
 21 Мар. (в Зогр. добрѣ емоу би было).

Добрѣ, оунте 'удобнее, удачнее, легче': I иже аще
 ездвразнитѣ единого отъ малыхъ си хъ кѣроуишгити хъ кд ма.
 добрѣ емоу естѣ паче. аще обложатѣ камена жрзнковзны
 о кии его καλόν ἐστιν αὐτῶ Марк IX, 42 (в Зогр. емоу-естѣ);
 оунте емоу би было. аште би камена жрзнковзны... λυσιτελεῖ
 αὐτῶ εἰ λίθος... Лука XVII, 2 Мар. (в Зогр. добрѣ).

Оунте, добрѣта, дебрѣте, добрѣте 'удобнее, удачнее': оунте
 во ти естѣ да погыблетѣ единъ оудз твоихъ. а не кале тѣло
 твое идетѣ кз ѡеонж συμφέρει γάρ σοι Mat. V, 30 Мар.
 (в Зогр. добрѣте); аште тако естѣ вина чкоу ед женож оунте
 естѣ не женити ед οὐ συμφέρει γαμήσαι Mat. XIX, 10 Мар.,
 Зогр., Ассем. (в Савв. оуне не); оунте емоу естѣ да обѣ-
 сатѣ жрзнковз на кии его Mat. XVIII, 6 Мар., Зогр.; доб-
 рѣта ти естѣ взнити кз животъ хромоу ли вѣдзною. неже
 дѣѣтѣ ржцѣт и дѣѣтѣ нозѣт имжшгю кзврзженоу быти кз огна
 вѣчзны καλόν σοί ἐστιν Mat. XVIII, 8 Мар., так же Марк IX,
 45 Мар. (в Зогр. дебрѣте ти естѣ); добрѣта ти естѣ ед
 нѣма окома кд животъ кзнити. неже дѣѣтѣ очи имжшгю.
 кзврзженоу быти кз ѡеонж καλόν σοί ἐστιν Mat. XVIII,
 9 Мар.; ср. Марк IX, 47 Мар. (в Зогр. добрѣте); добрѣта ти
 ієстѣ маломощгитж кз животъ кзнити. неже обѣ ржцѣт
 имжшгю ити кд ѡеонж καλόν ἐστιν σε Марк IX, 43 Мар.
 (в Зогр. дебрѣте).

В памятниках отражены колебания в составе безличных
 конструкций, допускающие возможность различного осмы-
 сления одного и того же предикатива. Так, в тексте еван-

гелия от Мат. XXVI, 24 предикатив добръта имеет значение 'легче для действующего лица' и на этом основании он может быть отнесен к словам эмоциональной сферы: горе же члвкоу томоу имже энз чскз прѣдаетъ са. добръта би было емоу аште са би не родилз члкз тз χαλόν ἢν αὐτῷ εἶ ὄυκ ἐγεινήθη ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος Мат. XXVI, 24 Мар., Ассем., Савв., Остр. Но в Зогр. в этом месте выпущена форма емоу, чем создается возможность отнести предикатив добръта к способам моральной оценки действия: 'полезнее для окружающих' (об этом типе значения предикативов см. ниже).

Благо 'счастливо, благополучно': Мланѣ же прѣлѣплѣтѣ са бзѣ благо ѳестъ. полагаѣ на гѣ оупзване мое εμοι δὲ τὸ προσκολλᾶσθαι τῷ θεῷ ἀγαθόν ἐστιν Син. пс. 72, 28 стр. 92 b; Благо мланѣ тко сзмѣрилз (мѣ еси) ἀγαθόν μοι Син. пс. CXVIII, 71.

Оуне 'полезнее, легче': глаголаша ѳемоу влѣски. не по-гоуби залѣ доуша своѣа. Оуне во ти ѳестъ ѳгзврѣштѣ са бога своѣго συμφέρει Супр. 265, 26; мнозѣмз паче оуне естъ обаштевати самѣмз сз собож Зогр. л. II а 1—2 (см. выше оуне в значении 'необходимо, следует, должно').

Оудоба 'легко, без труда' неоудоба 'с трудом'. Предикатив оудоба формально совпадает с неизменяемым прилагательным оудоба. Некоторые примеры: ѳакоже во намз оудоба ѳестъ вззвондѣти ѣ вззѣставити. такожде ѣ обаште-моу нашемоу владыцѣ. оумдѣрзшаа гласомз вззѣставити Супр. 488, 2—5; не оудоба естъ оупзвѣжштѣмз на бгѣтзствко. вз цѣрствѣне бжѣне кнѣити δύσκολόν ἐστιν Марк X, 24 Мар., Зогр. Без связки: не оудоба богатоу кнѣити ка цѣрствко. нѣско плѣоуσιοῦ δύσκολως εἰσελεύσεται Мат. XIX, 23 Савв. (в Мар., Ассем. и Остр., согласно греческому оригиналу, конструкция с именительным падежом подлежащего: не оудоба кнѣидетъ богатъ вз цѣрствѣне нѣское); неоудоба имжштѣмоу богѣтзствко. ка цѣрствѣне бжѣне кнѣити δύσκολως οἱ τὰ χρήματα ἔχοντες ... εἰσπορεύονται Лука XVIII, 24 Савв., Ассем. (имжщѣимз Остр.; в Мар. и Зогр., согласно с греческим, личная конструкция с наречием: како не оудоба имжштѣне бгѣтзствко. вз цѣрствѣне бжѣне взнѣждѣтз).

Оудовѣте, оудованѣте 'легче'. С формой ѳетѣ, с дательным косвенного субъекта: оудовѣте естѣ велѣждоу. сквозѣ оуши игзлинѣ пронти. неже богатоу въ цѣрствѣне вѣние влннги еѹкопѹтерѹн ѳстин хѣмѣлон... Мат. XIX, 24 Мар., Ассем., Савв., Остр.; так же Марк X, 25 Мар., Зогр.; так же Лука XV, 25 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; Оудовѣте же естѣ небоу и земли прѣннги. неже стѣ закона едином чрѣтѣ погѣвнѣннги 'Еѹкопѹтерѹн дѣ ѳстин тѹн оѹранѹн кѣи тѣн гѣн парелѣѣнн Лука XVI, 17 Мар., Зогр. Без формы косвенного субъекта: что естѣ оудовѣте рѣшннги ослабленоуоумоу стѣпоуштѣжтѣ ти сѣ грѣси. ми рѣшннги вѣстѣани и вѣзѣми одрѣ тѣои и ходи тѣ ѳстин еѹкопѹтерѹн еѣпѣнн тѣ парѣлѹтнхѣ... Марк II, 9 Мар., Зогр., Савв., Остр. (в Ассем. оудованѣте), Мат. IX, 5 Мар., Зогр., Ассем., Савв.

В других местах текст этого содержания дается то без объекта к глаголу рѣшннги, то с объектом: что естѣ оудовѣте рѣшннги. стѣпоуштѣжтѣ ти сѣ грѣси тѣои. ми рѣшннги вѣстѣани и ходи Лука V, 23 Мар. — рѣшннги ослабленоуоумоу Зогр., Ассем., Савв., Остр. (в греч. еѣпѣнн без объекта); что бо ѳетѣ оудовѣте. рѣшннги. стѣпоуштѣжтѣ сѣ грѣси тѣои Мат. IX, 5 Мар., Зогр., Ассем. — в Остр. рѣшннги ослабленоуоумоу (в греч. еѣпѣнн без объекта). В Савв. в этом месте одна безличная конструкция заменена на личную: что бо оудовѣте речѣши. стѣдѣжтѣ ти сѣ грѣси. или рѣци вѣстѣани и ходи; здесь форма оудовѣте не предикатив, а наречие. Без формы ѳетѣ, без косвенного субъекта: оудовѣ... сквѣзны скѹм ѹчнштѣати Супр. 333, 25. См. также ниже вѣдѣе.

Отѣрадѣнѣте 'легче': содомѣннмѣ отѣрадѣнѣте вѣдетѣ къ тѣ денѣ. неже градоу томоу ѣнѣхтѹтерѹн Лука X, 12 Мар., Зогр., Ассем.; тѣроу и сидѹноу отѣрадѣнѣте вѣдетѣ на сѣдѣ. неже вѣма. Лука X, 14 Мар., Зогр. Ср. Мат. XI, 22 Мар., Зогр. (тоурѹмѣ и сидѹноу); Мат. XI, 24 Мар., Зогр. (земнн содомѣцѣ); Мат. X, 15 Мар., Зогр., Ассем., Савв. (земнн содомѣцѣнн гоморѣцѣнн); Марк VI, 11 Мар., Зогр., Остр. (содомѹмѣ ми гоморѣннмѣ... неже градоу томоу).

Вѣдѣно 'опасно': и ти вѣло вѣтѣры и вѣлннми мѣчннми вѣзѣ рѣштѣахѣ сѣ вѣспѣтѣ. и вѣдѣно ннмѣ вѣдѣше ѣннѹдѹнеѹон

Супр. 151, 15; 'трудно': вѣдно во разоумѣти δύσληπτον Супр. 345, 18.

Бѣдѣе 'труднее': тебѣ ѿстѣ было оудовѣиѣ показати ѿ стѣкориги. мне же вѣдѣе оставити δυσκολώτερον Супр. 377, 19.

Печально: печально имѣ ѿстѣ Супр. 396, 24 (см. также пример на слово 'тажзко').

Тажзко: нѣ ли ти. тажзко. . . слакимоу. нѣ ли ти печалѣно слышаште стѣ беззловѣнѣ дѣтти Супр. 330, 20—21.

К предикативам со значением эмоциональной характеристики действия относятся слова субстантивного характера вѣда, стѣрахѣ, горе (безличные предложения с названными предикативами мы отличаем от восклицательных, в которых слова типа горе и т. п. соответствуют греческим междометиям).

Бѣда: вѣзѣко ми ѿстѣ и глаголати ѿ млѣчати вѣда Супр. 240, 21 (в соответствующем месте из болгарской кириллической рукописи, изданной Н. Ван-Вейком — вѣдѣно ми естѣ и глати и млѣчѣти⁶⁴); каѣ во вѣ вѣда слокомѣ исѣхнѣти смокки Супр. 345, 21.

Стѣрахѣ: стѣрахѣ во ѿстѣ ѿже вѣ нѣ не быти Супр. 381, 19.

Горе: горе естѣ зѣло оумѣрышоу изгорѣти χεῖρον ἔστιν πολὺ ἀποθανούσας καυθῆναι Супр. 131, 12—13.

в) Предложения с предикативами, выражающими морально-этическую оценку действия

§ 12. В предложениях этой семантики действие чаще всего оценивается со стороны окружающих, поэтому субъект в форме дательного нередко отсутствует. Почти нет форм субъекта, образованных от местоимения первого лица (исключением являются конструкции, содержащие самооценку; см. пример на благокрѣменѣно). Предложения без косвенного субъекта, содержащие обобщения нравоучительного характера, близки к неопределенно-личным (см. самѣренѣиѣ, пагоубѣно). Здесь естественно присутствие инфинитива: этой формой выражается действие, подлежащее оценке.

Благо 'похвально, достойно': благо естѣ ѿпокѣдати сѣ ѿ ἀγαθόν τὸ ἑξομολογεῖσθαι Син. пс. 91, 2.

⁶⁴ См. Slovník jazyka staroslověnského, 4, s. 158.

Добро 'похвально, достойно': добро естѣ надѣѣти сѣ гѣ ἀγαθὸν πεποιθῆναι ἐπὶ κύριον Син. пс. 117, 8; Добро естѣ оупзвати на гѣ. Неже оупзвати на кзневзѣ ἀγαθὸν ἐλπίζειν ἐπὶ κύριον Син. пс. 117, 9; Добро ти вѣ дубо цѣсароу. по-слушавъшоу мене. дѣврѣсти ѡ дѣздати црзкен прѣковѣрз-найхъ Супр. 195, 2; Добро во владѣти изкѣстокати срѣца Енин. ап. 33 б, 15—16; нѣстѣ добро стѣти хлѣба чадомъ и поврѣци промъ оὐκ ἔστιν καλὸν λαβεῖν τὸν ἄρτον τῶν τέκνων Мат. XV, 25 Мар., Зогр., Савв., Остр.; так же Марк VII, 27 Мар., Зогр.; не добро естѣ многомъ богомъ быти Супр. 100, 26. Пример бессвязочного употребления предикатива: приноужденѣмоу во быти доброу не добро Супр. 413, 6. В греческом оригинале связка: το γάρ βιασθέντα εἶναι χρηστὸν οὐκ ἔστιν εἶναι χρηστὸν Супр. 413, 6.

Добрѣ, добрѣа 'достоинее, похвальнее': добрѣ естѣ единомуу чловекоу оумдрѣти за люди συμφέρει ἕνα ἄνθρωπον ἀποθάνειν Ио. XVIII, 14 Зогр. (оунѣ — Ассем., Савв; оунѣ — Остр.).

Добрѣ. Не добрѣ мждрокати на цѣломждрокание кз бо-гоу Супр. 1, 3—4.

Любо 'угодно': нѣстѣ во ничтоже тако боу любо. ѡжеже ѡбаштаго ради оупѣха жити Супр. 379, 2; и ѡеико тебѣ любо и драго тебѣ вждетѣ Супр. 48, 15; и се сѣткоро-рикъ полоучи сѣ ѡмоу. ѡже ѡмоу вѣаше любо Супр. 56, 4; ѣкоже ти любо Син. евх. 72 Б 14.

Оугодно 'угодно': оугодно быстѣ Супр. 142, 23.

Гамѣрентѣ: оумыти нозѣ сѣмѣрентѣ неже молити сѣ Супр. 303, 28.

Благоврѣменно 'уместно', 'своевременно': благоврѣменно оубо намъ. кзвѣсти покаанию оучитѣлѣ еѡхайрон οὐν ἔστιν ἡμᾶς εἰς μέσον ἀγαγεῖν μετανοίας διδάσχαλον Супр. 390, 14. Ср. также передачу греческого еѡхайрон предикативом годъ, совпадающим по формѣ с существительным.

Пагоубано: обоѣ то пагоубано и пѣвати и стѣзѣати сѣ Супр. 409, 27.

Неправдано: неправдано ѡстѣ ѡже ноудити насъ да поклонимъ сѣ слоужвѣтѣ мира сего Супр. 262, 9.

Βασουε 'бесплезно': Βασουε камз естз ютргзнекати εἰς μάτην ἐστιν ὑμῖν τοῦ ὑρθρίζειν 'бесплезно вам рано вставать' Син. пс. СХХVI, 2.

Лиχο 'излишне': ѿже бо о тайныйхъ взпрашати лихо юстз и не тврздо братиа Супр. 570, 27.

Не тврздо (см. приведенный выше пример к предикативу лихо).

г) Предложения с предикативами, несущими значения эмоционально-волевой характеристики действия

§ 13. Из предикативов эмоционально-волевой семантики отметим дрззо 'смело': дрззо юстз днаколемз оустомз оуподобьена имѣти вѣса Супр. 380, 30.

д) Предложения с предикативами, обозначающими физические состояния

§ 14. Физическое состояние человека — выздоровление после болезни — обозначается предикативом соулѣ 'легче': взпраша же години отз нихъ. вэ кжж соулѣ емоу бѣрѣша же емоу тко вчэра вэ годинж седмжж остави и огиа хомфότερον ἔσχεν Ио. IV, 52 Мар., Зогр., Ассем., Савв.

е) Предложения с предикативами, обозначающими состояние окружающей среды

§ 15. В Супр. мы нашли предложение с предикативом свѣтзло: то бо .ѳуагѣлистз зашгицаа рече. свѣшга имѣахж ѿ свѣтзло вѣаше ѿ не кидѣахж его 412, 17—19. В соответствующем месте Клоцова сборника этот предикатив отсутствует: се бо сказыа еванѣлистз рече. Тко свѣтлѣнкы свѣшга ношахж. I тако его не обрѣтаахж 5 а 7—9; в греч. λαμπάδας καὶ φανὸς εἶχον, καὶ οὐδὲ οὕτως αὐτὸν ἠόρισκόν.

§ 16. К числу предикативов субстантивного характера относят слова желание, обычай⁶⁵. Употребление этих слов в конструкции с дательным падежом лица и инфинитивом напоминает употребление предикативов: манѣ оубо же-

⁶⁵ *Rothe H.* Unpersönliche Regentia mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen. — *Slovo*, 1960, 9—10, s. 112—113; *Златанова Р.* Адвербиални форми — компонент на съставно сказуемо... с. 52.

лание *исггз* *кзврати*ти *са* *дгзнд*(*оу*) же *исмз* *пришелз*
εμοι μὲν καταθρόμιόν ἐστι Супр. 203, 24; *обычай* вт *иѣмоноу*.
сгзпоушгати *народоу* *сказанѣ* *ειώθει* *о* *ѣгерѣ* *ἀπολύειν*
 Мат. XXVII, 15 Зогр., Мар., Ассем., Савв., Остр. Однако
 мы полагаем, что эти конструкции имеют другую при-
 роду, а слова *желание* и *обычай* здесь не предикативы,
 но существительные с присущими для них предметными
 значениями. Действительно, заметно сходство приведенных
 выше конструкций со словами *обычай*, *желание* и конст-
 рукций со значением обладания, принадлежности, весьма
 частых в старославянском и поддерживаемых греческим
 подлинником. Дательный в конструкциях обладания ука-
 зывает лицо, у которого нечто имеется, которому нечто
 дается. Например: *ашге* *вждетз* *егероу* *сзго* *окзцз* *εάν*
γένηται *τινι* *ἀνθρώπῳ* *ἐχατὸν* *πρόβατα* Мат. XVIII, 12 Зогр.,
 Мар., Савв., Остр. и под.⁶⁶ Содержание, выражаемое та-
 кими конструкциями с дательным, может быть передано
 и другими способами, в том числе родительным с пред-
 логом *оу*. Так, в соответствии приведенной конструкции
 с дательным, поддерживаемым греческим оригиналом, на-
 людаемой в Мар., Савв., Остр., в Ассем. читаем: *ашге*
вждетз *ду* *егера* *ѣка.* *р.* *окецз*. Вообще, родительный
 с предлогом *оу* не раз используется для передачи гречес-
 кого дательного⁶⁷. Другим, еще более распространенным
 способом передачи значения обладания, является личная
 форма глагола *имѣти* с винительным падежом существи-
 тельного-дополнения: *і* *ѣко* *имѣ* *обычай* *паки* *судаше* *ѣ*
ὡς *ειώθει* Марк X, 1 Мар. Возможность преобразования
 конструкции типа «*обычай был кому-либо*» в конструкции
 типа «*обычай был у кого-либо*» и «*кто-либо имел обычай*»
 указывает на субстантивный характер слова *обычай* во
 всех этих конструкциях. Подлинные предикативы типа
пора, *жаль* к таким преобразованиям не способны.

⁶⁶ О конструкциях этого типа см.: Мразек Р. Дательный падеж
 в старославянском языке, с. 243.

⁶⁷ Ходова К. И. Синтаксис предлога *оу* с родительным падежом
 в старославянском языке. — Scando-Slavica, 1967, t. XII, s. 107.

Б. Предложения с безличным сказуемым без косвенного субъекта (односоставные)

1. «Абсолютно безличные» предложения

В старославянском есть две семантические разновидности «абсолютно безличных» предложений: а) предложения с глаголами, обозначающими состояние природы; б) предложения с глаголом *быти* в безличной форме.

§ 17. В предложениях, обозначающих состояние природы, эксплицитное присутствие субъекта привело бы к семантической избыточности, так как характер субъекта ясен из самой ситуации. Этот «невыраженный» субъект относится к сфере неодушевленных предметов, и поэтому не наделен категорией лица; он часто не изменяется по числу (ср. *солнце, ветер* и под.), поэтому его пропуск не причиняет никакого ущерба грамматической (категориальной) стороне предложения.

Рассматривая безличные предложения с глаголами, обозначающими явления природы, Б. Гавранек обратил внимание на то, что в древних индоевропейских языках они представлены наряду с двусоставными, имеющими именительный падеж подлежащего; в некоторых случаях наблюдаются колебания между «личным» и безличным типами. Это наблюдение дало, между прочим, Б. Гавранеку основание для того, чтобы подвергнуть сомнению традиционное мнение о более древней двусоставности предложений этой семантики⁶⁸.

Колебания между бесподлежащим сказуемым безличных предложений и предложениями с подлежащим и сказуемым, или варьирование бесподлежащих и подлежащих предложений, в славянских языках рассмотрены И. Лековым на примере структур, обозначающих атмосферно-метеорологические и некоторые другие природные явления. Автор высказывает убеждение в том, что в славянских языках и подлежащий, и бесподлежащий типы предложений этой семантики идут из глубокой древности. В их историческом развитии по славянским языкам имеют место два противоположных по направленности изменения, а именно, переход от структуры П + С к структуре С

⁶⁸ Havráněk B. K historickosrovnávacímu poznání syntaxe slovanských jazyků. — Otázky slovanské syntaxe. Praha, 1962, s. 73.

и переход от структуры С к структуре П + С (подвижный член, подлежащее, или утрачивается, или появляется). Причины колебаний разнообразны. Превращению личного глагола в безличный и наоборот могли, между прочим, способствовать существующие параллельно образцы типа *ветер воет в трубе — в трубе воет* или параллельные обороты типа тавтологичных *гром гремит*, с одной стороны, и *безличные конструкции типа *гремит — с* другой. И. Леков устанавливает, что колебание в глагольной предикации характерно в особенности для южнославянских и польского; в чешском и словацком явно преобладает тип без подлежащего; в восточнославянских и лужицких совместно существуют оба типа, но тип с подлежащим наблюдается чаще⁶⁹.

В старославянском, в силу тематической ограниченности текстов, безличные глаголы, обозначающие явления природы и формирующие абсолютно безличные предложения, представлены небольшим количеством случаев, но колебания между «личностью» и «безличностью» в кругу этих глаголов очевидны. Так, глагол *мръкнѣти* может быть употреблен как главный член абсолютно безличного предложения: *посъла тѣмъж и мръче ѣхѣтасе* Син. пс. 104, 28. Но тот же глагол (или его синтаксический ономим?) встречается и в предложениях с подлежащим-именительным падежом: *сѣзначе мръкнѣтъ*. и *лоуна не дастъ сѣтъа сѣгого ѱ ἡλιος σκοπθήσεται* Мат. XXIV, 29 Мар., Зогр., Ассем., Остр., а также при субстантивном члене (соотносительном по смыслу с подлежащим придаточного предложения) оборота «дательного самостоятельного»: *сѣзначу мръкнѣшю*. і *кагапетазма црѣкокнѣтъ*. *раздѣра сѣ тоῦ ἡλίου ἐκλιπόντος* Лука XXIII, 45 Зогр., Ассем. (помръче Мар., омръкнѣшю Остр.). Глагольную форму *оулеже* можно понимать только как безличную в предложении: *запрѣти кѣтрѣу і кѣзне(н)ю кодзноюмоу* и *(оу)леже*. і *выстѣ тишина καὶ ἐπαύσαντο καὶ ἐγένετο γαλήνη* Лука VIII, 24 Мар., Зогр., Ассем. Но в другом месте форма *оулеже* выступает при подлежащем *кѣтрѣ*: и *оулеже кѣтрѣ* и *выстѣ тишина келиѣ*; это пол-

⁶⁹ Леков И. Колебания между подложна и безподложна сказуемост при т. н. безлични изречения в славянските евици. — *Slavica slovacica*. Bratislava, 1967, год. 2, џ. 4, s. 321—326.

постыю соответствует греческому оригиналу καὶ ἐκόπασεν ὁ ἄνεμος Марк IV, 39 Мар., Зогр. (в главе XIV, 32 от Мат. ἐκόπασεν ὁ ἄνεμος переводится прѣсга кѣтрѣ; глагол прѣсгаги вообще не имеет безличного употребления).

Б. Гавранек отметил как вполне очевидный пример безличности употребление в Апостоле глагола оуждигти: импа. . . пемси се не бѣги дѣждоу. и не ѡдѣжди по земми мѣга г. оѡх ѣбрѣѣен Шпш., Мак. (не оуждиги Христ., ни ѡдѣждиги Охр.)⁷⁰; заметим в связи с этим, что в других памятниках глагол оуждигти известен как сказуемое двусоставных предложений с подлежащим, например: оуждиги жѣпалѣ. і сѣпа сѣ небесе ѣбрѣѣен пѡр каі θεіον Лука XVII, 29 Зогр., Мар.; оуждиги іма мана кѣти ѣбрѣѣен Спш. пс. 77, 24. Эти факты, как и многие другие, которые мы рассмотрим ниже, позволяют констатировать ярко выраженную синтаксическую омонимичность ряда глаголов в старославянском языке.

В отдельных случаях в старославянском наблюдаются конструкции неоднозначные, дающие повод для различных толкований синтаксических свойств одного и того же глагола. Уместно в связи с этим привлечь одно место, разобранный Б. Гавранком⁷¹: да вѣдеге тѣке отѣца вѣшего иже есѣга на небсхѣ. кѣко сѣзнаѣе есѣе сѣѣагѣ на зѣмы и вѣагы. і дѣждигѣ на прѣкѣдѣны и непракѣдѣны ѡти: τὸν ἥλιον ἀποὸ ἀνατέλλει. . . καὶ βρέχει ἐπὶ δικαίους καὶ ἀδίκους Мат. V, 45 Мар. (так же в Зогр., Ассем., Остр.). В греческом оригинале для союза ὅτι 'что' имеется вариант в виде относительного слова ὃς 'который', и с этим последним вариантом конструкция предложения была бы вполне ясной: это было бы двусоставное предложение. Но старославянский текст передает греческое чтение с союзом ὅτι; имеет ли здесь дѣждигѣ (βρέχει) собственный субъект (отѣца) или этот глагол является безличным? Любопытно, что если в классическом греческом глагол βρέχει встречается только в двусоставных предложениях с подлежащим-имплицитным, то в более позднем греческом он часто употребляется как безличный.

Есть основание допустить существование в старославянском безличного глагола свѣгаѣтѣ (оскѣгаѣтѣ). По

⁷⁰ Havránek B. Op. cit., s. 73.

⁷¹ Там же, с. 74.

мнению Ч. Бартули, на существование безличного употребления в старославянском языке 3-го лица ед. числа *скитаѣтъ* указывает редкая для старославянского языка односоставная конструкция дательного самостоятельного *скитаѣшги* — *скитаѣшгоу*, употребленная в евангелии от Мат. XXVIII, 1 в соответствии греческому Ὁφείδὲ σαββάτων, τῆ ἐπιφωσκούσῃ εἰς μίαν σαββάτων и представленная в старославянских кодексах в виде вариантов: *Къ вечеръ же ѡбсвѣны скитаѣшги къ прѣкжжъ ѡбсвѣж. приде марикъ магдалинъни. . . кидѣтъ гроба Зопр., Мар., Савв., Ассем.; скитаѣшгоу прѣксоумоу къ ѡбсвѣты Остр.*⁷² Правда, возможно допустить, что в греческом оригинале соответствующий причастный оборот не был односоставным, а причастие женского рода (τῆ) ἐπιφωσκούσῃ относилось к подразумеваемому (ἡ) ἡμέρα 'день' или (ἡ) ὥρα 'час'⁷³. Но следует учитывать, что именно этот пропуск в оригинале подразумеваемого субъекта абсолютного причастного оборота (если этот пропуск и имел место) привел к осмыслению причастного оборота как односоставного на славянской почве, что говорит в пользу существования в славянском безличного *скитаѣтъ*.

В Супр., в цитате из ев. от Мат. XVIII, 1 причастие образовано от глагола *оскитаѣти*: *вечеръ же къ ѡбсвѣж*

⁷² *Bartula Cz. Składnia zdania pojedynczego w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kraków, 1969, s. 48.*

⁷³ *Грунский Н. К. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. 2. Юрьев, 1911, с. 327; Скупский В. И. К вопросу о качестве первоначального славянского перевода Евангелия. — In: Bereiche der Slavistik. Festschrift zu Ehren von Josip Hamm. Wien, 1975, s. 278—285. В. И. Скупский полагает, что мотивированной и правильной на славянской почве была в этом месте форма *скитаѣшгоу* мужского рода, которая обусловлена мужским родом подразумеваемого дня и представлена, кроме Остр., целым рядом более поздних кодексов. Форму жен. рода *скитаѣшги*, представленную в Зопр., Мар. и ряде церковнославянских кодексов Евангелия, В. И. Скупский считает на славянской основе не мотивированной и возникшей за счет подражания греческому женскому роду причастия. Между тем, именно эту форму женского рода он относит к тексту первоначального славянского перевода Евангелия, а форму мужского рода рассматривает как результат позднейшего исправления, притом в данном случае весьма удачного (см. с. 281). Заметим, что в Супр. соответствующая цитата из Евангелия имеет причастие в форме женского рода.*

ОСКИГАЖИГИ. ВЪ ЕДИНЪ СГЪ СЪВОГЪ. ПРИДЕ МАРИА МАГДАЛАНИ
444, 19.

К числу абсолютно безличных относятся также предложения, главный член которых выражен глаголом пестрадательного значения с элементом *сд* *оутиши сд*: *двиги оутиши сд*. И корабль *оутирлми сд* на *днж сгранж γαλήνη ἐγένετο* Супр. 152, 18. Другой случай употребления глагола *оутиши сд* может быть истолкован и как безличное предложение, и как предложение с устраненным подлежащим море: *вмгъ мжжк пророкк смлнж дклмж и сдккжм. морю пркшгдаше и оутишадше сд* Супр. 476, 13—14.

§ 18. Особую разновидность абсолютно безличных построений представляют собой предложения с формой 3-го лица ед. числа *кмгъ*, выступающей в качестве главного члена. В греческом славянскому *вмгъ* соответствует глагольная форма *ἐγένετο* 'произошло, случилось, было' (часто с предшествующим *хз*). Количество предложений этого типа в старославянском весьма значительно, так что они придают повествованию своеобразную стилистическую окраску. В ряде случаев создается ложное впечатление синтаксической связи этой формы с последующим изложением. Синтаксическая самостоятельность *вмгъ* как опоры отдельного безличного предложения выглядит наиболее наглядно в тех случаях, когда следующее предложение отделено при помощи частицы *и*, например: *Икмгъ же кз еднж сгъ дннн. і чъ кккѣзе кз корабъ 'Еγένετο δὲ ἐν μιᾷ τῶν ἡμερῶν хзι αὐτὸς ἐνέβη εἰς πλοῖον* Лука VIII, 22 Мар., Зогр. (в Ассем. *Из *сн*; в Остр. *Из крѣма сн*); *І кмгъ кз еднж сгъ дннн. і чъ кѣ оуча* Лука V, 17 Мар. (в Зогр. *І вмгъ сгъ дннн*; в Ассем. *Из *с. кѣ оуча нсг*). Самостоятельность *вмгъ* хорошо видна также в примерах, где после *вмгъ* следует предложение с подлежащим и личным глаголом во множественном числе, например: *Икмгъ же егда крестнша сд кши мѡдѣ. . . сгкѣрзе сд нево 'Еγένετο δὲ ἐν τῷ βαπτισμῶνι πάντα τὸν λαόν* Лука III, 21 Мар., Зогр.; *Икмгъ же егда сѣкнмчбадахъ сд дннѣ ксѣхждению егд. і чъ оутирлди мще ксе кз нмж иги* Лука IX, 51 Мар., Зогр. (в этих примерах самостоятельность *вмгъ* подчеркнута также наличием *егда*, начинающего следующее предложение). Другие обязательные

члены в предложении с формой **вѣстѣ** отсутствуют. Однако естественно, что значение 'произошло, случилось, было', выражаемое этой формой, помещается в некие временные рамки, поэтому в составе конструкции нередко встречаются обстоятельства времени, например: **і вѣстѣ къ дани тѣ. приде ѿсѣ отъ назарета галилеискаго** (греческие соответствия ввиду их однотипности далее не приводим) Марк I, 9 Мар., Зогр. (в Савв. **Ѣз ѿно^ѣ приде**; в Остр. **Ѣз дани оны приде**); **і вѣстѣ къ прочни. идѣаше ѿсѣ въ градъ нарицаемый нанизъ Лука VII, 11 Мар., Зогр.** (в Ассем. **Ѣз ѿно. ^ѣ идѣаше**, в Остр. **Ѣз крѣма оно. идѣаше**); **вѣстѣ же по томъ и тѣ прохуждаше. сѣзѣкъ грады и вѣси Лука VIII, 1 Мар., Зогр.** Другим широко распространенным способом приурочивания действия, выражаемого **вѣстѣ**, к определенному отрезку времени, служат следующие за безличным сложные предложения с придаточным временем; придаточное в таких предложениях обыкновенно помещается перед главным, так что сразу после **вѣстѣ** стоят временные союзы **егда** или **яко**. Например: **і вѣстѣ егда молѣаше сѣ единѣ. сѣ шима вѣхужъ оученици его Лука IX, 18 Мар., Зогр.** (ср. Лука IX, 29 Мар., Зогр., Остр.); **і вѣстѣ егда благословѣше ѿ. отъсѣтжи отъ ницѣ Лука XXIV, 51 Мар., Зогр.** **і вѣстѣ егда сѣзконача ѿсѣ клѣкъ сѣвеса си. дивѣхужъ сѣ народи Мат. VII, 28 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.** **і вѣстѣ егда сѣзконача ѿсѣ пригача сѣи. орѣнде отъ тѣждѣ Мат. XIII, 53 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.** **і вѣстѣ егда вѣстѣ въ единомъ отъ градѣ. і се мѣжа испазна проказеникѣ Лука V, 12 Мар., Зогр.;** **і вѣстѣ егда вѣнде ѿсѣ въ домъ единого князѣ фарисиска Лука XIV, 1 Мар.** (в Ассем. **Ѣз ѿ^ѣ вѣнде**, в Савв. **Ѣз ѿно. Вѣстѣ книги іски**, в Остр. **Ѣз крѣма оно вѣнде ѿсѣ**); **Вѣстѣ же егда приближи сѣ ѿсѣ в ерихуж. сѣпѣцѣ егерѣ сѣдѣаше при пѣти Лука XVIII, 35 Мар., Зогр.** (в Ассем. **Ѣз ѿно вѣстѣ приближити сѣ ѿсѣу къ ерихуж**, в Остр. **Ѣз крѣма оно. вѣстѣ приближити сѣ іуски**); **і вѣстѣ егда сѣ къвкрафи. приимѣ цѣрѣгкине Лука XIX, 15 Мар., Зогр.,**

Ассем.; і бытга ꙗко кызлеже ел нима. приёма хлѣва бл҃ги Лука XXIV, 30 Мар., Ассем.; і бытга ꙗко приближи ел кз витгафѣниж и виганиѣ. кз горк нарицаемѣ елеснз Лука XIX, 29 Мар., Зоґр.

Весьма типичен после безличного бытга также оборот «дательный самостоятельный» со значением времени: і бытга мимо хѣдашгю емоу исоу. кз совогы сквозѣ еѣниѣ Марк II, 23 Мар., Зоґр. (в Ассем., Савв. Бз оно^в. хѣдаше иѣз; в Остр. Бз крѣма оно. хѣдаше иѣс); І бытга ежигю емоу на мѣстѣ единомъ молашгю ел. Лука XI, 1 Мар., Зоґр. (в Остр. Бз крѣма оно.); Бытга же хѣдаемъ имъ. і тз книде иѣз кз келъ единѣ Лука X, 38 (в Зоґр. хѣдашгю емоу, в Ассем., Савв. Бз о^в. Бзниде иѣ; в Остр. Бз крѣма оно книде иѣс); в греческом тексте также различия); І бытга идѣшгю емоу кз имъ. і тз прохѣдаше между самариеж галилеѣж Лука XVII, 11 Мар., Зоґр.

«Дательный самостоятельный» может следовать за обстоятельством времени, непосредственно входящим в безличное предложение с формой бытга, так что время совершения действия уточняется этим оборотом дополнительно: І бытга кз единъ ога днен чѣхъ. случигю емоу люди кз црѣки Лука XX, 1 Мар., Зоґр.

В абсолютно безличном употреблении известен глагол ѣки ел 'было, случилось, произошло': і изгнаноу вѣсоу прѣга иѣмы. і дивнша ел народи глѣше. никомже ави ел тако вми Обдѣпоте ѣфанѣ обѣтос ѣн тѣ 'Израїл 'никогда не было так в Израиле' Мат. IX, 33 Мар., Зоґр., Ассем., Остр. В Савв. личная конструкция: никомже ѣки ел такокы кз ерсамѣ.

2. Неопределенно-личные предложения

§ 19. К предложениям с безличным сказуемым, без косвенного субъекта, относятся неопределенно-личные предложения. Они односоставны, и в этом отношении напоминают «абсолютно безличные». Глаголы, выступающие здесь в качестве сказуемых, обозначают разнообразные действия

человека, и, следовательно, допускают представление о человеке как источнике этих действий. При этом контекстом (ситуацией) субъект не конкретизируется, и единственным признаком субъекта является принадлежность к классу лиц. В предложениях этого типа «подлежащее представлено нулевой синтаксемой со значением неопределенного лица»⁷⁴. Категория лица здесь не выражена: она устранена вместе с устранением самого субъекта. Действие, обозначенное глаголом, может быть отнесено к 3-му лицу мн. ч., выражающему неопределенную по количеству группу лиц, или к 3-му лицу ед. ч. Оно «не относится к говорящему, или затушевывает участие первого лица в совершающемся действии»⁷⁵. Как видно из этого, на первом плане находится само действие. По содержанию неопределенно-личные предложения неоднородны. В одном их типе глагол—сказуемое относится ко всем людям вообще, а действие, обозначенное глаголом, не имеет временных границ. В силу этого неопределенно-личные предложения данного типа заняли видное место в разного рода предписаниях, рекомендациях, правоучениях, весьма характерных для произведений, написанных на старославянском языке. Неопределенно-личный глагол здесь близок по смыслу к формам повелительного наклонения. Вот некоторые из многочисленных примеров: *кино нско кз мѣхѣ нскы кз мѣкажѣтъ вѣллоути* Мат. IX, 17 Мар. (ср. Марк II, 22 Зогр., Мар.; Лука V, 37 Зогр., Мар.); *ѣда сѣмѣжѣтъ стѣ трѣшикъ трѣшикы. мѣ стѣ рѣшикъ сѣмѣжѣтъ рѣти вѣллоути* Мат. VII, 16 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; *стѣпоуѣгѣтѣ и стѣпоуѣгѣтъ кѣ ἀπολυθήσεθε* Лука VI, 37 Мар. (стѣпоуѣгѣтѣ — Зогр.); *ни кз жагажѣтъ сѣфѣлиника. і постакмѣжѣтъ его подѣ епѣдома σὺδὲ καίουσιν λόγους καὶ τιθέουσιν αὐτόν* Мат. V, 15 Зогр., Ассем., Остр. (в Мар. ни кз жиза ... постакмѣжѣтъ).

В другой группе предложений речь идет о действии, совершающемся в определенный момент времени какой-то группой людей. Неопределенность действующего лица здесь слабее. Глагольные дополнения и обстоятельства вносят

⁷⁴ Вардуль И. Ф. К вопросу о явлении эллипсиса. — В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969, с. 69.

⁷⁵ Сятковский С. И. Неопределенно-личные предложения в современных славянских языках. — Славянская филология, V. М., 1963, с. 272.

некоторую ясность в характеристику действующих лиц. Например: Поздѣ же выкышоу. прнекъла къ немюу вѣзны многы *προσήμευχαν* Мат. VIII, 16 Мар., Зогр., Ассем. (в Савв. прннесоша ёмоу вѣзны многы; в Остр. — прнекъдшоа ёмоу); сѣдмнгоу же ёмоу. мжчаахж и жазннем' оскжкатемз Супр. 260, 12.

Неопределенно-личные предложения с переходным глаголом и прямым дополнением могут быть базой для двучленных (т. е. не включающих форму логического субъекта) страдательных конструкций. Соотнесенность этих структур иллюстрируют следующие параллели: *αιγτε* же *εομα* *οβου* *φεγγα*... *κονα* *πυλαειγγα* *ηκ* *βαλλουσιν* *αυτο* Лука XIV, 35 Мар. — *κωνα* *ιμα* *παιεττα* *εα* Зогр.; *ιμα* же *βο* *εα* *δωμα* *εα* *διντε*. *εα* *διντα* *καμα* *κρηθισοθαι* Мат. VII, 2 Зогр., Мар., Ассем. — *εα* *δινта* *εα* *καμα* Остр., о немже *εα* *δѣ* *εα* *динте*. *εα* *δλ(тѣ)* *εα* *καμα* Савв.; *ι* *вѣ* *нѣ* же *мѣрж* *мѣрнте*. *κвзмѣрнн* *кама* *μετρηθησεται* Мат. VII, 2 Зогр., Ассем. (*κвзмѣрнн* *εα* *кама* — Мар., Остр.; *мѣрнн* *εα* *кама* Савв.); *не* *οσждинте*. *да* *не* *οсждинта* *бася* *μη* *καταδικασθητε* Лука VI, 36 Зогр., Мар. — *не* *οсждинте*. *да* *не* *οсжкдешн* *кждете* *ινα* *μη* *κρηθητε* Мат. VII, 1 Зогр., Мар., Ассем., Остр. (*не* *οсждинте* *εα* — Савв.); *дрѣко* *не* *тѣорнре* *плода* *довра* *ποσѣ* *кажнн* *и* *вѣ* *огна* *κвмѣгажнн* Лука III, 9 Мар. *εκχοπτεται*... *βαλλεται* (*κвлагажнн* — Зогр., Остр.); ср. Мат. VII, 19 Мар., Зогр., Остр. — *дрѣко* *нѣже* *не* *тѣорнн* *плода* *довраго*. *ποσѣ* *каемо* *выкаетта* *и* *вѣ* *огна* *κвмѣгаемо* *εκχοπτεται*... *βαλλεται* Мат. III, 10 Ассем., Остр.; *ѣко* *субо* *εα* *внражнн* *пѣквемл*. *ι* *огнем* *εα* *жнзажнн*. *тако* *вждетта* *ка* *εα* *κονнзчашне* *кѣка* *εго* Мат. XIII, 40 Мар. (в Зогр. *судова* *εα* *внражнн*... *огнем* *εα* *жнзажнн*) *συλλεγεται* *τα* *ζιζανια* *και* *πυρι* *καίεται*. В других кодексах Евангелия это место переведено ближе к оригиналу: *ѣкоже* *субо* *пѣквемл* *εα* *внражнн* *εα*. *и* *огнем* *εα* *жнзажнн* *εα* Ассем., Остр. (*εα* *жнзажнн* *εα* — Л. Унд.). Как можно заметить, в соответствующих местах греческого оригинала наблюдаются и неопределенно-личные предложения, и страдательные конструкции. Мотивы предпочтения при переводе того или иного места на славянский действительной или страдательной конструкций предложения остаются неясными ⁷⁶.

⁷⁶ По наблюдениям С. И. Сятковского (см. Указ. соч., с. 275), в современных славянских языках предложения, сказуемые

Особую в формальном отношении разновидность неопределенно-личного предложения представляет собой форма *пишегъ* — γέγραπται в Зогр. Мат. IV, 4, 6, 10 и в Сип. пс. XXXIX, 8 (см. с. 231, 233). Как это характерно для неопределенно-личных предложений, в соответствии форме *пишегъ* в параллельных местах наблюдаются безличные предложения, образованные формой страдательного причастия: *писаю ѱгъ*. Своеобразие данной разновидности неопределенно-личных предложений заключается в том, что глагол имеет форму не множественного, а единственного числа. Старославянское неопределенно-личное *пишегъ* имеет параллели в славянских языках. Французский лингвист Э. Деко отметил в польском языке форму *pisze* (а также *piszeo* в прош. вр.) в неопределенно-личном значении и посвятил ее рассмотрению небольшую статью, надеясь привлечь внимание специалистов к проблеме происхождения данной особенности. Оборот встречается не часто и принадлежит обиходному языку; языковая норма его отвергает. По смыслу этому обороту близки *pisza, pisze sie, napisano, stoi pisane, stoi napisane*⁷⁷. Форма третьего лица от *pisati* употребляется в подобном значении в сербохорватском. В болгарском форма *пише* (във вестника *пише*) имеет, по-видимому, такой же смысл; И. Леков квалифицирует подобное употребление *пише* как архаичное и замечает, что в современном языке все более утверждается конструкция с подлежащим (*вестникът пише*)⁷⁸. Ср. аналогичное употребление формы *пишетъ* в древнерусском языке⁷⁹.

Каково происхождение конструкции *пишегъ* в значениях 'написано' или 'пишется'? Имеются основания полагать, что эта синтаксическая конструкция представляет собой пережиток древней стадии развития славянского

которых выражены глаголами страдательного значения, более часты в научном стиле, а неопределенно-личные предложения с глаголами действительного залога более характерны для устной разновидности литературного языка.

⁷⁷ *Desaux É.* Au sujet de *pisze* «il est écrit». — *Rocznik slawistyczny*, 1966, t. XXVI, cz. 1, s. 95—99.

⁷⁸ *Леков И.* Колебания между подложна и бесподложна сказуемост при т. н. безлични изречения в славянските езици. — *Slavika slovaca*. Bratislava, 1967, гоџ. 2, ѳ. 4, s. 324.

⁷⁹ Например, в *Житии Феодосия Печерского*, л. 26: *ико же пишетъ в отьчьскихъ кнѣгахъ. слабоу быти послѣдньому родоу* (см. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения. М., 1968, с. 143).

предложения. Она находит отклик в других индоевропейских языках⁸⁰. Судя по редким остаткам, зафиксированным в славянских диалектах и древних памятниках, основой конструкции мог быть не только глагол писати, но и некоторые другие глаголы. Акад. Б. Гавранек высказал соображение о том, что древние бессубъектные предложения с 3-м лицом ед. числа глагола без возвратной частицы были основой для развития некоторых более поздних конструкций славянского предложения. Ср. и приведенный им пример из чешских диалектов: *ten kraj uvidí u starých lidí*. По мнению Б. Гавранека, древние невозвратные формы 3-го лица ед. числа, употреблявшиеся в бесподлежащих предложениях, не были безличными в традиционном понимании этого термина. Чешский ученый констатировал обобщенный характер субъекта в этих конструкциях. В процессе дальнейшей эволюции конструкции в славянских языках из древнего типа предложений с обобщенным невыраженным субъектом при глаголе 3-го лица возникли: а) обобщенно-личный тип предложения с глаголом в форме 3-го лица множественного числа (т. е. наиболее обычный неопределенно-личный тип), распространившийся преимущественно в русском языке б) тип предложения с возвратным глаголом — преимущественно в чешском⁸¹.

Намеченный Б. Гавранеком путь развития согласуется с его концепцией об изменении соотношения активных и пассивных конструкций в сторону постепенного увеличения доли пассивных конструкций.

А. С. Мельничук сообщил примеры односоставных неопределенно-личных предложений с формой 3-го лица ед. числа из древнерусского языка. Ср.: *Глаголетъ ко к мнрскыхъ притчахъ: не скотъ к скотѣхъ коза* (Слово Даниила Заточника, изд. Зарубина, с. 26); *Тѣмъ же и из Руси можетъ ити по Волзѣ к Болгары и къ хвалысы и на късѣтокъ донти къ жрѣбни Симокъ* (Повесть врем. лет. т. I, М., 1950, л. 12)⁸². Так же как и Б. Гавранек, А. С. Мельничук отмечает,

⁸⁰ *Zubaty J.* Die «man» — Sätze. — Studie a články, sv. II. Praha, 1954, s. 443—453; 450—465.

⁸¹ *Havránek B.* K historickosrovnávacímu poznání syntaxe slovanských jazyků. — In: *Otázky slovanské syntaxe*. Praha, 1962, s. 75, 76.

⁸² *Мельничук А. С.* Розвиток структури словянського речення. Київ, 1966, с. 148—149.

что в отдельных примерах подобного рода может быть ощутим оттенок обобщенно-личного значения. Более поздние примеры, полагает А. С. Мельничук, вообще тесно смыкаются с обобщенно-личными конструкциями; лишь через стадию обобщенно-личных предложений с формой 3-го лица ед. числа неопределенно-личные предложения рассматриваемого древнейшего типа перешли в ряде случаев в предложения с возвратным глаголом 3-го лица ед. числа.

§ 20. Наиболее существенные особенности старославянских безличных предложений таковы.

1. Предложения с безличным сказуемым без именительного падежа подлежащего в преобладающем большинстве случаев двусоставны, т. е. содержат не только предикат, но и субъект (косвенный); в функции субъекта выступает имя существительное, обозначающее человека, или личное местоимение, а это значит, что форма субъекта изменяется по лицам, числам, родам. Сказуемые таких предложений обозначают действия и состояния, присущие человеку. Семантика сказуемых специфична: они связываются с обособленной сферой проявления человеческой личности, подразумевают отсутствие активного вмешательства человека в окружающее. В кругу лексем, выступающих в качестве сказуемого, наблюдаются значения возможности, необходимости, долженствования, неизбежности, произвольности или случайности действия, эмоциональной, волевой, морально-этической оценки действия. Узость и специфичность круга лексических значений безличных сказуемых является причиной колебаний в выборе лексем для них. Ср.: *достойтъ* — *подобаетъ*, *достанетъ* — *доклѣетъ*, *лоучитъ* сА — *кључитъ* сА, *кључитъ* сА — *прилоучитъ* сА, *прилоучитъ* сА — *прикључитъ* сА, *отъпоуститъ* сА — *отъдастъ* сА, *подобано* естъ — *ѣпо* естъ. Косвенный субъект выражается чаще всего дательным — падежом, образуемым обычно от имен-антропонимов также и в исходных структурах (где дательный выступает в качестве объекта-адресата).

2. Среди подлинно односоставных предложений наиболее употребительным типом являются неопределенно-личные. Их сказуемым может быть любой глагол, сочетающийся с именем-антропонимом. Односоставные предложения, обозначающие состояние природы, насчитываются единицами.

3. Безличные сказуемые в предложениях двусоставных и односоставных еще не обособились лексически: одни и те же лексемы встречаются и в безличных предложениях, и в предложениях с именительным подлежащего и изменяемым глаголом. Ср. *аще възмо҃жѣтъ — аще възможно; можемъ сътворити — мощ҃гано семоу быти, слынце мръкнетъ и мръче; оулеже кѣтръ и оулеже, одъжди жыпааъ и одъжди.*

4. В сфере безличных двусоставных предложений с косвенным субъектом наблюдается функциональное уравнивание сказуемых, внешне соотносительных со словами разных грамматических классов. Ср. параллельное использование безличного глагола и предикатива наречного либо именного характера, страдательного глагола либо страдательного причастия: *аще достоитъ — аще достойно; подобаетъ намъ — подобно намъ ѿстѣ; подобаше ти — подоба ти бѣ; ми ѿстѣ бѣда — бѣдно ми ѿстѣ; дано вѣдетъ — дастъ ѿ; възато вѣдетъ — възметъ ѿ.*

Глава 2

КОНСТРУКЦИИ, БЛИЗКИЕ К БЕЗЛИЧНЫМ

1. Предложения с именительным подлежащего и согласуемым глаголом, соотносительным с безличным

§ 1. Давая описание безличных предложений с безличными (или безлично употребленными) глаголами и субъектом, выраженным дательным падежом, мы отметили, что большинство из них содержит инфинитив, но в некоторых на месте инфинитива находится имя существительное неодушевленное в именительном падеже, которое может быть семантически соотнесено с инфинитивом (см. *правымъ по(до)баеѣтъ поухала прѣпеи айвеси* Син. пс. XXXII, 1; *тебѣ подобаетъ пѣти прѣпеи ѿмос* Син. пс. LXIV, 2 и др. примеры). В этих конструкциях дательный хотя и не является в строгом смысле субъектом (поскольку имеется

субъект-подлежащее *похвала*), но все же служит важным смысловым центром предложения: будучи образован от личного местоимения или от существительного со значением лица, он ассоциируется с подлежащим наиболее распространенного типа предложений исходной структуры. Наоборот, именительный падеж, образованный от существительных неодушевленных (например, *похвала*) — по смыслу близок к дополнению, несмотря на его формальные свойства подлежащего. По этим признакам данный тип предложений с именительным падежом весьма близок к безличным. Но кроме наличия именительного есть другая важная причина, не позволяющая безоговорочно присоединить предложения данного типа к безличным: это изменяемость глагола-сказуемого, способность его согласовываться с подлежащим в числе и роде (которая выясняется только из рассмотрения всей совокупности предложений данного типа и зависит от категориальных свойств существительного-подлежащего).

К рассматриваемым конструкциям близки русские *Мне полагаются деньги, Мне нравятся розы* и под. Отмечалось действительно присущее конструкциям этого типа несовпадение носителя признака и подлежащего, субъектное оформление смыслового объекта, «инвертированность синтаксической схемы»⁸³. «Продуктивность этой модели показывает, что и в условиях господства номинативного строя предложения возможно не только существование, но и возникновение малых систем с признаками, противоположными господствующей норме», — замечает М. М. Гухман по поводу предложений этого типа. Русские конструкции *Мне полагаются деньги, У меня болят руки, Меня охватил страх* Т. Б. Алисова без колебаний квалифицирует как структурную разновидность безличных предложений⁸⁴. Препятствием для такого понимания конструкций являются соображения чисто формальные: даже не только наличие именительного, но и способность предиката ориентироваться на этот именительный, согласовы-

⁸³ Гухман М. М. Конструкции с дательным-винительным лица и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков. — В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967, с. 65.

⁸⁴ Алисова Т. Б. Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений. — Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969, с. 31.

ваться с ним. Семантические предпосылки для возникновения безличности здесь, действительно, имеются: это объектное оформление смыслового субъекта и субъектное оформление смыслового объекта. Стоит только вместо именительного падежа существительного употребить инфинитив, абсолютно неизменяемую форму, как полностью утрата возможность согласования с ним предиката, и предложение получит все свойства безличного.

2. Предложения с именительным подлежащего и глаголом средне-пассивно-возвратного значения (демипассивные конструкции)

§ 2. Субъект демипассивной конструкции (соотносящийся с подлежащим исходной личной структуры) выражен дательным падежом, образованным от существительного со значением лица, предикат — возвратным глаголом, а винительному падежу прямого дополнения исходной структуры (в которой представлен глагол без *ѣа*) соответствует подлежащее в форме именительного падежа, образованное от неодушевленного существительного: *тамана бо ти ѣстина ѣа мѣнитъ. прѣласта же сѣтѣгла* Супр. 104, 13; *чѣто ѣа камъ мѣнитъ ти ѣрѣв дохѣ* Мат. XVIII, 12 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр.; *чѣ ти ѣа мѣнитъ. аште оубо чѣтеши и поклониши ѣа сланаоу. и водѣ. и огню* Супр. 258, 26 (но ср. винительный от неодушевленного существительного при соответствующем глаголе без *ѣа*: *мните ѣштѣжж жизнь токоу подобноу быти* Супр. 127, 21).

Значение возвратного глагола в конструкциях такого рода В. В. Виноградов называет средне-пассивно-возвратным⁸⁵. Эти конструкции близки к страдательным тем, что они «отобъектны», а к безличным — тем, что их реальный субъект выражен дательным. Категории лица и числа, присущие в исходных структурах подлежащему и сказуемому, переходят в производных структурах к косвенному субъекту, выраженному дательным падежом. Возвратный глагол способен к согласованию (например, в числе) с именем существительным, выступающим в форме именительного падежа, и поэтому не является безличным в строгом смысле.

⁸⁵ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове, с. 634.

3. Предложения с именительным подлежащего и безлично-предикативным словом

§ 3. В. Вондрак обратил внимание на синтаксическую особенность старославянского языка, состоящую, на его взгляд, в том, что иногда «прилагательное, отклоняясь от рода подлежащего, стоит в среднем» и привел пример: *паче кѣсего благааго житиѣа. бѹгодно вѣи кротостѣ* Супр. 545, 13⁸⁶. А. Вайан пишет по поводу этого явления: «Определение ставится в среднем роде с собственным значением этого рода в оборотах: *добро юстѣа соль* Марк IX, 50 = Лука XIV, 34; *сравно юстѣа грѣхѣа* Супр. 350, 23»⁸⁷. Несколько примеров сказуемого в форме на -о при подлежащих-существительных мужского и женского рода сообщает Ф. Миклошич. Он полагает, что в данном случае в сказуемом выступает субстантивированное прилагательное среднего рода: «Субстантивированное прилагательное в среднем роде может появляться в качестве предиката: греч. *καλὸν ἢ ἀλήθεια καὶ μόνιμον* Plato; *varium et mutabile semper femina* Ovid., древнеслав. *скорпиа сѣкливо* Кирилл Иерус. = греч. *σχορπίος πληκτικός*, где, на основании славянского, ожидается *πληκτικόν*; *сравно юстѣа грѣхѣа* Оп. 2. 3. 128; *паче кѣсего благааго житиѣа оугодно вогови кротостѣ* Супр. 427, 3; рус. *грѣх сладко, а человек падко* (посл.); *мед сладко, а муха падко* (посл.); *лев страшно, а обезьяна смешно* (посл.)⁸⁸. А. А. Потебня, процитировав этот материал, добавил к примерам Ф. Миклошича следующие: *лыко юстѣа кѣздоухѣа* Ио. Экз. Шест.; *кѣздоухѣа рѣдко ю юстѣа тѣкомѣ* (там же)⁸⁹.

Подобные конструкции есть и в русском языке; они интересовали многих исследователей и по-разному истолковывались. Ф. И. Буслаев приводит примеры из пословиц XVII в.: *грех сладко, а человек падко, мед сладко, а муха падко, лев страшно, а обезьяна смешно* и др. и объясняет их своеобразие или пропуском инфи-

⁸⁶ Вондрак В. Древнецерковнославянский язык. Казань, 1915, с. 4.

⁸⁷ Вайан А. Руководство по старославянскому языку, с. 196.

⁸⁸ Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. IV. Syntax. Heidelberg, 1926, s. 29.

⁸⁹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, с. 115.

нитива (ср. «ум хорошо, а два лучше того», где, возможно, пропущено *иметь*), или тем, что здесь прилагательным среднего рода заменяется существительное: *ум хорошо* = *ум хорошая вещь, хорошее дело*. «Это последнее объяснение, — пишет Ф. И. Буслаев, — подкрепляется тем, что иногда таким формам ср. рода ед. числа действительно соответствуют существительные, как это видно, напр., в песне начала XVII века «зимовая служба — молодцам кручинно, да сердцу надсадно. . . Весновая служба — молодцам веселье, сердцу утеха». Последние два стиха можно было бы заменить в соответствии предыдущим: молодцам весело, сердцу утешно»⁹⁰.

А. А. Потевня, не соглашаясь с Ф. И. Буслаевым, отрицает как пропуск инфинитива, так и субстантивированный характер формы сказуемого (на последнем настаивал также Ф. Миклошич; см. выше). А. А. Потевня полагает, что формы на *-о* — не субстантивированные прилагательные, а наречия, «имеющие смысл, сходный с немецким предикативным прилагательным, лишенным флексий»⁹¹.

А. А. Шахматов рассматривает конструкции подобного типа в разделе «Двусоставные несогласованные предложения» и называет их сочетаниями именительного падежа существительного с наречием. Интересно, что к числу двусоставных несогласованных предложений А. А. Шахматов относит также и те, которые включают сочетания именительного с безличными глаголами (например, *стало . . . великий гладъ* Пск. I, 321); таким образом, уже сама рубрикация изложения указывает на осознание А. А. Шахматовым параллелизма сказуемых-предикативов и безличных глаголов. В древнерусском А. А. Шахматов нашел следующие примеры: *Пьяный муж дурно, а жена пьяна в миру не пригоже* (Домостр.)⁹²; в современном литературном (кроме приведенных Ф. И. Буслаевым): *Хорошо кресло старому, колыбель малому* (Даль); *Добро везде свой глаз (там же); Слон добро к слову, ладья к перевозу (там же); А далеко ль соседу путь? (Крыл. Волк и кук.); Вздешевел бы овес — больно дорого привоз (песня) (Бедн.*

⁹⁰ Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, с. 446.

⁹¹ Потевня А. А. Из записок по русской грамматике, т. I—II, с. 115.

⁹² Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941, с. 137.

не пор., I), и некоторые другие примеры, которые нам кажутся не совсем бесспорными. В языке устного народного творчества: *не жаль крынка — жаль молоко* (Сев. ск. Ончук.)⁹³.

В. И. Чернышев сообщает дополняющий названные исследования фактический материал. В издании П. Симоны «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий» (СПб., 1899) В. И. Чернышев нашел следующие примеры (которые он приводит в орфографии, близкой к современной): *Бег не красен, да здорово. Грех сладко, а человек падко. Мед сладко, а муха падко. Двор добро с ушами, а хранина с очами. Еловой пень не отродчиво, а смердей сын не покорчиво. Завидно в поле горох да репа. Крестьянин серо да збойливо*⁹⁴. Сказуемое в примерах этого типа В. И. Чернышев определяет не как прилагательное, а как наречие качественное, изменяемое по степеням сравнения, которое в данном случае не согласовано с подлежащим, но в сочетаниях иных типов может с ним согласоваться. Он обращает внимание на невозможность здесь связки прошедшего и будущего времени *был, будет*, т. е. на вневременной характер признака, обозначаемого сказуемым.

В. И. Чернышев полагает, что синтаксические сочетания в этих пословицах не естественны для обычного употребления, а сами пословицы в народе не употребляются. Их источник — старинные рукописные сборники, из которых эти пословицы перешли в печатные собрания пословиц Курганова, Княжевича, Снегирева, Даля и др. Еще в «Письмовнике» Николая Курганова, относящемся к XVIII в., подобное синтаксическое явление расценивалось как эллинизм; в данном случае Н. Г. Курганов, возможно, находился под влиянием славянской грамматики Мелетия Смотрицкого⁹⁵. «Решаюсь признать это указание вполне разъясняющим синтаксические формы приведенных мною пословиц», — пишет В. И. Чернышев⁹⁶.

⁹³ Шахматов А. А. Указ. соч., с. 140, 141.

⁹⁴ Чернышев В. И. О нарушении согласования в русском языке. — Памяти акад. Н. Я. Марра (1864—1934). М.—Л., 1938, с. 258—259.

⁹⁵ Совпадают даже примеры М. Смотрицкого и Н. Г. Курганова: *Друг верен утешно есть и полезно; любовь и добродетель и в неверных честно есть и похвально* (см.: Чернышев В. И. Указ. соч., с. 261).

⁹⁶ Там же, с. 261.

Это значит, что формы сказуемых в данных пословицах он считает нерусскими по своему происхождению. «Это, действительно, эллинизмы, заимствованные в путях воздействия на русский язык оборотов греческого языка. Примеры однородных синтаксических сочетаний, известных в памятниках древней письменности, приведенные у А. А. Потебни, дают достаточный материал для подтверждения нашего заключения о происхождении указанного типа из греческого языка»⁹⁷.

Возвратимся к старославянскому материалу и рассмотрим особенности примеров. Предложение Добро естъ солъ Марк IX, 50 и Лука XIV, 34 читается в Мар. и Зогр. с незначительными различиями, не затрагивающими существа данной конструкции: Добро ѡѡтъ солъ. Ышге же солъ не слава вѡдетъ. чимъ осолите Марк IX, 50 Мар. — о чемъ ѡ осолите Зогр.; Добро етъ солъ. ашге же солъ оѡѡтъ. о чемъ осолитъ ѡ Лука XIV, 34 Мар. — о чемъ оѡѡ осолитъ ѡ Зогр. Славянским предложениям в греческом соответствуют конструкции без связки: καλὸν τὸ ἄλας; καλὸν οὖν τὸ ἄλας.

Конструкции скрѡбно ѡѡтъ грѣхъ из Супр. 530, 23 в оригинале соответствует пример со связкой: κησιμῶδης ἔστιν ἡ ἁμαρτία.

Рассмотрим и другие примеры из старославянского, прежде всего формально подобные вышеприведенным, т. е. со сказуемым, совпадающим с формой среднего рода прилагательного. К разбиравшимся выше примерам с оугодно, скрѡбно, добро добавим пример с благо и еще один пример с добро.

Благо. Благо мѡнѣ законъ оуѡтъ тѡѡхъ паче тыѡжшги злѡга I εὐρεῖρα ἀγαθὸν μοι ὁ νόμος τοῦ στόματός σου Син. пс. СХVІІІ, 72.

Добро. Кроме упоминавшегося добро етъ солъ приведем пример из Слещенского апостола: Вѣмъ тѡко добро законъ καλὸς ὁ νόμος I Тим. 1, 8 (добро — Апост. Христ. и Шишат.).

Какова грамматическая природа форм на -о в приведенных примерах? Нет, конечно, оснований для того, чтобы

⁹⁷ Там же, с. 262.

считать эти формы субстантивированными прилагательными; трудно представить себе и пропуск инфинитива, допускаемый здесь Ф. И. Буслаевым. Не случайно обе эти попытки объяснить сущность форм на -о были отвергнуты некогда А. А. Потебней, который считал эти формы наречиями. Ср. также точку зрения Я. Лося, который считал, что в примере сугодно бкн кратостъ наблюдается наречное употребление имени прилагательного, обусловленное эллиптической связкой⁹⁸. Это мнение разделяют также Ч. Баргуля⁹⁹ и болгарская исследовательница Р. Златанова¹⁰⁰.

Представляется необходимым внести дальнейшее уточнение в истолкование грамматической природы рассматриваемых форм сказуемого. Следует обратить внимание на их близость к безлично-предикативным словам, т. е. к таким формам, которые функционируют в качестве главного члена безличных предложений. Известно, что в старославянском формы на -о, чаще всего в сопровождении связки, были обычным элементом безличных предложений, в том числе предложений с дательным лица (см. выше, с. 240). Как можно заметить, имеют место прямые совпадения лексем, употребляемых в рассматриваемых нами предложениях с именительным падежом и в безличных предложениях (ср. безличные предложения с предикативами добро, сугодно, благо). Сходны и общие семантические характеристики форм на -о в наших предложениях с именительным подлежащего и в безличных предложениях. Необычность и «неклассифицируемость» рассматриваемых славянских конструкций с именительным падежом и формой на -о, а также редкость конструкций этого рода в языке не могут быть основаниями для того, чтобы считать их некими грамматическими аномалиями. Условие правильного подхода к фактам — отказ от схемы, в рамках которой факты оказываются раз и навсегда расставленными по определенным местам. Бесспорно, что предикативы получили наибольшее распространение в безличных предло-

⁹⁸ *Lós J.* Gramatyka starosłowiańska. — Lwów—Warszawa—Kraków, 1922, s. 164.

⁹⁹ *Bartula Cz.* Składnia zdania pojedynczego w języku staro-cerkiewnosłowiańskim. Kraków, 1969, s. 43.

¹⁰⁰ *Златанова Р.* Адвербиални форми — компонент на съставно сказуемо в старобългарски. — Български език, 1972, XXII, 1—2, с. 51.

жениях, в том числе в безличных с инфинитивом и дательным лица; но наши данные позволяют констатировать, что в славянских языках существовали также предложения с именительным падежом подлежащего и сказуемым, весьма близким словам из разряда «категории состояния». Конструкции этого рода в дальнейшем были почти полностью поглощены, с одной стороны, структурами без подлежащего (т. е. безличными), с другой же стороны — структурами с подлежащим и согласуемым с ним адъективным сказуемым. Рассматриваемые конструкции типа *добро естъ соль*, *скрабно етъ грѣхъ*, так же как и бесподлежащие (безличные), могли включать дательный лица или подразумевали его.

Следовательно, совпадение форм *добро*, *оугодно*, *скрабно* с прилагательными среднего рода — явление чисто морфологическое, одна из форм существования предикативных наречий, а своеобразие предложений состоит не в нарушении обычного согласования, а в полном отсутствии согласования, вызванном неизменяемостью сказуемого. Исходя из этого мы считаем правомерным поставить в один ряд с предикативами, формально совпадающими с прилагательными среднего рода, встречающиеся в предложениях с именительным падежом предикативные наречия, имеющие суф. -ѣ. За счет привлечения структур с предикативами на -ѣ объем интересующего нас материала заметно расширяется.

ѡѥтѣ. *ѡѥтѣ* во *выста* има *его* *φανερὸν* γὰρ ἐγένετο τὸ ὄνομα αὐτοῦ *Марк VI, 14* *Зогр.*, *Мар.*, *Ассем.*, *Остр.*

Годѣ. *Късхвалъ* има *бѣ* моего... *і* *годѣ* вждетъ *боу* ἀρῆσει τῷ θεῷ *Син. пс. 84 b 13*; *естъ* ли *чи* *годѣ* *игоуменъ*. и *братриѣ* *ѣсѣ*. *откег*. *годѣ* *χὰ* ради *Син. евх. 92 а 18—19*; и *киѣкъ* *иж* (т. е. *клетѣ*) *взмалвнж*. *годѣ* *емоу* *выста* ἐθεραπεύθη ἐπ’ αὐτῷ *Супр. 204, 24* (в этом примере пропущено анафорическое местоимение женского рода в форме именительного падежа); *годѣ* *выс* *слоко* *се* ἤρεσεν *Супр. 540, 24*.

Доврѣ. *Доврѣ* *естъ* *гровъ* *тшытѣ* *καλῶς* ὁ τάφος *καινός*! *Клоц. 12 а 3* (в греческом бессвязочная конструкция, в славянском — связочная); *о* *бзѣ* *праката* *оучениа* *доврѣ*. *а* *блждѣ* *дѣачи* *срамнѣ* *тѣ* *περὶ* *θεοῦ* *δὲ* *γίματα* *καλῶς* *καὶ* *πορευεῖν* *αὐτοῦ* *Χил. л. 12*.

Трѣѣѣ. Пример из ев. от Луки XIV, 34 Добро естѣ сола. аште же сола боуѣатѣ. о чемъ осолитѣ ѣа ниже, в стихе 35, имеет следующее продолжение: ни къ земли. ни къ гнои трѣѣѣ естѣ. конѣ иѣипмѣтѣ иѣ Мар. (в Зогр. кѣнѣ иѣипаеѣтѣ ѣа) οὐτε εἰς γῆν οὐτε εἰς κοπρίαν εὐθετόν ἐστιν 'ни в землю, ни в навоз... не годно'. Форма трѣѣѣ имеет отношение к существительному сола, упомянутому в стихе 34; оно и является здесь подлежащим предиката трѣѣѣ. Ср. также употребление трѣѣѣ в Хиландарских листках: Трѣѣѣ естѣ трѣѣѣѣ дѣша II В б '21. В данном случае славянская конструкция оригинальна: в греч. *χρεία νηφαλίου ψυχῆς*.

Предикативы с суф. -ѣ, так же как и предикативы на -о, известны в безличных предложениях с инфинитивом (см. выше, примеры предложений с добрѣѣ и трѣѣѣѣ).

Среди приведенных выше славянских конструкций с предикативами и именительным падежом есть несколько бессвязочных: оугодно бѣи кротостѣ (греч. оригинал отсутствует), благо манѣ законѣ оустѣ тѣконѣ (в греч. без связки), добро законѣ (в греч. без связки), пракаѣ оучениѣ добрѣѣ (в греч. также без связки). Есть славянские примеры со связкой, соответствующие греческим бессвязочным: добро естѣ сола (2 раза); добрѣѣ естѣ гробѣ тѣшѣтѣ. Для одной из славянских конструкций — естѣ ли ти годѣ игоуменѣ — нет греческого оригинала. Совпадение связочного типа конструкций в славянском и греческом текстах наблюдается в двух примерах: скрабѣно ѣестѣ грѣѣѣѣ и ни къ земли. ни къ гнои трѣѣѣѣ естѣ. Кроме того славянским связочным конструкциям в трех случаях передается греческий глагол: годѣ вѣдетѣ боу; годѣ емоу быѣтѣ; годѣ быѣтѣ слоко ѣе. Появление связки здесь вызвано грамматическими причинами: необходимостью передать будущее и прошедшее время. В примере трѣѣѣѣ естѣ трѣѣѣѣѣ дѣша славянским именительным передается греческое дополнение в косвенном падеже, стоящее при бессвязочном предикативе. На этом относительно ограниченном материале прослеживается преобладание в славянском связочных построений. Бессвязочность представлена только в четырех случаях,

в трех из них она поддерживается греческим оригиналом (для четвертого примера нет греческого соответствия). В ряде случаев связка, сопровождающая предикатив, появляется в славянском, а в греческом отсутствует. Греческие конструкции с именительным подлежащего и безлично-предикативным словом, соответствующие славянским, наоборот, чаще бессвязочны. Данная структурная черта не связана с жанрово-стилистическими особенностями какого-либо одного произведения, но характерна для примеров, извлеченных из разных произведений: Евангелия, Апостола, Псалтыри, Атанасиевой гомилии, приписываемой в Клоцовом сборнике Иоанну Златоусту, произведениям Кирилла Иерусалимского (Хиланд. лист.).

Согласно А. Мейе, чистая номинальная фраза (так называет этот автор предложение с бессвязочным сказуемым) была обычной в индоевропейском в тех условиях, при которых возможный глагол со значением 'быть' имел форму 3-го лица наст. времени изъявительного наклонения, т. е. там, где не требуется специальных указаний на лицо, время и наклонение. Индоиранский и древнегреческий представляют чистую номинальную фразу как нормальную и свободно употребляемую конструкцию. Такое широкое употребление бессвязочной конструкции, характерное для древних индоевропейских языков, позднее в общем не удержалось. Причина в том, что очень часто аналогия с другими формами увлекала за собой на путь связочности и третье лицо настоящего времени изъявительного наклонения; поэтому формы третьего лица ед. ч. настоящего времени индикатива от глагола со значением 'быть' в готском, армянском и славянском ничуть не менее употребительны, чем формы других лиц, других времен и наклонений от этого глагола¹⁰¹. Как установил и показал на многочисленных примерах А. Мейе, тексты Евангелия на старославянском, готском, армянском, несмотря на стремление переводчиков к буквальному следованию оригиналу, имеют тенденцию употреблять глагол «*быть*» там, где греческий его не употребляет. При этом «армянский перевод исключает все чистые номинальные фразы греческого, находясь в этом отношении на том же уровне, что и,

¹⁰¹ Meillet A. La phrase nominale en indo-européen. — Mémoires de la Société de linguistique de Paris, t. XIV, fasc. 1. Paris, 1906—1908, p. 20—21.

например, современный сербский; старославянский исключает определенное число этих фраз, которые могут быть сохранены в готском переводе»¹⁰². В числе примеров А. Мейе называет и *Δὸ θεοῦ ἵεσθαι σολα καλὸν οὖν τὸ ἄλας* из Евангелия от Луки, XIV, 34. Интересно, что в готском, так же как и в греческом оригинале, здесь бессвязочная конструкция: *god salt*.

А. Мейе устанавливает определенные условия коммуникации, которые способствуют сохранению чистых «номинальных фраз» в неизменяемом виде. В этих условиях, согласно А. Мейе, бессвязочность наиболее широко и последовательно представлена еще в древних индоевропейских языках. Таковы высказывания, содержащие общие истины, обиходные разговорные формулы, отрицание, а затем предложения с модальными словами, выражающими оценку, возможность, необходимость¹⁰³. И хотя в этом обзоре типов высказываний, имеющих тенденцию к бессвязочному выражению сказуемого, отсутствуют предложения с именительным падежом подлежащего и предикативом как особый структурный тип, тем не менее многие их особенности мы узнаем в очерченной А. Мейе семантико-коммуникативной сфере, способствующей сохранению древней бессвязочности.

Э. Бенвенист обратил внимание на то, что номинальные, т. е. бессвязочные, предложения древнейшего индоевропейского типа, в отличие от связочных и вообще глагольных, обычно ограничиваются изречениями и поговорками, а предикат таких предложений выражает не частные ситуации, но непреходящие истины, не связанные ни с временем, ни с лицом, ни с обстоятельствами. «Его вводят в речь, чтобы воздействовать и убеждать, а не сообщать о факте»¹⁰⁴. В дальнейшем, как полагает Э. Бенвенист, функциональные различия между бессвязочным номинальным предложением и обычным глагольным, в том числе связочным, в большинстве случаев стерлись. Характеристика номинальных предложений древних индоевропейских языков со стороны их семантико-коммуникативных особенностей приложима и к рассматриваемому нами материалу. Среди примеров, приведенных Э. Бенвенистом,

¹⁰² Там же, с. 20.

¹⁰³ Там же, с. 15—20.

¹⁰⁴ Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М., 1974, с. 181.

есть предложения, близкие к нашему типу и по структуре: *triste lupus stabulis; varium et mutabile semper femina*¹⁰⁵. Они значат буквально: 'печально волк овчарням', 'непостоянно и изменчиво всегда женщина', т. е. содержат подлежащее и безличное наречное сказуемое.

В греческих бессвязочных предложениях, переводимых славянскими конструкциями типа *Добро есть солъ и под.*, мы встречаем тот же структурный и семантико-коммуникативный тип, что и в примерах, приведенных Э. Бенвенистом; если в славянских примерах появляется связка, то это идет вразрез с греческим оригиналом и объясняется аналогией со связочными славянскими конструкциями. В материале, который был предметом наблюдения (в том числе и в восточнославянском) заметно преобладание изречений, выражающих в сжатой форме какой-либо вывод житейской мудрости или нравоучение. Как пронизательно заметил В. И. Чернышев (см. выше) признак, обозначенный сказуемым, имеет здесь вневременной характер. Таким образом, тип сообщения в известной мере определяет его структуру, которая закрепляется в языке как особая модель двусоставного предложения.

Каковы истоки древнеболгарских конструкций с предикативными наречиями и именительным подлежащего? Всегда ли их появление вызвано стремлением передать синтаксис греческого оригинала или они были не чужды и для славянской разговорной речи? На этот вопрос затруднительно ответить однозначно. А. Мейе писал, что во многих случаях бывает трудно четко отделить общее индоевропейское наследие от результатов более позднего развития отдельных языков¹⁰⁶. То же можно сказать и о конструкциях с именительным падежом и предикативным наречием. Обилие таких конструкций в русском языке может, как будто бы, свидетельствовать в пользу того, что данная модель была искони не чуждой славянским языкам и представляет собой здесь прямое продолжение аналогичной древней индоевропейской. Не исключено, однако, и то, что в литературном языке она могла быть усилена и поддержана соответствующими образцами латыни и греческого.

¹⁰⁵ Бенвенист Э. Указ. соч., с. 181.

¹⁰⁶ Meillet A. La phrase nominale. . . , p. 26.

§ 4. Предложения, которые были предметом анализа в настоящей главе, включают подлежащее в форме именительного падежа и, следовательно, по формально-синтаксическим соображениям не могут быть отнесены к числу безличных. Однако все они близки к безличным по семантическим отношениям между их главными компонентами. Их подлежащее, обычно существительное со значением неодушевленного предмета, не является в строгом смысле носителем признака, выраженного сказуемым. Функция такого компонента принадлежит по существу форме косвенного падежа, образованной от существительного, обозначающего человека, или от личного местоимения.

Второй важный момент, безусловно, сближающий эти предложения с безличными — соотносительность их сказуемых с главным членом безличных предложений в лексико-семантическом плане.

Что касается грамматических связей между подлежащим и сказуемым, то предложения, близкие к безличным, в этом отношении оказались лишенными полного единства. В соответствии разным типам приведенных здесь предложений можно было бы установить определенные степени их приближения к безличности как таковой. В нашем описании типы предложений расположены в порядке нарастания формально-синтаксических особенностей, которые характерны для безличных построений. Тип *правымъ подобаетъ похвала* в отношении синтаксических связей между главными компонентами не отличается от структур «исходного» типа: сказуемое здесь согласовано с подлежащим. В предложении типа *бүгодно бѣи кротогѣ* наблюдается, наоборот, полное отсутствие согласования сказуемого с подлежащим ввиду неизменяемости их сказуемого; в этом отношении предложения данного типа наиболее близки к безличным.

Глава III

СТРАДАТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

§ 1. По структурным особенностям страдательные конструкции старославянского языка разделяются на д в у ч л е н н ы е, включающие сказуемое в страдательной

форме и подлежащее, и трехчленные, состоящие из страдательной формы сказуемого, подлежащего и косвенного субъекта (логического субъекта).

И в двучленных, и в трехчленных страдательных конструкциях в качестве сказуемого выступает либо возвратно-страдательный глагол, либо страдательное причастие, последнее преимущественно со связкой. Подлежащее, содержащееся и в двучленной, и в трехчленной страдательной конструкциях, выражено именительным падежом. Содержащаяся только в трехчленной страдательной конструкции форма косвенного субъекта (логического субъекта), обозначающего деятеля, имеет либо форму творительного беспредложного падежа, либо форму родительного с предлогом *отъ*, либо, реже, форму родительного с предлогом *оу*.

Некоторые примеры двучленных страдательных конструкций¹⁰⁷: *Издрыетъ сѧ грѣшногоуоумоу ѣма* Син. пс. 93, 13; *вѣстѣкъ садъ егоже не сѧди оца мои небесскъ искоренитъ сѧ* Мат XV, 13 Мар.; *благо оклѣчя зломъ соканиамъ отъдано закаляетъ сѧ* Супр. 437, 3; *не давѣ ли пятици на ссари кѣнимѣ есте* Мат. X, 29 Мар.; *акы агнаци погрѣдоу вѣкъ расхыштени выхомъ* Супр. 108, 9; *можаше бо си хризма продана быти* Марк XIV, 5 Мар.; *акы бѣвѣча на заколениѣ веденъ выстъ* Супр. 434, 24 (так же Супр. 437, 1 и 481, 6); *сѣвъсхыштени выхомъ іако бесловеснии животи* Супр. 108, 9; *да вѣтка аша...изведетъ сѧ къ жизнь вѣчанжж ψυχή... ἐλχούσθῃ* Рил. II, 212.

Некоторые примеры трехчленных страдательных конструкций¹⁰⁸: *прѣтраздаахъ сѧ отъ него жжа желѣзна и пжта сѣкроушаахъ сѧ* Марк V, 4 Мар., Зогр., Ник.; *аште что дивно отъ чловѣкъ сѣтворено быстъ* Супр. 475, 30; *данеса во гѣ наша ісѣ хъ прѣданъ выстъ къ ржки индѣиски(ѣ) оученикомъ своимъ* Клоц. За 35; *приде чѣкъ богатъ отъ арима-*

¹⁰⁷ Примеры двучленных страдательных конструкций с возвратно-страдательными глаголами см. также в книге: *Margulies A. Die Verba reflexiva in den slavischen Sprachen. Heidelberg, 1924.*

¹⁰⁸ Примеры трехчленных страдательных конструкций см. в работе: *Bräuer H. Der persönliche Agens beim Passiv im Altbulgarischen. Eine syntaktische Untersuchung. Wiesbaden, 1952.*

тѣмъ. іменемъ исифѣ. іже и оучи ѿ оу іса Мат. XXVII, 57
 Мар. (в Супр. при возвратно-страдательной форме этого
 глагола находим логический субъект в форме отъ + род.:
 і вѣлѣ оубо дѣнь и ношгѣ оучахъ ѿ отъ стѣаго коріона⁷², 5).

Создателями старославянских памятников письменности
 страдательные конструкции воспринимались как соотноси-
 тельные с действительными. При разнице в значениях
 действительной и страдательной конструкций трехчлен-
 ная страдательная конструкция и действительная, заклю-
 чающая подлежащее, личный глагол и прямое допол-
 нение в винительном падеже, могли взаимозаменяться.
 Например: и сѣгѣ каженици іже ѿ казиша отъ члѣкѣз
 εἰσὶν εὐνοῦχοι ὅτινες εὐνοουχίσθησαν ὑπὸ τῶν ἀνθρώπων Мат. XIX,
 12 Савв. — и сѣгѣ каженици іже и казиша члѣкѣци Мар.;
 іже іеже и старѣци не кѣдомо высѣгѣ τὰ τοῖς πρεσβυτέροις
 ἀγνωθέντα Супр. 325, 6 — и хъже не вѣдѣхъ старѣци Клоц.
 1 а, 2—3. Двучленная (т. е. не включающая форму логи-
 ческого субъекта) страдательная конструкция воспринималась
 как соотносительная с неопределенно-личной; некоторые
 примеры чередований той и другой мы уже приводили
 выше, в разделе о неопределенно-личных предложениях
 (см. стр. 236).

Семантические основания причастной и глагольно-
 возвратной страдательности первоначально были различ-
 ными. В основе семантики с т р а д а т е л ь н ы х п р и ч а с т и й*
 лежит представление о состоянии. При разви-
 тии в о з в р а т н ы х г л а г о л о в в сторону страда-
 тельности общее для них значение независимости действия
 от субъекта становится осложненным мыслью о внешнем
 воздействии; здесь полная пассивность предмета в пози-
 ции грамматического подлежащего совмещается с пред-
 ставлением о наличии участника ситуации, который мыс-
 лится в качестве реального производителя действия
 (иногда неопределенно). Затем эти два структурных типа
 страдательных конструкций семантически обобщаются
 до такой степени, что совместно противопоставляются дей-
 ствительному обороту; взаимозамены глагольной воз-
 вратно-страдательной и причастной страдательной кон-
 струкций часты в старославянском языке. Например:
 чѣтырѣми десѣты и шестигѣ лѣтѣ сѣздана бы цр҃кы си оіхо-

δομήθη ὁ ναὸς οὗτος Ио. II, 20 Мар., Зогр. — *εξάδα εα*
црѣкы си Ассем.; а *εἰςκε* *цѣткѣ* *изгнани* *бжджтѣ* *ἐκβληθή-*
σονται *Мат. VIII, 12* *Мар.* — *ижденжтѣ εа* *Савв.*; *εε* *οστὰκ-*
λѣтѣ *εа* *камѣ* *домѣ* *кашѣ* *поуѣтѣ* *ἀφίεται* *ὄμῖν* *ὁ* *οἶκος* *ὄμῶν*
ἔρημος *Мат. XXIII, 38* *Мар., Ассем., Остр.* — *εε* *οστὰκѣиѣнѣ*
бѣкаѣтѣ *камѣ* *домѣ* *кашѣ* *поуѣтѣ* *Супр. 485, 24*; *εε* *εστѣ*
тѣло *моѣ* *ломаштѣε* *εа* *за* *бѣ* *κλόμενον* *Син. евх. 46 В 10* —
ломимое *за* *многы* *Клоц. 7 В 19*, *платѣ* *моѣ* *за* *бѣ* *ломимаѣ*
Супр. 353, 8.

О прежнем различии в семантике глагольных и причастных страдательных конструкций напоминает первоначальное распределение относительно этих двух типов конструкций основных форм выражения логического субъекта. Родительному с предлогом *отъ*, сохраняющему следы семантики источника действия, оказывается предпочтение в конструкциях с возвратно-страдательным глаголом. Творительный, значение которого восходит к орудийному, избирается на роль логического субъекта преимущественно в причастных оборотах. Установлено, что в переводах Евангелия, в особенности в древнейших переводах — апракосах, а также в древних частях четвероевангелий при страдательных причастиях настоящего времени в функции логического субъекта употребляется только творительный падеж (13 случаев), а при возвратно-страдательных глаголах — почти исключительно родительный с предлогом *отъ* (14 случаев при одном случае творительного). Более близки по количеству случаев употребления две формы логического субъекта при страдательных причастиях прошедшего времени (13 случаев с творительным и 14 с предлогом *отъ* и родительным падежом). В более поздних текстах происходит некоторое изменение этих соотношений. В причастных конструкциях формы имени смешиваются (ср. разные способы выражения субъекта в оборотах с причастием настоящего времени от глагола *чисти*: *чѣтомѣ* *же* *ѣстѣ* *кѣнази* *Супр. 219, 29* — *чѣтомаѣго* *отъ* *нихѣ* *ѣтѣ* *Супр. 567, 4*), но в конструкциях с возвратно-страдательными глаголами по-прежнему почти исключительно наблюдается форма *отъ* + род. (31 случай употребления формы *отъ* + род. при четырех случаях творительного в *Супр.*)¹⁰⁹. Эти данные позволяют констати-

¹⁰⁹ *Bräuer H.* *Op. cit.*, S. 201.

ровать существование разницы в формах выражения логического субъекта: при возвратно-страдательных глаголах почти исключительно род. + отг, а при страдательных причастиях — преимущественно творительный падеж, иногда родительный с предлогом отг. Подобное соотношение форм деятеля в страдательных конструкциях разных типов идет, видимо, еще из общеславянского языка. Так, по свидетельству Е. А. Седельникова, в старейших древнерусских памятниках ни разу не отмечен творительный действующего лица при возвратно-страдательных глаголах с частицей *са*, но отмечается в этих условиях только родительный с предлогом отг¹¹⁰.

Форма *оу* + род. в функции логического субъекта страдательных конструкций представлена единичными случаями употребления. Взаимная ее мена с другими формами выражения логического субъекта указывает на то, что в данном случае перед нами не обстоятельство места, но уже специализированное средство выражения субъектных отношений. Ср.: *ашге се оуслышано вждетъ оу ѿтемона. мы оутюлимы-и. і бы бес печали сзтворимъ епї тоѡ ѿгемѡнос* Мат. XXVIII, 14 Мар., Зогр., Ассем., Савв., Остр. (в Ник. — *оуслышано вждетъ игемонома*); *тзгда исхождаше к нему ѡбразъ. и къ сѣ иудеа и къ сѣ страна иорданскаа и крыцаахъ са оу него къ иорданецѣи рѣкъ ѡп' аѡтоѡ.* Мат. III, 6 Деч. (в Ассем., Савв., Остр., Ник. — отг него)¹¹¹. Г. Бройер в своей работе о формах логического субъекта в старославянском языке обходит молчаливо форму *оу* + род. падеж. Однако не только старославянский материал, но и факты современных славянских языков и диалектов свидетельствуют о вероятности ее субъектного осмысления в древний период: вспомним широкое распространение этой формы в функции названия действующего лица в страдательных оборотах северно-русских говоров.

§ 2. Особенность лексического значения сказуемого и двучленных и трехчленных страдательных конструкций

¹¹⁰ Седельников Е. А. Беспредложные конструкции с творительным падежом в древнерусском литературном языке. — Вопросы изучения русского языка. Алма-Ата, 1955, с. 155.

¹¹¹ Ходова К. И. Синтаксис предлога *оу* с родительным падежом в старославянском языке. — Scando-Slavica, XII. Copenhagen, 1967, S. 108.

заключается в том, что оно обозначает преимущественно деятельность людей. Входящая в трехчленную страдательную конструкцию форма косвенного субъекта (логического субъекта), обозначающего деятеля, чаще всего образована от названия человека, т. е. от антропонима. Страдательные конструкции соотносятся чаще всего с действительными, субъектом-подлежащим которых является антропоним, а глагол-сказуемое обозначает действие человека. Ср. типичное соотношение действительной и страдательной конструкций: *моги... дагыт камз законз Ио. VII, 19 Мар. — законз могтома данз бытга Ио. I, 17 Зопр., Ассем., Остр., Ник.*

Подлежащее двучленной и трехчленной страдательной конструкции соотносится с прямым дополнением действительной конструкции, каковым чаще всего бывает неодушевленный предмет¹¹².

Таким образом, в страдательной конструкции наиболее распространенного типа при неличном по лексическому значению подлежащем находим сказуемое, обозначающее действие человека, и косвенный субъект (логический субъект) — антропоним, реально производящий это действие. На основании этих двух последних признаков чаще всего встречающуюся страдательную конструкцию можно считать личной (судя же по характеру именительного-подлежащего, она нелична).

Продолжая изложение вопроса о лексических особенностях компонентов страдательной конструкции, заметим, что в ряде случаев в качестве логического или косвенного субъекта, здесь все же выступает и предмет-неантропоним. Интересно проследить, какие же существительные-неантропонимы отбираются на роль логического субъекта страдательной конструкции.

Кроме существительных-антропонимов в качестве субъекта страдательных конструкций выступают названия живых существ — не-людей. Как мы уже писали в первой части настоящей книги, животные представляются способными к выполнению некоторых самостоятельных активных

¹¹² О преобладании в страдательных конструкциях подлежащих — неантропонимов, соответствующих прямому дополнению активных структур, см.: *Абрамов Б. А. О понятии семантической избирательности слов. — Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969, с. 15.*

действий. Поэтому и в страдательных конструкциях можно встретить в роли логического субъекта название живого существа — не-человека. Например: *ашге юста оуморена скатага зварьми* Супр. 184, 1; *видашге висъры цркъъвънма отъ свинии попъраны* Супр. 134, 24; (*видашге*) *кинограда... отъ свинии прокоужденъ* Супр. 134, 27; *не дастъ... страшнънама пожаратю быти змѣма* Хил. л. I Ва 14.

Большой интерес представляет собой употребление в функции логического субъекта страдательной конструкции имен существительных, обозначающих природные стихии и вообще явления природы. В первой части книги мы уже обращали внимание на то, что многие явления природы выступают в языке как наделенные самостоятельной силой (согласно У. Л. Чейфу — внутренней энергией). Таковы *огна* (пламя), *свлакъ*, *мзнии*, *кѣтра*, *дждь*, *взна*. Самостоятельность существительных такого рода отражается в виде достаточно широко распространенных случаев их употребления в качестве логического субъекта страдательных конструкций. Например: *и абие кѣсз отъ огна женомъ изиде* Супр. 520, 7; (*видѣхъ...*) *зѣмаж дгнемъ оупепеленъ* Супр. 128, 20; *ибулиани же видашги своѣго брата дгнемъ дпамѣма* Супр. 13, 6; *аки огнемъ паки гоними* Супр. 39, 21; *своимъ жегоми дгнемъ* Супр. 435, 12; *пожеженъ огнемъ и раскопанъ* Син. пс. LXXIX, 17; *плѣкамъ лдгкамъ ешттамъ. будовъ кѣтромъ дгтносатъ са* Супр. 127, 25; *трасги ли кѣтромъ колѣблемы каламон ѡпо ѡнѣμου салѣоѣмон* Мат. XI, 7 Мар., Зогр., Ассем., Остр.; *трасги ли кѣтромъ движемъ каламон ѡпо ѡнѣμου салѣоѣмон* Лука VII, 24 Мар., Зогр.; *аки джоу отъ кѣтра зывѣшгоу са* Супр. 228, 12; *кѣтромъ атъ* Супр. 539, 3; *дбошге зывѣмо отъ многа кѣтра* Супр. 570, 10; *сноканнѣ крѣпо отъ кѣтра незывѣѣмо* Супр. 570, 25; *и ти (корабли. — К. Х.) зѣло кѣтры и клднами мчими* Супр. 151, 13; *тржсз кели бысгъ къ мори. фко покрывати са коравлю клднами то плоѡн калѡптѣоѡи ѡпо тѡв хумѡтѡв* Мат. VIII, 24 Зогр., Мар.; *призари на рѣба твоего сего... оскрѣблена болѣзничъ нескѣтлѡж. ѡскѣнена мракѡмъ темнннма* Син. евх. 32 б 6.

Существительные, обозначающие части тела человека, виды оружия и орудий, в страдательных конструкциях

совмещают в себе субъектную и орудийную функции. Например: несозданы. отъ созданиѣ своего. ржкож дрзжимъ выкинетъ(а) Син. евх. 2 а 16; дрѣко жикотъное пламеннымъ дрзжимъ хранимо ѣстѣ Супр. 247, 21; прободенаго на крѣтѣ копиемъ Син. евх. 50 в. Видимо, как раз для того, чтобы избавиться от двойственности значения творительного в конструкциях с названиями орудий, орудий, греческий пассив может передаваться на славянском активной конструкцией, в которой форма творительного имеет бесспорное орудийное значение: паки мжчикъше і ногътами пѣлѣи βασανισθένται αὐτῷ ὄνοϊν Супр. 140, 11¹¹³. Полу-субъектная-полуорудийная (а иногда и полностью орудийная) роль характерна в страдательных конструкциях для существительных со значением вещества, материала, например: ѣгда младеништѣ крѣкыж кнеленемъ багримъ бѣше Супр. 397, 15: и къ тѣхъ никахъ ѣдина бѣше отѣта слаоут'комъ (т. е. горохом) Супр. 40, 24; крѣтѣкож оболжени коженъ Хил. л. 2а.

В функции логического субъекта страдательных конструкций выступают неодушевленные существительные, обозначающие абстрактные понятия, главным образом из сферы состояний человека, душевных и физических, реже некоторые другие отвлеченные понятия. Это страхъ, оужасъ, печаль, скръзь, мжка, тжга, радостѣ лѣбы, забистѣ, рѣкание, похотѣ, тажестѣ, сьнъ, болѣзнь, неджгъ, зло, невѣрие, овѣштание, ищѣление. Субъектное употребление многих из этих существительных в составе страдательных конструкций отличается однообразием окружений: форма сказуемого страдательной конструкции, в которых они встречаются, чаще всего образуется от глаголов обзѣати, одрзжати, сдрзжати. Например: вѣрнии вѣчислѣнож радостниж обзѣати Супр. 541, 7; жидоке же забистниж и рѣканиемъ обзѣати Супр. 480, 29; одрзжимоу печальми... и многими тжгами обзѣатоу Супр. 492, 10; розличными одрзжимии страстѣми Супр. 556, 17; а друугыи оужасомъ дрзжимъ бѣ Супр. 466, 14; оужастниж сы одрзжимъ Супр. 424, 16;

¹¹³ Пример из книги Г. Бройера, стр. 166.

страхомъ келиема одржжими вѣахж φόβω μεγάλω συνείχοντο Лука VIII, 37 Мар., Зопр., Ассем., Савв., Остр.: из мѣвѣкѣж паче же страхомъ сздржкѣмъ Супр. 54, 17; отъвѣ-гоште страхомъ одржжими Супр. 478, 12; страхомъ обзытѣ вѣ Супр. 474, 3; ꙗцѣмъ же неджгомъ одржжимъ выкааше хатѣихето νοσήματα Ио. V, 4 Мар., Остр.; тѣшга же симо-нова вѣ одржжима огнемъ кельема συνεχομένη πυρσῶ μεγάλῳ Лука IV, 38 Зопр., Мар.; кѣси же εἰρηγῆσθητι εἰνομъ сздржжими вѣахж Супр. 78, 1; нѣкто исаакии именема тѣ-жестѣж пѣтѣмѣикааго вѣса келми сздржжимъ Супр. 276, 11; држжимъ сы похотѣж вѣада Супр. 335, 20. Такое употре-бление наполовину субъектно, наполовину орудийно («ма-териально»): абстрактное понятие представляется в виде некоего материального тела или вещества, которым обни-мается, окружается предмет, обозначенный формой имени-тельного падежа. Итак, названия неживых предметов (не считая явлений природы), выстуая в составе страдатель-ных конструкций в форме творительного, несут полусубъ-ектную-полуорудийную функцию.

Форма отъ + род. от неодушевленных существительных в страдательных конструкциях отмечается очень редко. Ср.: а крѣтѣ отъ него (отъ источника) напатаемъ вѣаше ὅπ' αὐτῆς ἐποτίζετο Супр. 353, 30.

§ 3. Характерная особенность страдательной кон-струкции, соотносящейся с исходной личной, состоит в том, что категория лица, присущая структурно-грамма-тической основе исходной конструкции, здесь сохраняется, но выражается лишь формами косвенного (логического) субъекта, т. е. вне предиката. Предикат, согласованный в наибольшем количестве случаев с подлежащим-неантро-понимом, являющимся реальным объектом действия, вы-зывает, наоборот, представление о неличном предложении, так как он употребляется в этих случаях только в 3 лице ед. и множ. числа (ср. русск. *Школа строится. . . Школы строятся. . .*). В результате этого в страдательной трех-членной конструкции возникает противоречие между вы-раженностью лица (в логическом субъекте) и невыражен-ностью его (в предикате).

Что касается грамматического числа, то оно также преимущественно сохраняется в логическом субъекте, по-

сколькx в подавляющем большинстве случаев соотносящийся с ним компонент исходной структуры (подлежащее), изменяется по числам (*Мной. . ., нами. . ., строится школа*).

§ 4. Страдательные конструкции старославянского языка рассмотрены здесь со стороны формальных и структурных особенностей, общего синтаксического значения, лексических значений сказуемого, подлежащего, и по отношению к трехчленным логического субъекта, а также со стороны грамматических (категориальных) особенностей. Будучи соотносительны преимущественно с исходными (действительными) личными предложениями, страдательные конструкции сохраняют в форме своего реального (логического) субъекта лексическую семантику «человеческого существа»; среди употребляемых в этой функции существительных — не лиц выделяются персонифицированные явления природы, названия живых существ — не-людей; прочие неодушевленные существительные выступают в полусубъектной-полуорудийной функции. В сказуемом преобладающего большинства страдательных конструкций сохраняется семантика глагола, обозначающего действие человека. Однако подлежащее обозначает чаще всего неодушевленный предмет. Категория лица, сохраняясь в сфере логического субъекта, не находит отклика в сказуемом, поскольку оно согласовано с таким неличным подлежащим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе предложен и показан в действии способ описания языка, базирующийся на идее неразрывной связи его разных уровней или аспектов. Связующим моментом является семантика главных компонентов предложения, отражающая особенности обозначаемой в предложении ситуации. Поэтому при описании языка отводится большое место изучению специфики реализованных в предложении слов, их семантической классификации и категоризации, изучению ограничений в их сочетаемости. Деление лексического запаса на разряды приобретает важный внутриязыковой смысл, так как лексикология непосредственно соприкасается с грамматикой и синтаксисом и влияет на них. Так, лексическая семантика подлежащего определяет и парадигматические возможности структурной основы предложения, и характер глагольного управления, и типы соотносительных с исходными производных структур.

В результате рассмотрения простого глагольного предложения со стороны лексико-семантической сочетаемости подлежащего и сказуемого, грамматических противопоставлений структурной основы, цепей приглагольных дополнений, производных конструкций, соотносящихся с исходными, выявилась общая закономерность содержательного плана, заключающаяся в очевидном особом интересе и внимании носителей языка и его создателей к человеку и человеческой деятельности. Предложения, подлежащим которых является существительное (или местоимение-существительное), обозначающее человека, а сказуемым — глагол, обозначающий его действия, наиболее разнообразны со стороны лексической сочетаемости имениподлежащего и глагола-сказуемого. Для существительных, обозначающих людей, оказалась присущей способность входить в сочетания не только с субъектными, но и с объектными глаголами активного действия, и сочетаемость этого последнего вида для них наиболее характерна. Имена, обозначающие другие живые существа, в сочетания с объектными глаголами активного действия вступают значительно реже, причем такие глаголы связываются с ограниченным кругом действий. Имена, обозначающие

неживые предметы, сочетаются с безобъектными глаголами, за исключением некоторых особых случаев. Явление управления в первую очередь относится к глаголам, обозначающим деятельность человека, сочетающимся с подлежащими-существительными, обозначающими человека. При глаголах, связывающихся с субъектом-человеком, наблюдаются многоместные падежные ряды или цепи, в отдельных звеньях которых можно проследить вертикальные противопоставления падежей с предлогами или без предлогов, а также случаи свободной взаимозамены падежных форм имени существительного. «Личные» предложения в целом имеют наибольшую парадигматическую глубину и многомерность. Производные конструкции, соотносительные с простыми глагольными предложениями «исходного» типа, чаще всего двусоставны, а в качестве их косвенного субъекта выступает имя существительное, обозначающее человека.

На фоне «личных» предложений, т. е. предложений с подлежащим, образованным от существительного-антропона, особенно очевиден ущербный характер «неличных» предложений: однообразие сочетаний их именподлежащих с глаголами-сказуемыми, слабая выраженность рядов приглагольных дополнений, неразвитость парадигматических противопоставлений структурной основы предложения. «Производные» конструкции предложения, соотносящиеся с исходными неличными, представлены редкими типами (а в исследуемом тексте к тому же мало употребительны).

Сложная сеть связей пронизывает уровни собственно грамматический (т. е. уровень парадигматических возможностей словоформ) и синтаксический; истоки этих связей лежат в области лексико-семантических особенностей предложения, отражающих его информативную специфику. Подразделения по тем или иным принципам, присущие какому-либо одному уровню, не находят абсолютных совпадений в другом уровне: обычно имеются зоны пограничных фактов. Так, интересно было наблюдать, что некоторые существительные неодушевленные при определенных ситуациях ведут себя подобно именам-антропонимам.

В работах по старославянскому языку наблюдения над частными особенностями функционирования какой-либо формы или слова нередко представляются если

не единственной, то основной задачей. Нет никакого сомнения в том, что исследования по частным вопросам имеют большую ценность. Они необходимы как этап, предшествующий обобщающим работам. В то же время уже имеется возможность такого подхода к языку, при котором факты не просто отыскиваются и фиксируются, но объединяются с другими фактами, включаются в определенную лингвистическую теорию. При наблюдении над взаимодействием разных аспектов структуры языка с особенной яркостью обнаруживается его живое функционирование и выявляются многие скрытые соотношения. Определенные факты, считавшиеся ранее несущественными, предстают как объекты первостепенной важности, а представление о языке обогащается и углубляется.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

- Ассем. — *Evangeliarum Assemani. Codex Vaticanus 3. slavicus glagoliticus. Tomus II, Edidit Josef Kurz. Pragae, 1955.*
- Енин. ап. — *Мирчев К., Кодов Хр. Енински апостол. Старобългарски паметник от XI век. София, 1965.*
- Зогр. — *Jagić V. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879 (Graz, 1954).*
- Киев. мисс. — *Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente, von D-r V. Jagić. Wien, 1890.*
- Клоц. — *Dostál Antonín. Clozianus. Staroslověnský hlaholský sborník tridentský a innsbrucký. Praha, 1959.*
- Л. Унд. — *Карский Е. Ф. Листки Ундольского. СПб., 1904.*
- Мар. — *Ягич И. В. Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883 (Graz, 1960).*
- Остр. — *Востоков А. Остромирово евангелие. СПб., 1843.*
- Рил. — *Гошев И. Рилски глаголически листове. София, 1956.*
- Савв. — *Щепкин В. Н. Саввина книга. СПб., 1903 (Graz, 1959).*
- Син. ех. — *Euchologium Sinaiticum, starocerkvenoslovanski glagolski spomenik. Jzdajo priredil d-r Rajko Nachtigal, II. Del. Ljubljana, 1942.*
- Син. пс. — *Северьянов С. Синайская псалтырь. Пг., 1922 (Graz, 1954).*
- Супр. — *Северьянов С. Супрасльская рукопись. СПб., 1904 (Graz, 1956).*
- Хиланд. л. — *Кульбакн С. М. Хиландарские листки. СПб., 1900.*

СЛОВАРИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

- ¹ Meyer Karl H. Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis. Glückstadt und Hamburg, 1935.
- ² Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.
- ³ Sadnik L. und Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen texten. Heidelberg, 1955.
- ⁴ Slovník jazyka staroslověnského — Lexicon linguae palaeoslovenicae. Praha, 1958.
- ⁵ Stóński Stanisław. Index verborum do Euchologium Sinaiticum. Warszawa, 1934.
- ⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1893—1903.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

<p>Абрамов Б. А. 19, 82, 175, 176, 285
 Адмони В. Г. 196
 Александров Н. М. 196
 Алисова Т. Б. 199, 268
 Альтбауэр М. 98—99
 Апресян Ю. Д. 171
 Арутюнова Н. Д. 6, 7—8, 19, 23, 28, 154, 155—156, 156, 158, 167, 190, 235
 Бабкин А. М. 11
 Балли Ш. 67
 Бартуля Ч. 177, 258, 274
 Бауэр Я. 16, 176
 Бауэрова М. 47, 52, 176—177
 Бенвенист Э. 70, 71, 72, 73, 75, 80—81, 146, 194, 278—279
 Беседина-Невзорова В. П. 9, 135
 Благова Э. 148
 Бласс Ф. и Дебруннер А. 89—90, 147
 Блумфилд Л. 73
 Бондарко А. В. 158
 Борковский В. И. 221
 Бринкман Г. 173
 Бройер Г. 281, 283, 284, 287
 Булыгина Т. В. 114, 168
 Буслаев Ф. И. 271, 274
 Вайан А. 87, 95, 96, 97, 106, 130, 150, 179, 204, 234, 270
 Ван-Вейк Н. 135—136, 159, 251
 Вардуль И. Ф. 262
 Вейнрейх У. 115
 Вечерка Р. 147, 148, 177, 218, 219, 220, 220—221
 Виноградов В. В. 15—16, 61, 67, 76, 197, 235—236, 269
 Вондрак В. 93, 270
 Гавранек Б. 147, 208, 255, 257, 265
 Гак В. Г. 20, 21</p> | <p>Гебауэр Я. 106—107
 Георгиева В. Л. 203, 239
 Глинкина Л. А. 107, 159
 Греймас А. 20
 Гринберг Дж. 84
 Грунский Н. К. 123, 258
 Гухман М. М. 268
 Даль (В. И.) 272
 Дебруннер А. см. Бласс Ф. и Дебруннер А.
 Дегтярев В. И. 124, 125
 Деко Э. 264
 Дограмаджиева Е. 62
 Дюбуа Х. 71
 Есперсен О. 19—20, 74, 86, 91, 105, 119
 Зализняк А. А. 88, 97
 Звегинцев В. А. 155
 Златанова Р. 16, 239, 274
 Золотова Г. А. 12, 22—23, 103, 170, 194, 195, 199, 235
 Иванчев Св. 127, 128—129
 Ильинская И. С. см. Сидоров В. Н. и Ильинская И. С.
 Иорданская Л. Н. 171
 Истрина Е. С. 195—196, 223
 Карский Е. Ф. 221
 Карцевский С. 155
 Капнельсон С. Д. 76, 113—114
 Киселева Л. А. 76
 Классовский М. В. 196
 Княжевич (Д. М.) 272
 Кубрякова Е. С. 104
 Кульбакин С. М. 97
 Курганов Н. Г. 272</p> |
|---|---|

- Лайонз Дж. 67, 74, 85, 94, 95
 Леков И. 255—256, 264
 Лось Я. 274
- Майтинская К. Е. 74, 129—130
 Маргулиес А. 147, 147—148, 281
 Мартине А. 63, 152—153, 156
 Матезиус В. 66, 107, 137
 Мейе А. 75, 107, 146, 159, 163, 277—278, 279
 Мельничук О. С. 265—266
 Миклошич Ф. 270
 Михневич А. Е. 171
 Москальская О. И. 9—10, 191
 Мразек Р. 147, 170, 177, 179, 216, 222, 227, 228, 238, 239, 254
 Мурыгина З. М. 74
 Мухин А. М. 12
- Нильссон Т. 179
- Овсяннико-Куликовский Д. Н. 75
 Оравец Я. 170
- Панов М. В. 193
 Панфилов В. З. 83—84, 91
 Пацнерова Л. 228
 Пенкова П. 62
 Перро Ж. 67—68, 71, 74, 78
 Пешковский А. М. 66, 72, 75—76, 76, 156, 220
 Плевачева Г. 217—218
 Попова З. Д. 171, 220
 Потебня А. А. 7, 219, 270, 271, 273, 274
 Потье Б. 20
 Правдин А. Б. 176
- Распопов И. П. 193
 Ревзин И. И. 83
 Реформатский А. А. 91, 117
 Рословец Я. И. 197—198
 Ружичка Р. 192, 193—194, 200—201
- Седельников Е. А. 284
 Семенов Н. Н. 161
 Сидоров В. Н., Ильинская И. С. 196—197
 Симиони П. 272
 Скаличка В. 74, 81, 155
 Скупский Б. И. 258
 Смотрницкий М. 272
 Снегирев (И. М.) 272
 Соссюр Ф. де 153, 168
 Сьберг А. 177, 179, 183—184
 Сятковский С. И. 262, 263—264
- Теньер Л. 73, 74, 169, 170, 173
 Тимофеев К. А. 196
 Топоров В. Н. 176
 Турасова А. В. 70, 71, 76
- Фортунатов Ф. Ф. 197
 Фролова И. А. 133
- Хаузенблас К. 215, 220
 Ходова К. И. 47, 52, 157, 159, 167, 172, 174, 176, 177, 254, 284
- Чейф У. Л. 18—91, 29, 30, 55, 286
 Чернышев В. И. 272—273, 279
- Шапиро А. Б. 126
 Шахматов А. А. 271—272
 Шведова Н. Ю. 200
 Широкова Н. А. 62
- Юрченко В. С. 10
- Ян Я. 239
 Ярцева В. Н. 3, 101, 102
- Altbauer M. см. Альтбауэр М.
- Bartula Cz. см. Бартуля Ч.
 Blass F./Debrunner A. см. Бласс Ф. и Дебруннер А.
 Bauer J. см. Бауэр Я.
 Blahová E. см. Благова Э.
 Brinkmann H. см. Бринкман Г.
 Bräuer H. см. Бройер Г.
- Decaux E. см. Деко Э.
 Dubois J. см. Дюбуа Ж.
- Gebauer J. см. Гебауэр Я.
 Grünenthal O. 147, 179, 184
 Guiraud—Weber M. 12
- Hausenblas K. см. Хаузенблас К.
 Havránek V. см. Гавранек В.
 Helbig G. 175
 Horálek K. 179, 183
- Jagić V. 219
- Lampach S. 168—169
 Lyons J. см. Лайонз Дж.
 Łos J. см. Лось Я.
- Margulíés A. см. Маргулиес А.
 Meillet A. см. Мейе А.
 Miklosich F. см. Миклошич Ф.
 Moszyński L. 9
 Mrázek R. см. Мразек Р.
- Nilsson T. см. Нильсон Т.
- Pasnerová L. см. Пацнерова Л.
 Plevačová H. см. Плевачева Г.
 Perrot J. см. Перро Ж.
 Popela J. 196
- Rothe H. 239, 253
- Sjöberg A. см. Сьберг А.
- Tesnière L. см. Теньер Л.
- Vaillant A. см. Вайан А.
 Večerka R. см. Вечерка Р.
 Vondrák V. см. Вондрак В.
- Zlatanova R. см. Златанова Р.
 Zubatý J. 237—238, 264—265

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Введение	5
Часть I. ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СОЧЕТАЕМОСТИ ЛЕКСЕМ ИМЕНИ-ПОДЛЕЖАЩЕГО И ГЛАГОЛА-СКАЗУЕМОГО	18
Часть II. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СТРУКТУР- НОЙ ОСНОВЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ	65
Глава 1. Грамматические свойства субъекта и парадигма- тические возможности предложений	65
Глава 2. Грамматическое число глагола-сказуемого при подде- жащем-существительном собирательного значения	116
Глава 3. Именной компонент личных предложений: его необходимость в одних случаях и необязательность в других	126
Глава 4. О способе описания формального выражения грам- матических единиц. Выражение грамматического числа имен существительных в старославянском языке	152
Часть III. ДОПОЛНЕНИЯ И ЦЕПИ ДОПОЛНЕНИЙ	168
Часть IV. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ ТИПОВ	191
Глава 1. Предложения с безличным сказуемым без имени- тельного падежа подлежащего	193
А. Предложения с безличным сказуемым и косвенным субъ- ектом	202
1. Предложения с безличными (или безлично употреблен- ными) глаголами и субъектом, выраженным дательным падежом	202
2. Предложения с отрицательными глаголами суще- ствования, бытия и родительным падежом	214
3. Предложения с безличным сказуемым, включающим инфинитив, и субъектом — дательным падежом	221
4. Предложения с безличным сказуемым, включающим причастие	229
5. Предложения с безличным сказуемым, включающим предикатив	234

Б. Предложения с безличным сказуемым без косвенного субъекта (односоставные)	255
1. «Абсолютно безличные» предложения	255
2. Неопределенно-личные предложения	261
Глава 2. Конструкции, близкие к безличным	267
1. Предложения с именительным подлежащего и согласуемым глаголом, соотносительным с безличным	267
2. Предложения с именительным подлежащего и глаголом средне-пассивно-возвратного значения (демипассивные конструкции)	269
3. Предложения с именительным подлежащего и безлично-предикативным словом	270
Глава 3. Страдательные конструкции	280
Заключение	290
Принятые сокращения источников	292
Словари старославянского языка	293
Указатель имен	293

Капитолина Ивановна Ходова

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики Академии наук СССР

Редактор-издательства Т. М. Дривинг. Художник А. А. Столяров

Художественный редактор Т. П. Поленова.

Технический редактор Р. Г. Грузинова

Корректор В. А. Шварцер

ИБ № 18092

Сдано в набор 24.10.79. Подписано к печати 11.04.80. Формат

84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура обыкновенная.

Печать высокая. Усл. печ. л. 15,54. Уч.-изд. л. 15,9. Тираж 1800 экз.

Тип. зак. 909. Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени

Первая типография издательства «Наука» 199034, Ленинград, В-34,

9 линия, 12

2 p. 40 κ.